

ЕЛЕНА ЗУБКОВА

ИСТОРИЯ
СТАЛИНИЗМА

ПРИБАЛТИКА И КРЕМЛЬ

Российская академия наук
Институт российской истории

ЕЛЕНА ЗУБКОВА

ИСТОРИЯ
СТАЛИНИЗМА

ПРИБАЛТИКА И КРЕМЛЬ

1940—1953

Москва
2008

УДК 94(47+57) (035.3) "15/19"

ББК 63.3(2)

3-91

Редакционный совет серии:

Й. Баберовски (*Jörg Baberowski*), Л. Виола (*Lynn Viola*),
А. Грациози (*Andrea Graziosi*), А. А. Дроздов,
Э. Каррер Д' Анкосс (*Hélène Carrère D'Encausse*),
В. П. Лукин, С. В. Мироненко, Ю. С. Пивоваров,
А. Б. Рогинский, Р. Сервис (*Robert Service*),
Л. Самуэльсон (*Lennart Samuelson*), А. К. Сорокин,
Ш. Фитцпатрик (*Sheila Fitzpatrick*), О. В. Хлевнюк

Зубкова Е. Ю.

3-91 Прибалтика и Кремль. 1940–1953 / Е. Ю. Зубкова. — М. : Рос-
сийская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд Перво-
го Президента России Б. Н. Ельцина 2008. — 351 с. — (История
сталинизма).

ISBN 978-5-8243-0909-6

Эта книга о том, как Латвия, Литва и Эстония стали «Советской Прибалтикой» — о механизмах принятия решений по советизации балтийских республик и о людях, которые стояли за этими решениями. Когда у Сталина возник замысел проекта советизации Прибалтики? Как менялись методы инкорпорации Прибалтики в советскую систему? Как складывались отношения между Кремлем, представителями балтийских элит и населением? Ответы на эти и многие другие вопросы дают новые документы из федеральных архивов России, на кото-
рых основано это исследование.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

УДК 94(47+57) (035.3) "15/19"

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-8243-0909-6

© Зубкова Е. Ю., 2008

© Институт российской истории РАН,
2008

© Российская политическая энцикло-
педия, 2008

Введение

Прибалтика. Для человека, пережившего советскую историю как часть собственной жизни, слово это имеет особый смысл. «Советский Запад» — такое название закрепилось за Латвией, Эстонией и Литвой, когда они были частью СССР. Прибалтика — витрина советской жизни и одновременно один из самых «несоветских» регионов страны. Во всяком случае, нечто большее, чем просто география.

Прибалтикой в России издавна назывались земли, граничащие с Балтийским морем. Понятие это никогда не имело юридического статуса, а тем более государственного смысла. Как нет его в таких названиях, как Прикамье, Прибайкалье, Приазовье... Просто территория, примыкающая к какому-нибудь водному бассейну — реке или морю. Но в отличие от обычных топонимов Прибалтика — понятие не столько географическое, сколько историческое, более привычное в словосочетании «Советская Прибалтика». Собственно, другой Прибалтики и не было. Были и есть независимые Эстония, Латвия и Литва. А до этого — Эстляндская, Лифляндская и Курляндская губернии в составе Российской империи. Еще раньше прибалтийские земли принадлежали Швеции, Речи Посполитой, Ливонскому ордену. В Российской империи прибалтийские губернии имели общее название — Остзейский край, или остзейские губернии. Именно под таким названием земли, расположенные «от устья Наровы до Пруссии», вошли в Географическо-статистический словарь, изданный в 60–70-е годы XIX века¹. «Прибалтики» в этом словаре нет. Однако в русской публицистике и даже делопроизводстве конца XIX и начала XX века словосочетания «Прибалтийский край», «прибалтийские губернии» использовались уже довольно широко, отсюда они перекочевали и в советский лексикон, однако, с поправкой на реалии времени — «Прибалтийские страны» или «Прибалтика». Именно такое название для обозначения Латвии, Литвы и Эстонии, а также Финляндии встречается в советской дипломатической переписке и решениях Политбюро 1920–1930-х годов.

В 1940 году на карте Европы появились новые обозначения — Латвийская, Литовская и Эстонская ССР. Неофициально же по-прежнему употреблялись их исторические названия периода независимости, а для обозначения региона в целом — Прибалтика. Советские словари, подобно словарям Российской империи, о «Прибалтике» не

¹ Географическо-статистический словарь Российской империи. Т. 3. СПб., 1867. С. 725.

упоминали, но название это тем не менее вошло в языковой оборот и с тех пор живет в повседневной языковой практике. Кстати, на иностранных языки это слово не переводится, а английское «Baltic» или немецкое «Baltikum» по-русски будет звучать как «Балтия».

Что касается советского человека, то ему не было дела до лексических тонкостей: для него Прибалтика была не просто географическим названием, но словом-символом, смысл которого вряд ли понятен молодому современнику, вполне отдалившемуся от советской эпохи, чтобы научиться воспринимать ее как просто историю. Про «советский Запад» писали больше зарубежные журналисты. Для советских людей Прибалтика и была тем самым Западом — не «окном в Европу», через которое все равно ходу не было, а самой что ни на есть Европой. На улочках Риги и Таллина снимали фильмы про западную жизнь, отдохнуть на Рижском взморье считалось все равно что съездить за границу, а мягкий акцент, с которым говорили по-русски большинство прибалтов, воспринимался как нечто загадочно-чужое, а потому стильное. Наверное, именно поэтому роли иностранцев в советских фильмах чаще всего доставались латышским, литовским и эстонским актерам. Они же первыми примерили на себя сначала не совсем понятный и даже казавшийся неприличным титул секс-символа.

Впрочем, Прибалтика для советского человека сама по себе и была символом. Символ этот состоял из довольно странного ассоциативно-сувенирного ряда — начиная со знаменитого, по крайней мере в пределах Советского Союза, Рижского бальзама или ликера «Старый Таллин» и заканчивая пластинками с записями музыки Чюрлёниса и органного концерта из Рижского собора. Кстати, в России его называли на свой лад — Домским собором, хотя по всем правилам языка это полная чепуха: *Dom* в переводе с немецкого и значит «собор».

А еще были парфюмерия и шприцотреб. Советские дамы с удовольствием покупали рижские колготки, которые были, конечно, не столь изящны, как немецкие, зато носились не в пример дольше «тушинских». Духи от латвийской фирмы «Дзинтарс» с успехом заменяли мало кому знакомый французский парфюм, в ходу были эстонские трикотаж и керамика. И янтарь. Вряд ли какая-либо другая страна, за исключением той же Латвии, пережила столь яростное увлечение этим желтым камнем.

Были, конечно, вещи посерьезнее — те же радиоприемники, например. Желаящие услышать западные «голоса» гонялись по всей Москве за «Спидолой», переплачивая порой втридорога за дефицитный товар: почему-то именно эта модель лучше всего справлялась с «глушилками». Так что Прибалтика ассоциировалась еще со словом «свобода» — радиостанцией с таким названием и свободой вообще.

В отношении советского человека к Прибалтике, несомненно, присутствовал шкет, но чего не было, так это, пожалуй, тепла. Ме-

пало ощущение, что «нас там не любят». Да что там не любят: за глаза, а порой и открыто называют «оккупантами» и всячески демонстрируют, что русские в Прибалтике — чужие и, даст бог, временные. Такое отношение, конечно, обижало, вызывая ответную и столь же негативную реакцию. Подумать о причинах было как-то недосуг, да и казалось, что незачем. В конце концов каждый знал, что, во-первых, «они сами к нам попросились», а во-вторых, «мы их освободили». Ведь именно так писали во всех советских учебниках, а соответствующие памятные даты аккуратно отмечались в виде ежегодных праздников.

Поэтому когда в конце 1980-х прибалтийские республики первыми заявили, что не желают больше жить в составе СССР, для многих это стало настоящим шоком. Миф о «нерушимом Союзе» затрещал по всем швам, а вместе с ним и другие мифы. В том числе и миф о Прибалтике. Он оказался столь же советским и в этом смысле историческим, как и сам СССР. Миф о Прибалтике как «настоящей Европе» рухнул, едва для бывшего советского человека открылись границы и он шагнул в западный мир. А Прибалтика тем временем действительно стала заграницей, но это был просто свершившийся факт, и в самом слове «заграница» не осталось уже ничего от прежней сказки.

Вот и получается: Прибалтика — понятие из советской истории.

Советский период в истории стран Балтии, т. е. когда они были Советской Прибалтикой, насчитывает без малого пять десятилетий. Реалии этого времени являются предметом не столько научного, сколько политического дискурса: политические интересы влияют на выбор тем и ракурса исследований, определяют оценки и интерпретации, осуществляют селекцию «героев» и «антигероев». Советская история Прибалтики предстает как история бедствий и сопротивления балтийских народов, с одной стороны, и история подавления, насилия — с другой. Возможно, такое сознательное ограничение поля исследования вполне достаточно, чтобы ответить на политический вызов и удовлетворить эмоции, вполне понятные по большей части. Но для понимания того, что же реально происходило в Литве, Латвии и Эстонии в эти годы, как люди приспособивали свою жизнь к новой ситуации, как развивались и разрешались конфликты, как строились отношения между республиканской и центральной властью, — заданные рамки уже оказываются слишком тесными, а иногда и просто искажающими картину.

На советском ландшафте Прибалтика всегда выглядела довольно странным образованием. Строго говоря, объединение трех прибалтийских республик под одним названием не вполне справедливо. И этнические особенности, и культурные традиции, и экономика, и многое другое у латышей, литовцев и эстонцев различны. Литву вообще стали относить к балтийскому региону только в XX веке, после образования независимого литовского государства. Однако, несмот-

ря на все своеобразие и различия, Москва, т. е. центральная власть, воспринимала этот регион как единое целое и в соответствии с этим строила свою политику. Это отношение сформировалось еще в предвоенные годы, когда Латвия, Литва и Эстония были независимыми, и сохранилось после того, как они стали частью СССР.

С точки зрения кризиса и распада СССР, проблемы взаимоотношений Центра (Москвы) и балтийского региона (Литвы, Латвии, Эстонии) имеют самостоятельное и во многом особое значение. В отличие от других субъектов Союза ССР — Украины, Белоруссии, Закавказских и Среднеазиатских республик — Прибалтика была включена в состав союзного государства сравнительно поздно, когда основные принципы государственного устройства, в том числе и механизмы взаимоотношений центра и периферии, уже сложились. Вместе с тем балтийский регион обладал рядом особенностей, не позволяющих центральной власти механически распространить принципы управления, применяемые в «старых республиках», на Литву, Латвию и Эстонию. Даже имея опыт соединения разных по экономическому укладу и культурной традиции регионов в единое целое, Москва вынуждена была считаться со спецификой «балтийской проблемы», которая заключалась в следующем: 1) западной ориентации балтийского региона; 2) слабом влиянии коммунистической идеологии и компартий; 3) наличии сильных настроений в пользу обретения государственной независимости; 4) активной, в том числе вооруженной, оппозиции политике советизации.

Центральной проблемой этого периода является советизация прибалтийских республик — одна из наиболее «горячих» тем современной историографии. Оккупация, аннексия, советизация — любимая триада журналистов, пишущих на тему отношений между Москвой и странами Балтии. Правда, за частым употреблением этих понятий, а точнее, слов (все-таки понятие требует понимания) стоят не их конкретное содержание и смысл, а негативные коннотации, т. е. опять-таки эмоции. Поэтому чтобы разобраться в сути, надо для начала «остыть»: не случайно, наверное, первые попытки посмотреть на ситуацию 1940 г. и последующие события как на историческую проблему принадлежат третьей (почти нейтральной) стороне, в роли которой выступают западные историки. Герхард Зимон, например, предложил «инструментальный» подход к понятию «советизация», которая рассматривается им как совокупность инструментов, с помощью которых обеспечивалась инкорпорация аннексированных западных территорий в советскую систему².

² Simon G. Instrumente der Sowjetisierung in den annektierten westlichen Gebieten der Sowjetunion 1939–1950 // Lemberg H. (Hrsg.) Sowjetisches Modell und nationale Prägung. Kontinuität und Wandel in Ostmitteleuropa nach dem Zweiten Weltkrieg. Marburg/Lahn, 1991. S. 13.

В данной книге под советизацией понимается процесс, целью которого являлось «встраивание» региона в советскую систему, преобразование политических, социальных и экономических структур в соответствии с советской моделью. Для достижения этой цели использовались различные механизмы и инструменты, их содержание и способы применения со временем менялись, а периоды относительной либерализации сменялись очередным «закручиванием гаек».

«Балтийская политика» Кремля, т. е. политика, определяющая особенности взаимоотношений Центра и республик Прибалтики, в основных своих чертах сложились в 1940–1950-е годы. Именно тогда обозначились процессы и завязывались конфликты — политические, этнические, территориальные, которые несколько десятилетий спустя стали одной из составляющих распада СССР. Поэтому первые десять лет советской истории Прибалтики являются ключевыми для понимания всего комплекса событий, связанных с позднейшими отношениями между Кремлем и прибалтийскими республиками, вплоть до обретения ими государственной независимости.

Исследование балтийской проблемы, в том числе и в контексте советской истории, имеет свою традицию. Однако наиболее активный научный интерес к этой теме возник после распада СССР и образования независимых государств Балтии. Существуют исследования, рассматривающие балтийскую проблему в широком историческом контексте — на протяжении нескольких веков, в последнее столетие или в течение нескольких десятилетий³. Несколько лет главный интерес вызывали события в Прибалтике, относящиеся к периоду конца 1980-х — начала 1990-х годов⁴. Среди исследований, анализирующих историю отношений между Россией и странами Балтии, можно выделить работы, посвященные национальной политике Российской империи и СССР⁵.

³ Kirby D. *The Baltic World. 1772–1993: Europe's Northern Periphery in an Age of Change*. Longman, 1995; Hiden J. *The Baltic Nations and Europa. Estonia, Latvia and Lithuania in the 20 century*. London, 1994; Meissner B. (Hrsg.) *Die Baltischen Nationen: Estland, Lettland, Litauen*. Köln, 1990; Rauch G. *Geschichte der Baltischen Staaten*. München, 1977; Lieven A. *The Baltic revolution: Estonia, Latvia, Lithuania and the path to independence*. London, 1993; Schmidt A. *Geschichte des Baltikums: von den alten Göttern bis zur Gegenwart*. München, Zürich, 1992 и др.

⁴ Graw A. *Der Freieitskampf im Baltikum*. Erlangen, 1991; Fitzmaurice J. *The Baltic: A regional Future?* N.Y., 1992; *Das Ende des Sowjetkolonialismus: der Baltische Weg*. Hamburg, 1991 и др.

⁵ Kappeler A. *Russland als Vielvolkerreich. Entstehung — Geschichte — Zerfall*. München, 1993; Clemens W. *Baltic Independence and Russian Empire*. N.Y., 1991.

Изучение истории советизации балтийских стран тоже имеет свою традицию⁶. Целый комплекс исследований посвящен «проблеме 1940 года» — истории советской аннексии Литвы, Латвии и Эстонии⁷. История Эстонии в 1940–1945 гг. представлена в фундаментальном труде, подготовленном большим международным коллективом авторов⁸. Что касается послевоенного времени, то в данном случае можно отметить избирательность интереса историков и других авторов к отдельным проблемам этого периода. Наиболее разработанными и представленными большим количеством публикаций — не только исследовательских, но и документальных — оказались главным образом две темы: вооруженного сопротивления политике советизации (здесь преобладают литовские материалы) и массовых репрессий⁹.

Помимо работ, посвященных послевоенной истории Прибалтики в целом, существуют исследования, анализирующие процессы, про-

⁶ В этой связи можно назвать несколько публикаций: Misiunas R. J., Taagepera R. *The Baltic States. Years of Dependence. 1940–1991*. Berkeley и Los Angeles, 1993; Hellmann M. *Die historische Forschung über die baltischen Länder nach 1945 // Jahrbuch für Geschichte Mittel- und Ostdeutschland*. 38 (1989); Küng A. *A Dream of freedom: four decades of national survival versus Russian imperialism in Estonia, Latvia and Lithuania, 1940–1980*. Cardiff, 1981; Stromas A. *The Baltic States // The last empire: Nationality and the Soviet empire*. Stanford, 1986.

⁷ Crowe D. *The Baltic States and the Great Powers. Foreign Relations, 1938–1940*. San Francisco, Oxford, 1993; Dallin A. *The Baltic States between Nazi Germany and Soviet Russia // Vardys S., Misiunas R. (Ed.): The Baltic States in Peace and War*. London, 1978, S. 97–109; Hiden J., Lane T. (Ed) *The Baltic and the Outbreak of the Second World War*. Cambridge, 1992; Vizulis I. *The Molotov-Ribbentrop pact of 1939: the Baltic case*. N.Y., 1990; Волков С. В., Емельянов Ю. В. До и после секретных протоколов. М., 1990; Донгаров А. Г., Пескова Г. Н. СССР и страны Прибалтики (август 1939 — август 1940) // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 33–39; Мельников М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. М., 2003; Орлов А. С. СССР — Германия: август 1939 — июнь 1941. М., 1991; Он же. СССР и Прибалтика. 1939–1940 // Война и политика / Под ред. А. О. Чубарьяна. М., 1999. С. 192–206; Семиряга М. И. Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941. М., 1992 и др.

⁸ *Estonia 1940–1945. Reports of the Estonian International Commission for the Investigation of Crimes Against Humanity*. Tallinn, 2006.

⁹ См., например: Anušauskas A. (Ed.) *The Anti-Soviet Resistance in the Baltic States*. Vilnius, 1999; Remeikis T. *Opposition to Soviet Rule in Lithuania, 1945–1980*. Chicago, 1980; Silde A. *Resistance Movement in Latvia*. Stockholm, 1972; Taagepera R. *Soviet Documentation on the Estonian Pro-Independence Guerilla Movement, 1945–1952 // Journal of Baltic Studies*. X/2. Summer 1979. P. 91–106; Vardys S. *The Partisan Movement in Postwar Lithuania // Lithuania under Soviets: Portrait of a Nation, 1940–1965*. N.Y., 1965; Бугай Н. Ф. Операция «Весна»: выселение народов из Прибалтики // Л. Берия — И. Сталину. «Согласно Вашему указанию...» М., 1995.

исходившие после 1944 года в прибалтийских республиках¹⁰. Вместе с тем и для обобщающих, и для специальных работ характерна тенденция избирательности интереса к конкретным периодам и конкретным проблемам советской истории стран Балтии. Увлечение авторов репрессивной компонентой политики советизации оставляет без внимания многие другие стороны этого сложного процесса. Так, в тени исследовательского интереса остаются проблемы экономического развития Прибалтики в советский период. Единственным исключением на этом проблемном поле является основательная монография О. Мертельсмана, посвященная экономике Эстонии в 1940–1950-е годы¹¹. Экономическим и политическим проблемам осуществления политики коллективизации в Эстонии посвящена монография Д. Фееста¹².

Не смогли избежать селективного принципа и авторы самого фундаментального проекта последних лет — 15-томного издания, подготовленного Латвийской исторической комиссией¹³. 14-й том этого издания, содержащий наиболее интересные исследования участников проекта, вышел не только на латышском, но и на английском языке¹⁴. Немецкий историк Эдвард Мюле, проанализировавший содержание всех 15 томов, сделал любопытное наблюдение: всего было опубликовано 278 статей, из них 127 относятся к периоду Второй мировой войны и германской оккупации (при этом половина из них посвящена теме преследования евреев и холокоста). История советизации Латвии представлена в 117 материалах, из них 45 относятся к периоду 1940–1941 гг. и 59 — к послевоенному времени, с 1944 по 1959 гг. Среди этих публикаций лидирует тема депортаций и репрессий¹⁵.

¹⁰ Назовем только некоторые из этих работ: Parming T. (Ed.) *A Case Study of a Soviet Republic: the Estonian SSR*. Boulder, 1978; Vardys S. (Ed.) *Lithuania under Soviets: Portrait of a Nation, 1940–1965*. N.Y., 1965; Levits E. *Der Zweite Weltkrieg und sein Ende in Lettland* // *Nordost-Archiv*. 1996. H. 1; Paleskis J. *Litauen: Lehren des Jahres 1945 und der Nachkriegszeit auf dem Weg in das sich vereinigende Europa* // *Ibid.*; Voobus A. *The tragedy of the Estonian people. The mortal struggle of an outpost of European culture, the nation of Estonia*. Stockholm, 1984; Taagarpera R. *Estonia: Return to independence*. Boulder, San Francisco, Oxford, 1993.

¹¹ Mertelsmann O. *Der stalinistische Umbau in Estland. Von der Markt- zur Kommandowirtschaft*. Hamburg, 2006.

¹² Feest D. *Zwangskollektivierung im Baltikum*. Köln, Weimar, Wien, 2007.

¹³ *Latvijas Vēsturnieku komisijas raksti. Symposium of the Commission of the Historians of Latvia*. Riga. Vols. 1–15. 2000–2005.

¹⁴ Nollendorfs V., Oberländer E. (Ed.). *The Hidden and Forbidden History of Latvia under Soviet and Nazi Occupation 1940–1991. Selected Research of the Commission on the Historians of Latvia*. Vol. 14. Riga, 2005.

¹⁵ Mühle E. Rezension von: *The Hidden and Forbidden History of Latvia under Soviet and Nazi Occupation 1940–1991*. // <http://www.schepunkte.de/2006/03/10559.html>.

Обычно исследования, посвященные послевоенному развитию балтийских республик, так или иначе затрагивают проблему «влияния Москвы». Однако о конкретных механизмах осуществления этого влияния написано не так много, что объясняется, во-первых, недостаточным знакомством с материалами центральных архивов, а во-вторых, частым отсутствием прямой информации такого рода. Тем не менее документальный комплекс, представленный материалами центральных архивов России, позволяет воссоздать основные элементы сложного механизма обеспечения советского влияния в балтийском регионе.

Эта книга — не об истории советизации Прибалтики: она — об истории принятия решений по советизации Прибалтики, об истории политики Кремля по отношению к Латвии, Литве и Эстонии. Это история Прибалтики, но — из «московской перспективы». В центре исследования находятся механизмы принятия решений по «балтийскому вопросу», бюрократическая «рутина», поиск каналов и инструментов управления регионом. Как менялись методы и формы проведения политики советизации в Прибалтике, способы контроля за принятыми решениями? В какой мере эти решения учитывали настроения балтийского населения и корректировались последними? Как складывались отношения между Кремлем и представителями местных элит? Где заканчивалась «рука Москвы» и начиналась местная «самодеятельность»? Эти и другие вопросы определили главные подходы к проблеме советизации Прибалтики, представленные в книге.

В последние годы появилось много документальных публикаций по истории советизации Прибалтики¹⁶. Большинство из них посвящены истории советского вторжения в Латвию, Литву и Эстонию, т. е. периоду 1939–1940 гг. Среди документальных сборников, относящихся к послевоенному времени, преобладают публикации по истории репрессий в Прибалтике. Что касается «кухни» управления балтийскими республиками, когда они стали частью СССР, то этот материал до сих пор не опубликован — более того, он оказался рассредоточен по разным архивам и архивным фондам. Источниковая база исследования основывается главным образом на этих архивных документах.

¹⁶ Год кризиса. 1938–1939. Т. II. Документы и материалы. М., 1990; СССР — Германия. 1939–1941. Документы и материалы о советско-германских отношениях. В 2-х т. Вильнюс, 1989; 1940 год в Эстонии. Документы и материалы. Таллинн, 1989; Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 — август 1940. М., 1990; Schauplatz Baltikum. Szenarium einer Okkupation und Angliederung. Dokumente 1939–1940. Rosenbusch M. (Hrsg.). Berlin, 1991; Policy of Occupation Powers in Latvia, 1939–1991. A Collection of Documents / State Archives of Latvia. Pelkaus E. (Ed.). Riga, 1999; СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Т. 1. СССР и Литовская республика (март 1939 — август 1940 гг.). Сборник документов. Vilnius, 2006 и др.

Для реконструкции «кухни» принятия решений по Прибалтике необходимо было ответить на вопросы: 1) какого рода информация о положении в республиках Балтии поступала в Москву, кто был источником этой информации; 2) какие подразделения и персоналии в ЦК ВКП(б)–КПСС и других центральных структурах занимались балтийскими проблемами; 3) какие решения в отношении Литвы, Латвии и Эстонии принимались центральным руководством (их мотивация, инициаторы, механизм контроля); 4) насколько эффективно работала управленческая «вертикаль» Москва — Вильнюс (Таллин, Рига) — местные органы власти.

Для ответа на эти и другие вопросы к исследованию был привлечен разнообразный круг архивных материалов.

Первую группу источников составляют материалы партийных структур — Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК ВКП(б)–КПСС, в которой наибольший интерес с точки зрения развития политики Центра по отношению к Прибалтике представляют следующие категории документов: 1) протоколы заседаний Политбюро, Оргбюро и Секретариата, на которых обсуждались вопросы балтийских республик (материалы к этим протоколам); 2) отчеты и информационные материалы председателей Бюро по Литве, Латвии и Эстонии; 3) отчеты первых секретарей компартий Литвы, Латвии, Эстонии; 4) докладные записки уполномоченных и инспекторов ЦК ВКП(б)–КПСС, выезжавших с проверкой положения дел в балтийском регионе; 5) протоколы заседаний Бюро ЦК ВКП(б) по Литве, Латвии и Эстонии; 6) информационные записки уполномоченных НКВД–НКГБ по Литве, Латвии и Эстонии; 7) сводки о политических настроениях населения балтийских республик.

Вторую группу официальных источников образуют материалы центральных ведомств, находящиеся в фондах Совета Народных Комиссаров (Совета Министров) СССР, Госплана СССР, Наркомата (Министерства) внутренних дел СССР, Наркомата (Министерства) финансов СССР, ЦСУ СССР. Среди материалов НКВД–МВД СССР особое место занимают документы Главного управления по борьбе с бандитизмом (ГУББ). Этот документальный комплекс в совокупности с другими источниками позволил восстановить историю повстанческого движения в Прибалтике.

Основной инстанцией, где принимались решения, были Оргбюро и Секретариат ЦК ВКП(б). На Политбюро, как правило, лишь утверждалась часть документов, принятых Оргбюро и Секретариатом. Выявить весь комплекс решений «по Прибалтике» не представляется возможным, поскольку некоторые документы до сих пор недоступны для исследования. Кроме этого, необходимо иметь в виду, что какие-то решения по советской традиции вообще не имели документального следа. Однако представление об интенсивности обращения центральной власти в лице высших партийных инстанций

к ситуации в Прибалтике может дать и открытая часть документального комплекса. Протоколы Оргбюро и Секретариата за период с 1944 по октябрь 1952 г. представляют следующую картину: всего за это время было принято 311 решений по Литве, 304 — по Латвии и 256 — по Эстонии.

По содержанию (темам) эти решения можно систематизировать по нескольким основным группам: 1) вопросы партийной жизни: проведение съездов компартий республик, партийных конференций республиканского, областного, городского уровня; работа партийных школ и курсов; вопросы приема в партию; финансирование партийных мероприятий, выделение средств на ремонт партийных зданий и др.; 2) конституции и гимны республик (утверждение текстов, внесение изменений); 3) выборы в Верховный Совет СССР (сроки проведения, организация пропагандистской кампании и т. п.); 4) административно-территориальное деление и границы; 5) экономические вопросы (работа промышленности, транспорта, сельского хозяйства, выполнение планов и т. д.); 6) колхозное строительство; 7) наука и культура; 8) кадровые вопросы (назначение и перемещение кадров); 9) проведение юбилейных и праздничных торжеств; другие вопросы.

Таким образом, различные стороны жизни балтийских республик находились под контролем центральных партийных органов. В данном случае республики Прибалтики не были исключением из сложившейся в СССР системы отношений между Центром и регионами. Вместе с тем необходимо отметить, что значительная часть решений, утвержденных впоследствии ЦК ВКП(б), разрабатывалась в республиках и была результатом местной инициативы.

Материалы официального характера дополняют источники личного происхождения — воспоминания, дневники, письма. Авторы этих документов занимали различные позиции: одни находились на руководящих постах, другие были просто обычными очевидцами и участниками событий. У каждого из них «своя история» и свой взгляд на историю Прибалтики. Однако без этих свидетельств, часто противоречащих друг другу, допускающих неточности и откровенные ошибки, свойственные человеческой памяти, истории нет и быть не может. В конце концов решения принимают люди. Поэтому эта книга не только о «механизмах», но и о людях, которые за ними стояли. Как и о тех, кто не принимал никаких «судьбоносных» решений — просто жил в то время и уже в силу этого оказался вовлеченным в Историю.

Замысел этой книги возник довольно давно, и в течение ряда лет работы над ней меня поддерживали разные люди, фонды и институты. Сначала — Институт «Открытое общество», благодаря стипендии которого я смогла осуществить первые архивные поиски. Финансовая поддержка ДААД (Германской академической службы об-

мена) и Германского исследовательского сообщества (Deutsche Forschungsgemeinschaft) позволила мне провести несколько месяцев в Германии — в университетах Тюбингена, Марбурга, Констанца — и ознакомиться с большим комплексом зарубежной литературы по истории стран Балтии. Благодаря стипендии Института Гердера (Herder Institut) в Марбурге я смогла поработать в библиотечных и архивных фондах этого уникального научного учреждения, занимающегося балтийской историей. Мои исследования в российских архивах в течение последних трех лет финансировал Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ), он также выделил средства для издания этой книги. Я благодарна всем помогавшим мне фондам за поддержку и доверие.

В Институте российской истории Российской академии наук, где от начала и до конца был осуществлен этот проект, я всегда чувствовала понимание дирекции и дружеское участие коллег. В первую очередь я хотела бы поблагодарить моих «ближних» коллег из Центра по изучению отечественной культуры — Александра Владимировича Голубева, Владимира Дмитриевича Есакова, Бориса Семеновича Илизарова, Тамару Юсуфовну Красовицкую, Владимира Александровича Неvejина, взявших на себя труд прочитать рукопись и сделать весьма полезные замечания. Моя особая благодарность Леониду Николаевичу Нежинскому и Геннадию Васильевичу Костырченко, которые не только осилили текст книги целиком, но и в известном смысле дали ей «путевку в жизнь».

Самое интересное в любом историческом исследовании — это новые документы. Благодаря квалифицированной помощи и доброжелательному отношению архивистов Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного архива Российской Федерации и Российского государственного архива новейшей истории мне удалось собрать разнообразный, а порой и просто уникальный материал, за что им огромное спасибо.

Эта книга была написана между Москвой и Тюбингеном. Так случилось, что именно в Тюбингене, в Институте восточноевропейской истории, были публично представлены первые результаты моего исследования, здесь же оно было завершено. Я благодарю Дитриха Байрау и всю замечательную «тюбингенскую команду» за участие в моей судьбе и судьбе этой книги. Всех нас связывают не только профессиональные, но и дружеские отношения.

У меня была также возможность обсудить материалы исследования на коллоквиумах в университетах Констанца, Марбурга и Гёттингена. Я очень признательная за это моим коллегам Бьянке Пьетров-Эннкер, Штефану Плаггенборгу и Манфреду Хильдермайеру. Во время моего пребывания в Институте Гердера в Марбурге неоценимую помощь и консультацию мне оказывали Ксаба Янос Кенеч и Петер Вёрстер. Моя благодарность коллегам из Тарту, экспертам по

истории Эстонии Олафу Мертельсманну и Тыну Таннбергу, которые помогли мне дельными советами и литературой.

В Российском государственном гуманитарном университете я вела курс по советской истории Прибалтики для учащихся магистратуры. Благодарю своих студентов и магистрантов за заинтересованное участие в диалоге, свежий взгляд и неформальность суждений.

Материалы, которые легли в основу книги, а также мои размышления были «озвучены» в передачах Радио «Свобода», где вместе с Владимиром Тольцем и Ольгой Эдельман мы вели программу «Документы прошлого». Этот опыт очень помог мне в работе над книгой.

В течение ряда лет я сотрудничаю с издательством «РОССПЭН». Поэтому когда рукопись была готова, вопрос, где ее издать, для меня, в общем, не стоял. Хочу поблагодарить издательство за готовность продолжить эту традицию. Успех книги во многом зависит от того, в какие редакционные руки попадет рукопись. В этом смысле мне очень повезло: работать с таким редактором, как Людмила Сергеевна Макарова, — это не просто удача, но настоящий подарок для автора.

И все-таки книга вряд ли когда-нибудь появилась, если бы все это время я не чувствовала поддержки самых близких мне людей, моей семьи. Мой муж, Александр Куприянов, кроме того, взял на себя труд первого редактора моей рукописи, а также провел всю техническую работу по ее оформлению. Только благодаря его настойчивости я наконец поставила точку в книге.

Глава I

ПОДДАННЫЕ И ПАРТНЕРЫ: КРАТКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

1.1. Прибалтика и Империя

В составе Советского Союза республики Прибалтики находились на особом положении. Этот особый статус — впрочем, нигде официально не зафиксированный, — объяснялся и географией западного пограничья, и фактором времени, т. е. более поздним, чем остальные советские республики, вхождением Литвы, Латвии и Эстонии в СССР, и достаточно сильными антирусскими и антисоветскими настроениями населения, которые заставляли центральную власть подбирать специальные «ключи» к этому потенциально взрывоопасному региону. Не последнюю, хотя и не всегда осознаваемую сторонами, роль в отношениях между Кремлем и Прибалтикой играла историческая традиция, особый и тогда вполне официальный статус прибалтийских губерний в составе Российской империи.

Еще в 1710 г. территория Эстляндии и Лифляндии, доставшаяся России в результате Северной войны, получила от Петра I особые привилегии как плату за полюдность российской власти. Привилегии эти касались, во-первых, прав немецкого рыцарства — гораздо более широких, нежели у российского дворянства даже в более поздние времена, и, во-вторых, лютеранской церкви, которой гарантировалось сохранение статус-кво на этой территории. После разделов Польши в течение 70-90-х годов XVIII века Остзейский край Российской империи пополнился Курляндией, а также Латгалией (польской Лифляндией). Население последней, в отличие от основных прибалтийских губерний, исповедовало католичество, а регион в целом проигрывал в уровне экономического развития, что в дальнейшем определило для него роль «задворок» сначала Лифляндии, а потом и Латвии.

Католиками были и литовцы, проживавшие на бывшей территории Польско-Литовского государства, отошедшей в результате разделов Польши России. Польское дворянство, в отличие от балтийских немцев, не пользовалось столь широкими привилегиями, хотя имперская власть стремилась найти компромисс с польской элитой и привлечь ее на свою сторону.

Представители титульных этносов — латыши, эстонцы и литовцы — принадлежали почти исключительно к податному сословию, прежде всего к крестьянству, и в силу своего положения привилегиями не пользовались, за исключением права исповедовать свою религию (лютеранство и католичество) и говорить на родном языке. Политика русификации прибалтийских и польских губерний началась позднее, в 1860-е годы, и особенно усилилась в царствование Александра III. Однако результаты этой политики были довольно скромными и не привели ни к засилью православия, ни к вытеснению титульных языков русским (последнее не произошло даже после официального запрета литовского языка наряду с украинским и белорусским в 1863 г.¹).

Сохранение позиций лютеранской церкви, заботящейся о просвещении паствы, способствовало быстрому росту уровня грамотности титульного населения: уже к 1800 г. латыши и эстонцы имели широкую сеть начальных школ на родном языке, а в конце XIX в. доля умеющих читать достигла среди эстонцев 94 %, а среди латышей 85 % — самые высокие показатели по Российской империи².

«Отличились» эстонские и латышские крестьяне и в плане обретения личных свобод, хотя в данном случае свободы эти явились не результатом собственных усилий, а были дарованы российской властью. Освобождение крестьян Остзейского края от крепостной зависимости произошло на четыре десятилетия раньше, чем в России, в 1816–1819 гг.: Александр I сделал тогда прибалтийские губернии своеобразным экспериментальным полем для своих реформаторских проектов. Литовские крестьяне получили свободу вместе со всеми — в 1861 г. (за исключением литовцев Сувалкской губернии, освобожденных от крепостной зависимости без земли еще в 1807 г.).

Отношение имперской власти к латышам и эстонцам, с одной стороны, и литовцам — с другой, во многом определялось ее отношениями с элитой прибалтийских и польских губерний: немецкими баронами и польской шляхтой. За первыми сохранялись права на автономию сословного представительства, подкрепленные соответствующими институтами самоуправления и особым режимом землевладения. Польское дворянство имперская власть стремилась полностью инкорпорировать в российское привилегированное сословие (в конечном счете более половины наследственных дворян в России составили поляки), а также активно привлекало его на государственную службу. При этом создавалась странная ситуация: несмотря на особый статус балтийских немцев, их положение долгое время не воспринималось властью как фактор, угрожающий целостности им-

¹ Каппелер А. Россия — многонациональная империя. Возникновение, история, распад. М., 1997. С. 189–190.

² Там же. С. 162, 229.

перни, и в целом власть полагалась на их лояльность. Что касается поляков, то присутствие представителей польского дворянства даже в непосредственном окружении государя не смогло преодолеть миф об их «злокозности», и миф этот порождал постоянное подозрение в намерении поляков отделиться от империи или по крайней мере посеять в ней смуту.

Опасения эти нельзя назвать совсем беспочвенными, что подтвердило польское восстание 1863 г. Немногочисленное литовское дворянство было в значительной степени «ополячено» — причем в смысле не только языка и традиций, но и приверженности ценностям патриотизма и государственной независимости. По наблюдениям историков, национальное движение у литовцев возникло раньше, чем у латышей и эстонцев, уже в начале XIX века (так называемая фаза национального пробуждения)³.

Вопрос о необходимости отмены привилегий балтийского дворянства в российской публицистике и в правительственных кругах поднимался неоднократно, однако по-настоящему за решение этой проблемы центральная власть взялась только в годы Первой мировой войны. Военный конфликт с Германией в российском обществе спровоцировал кампанию борьбы с «немецким засильем» (комиссия под таким названием существовала в Государственной Думе), частью этой кампании стало требование «решить остзейский вопрос», т. е. отменить особый статус прибалтийских губерний⁴. В Думу было внесено сразу несколько законопроектов (об ограничении прав крупных землевладельцев, о контроле за деятельностью лютеранской церкви, о земской реформе и др.), однако, как водится, результат оказался скромнее ожиданий. Самый решительный шаг в этом направлении — ликвидация привилегий собственников дворянских вотчин — позволил наконец приобретать землю в Прибалтийском крае представителям других сословий.

На более кардинальные меры правительство тогда так и не отважилось. Несмотря на выпады против «немецкого засилья» и опасения, что балтийские бароны могут составить своего рода «пятую колонну» в условиях войны с Германией, их лояльность в прошлом служила определенным гарантом на будущее. Противовесом влиянию баронов могли стать титульные элиты — латышская и эстонская. Тем более, что даже лидеры эстонских и латышских националистов безоговорочно встали тогда на сторону России, полагая, что в случае победы в войне Германии Прибалтика будет полностью онемечена⁵. Между тем центральная власть рассматривала местные эли-

³ Каштелер А. Указ. соч. С. 165.

⁴ Подробнее об этом см.: Андреева Н.С. «Остзейский вопрос» и Первая мировая война // Россия и Балтия. Эпоха перемен. 1914–1924. М., 2002. С. 26–47.

⁵ Карьяярв Т. Попытки реформ местного управления в Прибалтике в 1914–1916 гг. // Россия и Балтия. Эпоха перемен. 1914–1924. С. 49.

ты скорее как носителей сепаратистских тенденций, нежели как фактор стабильности. Поэтому, не доверяя вполне никому, она сделала ставку на третий фактор — административный, т. е. на саму себя, и пошла по пути усиления государственных институтов, обеспечивающих контрольные функции в регионе за Центром⁶. Эта традиция в дальнейшем будет прочитываться и в действиях коммунистической власти, проводящей политику советизации Прибалтики.

С оглядкой на «особый статус» прибалтийских губерний происходило и развитие национального движения в регионе: первоначально речь шла о режиме культурной автономии и местного самоуправления «под защитой русского орла», как сформулировал эту идею депутат Госдумы латыш Я. Голдманис⁷. Дрейф прибалтийской национальной элиты, которая одна могла непосредственно контактировать с центральной властью, от проекта автономии в составе Российской империи в сторону национального суверенитета происходил относительно медленно⁸ и, во всяком случае, отставал от темпов радикализации настроений эстонского и латышского общества.

Среди литовцев этот процесс осложнялся дополнительным фактором — отсутствием «своей», национальной, территории в рамках Российской империи. И для всех трех этносов главной проблемой на пути создания национальной государственности, когда идея эта вместе с кризисом империи из гипотетической становилась вполне реальной, было отсутствие исторического опыта такого рода государственности. Не случайно историкам, работавшим на национальную идею, пришлось срочно переписывать, точнее, «приписывать» себе историю Великого княжества Литовского или даже Ливонского ордена, занимаясь поиском исторических корней «суверенного» существования литовцев, латышей и эстонцев. При этом как-то забывалось, что право на суверенитет не нуждается в историческом обосновании.

1.2. Москва и страны Балтии: опыт общения в годы независимости

Большевики, обретя власть, заявили о своем разрыве с прошлым, с наследием Российской империи. Представления об империи как «тюрьме народов» позволили коммунистическим вождям довольно легко расстаться с «национальными окраинами», часть из которых, в том числе Литва, Латвия и Эстония в 1918 г., стали независимыми государствами. Огорчало только одно: новые государства не получи-

⁶ Об усилении административных начал и роли центрального правительства в Прибалтийском крае см.: Андреева Н. С. Указ. соч. С. 42; Карьяхярм Т. Указ. соч. С. 58.

⁷ Шалда В. Латышские беженцы в России и революция. 1915–1921 гг. // Россия и Балтия. Эпоха перемен. 1914–1924. С. 73.

⁸ Там же. С. 74.

дись маленькими копиями красной России, а выбрали свой путь суверенного существования. Впрочем, в пылу Гражданской войны, когда будущее большевистской власти было обозначено одним большим вопросом, о таких «мелочах» мало кто задумывался всерьез. Эти проблемы оставались на совести мировой революции, ради которой, собственно, все и затевалось. Поэтому в 1920 г. Советская Россия без особых проблем подписала мирные договоры с Эстонией (2 февраля), Литвой (12 июня) и Латвией (11 августа), руководствуясь принципами самоопределения народов. Это означало, что РСФСР признала независимость балтийских республик и отказалась «от всех суверенных прав Российской империи» на народ и территорию этих государств.

От этих договоров до аннексии Литвы, Латвии и Эстонии Советским Союзом в 1940 г. прошло два десятилетия, оглядываясь на которые, неизбежно встает вопрос: в какой момент у советского руководства возникла идея имперского реванша, идея «возвращения» прибалтийских территорий путем их советизации? Порой события 1940 года отбрасывают такую тень в прошлое, что невольно возникает ощущение «первородного» единства этой идеи с целями советской внешней политики. Авторы книги «История Латвии. XX век», например, уверены, что «в 20-е — начале 30-х годов только СССР мог реально угрожать и завоевать Балтию»⁹.

На самом деле все было не совсем так. Точнее, совсем не так.

В отношениях Советского Союза с западными соседями в течение 1920–1930-х годов наметилась «тенденция к перерастанию озабоченности своей безопасностью в требование ревизии своих западных границ» — полагают изучавшие этот вопрос по материалам «Особых папок» Политбюро О. Н. Кен и А. И. Руясков: «В советской пропаганде (в особенности на республиканском и местном уровне) перспектива осуществления этих планов приобретала черты коммунистического “освобождения” прилегающих к СССР территорий. Однако ни решения Политбюро, ни их интерпретация в свете имеющейся документации не позволяют считать, что в руководстве СССР существовало общее воззрение или план относительно продвижения к этой цели или что сама цель советизации соседних с Союзом государств постоянно присутствовала в умах деятелей Политбюро»¹⁰.

Безусловно, сознание большевистских вождей не было полностью свободно от имперского синдрома. Однако первоначально он скорее проявлял себя в отношении к балтийским странам как к «бывшим провинциям», «малым», а потому не вполне полноправным

⁹ История Латвии. XX век. Рига, 2005. С. 175.

¹⁰ Кен О. Н., Руясков А. И. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920-х — 1930-е гг.): Проблемы, документы, опыт комментария. Ч. 1. Декабрь 1928 — июнь 1934 г. СПб., 2000. С. 72.

партнерам в европейских делах. Подобное поведение выглядело довольно страшным, особенно если учесть, что к тому моменту Советская Россия уже не могла чувствовать себя на равных среди мировых держав, а тем более претендовать на некогда принадлежавший империи статус великой державы. С этим положением приходилось считаться и приспособливать собственные, еще плохо осознанные, имперские комплексы, точно так же как и очевидно провалившуюся идею революционного мессианства, к требованиям реальной политики. Как свидетельствуют документы Политбюро и советского внешнеполитического ведомства, после 1920 г. позицию Советской России на международной арене начинают определять требования Realpolitik¹¹.

Оптика реальной политики меняет представление о масштабах собственных возможностей, точно так же как и отношение к «малым» странам. Поэтому, с одной стороны, рассуждая о государствах Балтии, нарком К. Е. Ворошилов в 1925 г. называет их слегка пренебрежительно «каемочкой государств, окружающих нас», но, с другой стороны, большевистские стратеги признают: «...если бы эти маленькие государства пошли против нас, нет ни малейшего сомнения, что мы потерпели бы поражение»¹². Эти опасения имели мало общего с реальными намерениями Латвии, Эстонии или Литвы, однако нестабильность внутренней ситуации заставляла советских вождей особенно остро реагировать на любую возможность обострения военной угрозы, а соседей оценивать как потенциальных военных противников. Не случайно Западный фронт просуществовал еще почти пять лет после окончания военных действий и лишь в апреле 1925 г. был преобразован в военный округ. В качестве главного субъекта военной угрозы на западе до середины 1930-х годов в расчетах советского военного командования выступала Польша, а не балтийские страны, но Эстония и Латвия рассматривались советской стороной в качестве возможных польских союзников.

Поэтому в Москве очень настороженно наблюдали за развитием отношений между балтийскими странами и перспективами складывания Балтийского блока. В разное время существовало несколько проектов создания союза стран Балтии — Большого и Малого блока. Проект Большого блока предполагал вхождение в него Финляндии, Польши, Латвии и Эстонии. Малый балтийский блок мог быть осуществлен в двух вариантах: Польша, Латвия, Эстония либо Литва, Латвия, Эстония. Конфликт Польши и Литвы из-за города Вильно и Виленской области, занятой поляками в октябре 1920 г., делал невозможным сближение между этими двумя государствами, в том числе и в рамках многостороннего блока.

¹¹ См. об этом подробнее: Кен О. Н., Рунасов А. Н. Указ. соч. С. 69.

¹² Там же. С. 80, 82.

Формирование Балтийского союза, особенно с участием Польши, расценивалось Москвой как «непосредственная угроза безопасности СССР»¹³, поэтому первоначально усилия советских дипломатов были направлены на противодействие складыванию такого блока. В официальных документах иногда звучала мысль о необходимости «разложения» блока, хотя «разлагать» пока было нечего, поскольку Балтийский блок ни в большом, ни в малом формате по-настоящему так и не сложился. Единственным реальным шагом в этом направлении можно считать подписанный в ноябре 1923 г. договор о создании оборонного союза между Латвией и Эстонией. Продвинувшись дальше в вопросах создания системы общей безопасности странам Балтии не удалось ни в 1920-е, ни даже во второй половине 1930-х годов, когда угроза поглощения со стороны Германии или Советского Союза для них стала вполне ощутимой реальностью. Разногласия между Латвией, Литвой и Эстонией, а также явная недалекость балтийских политиков, помешали образованию Балтийского блока, или, как его стали со временем называть, Балтийской Антанты¹⁴. Формирование трехстороннего блока остановилось на уровне согласования внешнеполитической деятельности: 12 сентября 1934 г. Латвия, Литва и Эстония подписали договор, который предполагал внешнеполитическое сотрудничество и дипломатическую поддержку в международных вопросах¹⁵.

Отношение Москвы к Балтийской Антанте не оставалось неизменным. Установка на недопущение складывания любого блока между балтийскими странами в конце 1920-х годов конкретизировалась задачей противодействия «тройственному союзу» Литвы, Латвии и Эстонии. На коллегии НКВД в конце 1930 г. было решено поддерживать уже сложившиеся двусторонние соглашения между Литвой и Эстонией, а также Литвой и Латвией (имелись в виду торговые договоры), однако не допускать присоединения к такого рода соглашениям третьей стороны: «разъяснять литовцам опасность для них, таящуюся в Малом Балтийском союзе» и в то же время «удерживать» Ригу и Каунас от сближения с Таллином¹⁶.

Весной 1934 г. Кремль меняет свою позицию в балтийском вопросе, демонстрируя поддержку планам Литвы пойти на сближение с

¹³ Там же. С. 82.

¹⁴ Об истории Балтийской Антанты см.: Anderson E. The Baltic Entente 1914–1940 — Its Strength and Weakness // Hilden J., Loit A. The Baltic in International Relations between the Two Wars. Stockholm, 1988. P. 79–99; Feldmanis I. The Destiny of the Baltic Entente: 1934–1940. Riga, 1994; Lehti M. A Baltic League as a Construct of the new Europe. Envisioning a Baltic Region and Small State Sovereignty in the Aftermath of the First World War. Frankfurt, 1999.

¹⁵ История Латвии. XX век. С. 178.

¹⁶ Кен О.Н., Рупасов А.Н. Указ. соч. С. 93–94.

Латвией и Эстонией. Одной из главных причин этого поворота, как и в целом активизации политики Москвы в балтийском регионе, стало изменение соотношения сил в Европе в результате победы на выборах в Германии национал-социалистов. В январе 1934 г. было подписано соглашение между Германией и Польшей о неприменении силы в двусторонних отношениях. До заключения германо-польского соглашения СССР вел переговоры с Польшей о подписании совместной декларации по Прибалтике, в которой оба государства выступали бы гарантами независимости балтийских стран. В конце концов Польша советские предложения отклонила. Это заставило Советский Союз искать новый баланс сил в балтийском регионе и усиливать там свое влияние, покровительствуя проекту создания Балтийской Антанты, т. е. союза балтийских стран без Польши. Москва готова была взять на себя функции посредника в создании Балтийской Антанты: во всяком случае, НКВД выступил с инициативой пригласить в советскую столицу для переговоров одновременно министров иностранных дел Литвы, Латвии и Эстонии¹⁷. Реализации этих намерений помешали возникшие в результате государственных переворотов в Эстонии и Латвии правительственные кризисы, когда менялись главы внешнеполитических ведомств этих стран. Один из парадоксов ситуации 1940 г., если в политике вообще уместно говорить о парадоксах, будет заключаться в том, что именно намерения по созданию Балтийской Антанты, которые в 1934 г. поддерживал Советский Союз, спустя шесть лет послужат Москве мотивом для обвинений этих стран в антисоветских действиях и, соответственно, поводом для военного вторжения.

Однако в 1934 г. все складывалось по-другому и в отношениях между Советским Союзом и балтийскими странами наметились первые признаки сближения. В январе 1934 г. Политбюро приняло решение «О Прибалтике»¹⁸; в нем был предусмотрен целый комплекс шагов — от визитов лидеров стран Балтии в Москву до широкой программы культурного обмена и активизации экономических связей. Специальным пунктом оговаривались перспективы военного сотрудничества: для начала — визиты в Советский Союз латышских и литовских военачальников (эстонских военных из-за неясности политической обстановки в стране в связи с переворотом К. Пятса в Москву пока не приглашали). В конце концов состоялась только культурная часть этой программы: весной 1934 г. Советский Союз посетили литовские, латышские и эстонские журналисты, в Москве прошла выставка латвийского искусства, а в Тарту — советской графики. Главным итогом 1934 г. стало продление на 10 лет двусторон-

¹⁷ Кен О. Н., Рупасов А. И. Указ. соч. С. 430.

¹⁸ Решение Политбюро ЦК ВКП(б) «О Прибалтике». 17 января 1934 г. // Кен О. Н., Рупасов А. И. Указ. соч. С. 414–415.

них договоров о ненападении, которые были заключены двумя годами ранее с Латвией и Эстонией и в 1926 г. — с Литвой.

Между тем результаты активизации политики Москвы в балтийском вопросе не стоит переоценивать. В середине 1930-х годов определенно оформляется «балтийское направление» советской внешней политики, когда от довольно спонтанных контактов с отдельными странами региона Москва переходит к планомерному выстраиванию долгосрочных и многосторонних отношений. Однако «балтийское направление» по-прежнему не относится к числу приоритетных для советской дипломатии. Косвенным подтверждением этого факта служит порядок принятия решений Политбюро по разным вопросам отношений с Литвой, Латвией и Эстонией: как правило, они принимаются «опросом», т. е. без обсуждения на заседании Политбюро. По-видимому, советским руководителям так и не удалось преодолеть предубеждения относительно «малых» стран и они предпочитали иметь дело с «большими» партнерами. Поэтому интересы стран Балтии нередко приносились в жертву, едва появлялась возможность договориться за их счет с более влиятельными соседями.

Так случилось, например, при пролонгации договора о ненападении с Литвой в 1934 г., когда советская сторона отказалась от одной из главных позиций договоренностей 1926 г. — так называемой ноты Чичерина, гарантирующей Каунасу поддержку Москвы в решении «виленского вопроса». В тот момент Кремль вел аналогичные переговоры с Польшей о пролонгации двустороннего договора о ненападении (подписан 5 мая 1934 г.) и «пролитовская» позиция Москвы могла стать серьезным препятствием для достижения соглашения с Варшавой. По этой же причине Советский Союз медлил с принятием решения о поставке в Литву оружия, на чем настаивал Каунас¹⁹. В то же время усиление позиций Польши в восточноевропейских делах не входило в планы Москвы. Определенным противовесом польскому влиянию и гарантией интересов Литвы мог стать ее союз с Латвией и Эстонией — Балтийская Антанта, что также определило изменение отношения Советского Союза к перспективе создания этого блока²⁰.

Свои интересы в балтийском регионе Москва обеспечивала не только посредством официальной дипломатии. Не менее важную роль играли контакты, большей частью неформальные или полуофициальные, с некоторыми политическими и общественными деятелями стран Балтии. Часть из них получала финансовую и иную поддер-

¹⁹ Кен О. Н., Рупасов А. И. Указ. соч. С. 435, 451–452.

²⁰ О. Н. Кен и А. И. Рупасов полагают, что «очередное изменение позиции СССР в отношении образования Малого прибалтийского блока» было обусловлено «незаинтересованностью СССР в капитуляции Литвы перед Польшей» (Кен О. Н., Рупасов А. И. Указ. соч. С. 451).

жку с советской стороны, в том числе и будущие правители Литвы, Латвии и Эстонии — А. Сметона, К. Улманис и К. Пяте.

В 1999 г. эстонский историк Магнус Илмъярв в интервью газете «Ээсти пээвалехт» (Eesti Päevaleht) обнародовал данные российских архивов о тайном сотрудничестве балтийских руководителей с Советским Союзом²¹. Эта публикация немедленно стала сенсацией, вызвав серию других статей, разоблачающих лидеров Эстонии, Латвии и Литвы как «агентов» Кремля²², а в Эстонии по этому поводу разгорелся настоящий скандал²³. Общественное мнение в странах Балтии, к тому времени уже вполне освоившееся с представлением о своих довоенных президентах как национальных героях, которые в решающий момент просто оказались жертвами кремлевских интриг, весьма болезненно реагировало на информацию об их вполне добровольном сотрудничестве с Москвой.

Правда, масштабы и характер этого сотрудничества у лидеров Латвии, Литвы и Эстонии были разными. Известно, например, о финансовой поддержке Крестьянского союза Латвии и лидера этой партии Карлиса Улманиса. Будущий латвийский президент эту помощь принимал, однако, когда Москва предприняла попытку «привязать» его к себе более надежно, предложив в 1929 г. послать полпредом в СССР представителя Крестьянского союза, Улманис отказался²⁴.

В 1922–1923 гг. активизировались контакты Кремля с лидерами партии литовских националистов (Таутининкай) Антанасом Сметоной, Аугустинасом Волдемарасом и Винчасом Кресе-Милцкевичусом²⁵. Эти контакты начались еще до официального оформления Таутининкай как партии и в немалой степени способствовали укреплению политических позиций националистов в Литве. Советская сторона оказывала финансовую поддержку печатным изданиям партии, в том числе журналам «Tautos Vairas» (Шлем нации) и «Lietuvis»

²¹ В 2004 г. М. Илмъярв опубликовал монографию: Ilmjarv M. Silent Submission: Formation of Foreign Policy of Estonia, Latvia & Lithuania. Period from Mid-1920-s to Annexation in 1940. Stockholm, 2004.

²² См., например: Долгинский В. Герои балтийских стран были советскими агентами? // Независимая газета. 1999. 9 сентября; Макаркин А. Тайна Президента. Константин Пяте сотрудничал с Иосифом Сталиным // Семь дней. 2001. 13 января; и др.

²³ В конце 1999 г. в газете «Ээсти пээвалехт» был опубликован материал, подводящий итоги общественным дебатам по «делу Пяте»: Kivirikh A. Vanakuradi vanaastaga // Eesti Päevaleht. 1999. 31 декабря. Эта газетная публикация потом была переведена на немецкий язык и появилась в научном журнале «Osteuropa» — факт сам по себе примечательный. Перевод статьи см.: Plath U., Brüggemann K. Vom Tanz mit des Teufels Grossmutter. Die estnische Debatte um die Zusammenarbeit von Präsident Konstantin Päts mit der Sowjetunion // Osteuropa-Archiv. H. 9. 2000.

²⁴ Кен О. Н., Рупасов А. И. Указ. соч. С. 161–162.

²⁵ Ilmjarv M. Silent Submission... P. 62.

(Литовец). Всего в течение трех лет, с весны 1924 г. до путча 17 декабря 1926 г., на эти цели Москвой было выделено 2500 долларов²⁶. Сметона не остался в долгу. На страницах того же «Lietuvius» он писал в сентябре 1926 г.: «Москва непобедима в военном отношении. Поэтому мы не можем вступать ни в какой союз, который в будущем стал бы бороться против России»²⁷. Пассаж о «непобедимости» Советской России был, конечно, преувеличением, но в тот момент литовские националисты, уже набрасывавшие в уме планы переворота, нуждались в «сильной Москве» как гаранте от невмешательства Польши в грядущие литовские дела. Позиция по отношению к Польше, антипольские настроения стали той основой, где сошлись интересы Москвы и Сметоны. В Кремле постепенно сформировалось убеждение, что именно Сметона является тем человеком, на которого стоит делать ставку в Литве. Отношения между Москвой и лидерами литовских националистов были в тот момент настолько доверительными, что Сметона и Волдемарас обсуждали с московскими посланниками детали государственного переворота. Эти встречи были регулярными и продолжались несколько часов, единственным расхождением на переговорах был вопрос о социальной опоре переворота: русские, отдавая дань большевистским стереотипам, советовали «опираться на народные массы», тогда как Сметона и Волдемарас заверяли, что «достаточно будет армии»²⁸.

Идеология и фраза вообще, как видно, мало заботили инициаторов переворота, делавших ставку на реальную и подконтрольную себе силу. Однако, когда переворот стал свершившимся фактом, настало время подумать об его легитимации. И тогда Сметона и Волдемарас не придумали ничего лучшего, как объявить путч превентивным шагом, якобы предотвратившим коммунистический, большевистский переворот. Через год после переворота, в декабре 1927 г., Сметона сообщил: «Мы получили достоверную информацию, что большевики мобилизовали силы и готовили наступление на свободу»²⁹. Сразу после путча немногочисленная литовская компартия оказалась под арестом, четверо видных коммунистов были приговорены к смертной казни.

Обвинение компартии Литвы в подготовке заговора могло предстать в невыгодном свете московских покровителей переворота, поскольку коммунистические заговоры по определению рассматривались как «рука Москвы». Чтобы избежать нежелательной кон-

²⁶ Lopata R. Die Entstehung des autoritären Regimes in Litauen 1926. Voraussetzungen, Legitimierung, Konzeption // Oberländer E. (Hrsg.) Autoritäre Regime in Ostmittele- und Südosteuropa. 1919–1944. Paderborn, München, Wien, Zürich, 2001. S. 112.

²⁷ Ibid. S. 112.

²⁸ Ibid. S. 112–113.

²⁹ Ibid. S. 117–118.

фронтации с Кремлем, новые литовские лидеры — Сметона и Волдемарас — сочинили довольно странную историю о «коммунистическом путче», в роли инициатора которого выступала ... Польша. Эту весьма оригинальную версию сформулировал Волдемарас в одном из интервью западной прессе: «С одной стороны, в Литве не существует сколько-нибудь существенной угрозы со стороны коммунистов... и диктатура пролетариата — не более чем миф. С другой стороны, эта угроза очевидна, поскольку коммунисты подстрекаются Польшей, чтобы дать повод Пилсудскому для вмешательства в дела Литвы»³⁰.

В то же время, несмотря на жесткую конфронтационную линию по отношению к Польше нового руководства Литвы, пришедшего к власти в результате переворота, в западных кругах Сметона и Волдемарас рассматривались как фигуры, способные урегулировать конфликт между двумя странами, а также стабилизировать ситуацию внутри Литвы. Поэтому новый литовский режим признал не только Кремль, но и Запад — Великобритания, Франция, Италия³¹.

Наиболее тесные контакты с Советским Союзом были у эстонского лидера Константина Пятса. Влиятельный политик использовался Москвой для лоббирования советских интересов, прежде всего экономических, в эстонском правительстве и парламенте. Каналами привлечения представителей эстонского истеблишмента к сотрудничеству служили вполне легальные коммерческие структуры, а также совместные советско-эстонские предприятия и компании. Пятс был в числе главных организаторов одной из таких структур — Эстонско-советской Коммерческой палаты (1924). Позднее Пятс работал юрисконсультантом Нефтяного синдиката — советского торгового представительства в Эстонии, а также числился среди акционеров Таллинской судоходной компании. Обе организации являлись лидерами на «профильном» рынке Эстонии. Пятс находился в постоянном контакте с советской дипломатической миссией в Таллине, получая оттуда необходимые инструкции³². С 1930 г., как считает П. Судоплатов, он был связан и с советскими спецслужбами, которые весьма высоко ценили услуги эстонского политика и бизнесмена³³.

Сотрудничество Пятса с Москвой проходило не на бескорыстной основе: за свои услуги он получал «материальное вознаграждение»,

³⁰ Lopata R. Die Entstehung... S. 120.

³¹ Oberländer E. Die Präsidialdiktaturen in Ostmitteleuropa — «Gelenkte Demokratie?» // Oberländer E. (Hrsg.) Autoritäre Regime in Ostmittel- und Südosteuropa. 1919–1944. S. 13.

³² Подробнее об отношениях Пятса с советскими дипломатами см.: Ilmjär V. Silent Submission. P. 41–61.

³³ Судоплатов П. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М., 2001. С. 114; Ilmjär V. Silent Submission... P. 59.

условия и размер которого по понятным причинам нигде не афишировались. Магнус Илмьярв обнаружил эти данные в секретной дипломатической переписке. Так, «зарплата» Пятса в качестве юрисконсульта Нефтяного синдиката была определена советской стороной суммой в 4000 долларов в год, или 18 000 эстонских крон. Как депутат парламента Пятс получал в то же время 488 долларов в год. Услуги юрисконсульта советского торгового представительства, кстати, ценились не в пример дороже деятельности президента Эстонии или спикера парламента: те получали от государства вдвое меньше — 9000 крон в год³⁴.

В период своей работы в Эстонско-советской Коммерческой палате или Нефтяном синдикате Пятс не занимал государственных постов и как политик находился в оппозиции. Нет прямых документальных свидетельств, что он продолжал получать деньги из Москвы после 1934 г., когда занял президентский пост. Однако тот же П. Судоплатов считал, что связи Пятса с Москвой и с советскими спецслужбами продолжались до 1940 г.³⁵ Этот вывод имеет под собой основания — полагает и М. Илмьярв: «финансовая поддержка» Пятса могла осуществляться после прекращения деятельности Нефтяного синдиката через Таллинскую судоходную кампанию, поскольку Пятс был ее акционером вплоть до национализации в 1940 г.³⁶

Независимо от того, насколько длительными и интенсивными были контакты Советского Союза с представителями политической элиты балтийских стран, примечательно, что во всех трех случаях Москва сделала ставку на лидеров, которые в конце концов обрели власть в результате государственных переворотов, т. е. на будущих диктаторов. Именно эти фигуры, за которыми стояла реальная политическая и, что не менее важно, военная сила, а вовсе не мало кому известных коммунистических вождей Москва выбрала тогда в качестве своих потенциальных партнеров. Приверженность этих лидеров идеям национализма, их нескрываемая симпатия практикам итальянского фашизма и, правда в меньшей степени, германского национал-социализма не рассматривались как серьезное препятствие для развития подобных контактов. На фоне этих предпочтений и реальных шагов советского руководства, фактически признавшего режимы Сметоны, Улманиса, Пятса и даже способствовавшего их утверждению, его позиция 1940 г. выглядит довольно двусмысленной: Советский Союз придет туда якобы для того, чтобы «восстановливать демократию» и освобождать балтийские народы от «фашистских» режимов.

Расчеты Кремля на усиление советского влияния в балтийском регионе отчасти оправдались. В политике Риги уже летом 1935 г. на-

³⁴ Ilmjarv M. *Silent Submission...* P. 56.

³⁵ Судоплатов П. Указ. соч. С. 114.

³⁶ Ilmjarv M. *Silent Submission...* P. 59.

метился определенный поворот в сторону Москвы³⁷. О своей заинтересованности в развитии отношений с Советским Союзом неоднократно заявлял и президент Литвы А. Сметона. Беседуя в марте 1934 г. с советским полпредом М. А. Карским, он особо подчеркнул, что Литва «нуждается в поддержке СССР — политической, экономической и военной»³⁸. Укрепление позиций К. Пятса в Эстонии после совершенного им в январе 1934 г. государственного переворота для Москвы, имеющей с Пятсом давние связи, тоже скорее было положительным знаком. Вместе с тем в середине 1930-х годов у Советского Союза появляется сильный конкурент, также претендующий на влияние в странах Балтии. В роли этого и, надо признать, весьма удачливого конкурента выступила Германия.

Переориентация балтийских стран на Германию тревожила советских руководителей и дипломатов, хотя этот поворот произошел не вдруг и был не таким необратимым, как порой казалось советским наблюдателям. Так, в Латвии сближению с Германией препятствовала политика «дегерманизации», проводимая К. Улманисом. Об очевидном повороте Латвии в сторону Германии, считают латышские историки, можно говорить только с весны 1938 г.³⁹ Однако тогда никто не ожидал, что пройдет всего лишь год с небольшим и, казалось бы, непримиримые соперники-конкуренты договорятся между собой, превратив независимые государства Восточной Европы просто в «сферу интересов».

1.3. «Президентские диктатуры» с точки зрения советизации: «за» и «против»

Политические режимы, которые существовали в странах Балтии к моменту их советизации, в историографии получили название «президентских диктатур»⁴⁰. Кроме этого используются такие понятия, как «национально-консервативная диктатура», «корпоративно-авторитарный режим»⁴¹ и даже «авторитарная демократия»⁴². Для тех, кого мало волнуют терминологические тонкости, привычнее вспоминать о «временах» Сметоны, Улманиса или Пятса. В обществен-

³⁷ История Латвии. XX век. С. 180.

³⁸ Кен О. Н., Рупасов А. И. Указ. соч. С. 435.

³⁹ История Латвии. XX век. С. 180.

⁴⁰ Oberländer E. Die Präsidialdiktaturen in Ostmitteleuropa — «Gelenkte Demokratie?» // Oberländer E. (Hrsg.) Autoritäre Regime in Ostmittel- und Südosteuropa. 1919–1944. S. 3–17.

⁴¹ История Латвии. XX век. С. 165.

⁴² Последнее понятие уже вполне может быть использовано с пометкой «устаревшее». Впервые его ввел в научный оборот Георг фон Раух. См.: Rauch G. v. Geschichte der Baltischen Staaten. München, 1977.

ном сознании литовцев, латышей и эстонцев эти времена запечатлелись как «хорошие», и водоразделом между «хорошим» и «плохим» служит не конец парламентской демократии в 1926 г. для Литвы и в 1934 г. — для Эстонии и Латвии, а 1940 год, т. е. начало советизации. Утрата государственной независимости — главный итог событий 1940 г. — стала самым весомым аргументом в полемике «за» и «против» авторитарных режимов Балтии: повергнутые и неспособные к сопротивлению, они неизбежно обрели ореол жертвенности и нереализованных возможностей.

Повод рассуждать в духе «нереализованных возможностей» давали и сами балтийские лидеры. Понимая уязвимость своего положения с точки зрения права, они неоднократно высказывались о временном и вынужденном характере собственных диктаторских полномочий и изъявляли намерения в будущем полностью восстановить демократический порядок. «Авторитарный режим в Литве не будет длиться вечно, — заверял своих соотечественников А. Сметона. — Жизнь диктует свои условия. Придет время, когда мы будем иметь совершенно другой государственный порядок»⁴³. К. Пяте сравнивал положение диктатора с ролью врача, который вынужден прибегать к жестким мерам для лечения «больного» эстонского общества. Подразумевалось, что эти меры остаются в силе до выздоровления «пациента»⁴⁴.

Вывод как будто напрашивается сам собой: движение от президентской диктатуры к новой демократии в странах Балтии было остановлено другой диктатурой — советской. Точно так же, как были остановлены позитивные перемены в аграрной политике, финансах, промышленном развитии и социальной сфере, начатые на пути «авторитарной модернизации»⁴⁵. И как итог: «все планы перечеркнуло 17 июня 1940 года»⁴⁶.

Эта точка зрения является в настоящий момент преобладающей среди историков Латвии, Литвы и Эстонии. Подобная позиция вовсе не означает, что режимы Улманиса, Сметоны и Пяте остаются вне критики, но все решает угол сравнения, под которым «своя» дикта-

⁴³ Lopata R. Die Entstehung des autoritären Regimes in Litauen 1926. Voraussetzungen, Legitimierung, Konzeption // Oberländer E. (Hrsg.) Autoritäre Regime in Ostmittel- und Südosteuropa. 1919–1944. S. 137.

⁴⁴ Oberländer E. Die Präsidialdiktaturen in Ostmitteleuropa — «Gelenkte Demokratie?» // Oberländer E. (Hrsg.) Autoritäre Regime in Ostmittel- und Südosteuropa. 1919–1944. S. 7, 14.

⁴⁵ О режиме «авторитарной модернизации» применительно к Латвии периода правления К. Улманиса пишет, например, Инесис Фелдманис. См.: Feldmanis I. Umgestaltungsprozesse im Rahmen des Ulmanis-Regimes in Letland 1934–1940 // Oberländer E. (Hrsg.) Autoritäre Regime in Ostmittel- und Südosteuropa. 1919–1944. S. 222; История Латвии. XX век. С. 165.

⁴⁶ История Латвии. XX век. С. 200.

тура выглядит гораздо более привлекательной, нежели «чужая». Однако помимо национальных предпочтений в этом сравнении есть и совершенно бесспорный аргумент: ни один из так называемых авторитарных диктаторов Восточной Европы не оставил за собой столько крови и не потребовал столько жертв, как Сталин и Гитлер. Даже государственные перевороты в странах Балтии происходили относительно мирно и «цивилизованно», если подобное определение применимо вообще к такому антиконституционному акту, как государственный переворот. Авторитарные режимы боролись с политической оппозицией и общественным инакомыслием, но нигде дело не дошло до массового террора и массовых депортаций. Все это принесли с собой сталинская диктатура и советская власть.

Особенности авторитарных режимов в странах Балтии, их сильные и слабые стороны довольно подробно обсуждаются на страницах научной литературы⁴⁷. Авторы этих исследований, оценивая результаты политики балтийских лидеров, конечно же, не могут обойти «проблему 1940 года». Poleмика о природе и потенциале политических режимов в Восточной Европе 1930-х годов носит уже международный характер, поэтому ее участники меньше испытывают на себе давление «национального фактора». Достаточно показательно в этом смысле позиция немецкого историка Эрвина Oberländer, который полагает, что «авторитарные структуры оказались идеальными предпосылками для перехода власти в руки коммунистов», т. е. для советизации⁴⁸. Авторитарные практики существенно упрощали советизацию, — поясняет свою позицию Oberländer, — поскольку коммунистам «нигде не пришлось бороться с демократическо-парламентскими порядками, а нужно было всего лишь заменить авторитарных правителей коммунистическим персоналом, в то время как склонность авторитарных режимов к государственному контролю за экономикой служила благоприятной предпосылкой для быстрого внедрения коммунистического планового хозяйства»⁴⁹. Аналогичную оценку политическим режимам стран Балтии накануне советского вторжения дает и Магнус Илмъярв, считая их ответственными за «безмолвную потерю независимости»⁵⁰.

⁴⁷ Результаты этих исследований опубликованы, в частности, в двух сборниках: Oberländer E., Lemberg E., Sundhausen H. (Hrsg.) *Autoritäre Regime in Ostmitteleuropa 1919–1944*. Mainz, 1995; Oberländer E. (Hrsg.) *Autoritäre Regime in Ostmittel- und Südosteuropa. 1919–1944*. Paderborn, München, Wien, Zürich, 2001.

⁴⁸ Oberländer E. Die Präsidialdiktaturen in Ostmitteleuropa — «Gelenkte Demokratie?» // Oberländer E. (Hrsg.) *Autoritäre Regime in Ostmittel- und Südosteuropa. 1919–1944*. S. 17.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Ilmjärvi M. *Silent Submission...* P. 550.

— Какие практики авторитарных режимов в странах Балтии дали повод подозревать их в «подготовке» советизации?

Разумеется, Сметона, Пяте, Улманис как национально ориентированные лидеры были бесконечно далеки от этой идеи, и попытки приписать им роль «агентов Кремля» — не более чем повод раскрутить историческую, а в данном случае и политическую, сенсацию. Авторитарный стиль управления в балтийских странах формировался во многом под влиянием внешней угрозы и воспринимался многими политическими лидерами этих стран — не только самими диктаторами, но и их конкурентами — как гарантия сохранения государственной независимости. Однако у авторитарных режимов есть «природные» особенности, которые неизбежно сближают их с советской моделью, и в этом смысле могут рассматриваться как «предпосылки» советизации. Отсутствие политического плюрализма, подавление оппозиции, усиление государственного контроля в сфере экономики, национализм и ограничение прав национальных меньшинств — эти тенденции проявились в Литве, Латвии и Эстонии по-разному и с разной степенью интенсивности, но эволюция всех трех балтийских стран накануне советского вторжения шла именно в этом направлении.

Государственные перевороты в странах Балтии начинались с роспуска парламентов и запрещения деятельности политических партий. В стране объявлялось военное (чрезвычайное) положение. Власть переходила в руки президента страны (Сметона), президента министров, т. е. главы правительства (Улманис) или государственного старейшины (Пяте). В отсутствие парламента и иной законодательной власти глава государства получал неограниченное право издавать указы, смещать и назначать министров, вносить изменения в конституцию. Деятельность парламента — Сейма в Литве и Государственного собрания в Эстонии — впоследствии была восстановлена, в Латвии после переворота 15 мая 1934 г. и до июня 1940 г. Сейм так ни разу и не собирался. Литва и Эстония в 1938 г. приняли новые конституции (в Литве первый вариант измененной конституции появился в 1928 г.), которые законодательно закрепили произошедшие перемены и смещение центра тяжести власти в сторону президента и исполнительной власти.

Достаточно показательна в смысле общих тенденций изменения правовой базы нового режима конституция Литвы 1928 г. Президент страны избирался на 7 лет, он получал право назначать и увольнять премьер-министра и остальных министров, распускать Сейм, издавать законы без согласия парламента, объявлять в стране чрезвычайное положение и т. д.⁵¹

⁵¹ Lopata R. Die Entstehung des autoritären Regimes in Litauen 1926. Voraussetzungen. Legitimierung. Konzeption // Oberländer E. (Hrsg.) Autoritäre Regime in Ostmittel- und Südosteuropa. 1919–1944. S. 129–130.

Улманис тоже пообещал своим согражданам реформировать конституцию, однако за шесть лет его правления новая конституция в Латвии так и не появилась. До августа 1938 г. в стране сохранялось «чрезвычайное положение». Пяте в Эстонии неоднократно продлевал действие режима чрезвычайного положения; даже после вступления в силу новой конституции в январе 1938 г. объявлялось об его очередной пролонгации — и в сентябре 1938 г., и в сентябре 1939 г.⁵² Эстонское правительство считало режим чрезвычайного положения «универсальным методом управления» и, чтобы не обременять себя процедурой его ежегодного продления, попыталось весной 1939 г. провести через парламент законопроект «О государственной безопасности и общественном порядке», который фактически придал бы режиму чрезвычайного положения постоянный статус. Этот законопроект, однако, встретил сопротивление в парламенте Эстонии, обычно весьма лояльном президенту⁵³.

Режим чрезвычайного положения и прочие ограничения свобод неизбежно вели к утверждению лидера страны в положении диктатора. Президенты балтийских стран постепенно обрастали и сопутствующей этому процессу идеологической атрибутикой, примеривая на себя титул «вождя нации». Первым это сделал Антанас Сметона⁵⁴, но и его политические последователи в Эстонии и Латвии довольно быстро свыклись с новым статусом. Латышская пресса охотно называла Карлиса Улманиса «величайшим деятелем Европы» и «дважды гением»⁵⁵. А Константин Пяте без затей, но с долей кокетства отвечал на вопрос о своей «избранности»: «Говорят, что я плохой президент и т. д. Но я не могу уйти, потому что нет никого, кто бы мог занять мое место»⁵⁶.

На самом деле политические конкуренты, готовые занять место главы государства, были во всех трех балтийских странах. Неустойчивость политической ситуации была одним из факторов сохранения чрезвычайного положения и стремления действующих правителей к укреплению своих диктаторских полномочий. В Литве после декабря 1926 г. и до советского вторжения 1940 г. было 17 попыток

⁵² Pajur A. Die «Legitimierung» der Diktatur des Präsidenten Päts und die öffentliche Meinung in Estland // Oberländer E. (Hrsg.) *Autoritäre Regime in Ostmittel- und Südosteuropa. 1919–1944.* S. 206.

⁵³ Ibid. S. 207.

⁵⁴ Lopata R. Die Entstehung des autoritären Regimes in Litauen 1926. Voraussetzungen, Legitimierung, Konzeption // Oberländer E. (Hrsg.) *Autoritäre Regime in Ostmittel- und Südosteuropa. 1919–1944.* S. 134.

⁵⁵ История Латвии. XX век. С. 172.

⁵⁶ Pajur A. Die «Legitimierung» der Diktatur des Präsidenten Päts und die öffentliche Meinung in Estland. S. 210.

переворотов⁵⁷. До 1929 г. А. Сметона вынужден был делить власть с другой влиятельной фигурой — А. Волдемарасом, за которым стояли правые, а потом и откровенно профашистские силы. Даже после отставки Волдемараса с поста главы правительства он сохранил свое влияние среди оппозиционных Сметоне сил, особенно военных. Усиления влияния «военной партии», лидером которой выступал генерал Й. Лайдонер, не без оснований опасался и К. Пяте. Не смог избежать конфликта с военными К. Улманис, который отправил в отставку военного министра и своего заместителя Я. Балодиса. Это случилось в марте 1940 г., т. е. незадолго до аннексии Латвии СССР.

Роль отдельных военных и «военной партии» в целом во всех трех странах была довольно заметной, и она возрастала по мере «материализации» военной угрозы со стороны Германии и СССР. Однако усиление позиций военного лобби вряд ли могло способствовать укреплению безопасности стран Балтии, и это подтвердили события 1940 г. Армия была одной из главных действующих сил (наряду с партией националистов и отрядами самообороны) государственных переворотов, однако она оказалась совершенно не способной к выполнению своей главной задачи и не смогла оказать вооруженного сопротивления советской агрессии. Военные, готовые участвовать в заговоре против президента, в данном случае проявили себя как законопослушные граждане и просто подчинились решению президента и парламента о выполнении советского ультиматума. (Справедливости ради надо все-таки отметить, что пассивная роль армии балтийских стран во время советского вторжения объяснялась кроме прочего осознанием бесперспективности сопротивления с учетом очевидного военного превосходства СССР.)

Сделав ставку на армию, националистов и бюрократию, лидеры балтийских стран одновременно позаботились об устранении политической оппозиции своим режимам. Политический плюрализм времен парламентской демократии ушел в прошлое. В этом направлении все три президента действовали как будто «под копирку»: официально никакого документа о роспуске партий не существовало (в Литве партии официально распустились только в 1936 г.), но был введен запрет на их политическую деятельность. А чем другим, как не политической деятельностью, должна заниматься партия? Затем последовал запрет профсоюзов. Была введена цензура.

Дальше своих соседей по пути цензурных ограничений «продвинулась» Эстония — современники называли времена Пяте «эрой молчания». В конце 1934 г. Министерство внутренних дел Эстонии приняло постановление, которое ставило прессу под жесткий контроль. Этот документ определял круг тем, которые разрешалось освещать.

⁵⁷ Lopata R. Die Entstehung des autoritären Regimes in Litauen 1926. Voraussetzungen, Legitimierung, Konzeption. S. 137.

щать, а издания, позволившие себе отзываться о президенте или правительстве без должного респекта, а также трактовать деятельность государственных органов в «превратном ключе», подлежали закрытию⁵⁸. Нетрудно догадаться, что таким образом можно было закрыть любой печатный орган, что на самом деле и происходило. Для осуществления идеологического контроля была создана специальная структура при правительстве — Информационное бюро. Первоначально перед бюро ставилась цель информировать общественность о деятельности правительства, но очень быстро оно переродилось в бюро пропаганды, что наблюдательным гражданам дало повод для намеков на соответствующее ведомство Й. Геббельса в фашистской Германии.

Аналогичные процессы проходили в Латвии, где функции контроля за прессой и проведения политической цензуры были возложены на Министерство общественных дел. Ограничения на деятельность прессы существовали и в Литве. Цензура расчищала путь для внедрения новой идеологии. Эта идеология должна была строиться на «трех китах»: сплоченность народа, национализм, верность вождю.

Идеологические кампании в Эстонии проходили под флагом «перевоспитания» граждан, которым предстояло таким образом избавиться от двух «пороков» — «либерально-демократического индивидуализма» и «недостаточного патриотизма»⁵⁹. Задавал тон всей «воспитательной работе» глава эстонского правительства К. Эппалу (K. Eepalu). Разделение на политические партии, группировки по социальным и экономическим интересам — все это, полагали эстонские идеологи, мешает объединению народа в единое целое: сильный народ должен иметь единую волю. Укреплению единой воли народа должно было способствовать возвращение к национальным истокам и в целом «эстнизация» страны. К. Эппалу призывал отвергнуть чужие примеры и возродить эстонскую самобытность: «До сих пор на нашем политическом горизонте не существовало эстонской школы. Мы думали головами Адама Смита и Карла Маркса, при решении важнейших проблем политики оглядывались на Англию, Америку, Францию, Новую Зеландию. Напротив, мы, люди сегодняшнего дня, должны взять за пример наш собственный опыт <...> ближе познакомиться с собственной историей, чтобы из нее черпать принципы и руководство к действию, а предположения и мнения европейских мудрецов использовать во вторую очередь»⁶⁰. Воплощению идеи «возвращения к национальным истокам» служи-

⁵⁸ Pajur A. Die «Legitimierung» der Diktatur des Präsidenten Päts und die öffentliche Meinung in Estland. S. 180–181.

⁵⁹ Ibid. S. 183.

⁶⁰ Ibid. S. 183–184.

ли массовые кампании и отдельные мероприятия: поощрялась эстетизация имен, распространение эстонского национального флага, традиционной национальной одежды и украшений, проведение песенных фестивалей и конкурсов на лучшее исполнение национальных песен и т. п.⁶¹

В Латвии процесс «латышизации» проходил под лозунгом создания «латышской Латвии» или «Латвии латышей», с которым выступил К. Улманис. Несмотря на схожесть процессов в Эстонии и Латвии, политика Улманиса, проводимая в интересах титульного этноса, имела под собой не столько идеологическое, как в Эстонии, сколько экономическое обоснование. Конечно, не обошлось без идеологии — в духе мероприятий по возрождению национального духа. Но главная задача «латышизации» заключалась в лишении нелатышней экономических привилегий, вытеснении их из промышленности и бизнеса и создании экономических условий, наиболее благоприятных для предпринимательской деятельности представителей титульного этноса. В 1935 г. 72 % промышленных предприятий Латвии находилось в руках немцев и евреев, которые составляли не более 8 % населения страны⁶², при этом ключевые позиции в экономике принадлежали балтийским немцам. Поэтому процесс «латышизации», по крайней мере до 1938 г., в сфере экономики развивался преимущественно в русле «дегерманизации».

Другое дело, что экономикой все не ограничилось и наступление на права национальных меньшинств — не только немцев, но и русских, и евреев — захватило другие сферы жизни, в том числе культуру и образование. Культурная автономия нетитульных наций — это несомненное достижение латвийского государства времен парламентаризма — была существенно ограничена. В результате реформы народного образования были упразднены школьный департамент и школьные управы для национальных меньшинств — структуры, которые могли непосредственно представлять интересы нетитульных этносов в Министерстве образования Латвии. Теперь их заменили референты с совещательными функциями⁶³. К 1938 году, считал, например, немецкий референт по школам М. Радеки, «от школьной автономии фактически ничего не осталось»⁶⁴.

В отношении прав национальных меньшинств Эстония шла по тому же пути, что и Латвия, где в результате ограничения прав местного самоуправления, в ведении которого находились национальные

⁶¹ Ibid. S. 184.

⁶² Feldmanis I. Umgestaltungsprozesse im Rahmen des Ulmanis-Regimes in Lettland 1934–1940 // Oberländer E. (Hrsg.) Autoritäre Regime in Ostmittel- und Südosteuropa. 1919–1944. S. 232.

⁶³ Ibid. S. 238.

⁶⁴ Ibid.

школы, возможности для образования на родном языке и культурной деятельности негитуйных этносов были существенно урезаны.

В отличие от них в Литве политика «литовизации» имела очевидную специфику. Идея создания сильного национального государства, обозначенная еще в момент его возникновения в 1918 г., родилась прежде всего как реакция на внешнюю угрозу. На фоне этой угрозы преодоление национальных конфликтов внутри страны виделось как одно из условий выживания Литвы. Аугустинас Волдемарас, глава первого правительства независимой Латвии, сформулировал тогда принцип создания «полиэтничного национального государства»⁶⁵. Однако следовать этому принципу мешали этнические предрассудки и призрак «пятой колонны», поэтому на практике литовское правительство подходило весьма дифференцированно к пониманию прав конкретных этносов. Относительное равенство сохранялось только в вопросах религии: ежегодные средства из бюджета получали все конфессии, поскольку они объединяли представителей разных этнических групп (например, большинство литовцев и проживающих в Литве поляков были католиками). Однако за порогом костела это равенство заканчивалось. Среди национальных меньшинств в наиболее выгодном положении находились евреи, которым была гарантирована широкая культурная автономия и государственная поддержка развитию школьного дела, газет, театров и т. д.

В отличие от еврейских польские и немецкие школы, а также другие учреждения культуры не могли рассчитывать на сколько-нибудь существенное государственное финансирование. Не приехала каких-либо заметных результатов и политика интеграции представителей других этносов в литовское общество путем ассимиляции: наиболее очевидно это продемонстрировали немцы Клайпеды (Мемеля), которые, несмотря на все усилия литовских властей, сохранили свое особое положение хотя бы в границах культурной автономии⁶⁶. «Польский вопрос» в Литве всегда был «большим» из-за проблемы Вильно и неизбежно обострился в сентябре 1939 г., когда была достигнута договоренность между Советским Союзом и Литвой о передаче Вильно (Вильнюса) Литве.

Национализм как одна из главных составляющих внутренней политики государств Балтии должен был работать на идею сплочения нации. Помимо идеологической оболочки и культурных форм эта идея нуждалась в политической организации. По сути речь шла о создании общенациональной партии. Из действующих организаций на эту роль могла претендовать только литовская партия националистов «Таутинанкай» («таутининкн»). Ни в Латвии, ни в Эстонии такой структуры не было, и ее пришлось создавать заново.

⁶⁵ Lopata R. Die Entstehung des autoritären Regimes in Litauen 1926. Voraussetzungen, Legitimierung, Konzeption. S. 104.

⁶⁶ Ibid. S. 138.

В марте 1935 г. в Эстонии было объявлено об учреждении организации под названием «Союз Отечества» (Isaamaaliit), цель которого заключалась «в воспитании национального и государственного мышления, а также в поддержке национального духа»⁶⁷. Власти позиционировали Союз исключительно как культурную организацию (в Эстонии существовал запрет на политическую деятельность), но на самом деле речь шла о создании государственной партии по образцу ВКП(б) в Советском Союзе или НСДАП в Германии. Партия создавалась по «государственному заказу», т. е. сверху, и строилась по тому же принципу: сначала были образованы ее центральные структуры, потом местные комитеты в городах и сельских общинах. Местные организации подчинялись центру и обязаны были выполнять его решения. Членство в «Союзе Отечества» было обязательным для всех государственных служащих и представителей органов самоуправления⁶⁸. Полностью достичь советского или немецкого «образца» Пятеу, впрочем, так и не удалось, но тенденция движения к однопартийной системе и созданию массовой государственной партии была уже вполне очевидна.

Эти же самые «образцы» были перед глазами К. Улманиса, когда он задумал аналогичный проект под названием «Партия национального единства». Для воплощения замысла создания массовой партии государственного типа в 1939 г. латвийский президент дал указание послам в Италии, Германии, Испании и СССР собрать детальную информацию о структуре и функциях партий в этих странах⁶⁹. Реализации замысла помешали события 1940 г. Во всяком случае, к моменту советского вторжения во всех трех балтийских странах фактически существовала однопартийная система в той или иной стадии оформления.

В структуре и организации власти авторитарных режимов Литвы, Латвии и Эстонии особая роль отводилась корпоративным объединениям. По первоначальному замыслу, профессиональные корпорации должны были заменить политические партии. Строительство корпоративных структур в балтийских странах осуществлялось во многом путем заимствования итальянского опыта и в сущности было очень сходным, с небольшими поправками на национальную специфику.

Первой на путь создания корпоративного общества вступила Литва. Президент страны А. Сметона в декабре 1933 г., выступая на съезде националистов, говорил: «Человек, который не находится в контакте с союзом, подобен анархисту. Только связь с сетью ассоци-

⁶⁷ Pajur A. Die «Legitimierung» der Diktatur des Präsidenten Päts und die öffentliche Meinung in Estland. S. 189.

⁶⁸ Ibid. S. 190.

⁶⁹ Oberländer E. Die Präsidialdiktaturen in Ostmitteleuropa — «Gelenkte Demokratie?» S. 15.

ащий побуждает к пониманию и усвоению того, что значит долг»⁷⁰. Создание такой сети ассоциаций, в которую будет вовлечен каждый гражданин, приведет, как считал Сметона, к главной цели — «организованному обществу». «Если речь идет об экономических вопросах, — пояснял свою мысль литовский президент, — то все жители должны участвовать в общих собраниях. Эти собрания выбирают представительный орган, который координирует работу всей сети ассоциаций и выполняет все материальные и духовные требования. Сельское хозяйство, промышленность и торговля, местные промыслы, наука и воспитание — все объединяется в корпорациях. Это означает организованное общество, организованную нацию. На этой основе формируется и главный представительный орган всей страны»⁷¹. Только общество, организованное на основе отраслевых корпораций, считал Сметона, может по-настоящему выступать выразителем интересов масс.

Практическим воплощением идеи «организованного общества» стали специальные структуры — палаты (камеры). Палаты существовали и до 1926 г., но теперь они были реформированы в соответствии с новыми задачами. Первоначально палат в Литве было четыре — торговли, промышленности, ремесел и сельского хозяйства. Суть реформы заключалась в подчинении деятельности палат контролю со стороны государственных органов: председатели палат назначались президентом, за деятельностью корпорации должно было наблюдать Министерство финансов, палаты могли быть распущены по решению правительства. Позднее, в ноябре 1935 г., была образована Палата труда. В отличие от четырех существующих палат, которые представляли главным образом интересы предпринимателей, Палата труда должна была объединять наемных работников. В качестве «куратора» этой корпорации выступало Министерство внутренних дел.

Реальные полномочия палат были довольно скромными и не выходили за рамки отраслевых и общекультурных интересов. Так, Сметона особо подчеркивал просветительскую функцию Сельскохозяйственной палаты, главная задача которой заключалась в том, чтобы «просвещать, учить и образовывать крестьян»⁷².

По аналогичному принципу создавалась корпоративная система в Латвии⁷³. Всего в течение 1934–1938 гг. было образовано шесть профессиональных палат: торгово-промышленная, сельскохозяйствен-

⁷⁰ Lopata R. Die Entstehung des autoritären Regimes in Litauen 1926. Voraussetzungen, Legitimierung, Konzeption. S. 134.

⁷¹ Ibid.

⁷² Ibid. S. 136.

⁷³ Подробнее о деятельности камер в Латвии см.: Feldmanis I. Umgestaltungsprozesse im Rahmen des Ulmanis-Regimes in Lettland 1934–1940. S. 228–231; История Латвии. XX век. С. 169–171.

ция, ремесел, труда, литературы и искусства, профессий. В качестве наблюдательных за деятельностью палат органов выступали сначала соответствующие министерства, а потом специально созданные для этой цели структуры — Государственный хозяйственный совет и Государственный совет по культуре. Так же, как и в Литве, палаты контролировали деятельность всех иных, прежде всего местных, профессиональных объединений. Для образования новой профессиональной ассоциации требовалось согласие палаты. Скоро в стране не осталось ни одного объединения, которое находилось бы вне контроля палат. Сами палаты состояли из 90–120 членов, назначаемых «профильными» министрами.

Латвийский историк И. Фелдманис, ссылаясь на мнение своих коллег, полагает, что образование палат и обоих советов можно рассматривать как предпосылки для создания парламента «нового типа», тоже организованного по принципу профессионального представительства⁷⁴. Улманис высказывался в том духе, что именно профессиональные ассоциации (палаты) являются формой прямого народного представительства, тогда как парламент представляет интересы политических партий⁷⁵. Схожие мысли высказывал и Сметона, для которого утверждение корпоративного порядка означало превращение «партийного» государства в государство национальное⁷⁶.

Аналогичные цели преследовал и К. Пятс в Эстонии, когда поддержал идею создания Государственного хозяйственного совета, управляющего деятельностью профессиональных палат. В Эстонии их было образовано 15 — больше, чем в Литве и Латвии (например, существовала Палата врачей, Палата учителей и др.). Государственный хозяйственный совет состоял из 25 членов: 15 из них выбирались палатами и 10 назначались президентом. Однако из идеи эрзац-парламента так ничего и не вышло: он проработал три года, с 1935 по 1938 г., после чего прекратил свою деятельность⁷⁷.

Продолжением курса на усиление государственного контроля в странах Балтии являлась экономическая политика. Это сказалось прежде всего на расширении государственного сектора в экономике. В Литве, где основу экономики составляло сельское хозяйство, этот процесс был не так заметен и протекал в «мягких» формах, тогда как в Латвии можно было внятно говорить об «огосударствлении» экономики как целенаправленной политике.

⁷⁴ Feldmanis I. Umgestaltungsprozesse im Rahmen des Ulmanis-Regimes in Lettland 1934–1940. S. 230.

⁷⁵ Ibid. S. 230–231.

⁷⁶ Lopata R. Die Entstehung des autoritären Regimes in Litauen 1926. Voraussetzungen, Legitimierung, Konzeption. S. 134.

⁷⁷ Pajur A. Die «Legitimierung» der Diktatur des Präsidenten Päts und die öffentliche Meinung in Estland. S. 188–189.

Определенным стимулом проведения такой политики была высокая доля иностранного капитала, прежде всего немецкого, в различных отраслях индустрии, а также торговле и банковском деле. В качестве инструмента расширения государственного сектора был избран специально созданный для этой цели в 1935 г. Кредитный банк Латвии. Банк, официально значившийся как акционерное частное предприятие, на самом деле работал под контролем правительства и фактически выполнял его распоряжения. В числе первых задач правительства уполномочило Кредитный банк ликвидировать частные банки, которые испытывали кризис платежеспособности (перечень таких банков готовился в правительстве). Через полгода банк получил право закрывать находившиеся в сложном финансовом положении торговые и промышленные предприятия, а потом — любые предприятия, даже если их финансовое положение не вызывало никаких опасений, но закрытия которых требовали «государственные интересы» или «интересы обороны». В такой ситуации первыми под удар попадали предприятия, находившиеся в руках чужеземцев — немцев или евреев. Всего к началу 1939 г. Кредитный банк закрыл около 230 предприятий, включая кредитные организации. По сравнению с общим количеством предприятий в Латвии (6100) — не такая большая цифра⁷⁸. Это свидетельствует, во-первых, об избирательном подходе латвийских властей к процессу национализации, а во-вторых, о сохранении значительного сектора экономики за частным бизнесом. Тем не менее от 16 частных банков, существовавших в 1933 г., к 1940 г. осталось только три⁷⁹. В 1938 г. Латвия сделала первый шаг на пути к плановой экономике: была начата разработка шестилетнего хозяйственного плана, который, однако, так и не был принят⁸⁰. «В Латвии возникла одна из наиболее управляемых экономик Европы, в которой большая часть промышленного, торгового и финансового сектора в 1940 г. контролировалась государством или принадлежащими государству предприятиями», — считает И. Фелдманис⁸¹.

Интересы большинства граждан балтийских стран были связаны с сельским хозяйством: в промышленности было занято немногим более 20 % населения Эстонии, 14,8 % — Латвии и 6 % — Литвы (данные 1934 г.)⁸². Процесс «государствления» частично затронул и эту сферу: так, при проведении земельной реформы в Латвии госу-

⁷⁸ Feldmanis I. Umgestaltungsprozesse im Rahmen des Ulmanis-Regimes in Lettland 1934–1940. S. 232–233.

⁷⁹ История Латвии. XX век. С. 197.

⁸⁰ Там же. С. 194.

⁸¹ Feldmanis I. Umgestaltungsprozesse im Rahmen des Ulmanis-Regimes in Lettland 1934–1940. S. 232.

⁸² Oberländer E. Die Präsidialdiktaturen in Ostmitteleuropa — «Gelenkte Demokratie?» S. 11.

дарство заявило свои претензии на значительную долю собственности. Однако главный смысл аграрной реформы — а в Латвии она растянулась на 17 лет, с 1920 по 1937 гг., — была ликвидация безземельного и малоземельного крестьянства. Столь же радикальной была аграрная реформа в Эстонии. В первую очередь в процессе национализации земли были существенно урезаны земельные владения балтийских немцев и других крупных собственников земли. В результате и в Латвии, и в Эстонии земельный вопрос во многом потерял свою остроту. Например, в Латвии безземельные крестьяне составляли в 1920 г. 61,2 % сельских жителей, а после завершения аграрной реформы в 1937 г. — только 18 %⁸³. После этого главной проблемой латышских, как и эстонских, крестьян стала не земля, а налоги, поскольку многие хозяйства находились в долговой кабале: в 1930 г. долг латышских крестьян различным финансовым учреждениям составлял 277,3 млн лат⁸⁴. Однако, несмотря на налоговые и частично земельные проблемы, аграрный вопрос — в том виде, как его использовали коммунисты для завоевания на свою сторону крестьянства, — в Латвии и Эстонии не существовал. Это объясняет, почему проведение земельной реформы в процессе советизации этих балтийских государств не встретило у населения того отклика, на который рассчитывали советские чиновники и пропагандисты.

В Литве ситуация складывалась по-другому. Там земельная реформа затронула только поместья крупных землевладельцев, имеющих 80 га и более. Поэтому земельный голод оставался для литовских крестьян вплоть до 1940 г. весьма актуальной проблемой.

Не был до конца преодолен земельный голод и в Латвии. Не случайно Улманис задумал в 1939 г. провести еще более радикальную земельную реформу, в результате которой перераспределение земли должно было осуществляться не за счет помещичьих, как раньше, а за счет крепких крестьянских хозяйств. По замыслу Улманиса, в Латвии должны были остаться только небольшие хозяйства, не нуждающиеся в применении наемного труда⁸⁵. Подобные планы уже вполне созвучны с большевистскими мероприятиями 1920-х годов, которые привели к кризису российской деревню и имели бы в Латвии не менее разрушительные последствия. Однако даже они не шли ни в какое сравнение с тем, что принесла балтийскому крестьянству коллективизация.

Результаты земельной реформы власти балтийских стран использовали в числе прочих мероприятий (ограничение прав собственности представителей нетитульных этносов, вытеснение их из бизнеса и управления, протекционизм в экономике, внедрение новой нацио-

⁸³ История Латвии. XX век. С. 190.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же. С. 191.

нальной идеологии и др.) для создания массовой социальной базы правящих режимов. На решение этой задачи работала и благоприятная экономическая ситуация: после преодоления последствий экономического кризиса конца 1920-х годов уровень жизни населения стал повышаться, особенно в Латвии и Эстонии. Режимы Улманиса, Пятса и Сметоны были популярны среди широких слоев населения, а политическая оппозиция во всех трех странах скорее напоминала лоскутное одеяло и не представляла сколько-нибудь серьезной угрозы власти, поскольку нигде — даже в самой «неспокойной» Литве — не могла рассчитывать на массовую поддержку. Дальше угрозы переворота, легко устраняемой превентивными мерами, дело не шло. Точно так же властям удавалось довольно быстро справляться с проявлениями недовольства среди интеллигенции и молодежи, вызванными ограничениями свободы слова и прочими антидемократическими шагами правительства.

Наибольшим радикализмом отличались настроения интеллигенции и студенчества Эстонии — результат политики Пятса по борьбе с инакомыслием в эстонском обществе. В стране была проведена чистка госаппарата и органов самоуправления от «неслагоденствующих», введена свобода передвижения: министр внутренних дел получил право запрещать любому гражданину, «чьи действия представляют угрозу государственному порядку и общественной безопасности», покидать пределы города или сельской общины или, напротив, «рекомендовать» ему отправиться в ссылку за границу⁸⁶.

В 1938 г. после проведения так называемой университетской реформы была практически ликвидирована автономия университетов. Отныне ректоры, проректоры и деканы факультетов назначались правительством, полномочия назначенных ректоров существенно расширялись и, напротив, права университетских советов ограничивались. Одновременно был введен институт кураторства над органами студенческого самоуправления и молодежными объединениями вообще. Измененный «Закон об организациях молодежи» (1938) объявлял президента страны «покровителем» всех молодежных организаций и «главнокомандующим» над их руководителями⁸⁷. Все эти шаги преследовали цель поставить молодежь — эту наименее предсказуемую часть общества — под контроль государства. На деле Пятс получил обратную реакцию: молодежь превращалась в оппозиционную режиму силу. Эта оппозиционность перейдет в наследство советскому режиму, который в вопросах ограничения демократических свобод будет вести себя как «преемник» Пятса, в чем-то даже более последовательный. Студенчество — не только эстонское, но и литовское,

⁸⁶ Pajur A. Die «Legitimierung» der Diktatur des Präsidenten Päts und die öffentliche Meinung in Estland. S. 192.

⁸⁷ Ibid. S. 208.

латвийское — со временем превратится в главного «возмутителя спокойствия» на западных рубежах «советского пространства».

Большинство других общественных сил, по тем или иным причинам недовольных режимами Пятса, Улманиса и Сметоны, также перешло в оппозицию — активную или скрытую — советскому порядку. Ни на какую «массовую базу» в странах Балтии советскому режиму рассчитывать не приходилось. Население этих стран вообще не отличалось политической активностью, и, несмотря на все усилия по созданию массового политического движения «снизу», в этом понастоющему не преуспел ни один из балтийских правителей. Рост национального самосознания, национального достоинства был несомненным завоеванием периода независимости, но воплотить в жизнь идею «единого народа», для которого национальное государство представляет главную ценность, авторитарным режимам так и не удалось.

То, что не получилось у Пятса, Сметоны и Улманиса, сделал Сталин. Активное и пассивное сопротивление советским порядкам стало стимулом для консолидации балтийских народов, а стремление к восстановлению независимости для многих эстонцев, литовцев, латышей превратилось в главную «национальную идею».

Глава 2

«ДОЛГИЙ» 1940 ГОД: ТЕХНОЛОГИЯ ПОГЛОЩЕНИЯ

2.1. «Мы нашли форму...»: конфликты и договоренности 1939 года

Для стран Балтии 1940 год — не просто хронологическая веха. Это год-символ, разделивший течение жизни балтийских народов на две истории — досоветскую и советскую. На самом деле события 1940 г. растянулись во времени, отсчет которого начался 23 августа 1939 г., с пакта Молотова–Риббентропа, а закончился 22 июля 1941 г., когда на территорию Прибалтики вступили войска вермахта и советская власть там закончилась. Так что вполне уместно говорить о «долгом» 1940 годе.

В каком-то смысле 1940-й сродни российскому рубежу 1917-го, и, кстати, советская пропаганда долгие годы эксплуатировала этот символ-сравнение, поддерживая миф о «народных революциях» в Литве, Латвии и Эстонии и о «добровольном вхождении» балтийских стран в состав СССР. Однако с тех пор, как советская власть — и в странах Балтии, и в России — действительно ушла в историю, многое изменилось. Пассажи о «народных революциях» и «добровольцах», бросившихся в объятия сталинской «дружной семьи народов», воспринимаются не иначе как курьез советской историографии, хотя подобные идеи пока еще находят своего потребителя. События 1940 года продолжают смущать умы, неизменно вызывая всплеск общественного интереса, едва приближается очередная памятная дата или возникает конфликтная ситуация в отношениях между Россией и какой-нибудь из балтийских стран.

По-своему на «общественный вызов» реагируют и историки, предлагая на суд читателя новые документы и исследования. Особенно «урожайным» в этом смысле был период 1989–1991 гг., когда события 1939 и 1940 гг. — раздел сфер влияния между Германией и Советским Союзом, решивший судьбу Прибалтики, — превратились в проблему современной политики и обсуждались не только в печати, но и на съезде народных депутатов. Тогда достоянием гласности стали ранее секретные материалы — комплекс документов, связанный с пактом Молотова–Риббентропа и обстоятельствами советского вторжения в Прибалтику. Часть этих документов была опублико-

вана в виде сборников¹. В конце 1980-х — начале 1990-х годов «проблема 1940 года» попадает и в фокус научного интереса, благодаря чему появляется целый ряд исторических работ, посвященных этой «горячей» теме². События 1939–1940 гг. становятся предметом обсуждения на международных конференциях³, причем в последние годы эти конференции все чаще стали проводиться на «двусторонней основе», т. е. с участием историков как из России, так и из стран Балтии⁴.

На сегодняшний день история подготовки договоренностей между Советским Союзом и прибалтийскими странами, предопределившими последующую их аннексию восточным соседом, является одним из наиболее хорошо изученных и документально обеспеченных сюжетов истории советизации Прибалтики. Вместе с тем восстановленная до деталей фактическая сторона дела еще не дает ответов на вопросы о сути отношений между Москвой и Прибалтикой в этот период времени и о реальном содержании планов Кремля по советизации балтийских стран.

¹ Год кризиса. 1938–1939. Т. II. Документы и материалы. М., 1990; СССР — Германия. 1939–1941. Документы и материалы о советско-германских отношениях. В 2-х т. Вильнюс, 1989; 1940 год в Эстонии. Документы и материалы. Таллинн, 1989; Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 — август 1940. М., 1990; Schauplatz Baltikum. Szenarium einer Okkupation und Angliederung. Dokumente 1939–1940. Rosenbusch M. (Hrg.). Berlin, 1991; Policy of occupation powers in Latvia. 1939–1991. A collection of documents / State Archives of Latvia. Pelkaus E. (Ed.). Riga, 1999; СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Том I. СССР и Литовская республика (март 1939 — август 1940 гг.). Сборник документов. Vilnius, 2006.

² Волков С. В., Емельянов Ю. В. До и после секретных протоколов. М., 1990; Донгаров А. Г., Пескова Г. Н. СССР и страны Прибалтики (август 1939 — август 1940) // Вопросы истории. 1991. № 1. С. 33–39; Мельников М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. М., 2000; Орлов А. С. СССР — Германия: август 1939 — июнь 1941. М., 1991; Он же. СССР и Прибалтика. 1939–1940 // Война и политика / Под ред. А. О. Чубарьяна. М., 1999. С. 192–206; Семиряга М. Н. Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941. М., 1992; Crowe D. The Baltic States and the Great Powers. Foreign Relations, 1938–1940. San Francisco, Oxford, 1993; Dallin A. The Baltic States between Nazi Germany and Soviet Russia // Vardys S., Misiunas R. (Ed.): The Baltic States in Peace and War. London, 1978. S. 97–109; Hidden J., Lane T. (Ed.). The Baltic and the Outbreak of the Second World War. Cambridge, 1992; Misiunas R., Taagepera R. The Baltic States. Years of Dependence 1940–1990. Berkley a Los Angeles, 1993; Vizulis I. The Molotov–Ribbentrop pact of 1939: the Baltic case. N.Y., 1990; и другие.

³ Результаты некоторых конференций опубликованы в виде сборников. См., например: The Sovietization of the Baltic Staates, 1940–1956 / Mertesmann O. (Ed.). Tartu, 2003; Vom Hitler-Stalin-Pakt bis zu Stalins Tod. Estland 1940–1953 / Mertesmann O. (Ed.). Hamburg, 2005.

⁴ Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 года до нападения Германии на СССР. М., 2006.

Когда у Сталина возник замысел советизации стран Балтии? В какой форме предполагалось осуществлять эту советизацию и как менялось представление о конкретных механизмах вовлечения балтийских республик в зону интересов СССР? Когда окончательно было принято решение об аннексии Прибалтики и ее включении в состав СССР? Что представляла собой советизация с точки зрения реальной политики Кремля, с одной стороны, и ее идеологического обеспечения — с другой?

Включение стран Балтии в сферу интересов СССР и их последующая инкорпорация развивались как процесс, в ходе которого апробировались различные формы и методы движения к цели. Или, как оценивает этот процесс М. И. Мельтюхов, «действия СССР в отношении Прибалтики в отличие от мер по присоединению других территорий Восточной Европы, считавшихся советской "сферой интересов", дают пример сложной, многоходовой комбинации»⁵.

Первый набросок этой комбинации возник весной 1939 года: сначала в нотах СССР от 28 марта, а позднее — во время переговоров главы советского внешнеполитического ведомства В. М. Молотова со своими британскими и французскими коллегами. Речь шла о совместном противодействии агрессивным планам Германии в Европе. На этих встречах Молотов впервые перед западными партнерами заявил об «особых интересах» Советского Союза в Прибалтике. Тогда эта заинтересованность выразилась в формуле «гарантий безопасности» от германской агрессии, которые СССР был готов предоставить странам Балтии. При этом советская делегация настаивала на том, что гарантии безопасности, под которыми понималось советское военное присутствие в Прибалтике, должны быть осуществлены не только в результате прямой агрессии со стороны Германии, но и в случае угрозы «косвенной агрессии». Суть последней трактовалась чрезвычайно широко: как возможный государственный переворот или просто как «поворот к политике в пользу агрессии»⁶. Таким образом, Советский Союз добивался для себя возможности проводить политику «свободных рук», усиливая тем самым свое влияние в балтийском регионе. Именно так были расценены советские заявления во Франции и Великобритании. Балтийские страны отказались принять подобные «гарантии»: Tallin назвал предложения Советского Союза «превентивной агрессией»⁷, а Каунас — «превентивной оккупацией»⁸.

⁵ Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. М., 2000. С. 210.

⁶ Семиряга М. Н. Тайны сталинской дипломатии. 1939–1941. М., 1992. С. 208.

⁷ Там же.

⁸ Каспаравичюс А. Дипломатическая реакция Литвы на пакт Риббентропа–Молотова // Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 года до нападения Германии на СССР. М., 2006. С. 94.

Латвийская газета «Латгилас Вордс» так прокомментировала советские предложения о гарантиях: «Гарантии малым независимым странам — очень невыгодная и унижительная вещь. Пусть даже гарантирующая великая держава делает это совсем бесхитростно, однако гарантированная независимость — очень сомнительная штука... Великие державы стали до бессовестности (бесстыдства) напорчивыми и навязывают свои гарантии там, где их никто не просит. Гарантирующие страны присуждают себе право в известное время, при известных обстоятельствах вступить в малую страну, ее оккупировать или превратить в площадку военных действий. Гарантии малым странам совсем ничего не дают. Гарантии только угрожают повлечь в войну малые страны, которые несколько не хотят воевать...»⁹. О намерениях СССР «оккупировать Эстонию» говорилось и в эстонской прессе; примерно в таком же тоне шло обсуждение этой проблемы в высших правительственных и военных кругах Эстонии¹⁰.

Балтийские страны готовы были принять «гарантии безопасности», но только от Франции и Великобритании. Обсуждалась возможность соответствующих договоренностей и с Германией, например, в форме договора о ненападении. Но Советский Союз из числа каких бы то ни было «гарантов» исключался.

Ситуация изменилась 23 августа 1939 г., когда стало известно о заключении договора о ненападении между Советским Союзом и Германией, и особенно после 1 сентября 1939 г. вместе с началом войны в Европе. Подобного поворота в отношениях между нацистской Германией и СССР не ожидал никто, точно так же, как приходилось только догадываться о содержании заключенной тогда сделки. Ее главный смысл скрывался в секретных протоколах, где специально оговаривался «вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе».

Судьба стран Балтии в процессе «разграничения интересов» была решена следующим образом: «В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Прибалтийских государств (Финляндия, Эстония, Латвия, Литва), северная граница Литвы одновременно является границей сфер интересов Германии и СССР. При этом интересы Литвы по отношению к Виленской области признаются обеими сторонами...»¹¹.

28 сентября состоялся очередной передел сфер влияния между Германией и СССР, когда в зону советских интересов окончательно попала Литва; «взамен» Германия получила права на Люблинское и

⁹ Полпреды сообщают... Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939 — август 1940. М., 1990. С. 12.

¹⁰ Там же. С. 13.

¹¹ Международная жизнь. 1989. № 9.

часть Варшавского воеводства. Новые договоренности были закреплены в дополнительном секретном протоколе¹².

Тайна советско-германского сговора почти сразу превратилась в «секрет полишинеля»: дополнительные протоколы по понятным причинам не были обнародованы, но аналитики и просто журналисты очень быстро «вычислили» возможные варианты состоявшейся сделки.

Временный поверенный в делах СССР в Литве Н. Г. Поздняков писал В. М. Молотову о настроениях в литовском обществе: «Поездка в Москву Риббентропа и подписание советско-германского пакта о ненападении вызвали среди литовской общественности волну явного беспокойства... нас спрашивали: чем заплатила Германия за выгодный для нее пакт; не скрывается ли за пактом договоренность о разделе между партнерами сфер влияния, в которые включается и Прибалтика; не отказывается ли СССР в своих будущих планах от Литвы; не принес ли он ее из-за желания сохранить за собой Эстонию и Латвию в жертву Германии и Польше и т. д.»¹³.

Военный атташе при полпредстве СССР в Литве майор И. М. Коротких подтверждал информацию советского полпреда: «Заклученный нами пакт с Германией, естественно, вызвал много толков. Сразу же был поставлен вопрос о судьбе Прибалтики, в том числе и Литвы. У них возникли вопросы: "Не намечен ли раздел сфер влияния до границ 1914 года?"»¹⁴. Оба сообщения появились за две недели до того, как Германия и СССР решили «литовский вопрос».

Не меньшую обеспокоенность факт советско-германского соглашения и его возможных последствий для стран Восточной Европы вызвал в Латвии и Эстонии.

Глава советской дипломатической миссии в Эстонии К. Н. Никитин сообщал: «Эстонцы распространяют слух, что у СССР с Германией существуют помимо отпечатанного договора тайные пункты, по которым они собираются разделить Польшу и Прибалтику»¹⁵.

Аналогичные слухи и страхи циркулировали в Латвии, о чем латышский министр иностранных дел В. Мунтерс 2 сентября 1939 г. рассказывал во время аудиенции советскому полпреду И. С. Зотову. Мунтерс просил «для успокоения и создания правильности мнения» сделать специальное заявление ТАСС, опровергающее эти слухи, или хотя бы опубликовать в латвийской печати интервью советского полпреда, где были бы сделаны соответствующие заявления. Зотов в ответ посоветовал читать советские газеты с речью Молотова о рати-

¹² Полпреда сообщают... С. 61.

¹³ Там же. С. 27.

¹⁴ Там же. С. 31.

¹⁵ Там же. С. 39.

фикации советско-германского пакта¹⁶. В последующие дни Мунтерс неоднократно встречался с Зотовым и настаивал на необходимости советской стороне сделать конкретное заявление о своих гарантиях балтийским странам. Зотов по-прежнему реагировал на эти просьбы в духе полученных из Москвы инструкций: вполне достаточно уже прозвучавших заявлений Сталина и Мологова, «что мы стоим и будем стоять за мир, поддерживали и будем поддерживать добрососедские отношения со всеми странами, если они будут держаться тех же принципов к нам»¹⁷.

Однако Латвии нужны были не абстрактные рассуждения о мире, а четкая позиция Москвы по отношению к Прибалтике, опровергающая слухи о разделе «сфер влияния». Естественно, советский полпред таких гарантий дать не мог, точно так же как не мог их дать и советский НКВД. Зотов, по-видимому, уставший от бесцельных переговоров с латышским министром, в конце концов перестал скрывать свое явное раздражение за правилами дипломатического этикета и на очередную реплику «назойливого» Мунтерса, что надо все-таки что-то сделать для «успокоения масс», коротко бросил: «Успокаивать массы — ваше внутреннее дело»¹⁸.

Советские дипломаты в Латвии, Литве и Эстонии, если судить по тону и содержанию их сообщений, после 23 августа не могли скрыть своего удовлетворения по поводу создавшейся ситуации. Советские полпредства и их сотрудники, еще недавно находившиеся на положении «нежеланных гостей», превратились в объект самого пристального интереса — дипломатического и общественного. Примеряясь к новой роли, некоторые полпреды позволяли себе в официальной переписке с Москвой и «недипломатические», скорее эмоциональные, рассуждения. Полпред в Эстонии К. Н. Никитин писал не без злорадства о том, что прибалтийским странам не удалось сыграть роль «регулятора между двумя крупными державами (между Германией и Россией) и свое значение благодаря этому раздувать до размеров вершинелей мировых судеб». «Сейчас этот надувшийся чертик, — продолжал советский дипломат, — выпустил все газы, придававшие ему большее, нежели он есть в действительности, значение, превратился в то, что он есть на самом деле, то есть в лимитрофного лилипута»¹⁹. В другом сообщении К. Н. Никитин уже называет Эстонию «бывшей провинцией» России, которую восточный сосед вполне может потребовать вернуть обратно²⁰.

¹⁶ Там же. С. 21.

¹⁷ Там же. С. 23.

¹⁸ Там же. С. 37–38.

¹⁹ Там же. С. 38.

²⁰ Там же. С. 46.

Анализируя текущую ситуацию в Эстонии и Латвии, советские полпреды приходят к единому выводу: сложился благоприятный момент для давления на эти страны в советских интересах. Не последнюю роль в аргументации советских наблюдателей играли и экономические проблемы, с которыми столкнулись страны Балтии после начала войны в Европе. Зависимая от британского рынка и английского фунта стерлинга, экономика Латвии и Эстонии после вступления в войну Англии неизбежно вступала в полосу кризиса. Первыми под угрозу остановки и, соответственно, массовых увольнений попали предприятия, работавшие на импортном сырье. Экономические трудности и реальная перспектива социальных потрясений заставляли власти стран Балтии искать новые рынки и новых торговых партнеров. В этом смысле российский рынок воспринимался как хотя и вынужденная, но вполне приемлемая альтернатива рынку британскому и западноевропейскому. Обстановка войны вообще сузила возможности выбора для невоюющих стран, особенно стран «малых», всегда зависимых в той или иной степени от «больших».

Кризисные явления в экономике балтийских стран усиливались благодаря воздействию психологического фактора: охваченное паническими настроениями население бросилось скупать в магазинах все, что было, создавая таким образом долговременные «военные» запасы. «В магазинах толкотня и давка, — описывал типичную для сентября 1939 г. картину К. Н. Никитин. — Эстонская крона, имевшая обеспечение английским фунтом стерлингов, начала ежедневно терять в курсе. Что касается продуктов питания, то они поднялись гораздо больше. Правительство Пятса во всем этом увидело мрачных предвестников, а потому в первую очередь решило продлить еще на год «положение об усиленной охране», а затем повысило цены на водку»²¹. В этих условиях, считал советский полпред, вполне можно ожидать от эстонского правительства «быстрого темпа перемены тона на сговорчивый»²².

В Латвии ситуация складывалась аналогичным образом, что дало повод полпреду И. С. Зотову «поторопить» Москву с принятием решения. «В этот момент возможен и политический поворот, при условии некоторого давления на них [латышей], — писал Зотов. — В силу невозможности выхода из экономического бедствия, кроме обращения за помощью в Советский Союз, нам кажется, необходимо перед удовлетворением их широкой просьбы попытаться сделать гласное политическое давление, обеспечивающее нашу заинтересованность. Добиться признания нашей заинтересованности, заключить пакт экономической и военной взаимопомощи, добиться искоренения всякой пропаганды против СССР, упро-

²¹ Полпреды сообщают... С. 47.

²² Там же.

чения широкой культурной связи и свободного допуска нашей прессы и литературы»²³.

То что предлагал Зотов («добиться признания нашей заинтересованности») по сути означало «открыть карты» относительно притязаний советской стороны на Прибалтику. Поэтому полпред полагал, что такие условия для правительства Латвии окажутся неприемлемыми. В таком случае, рассуждал в духе коминтерновской традиции полпред, «развяжутся оппозиционные силы против существующего строя, что не может не влиять на изменение внешнеполитической линии правительства и вплоть до замены его новым, способным принять нашу точку зрения»²⁴.

Как покажет дальнейшее развитие событий, латышское правительство, как эстонское и литовское, окажется «способным принять точку зрения» советской стороны гораздо раньше. И произойдет это под воздействием вовсе не мифических «оппозиционных сил», а вполне конкретной военной силы и весьма недвусмысленного дипломатического давления.

Обычно историки, анализируя обстоятельства подписания договоров о взаимопомощи между Советским Союзом и государствами Балтии, основное внимание уделяют дипломатической и политической стороне вопроса, рассматривая военный фактор скорее как дополнительный аргумент советской стороны, а угрозу применения военной силы как демонстрационный шаг; но не реальную готовность СССР начать боевые действия в Прибалтике уже в сентябре 1939 г. Однако, как показали исследования российских историков²⁵, демонстрация военной силы во время переговоров советского руководства с лидерами стран Балтии, не была блефом или приемом дипломатического нажима. Угроза войны и легко прогнозируемого поражения превратилась едва ли не в самый весомый аргумент, заставивший правительства балтийских стран в конце концов принять условия советской стороны.

В роли «опытного полигона», на котором проверялись возможности «сопротивления материала» и отработывались формы и методы военно-дипломатического давления, выступила Эстония. 13 сентября 1939 г. в Москве начались советско-эстонские переговоры о заключении торгового соглашения. 17 сентября советские войска вошли в Польшу. Это событие дало основание В. М. Молотову перенести переговоры из экономической в гораздо более важную для Со-

²³ Там же. С. 37.

²⁴ Там же.

²⁵ Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. М., 2000. С. 176–210; Лебедева Н. С. Германия и присоединение Литвы к СССР // Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 года до нападения Германии на СССР. М., 2006. С. 255.

ветского Союза политическую плоскость. Глава советского внешнеполитического ведомства предложил своему эстонскому коллеге и партнеру на переговорах К. Сельтеру заключить военный союз или договор о взаимной помощи, недвусмысленно заявив, что СССР «требуется расширение системы своей безопасности, для чего ему необходим выход в Балтийское море»²⁶. Когда Сельтер попытался уклониться от обсуждения этой довольно опасной темы, ссылаясь на нейтралитет Эстонии, Молотов пустил в действие более серьезные аргументы. «Прошу Вас, — обратился он к эстонскому министру, — не принуждайте нас применять силу в отношении Эстонии»²⁷.

Эта встреча проходила 24 сентября, а накануне переговоров советский военно-морской флот фактически установил морскую блокаду у берегов Эстонии, используя в качестве повода факт исчезновения из порта Таллина интернированной польской подводной лодки. 26 сентября войска Ленинградского военного округа получили директиву занять рубежи на эстонско-латвийской границе для ведения боевых действий. Конкретная задача советских военных формирований заключалась в том, чтобы «нанести мощный и решительный удар по эстонским войскам», а Балтийский флот должен был «уничтожить эстонский флот». Через два дня, 28 сентября, Наркомат обороны уже имел в своем распоряжении утвержденный план военной операции против Эстонии²⁸. Эстония оказалась непосредственно перед угрозой советского вторжения.

В этой обстановке в Москве 27 сентября были возобновлены советско-эстонские переговоры, главной темой которых стало заключение договора о взаимопомощи. С советской стороны переговоры вели И. В. Сталин и В. М. Молотов. Состав переговорщиков свидетельствует о том значении, который придавал Кремль договору, а также о степени высшей секретности самого переговорного процесса. О ходе переговоров не было проинформировано даже советское полпредство в Эстонии, что ставило советских дипломатов в весьма щекотливую ситуацию, когда им приходилось отвечать на вопросы эстонских представителей.

Как показали переговоры с эстонской стороной, а потом аналогичные встречи с латышскими и литовскими дипломатами, Сталин выступал не просто в роли одного из участников переговоров и даже не в роли свидетеля, подтверждающего важность этих встреч. Он сам по себе был режиссером, то и дело приходя на помощь Молотову в самые критические моменты переговоров. Именно Сталин вносил перелом в ситуацию, делая партнеров более сговорчивыми, загоняя их в тупик, выход из которого просто не оставлял выбора.

²⁶ Мельтюхов М. И. Указ. соч. С. 179.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 180.

Наибольшие споры в тексте договора вызывал пункт о количестве и местах размещения советского военного контингента в балтийских странах. Для Эстонии Молотов предложил численность советского гарнизона в 35 тыс. человек, в то время как численность всей эстонской армии в условиях мирного времени составляла 20 тыс. человек. К. Сельтер отказался принять советские предложения, тогда Сталин «снизил ставку» до 25 тыс. человек и стоял на своем до тех пор, пока эстонская сторона не приняла советские условия. Во время беседы с эстонским министром Сталин старался избегать прямых угроз, хотя, когда пакт с Эстонией был подписан, все-таки не удержался и сказал Сельтеру: «С вами могло получиться, как с Польшей»²⁹.

Пакт о взаимопомощи между Советским Союзом и Эстонией был подписан 28 сентября 1939 г., и на следующий день его официальная часть появилась в советских газетах. Согласно статье 3 этого договора Эстонская республика предоставляла Советскому Союзу «право иметь на эстонских островах Сааремаа (Эзель), Хийумаа (Даго) и в городе Палдиски (Балтийский порт) базы военно-морского флота и несколько аэродромов для авиации на правах аренды по сходной цене»³⁰. В специальном «конфиденциальном протоколе» оговаривалось, «что в целях предупреждения и пресечения попыток втянуть Договаривающиеся Стороны в происходящую ныне в Европе войну СССР имеет право, на время этой войны, держать на отведенных под аэродромы и базы участках отдельными гарнизонами в общей сложности до 25 тысяч человек наземных и воздушных вооруженных сил»³¹. Договор заключался на срок десять лет с возможностью его последующей пролонгации еще на пять лет.

После Эстонии настала очередь Латвии. Учитывая опыт предыдущих переговоров, Москва вполне могла рассчитывать на уступчивость латвийской стороны. Сталин вообще полагал, что с латышами особых проблем не возникнет, считая их заведомо неспособными на какое-либо серьезное сопротивление советскому давлению. Отношение Сталина к латышам как к возможным партнерам по переговорам характеризует один эпизод, относящийся к октябрю 1923 г. Во время обсуждения на заседании Политбюро вопроса о поддержке со стороны европейских стран левых сил Германии в случае революции Сталин прислал записку: «Я думаю, что лучше отказаться от зондирования поляков и прийтись за зондировку латышей — латышей можно залугать, припереть к стене и пр. С поляками этого не сделать. <...> Поляков изолировать. Латышей купить (и запугать)»³².

²⁹ Там же.

³⁰ Известия. 1939. 29 сентября.

³¹ Полпреды сообщают... С. 63.

³² Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б) и Коминтерн. 1919—1943. Документы. М., 2004. С. 208.

По этому принципу — «купить и запугать» — проходили кремлевские переговоры, начавшиеся 2 октября 1939 г. Свою беседу с министром иностранных дел Латвии В. Мунтерсом В. М. Молотов начал со ссылки на «эстонский прецедент»: «Хотелось бы с вами поговорить насчет того, как упорядочить наши отношения. Примерно так, как с Эстонией? <...> Нам нужны базы у незамерзающего моря»³³.

Молотова поддержал Сталин, немного сгладив прямолинейность своего наркома и внося по ходу дела успокоение по поводу возможных политических последствий советского военного присутствия в Латвии: «Мы хотим говорить о тех же аэродромах и о военной защите. Ни вашу конституцию, ни органы, ни министерства, ни внешнюю и финансовую политику, ни экономическую систему мы затрагивать не станем. Наши требования возникли в связи с войной Германии с Англией и Францией... С Германией наши отношения построены на долговременной основе. Но война ныне разгорается, и нам следует позаботиться о собственной безопасности. Уже исчезли такие государства, как Австрия, Чехословакия и Польша, могут пропасть и другие. Мы полагаем, что в отношении вас у нас подлинных гарантий нет. Это и для вас небезопасно, но мы думаем в первую очередь о себе. Еще Петр Великий заботился о выходе к морю. В настоящее время мы не имеем выхода и находимся в том нынешнем положении, в каком больше оставаться нельзя».

Беседа началась на вполне нейтральной, спокойной ноте, по-видимому, Сталин и Молотов не ожидали серьезных возражений с латвийской стороны. Но они ошиблись: В. Мунтерс оказался «крепким орешком», и кремлевским переговорщикам пришлось изрядно потрудиться, чтобы сломать сопротивление главы латвийской делегации.

Мунтерс, казалось, просто «не заметил» заверений Сталина о том, что советские военные гарнизоны в Латвии не представляют опасности для суверенитета страны. А по вопросу о военной угрозе Латвии со стороны какого-либо государства и «гарантиях безопасности» министр высказал свое недоумение: «Теперь мы имеем дело только с Германией и СССР. Поэтому, раз меж ними существует договор о ненападении, то мы не понимаем, о какой безопасности может идти речь?»

Главным аргументом Мунтерса была позиция нейтралитета, которой придерживалась Латвия в начавшейся войне. Пришлось Сталину «открывать карты» и уже непосредственно давить на собеседника: «Я вам скажу прямо: раздел сфер влияния состоялся... Если не мы, то немцы могут вас оккупировать. Но мы не желаем злоупот-

³³ Содержание беседы воспроизводится по записям министра иностранных дел Латвии В. Мунтерса. См.: Полпреды сообщают... С. 75.

реблять... Нам нужны Лиепая, Венспилс»³⁴. Речь шла о незамерзающих портах в Балтийском море, а также о размещении в Латвии советских военных гарнизонов. Сталин сначала назвал цифру в 50 тыс. человек.

Мунтерс настаивал на неприемлемости такого предложения («это столько же, сколько составляет наша армия») и ссылаясь на общественное мнение Латвии, которое вряд ли воспримет позитивно размещение советских военных баз в главных городах страны. После этих возражений Сталин снизил цифру до 30 тыс. человек. Началась, по выражению Мунтерса, «истинно азиатская торговля»³⁵, которая продолжилась на следующий день.

На эту встречу Мунтерс пришел с текстом своего заявления, в котором от имени латвийского правительства отказывался признать условия договора в том виде, как они были предложены в подготовленном Молотовым проекте.

«Самым существенным мы считаем, — говорилось в тексте заявления, — что заключение настоящего договора не должно в глазах латвийского народа являться навязанным тяжелым бременем, в котором общественное мнение усмотрело бы ограничение военной и вследствие этого и политической независимости государства и угрозу свободному существованию и развитию народа в будущем... Договор будет истолкован как создающий нечто вроде протектората — неприемлемое для свободного народа положение»³⁶.

Во время чтения текста заявления латвийской стороны Сталин заметно нервничал: что-то чертил, прохаживался по кабинету, брал со стола книги и газеты, снова ходил. Наконец он взял инициативу в свои руки. «Вы нам не доверяете. Мы вам тоже немного не доверяем, — начинает он совершенно спокойно. — Вы полагаете, что мы вас хотим захватить. Мы могли бы это сделать прямо сейчас, но мы этого не делаем». А дальше он ведет себя как настоящий актер, то и дело меняя маски, одновременно заигрывая и угрожая. В один из тупиковых моментов, в который раз услышав «нет» от Мунтерса, он как будто этого не замечает и пытается шутить как о давно решенном: «А вы наших моряков станете пускать к девицам или нет? В выходные дни? Они ведут себя хорошо». Потом резкий перепад настроения, и Сталин от шуток переходит к «страшилкам»: «Еще в августе немцы в переговорах о разделе сфер влияния назвали Даугаву, что означало разделение Латвии на две части. Русские не согласились, заявив, что так обращаться с народом нельзя... Не исключено, что немецкие притязания еще возродятся»³⁷.

³⁴ Полпреды сообщают... С. 77.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же. С. 78.

³⁷ Там же. С. 80–81.

Переговоры в Кремле, как это было в случае с Эстонией, шли между тем на фоне советских военных приготовлений на границе с Латвией³⁸. В итоге договор о взаимопомощи между СССР и Латвией 5 октября все-таки был подписан. Советский Союз получил право иметь базы в Лиелпае и Вентспилсе, а также несколько аэродромов. Численность советских гарнизонов устанавливалась на уровне 25 тыс. человек — единственная уступка, которой удалось добиться латвийской стороне. Договор заключался на 10 лет с возможностью последующей пролонгации на такой же срок³⁹.

По той же схеме шли переговоры о заключении пакта с Литвой. В данном случае, помня неуступчивость прежних партнеров, Кремль решил прибегнуть и к тактике «пряника». В этой роли выступил Вильнюс (Вильнюс), преподнесенный Сталиным в виде «подарка» Литве. Впервые Вильнюс как предмет возможного торга в отношениях между Москвой и Каунасом обозначился во время беседы В. М. Молотова с литовским послом Ладасом Наткевичюсом 19 сентября 1939 г., т. е. вскоре после того, как Красная Армия заняла Вильнюс. «Проблема Вильнюса может быть решена благоприятно для Литвы, — заверил Молотов, — однако в настоящей сумятице следует подождать, а позже будем говорить и договоримся (сговоримся)»⁴⁰.

Зондирование почвы Молотов продолжил спустя 10 дней, 29 сентября, пригласив Наткевичюса в Кремль на совещание⁴¹. Пакт о взаимопомощи с Эстонией был к этому времени уже подписан, но Молотов не спешил полностью раскрывать карты в отношении Литвы. Весь разговор носил довольно странный характер. Молотов подтвердил, что Москва готова решить «территориальные вопросы благоприятно для Литвы», но хотела бы иметь «основополагающие идеи особого расположения и доброжелательности» с литовской стороны. Иными словами, продолжил Молотов, Москва хочет знать, насколько литовцы «теплы» к Советскому Союзу⁴².

Озадаченный «температурными» ассоциациями своего собеседника, Наткевичюс отреагировал на них адекватным образом. «Трудно быть термометром, — заметил он, — в особенности не зная “основополагающие идеи”, которые будут применены в отношении Литвы Советским Союзом». Однако никакой конкретной информации литовскому посланнику получить так и не удалось, если не считать заверений Молотова, что Советский Союз «не собирается советизировать Литву» и создавать на ее территории «вторую Советскую Литву»⁴³.

³⁸ Мельтюхов М.И. Указ. соч. С. 184.

³⁹ Пошпруды сообщают... С. 86.

⁴⁰ СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Т. I. Vilnius, 2006. С. 184.

⁴¹ Записку Л. Наткевичюса о беседе с Молотовым 29 октября 1939 г. см.: СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Т. I. С. 224–227.

⁴² Там же. С. 225–226.

⁴³ Там же. С. 226.

Молотов предложил премьер-министру Литвы в спешном порядке прибыть в Москву, чтобы ознакомиться с «решением, которое подготовлено»⁴⁴. Наткевичюс предполагал, что этим решением может быть пакт о взаимопомощи. И он не ошибался.

Оставалось теперь «уладить формальности» — убедить литовскую сторону в необходимости подписания пакта. Переговоры с Литвой, несмотря на существование к тому времени эстонского и латвийского прецедента и даже несмотря на «приманку» в виде Вильноса, протекали долго и трудно. Всего с 3 по 10 октября 1939 г. состоялось пять встреч «на высшем уровне»: литовскую делегацию возглавлял министр иностранных дел Ю. Урбшис, с советской стороны переговоры вели Молотов и Сталин, который участвовал в трех встречах из пяти.

Оценив ситуацию, литовцы согласились подписать пакт о взаимопомощи с Советским Союзом, но в собственной редакции, отказавшись от размещения на своей территории советских военных баз и гарнизонов. Взамен литовская сторона предложила организовать в Литве советскую военную миссию и увеличить численность литовской национальной армии⁴⁵. Озвучивая эти предложения, Урбшис вместе с тем не исключал, что позиция Литвы вызовет недовольство Москвы и даже вооруженное давление с ее стороны⁴⁶.

Во время переговоров Сталин сразу дал понять, что предложения литовской стороны для него неприемлемы. Он был готов обсуждать текст договоренностей, но лишь в деталях. Например, первоначально заявленную численность советских военных гарнизонов 50 тысяч человек Сталин сократил сначала до 35, а потом и до 20 тысяч. Он был готов торговаться и дальше, однако этого не потребовалось. Исход дискуссии решила демонстративная военная активность Красной армии на литовской границе, а также угроза — в случае несогласия литовской стороны — передать Вильно Белоруссии.

10 октября 1939 г. советско-литовское соглашение было подписано. В отличие от двух предыдущих договоренностей этот пакт носил несколько иное название: «О передаче Литовской республике города Вильно и Виленской области и о взаимопомощи между Советским Союзом и Литвой». Договор предоставлял СССР право «держат в установленных по взаимному соглашению пунктах Литовской республики за свой счет строго ограниченное количество советских наземных и воздушных вооруженных сил». «Ограниченное количество» советского военного контингента определялось цифрой в 20 тыс. чел.⁴⁷ (армия Литвы в условиях мирного времени насчиты-

⁴⁴ Там же. С. 226–227.

⁴⁵ Там же. С. 245–246.

⁴⁶ Там же. С. 243.

⁴⁷ Полпреды сообщают... С. 94.

вала 28 тыс. чел.⁴⁸). Срок действия договора устанавливался 15 лет, с пролонгацией на следующие 10 лет.

В качестве «сопутствующего» к пактам о взаимной помощи документа Советский Союз подписал с Литвой, Латвией и Эстонией торговые соглашения.

Можно ли считать заключение пактов началом советизации балтийских стран? Если под советизацией понимать включение этих стран в зону советского влияния, то пакты стали первым шагом в этом направлении. Они обеспечили советское военное присутствие в регионе и тем самым создали механизм военного давления, с помощью которого Советский Союз мог держать ситуацию в Литве, Латвии и Эстонии под своим контролем.

Однако Сталин не собирался на этом останавливаться. 27 сентября 1939 г., когда шли переговоры с эстонской делегацией о заключении пакта, Сталин и Молотов обсуждали проблему советских интересов в Прибалтике с министром иностранных дел Германии И. Риббентропом. Когда Риббентроп в русле актуальных событий понинтересовался, не намерен ли Советский Союз «существенно медленное проникновение в Эстонию, а возможно, и в Латвию», Сталин ответил утвердительно. А потом уточнил, что там «тем не менее временно будут оставлены нынешняя правительственная система, министерства и так далее»⁴⁹.

По поводу своих планов относительно Литвы Сталин высказался тоже достаточно определенно: «Советский Союз включит в свой состав Литву в том случае, если будет достигнуто соглашение с Германией об «обмене» территорией»⁵⁰. Такое соглашение, известное как «Договор о дружбе и границах», было подписано на следующий день, 28 сентября.

В тот же день состоялось подписание и советско-эстонского пакта о взаимопомощи. Эти два события дали повод Риббентропу вновь вернуться к теме советских интересов в Прибалтике. Он спросил, «в какой форме и когда Советское правительство предполагает реализовать свои намерения, касающиеся Прибалтики». Как следует из записи той беседы, Сталин повторил то же, что говорил на предыдущей встрече: «Пока не предполагается изменять нынешнюю политическую и экономическую систему в Эстонии. Пока остается эстонская конституция, министерства будут продолжать свою работу. До поры до времени Эстония будет сама решать свои внешнеполитические дела»⁵¹.

⁴⁸ Мельтюхов М. И. Указ. соч. С. 193.

⁴⁹ СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Т. 1. С. 205.

⁵⁰ Там же. С. 205.

⁵¹ Там же. С. 209.

Даже если принять во внимание возможные неточности, связанные с изложением содержания беседы, и погрешности обратного перевода (оригинал документа составлен на немецком языке), суть высказываний Сталина не оставляет никаких сомнений. Пакты со странами Балтии рассматривались советским руководством как переходная форма, как стартовая точка в процессе создания «сферы влияния» Советского Союза в Восточной Европе. Вместе с тем очевидно, что в сентябре–октябре 1939 г. никакого детального «плана» советизации стран Балтии у Сталина еще не было. Его заявления на этот счет — скорее декларация о намерениях, тогда как вопрос о формах и сроках их осуществления оставался пока до конца неясным.

К сюжету о формах Сталин вернулся спустя месяц после встречи с Риббентропом. В беседе с Георгием Димитровым 25 октября 1939 г. Сталин обозначил свою позицию относительно соглашений с балтийскими странами более определенно: «Советское руководство полагает, что пактами о взаимопомощи с Эстонией, Латвией и Литвой была найдена форма, которая позволит Советскому Союзу включить в свою орбиту ряд стран. Но для этого пока надо твердо соблюдать их внутренний режим и суверенитет, не добиваясь советизации. Придет время, когда они сами это сделают» (выделено мной. — Е. З.)⁵². Таким образом, Сталин разделил такие задачи, как вовлечение балтийских стран в зону советских интересов и их советизацию, т. е. установление там политических режимов советского образца. Как опытный политик, он не мог не думать о том впечатлении, которое могла бы произвести «ускоренная» советизация Прибалтики на мировое общественное мнение. Поэтому он снова говорил не о сути, а о формах («они сами это сделают»).

Вместе с тем вопрос о формах, в том числе и о конфигурации будущих отношений между СССР и странами Балтии *внутри* сферы советского влияния, был хотя и второстепенный, но нельзя сказать, чтобы вовсе неважный. В конце концов речь шла о возможности сохранения для этих стран государственного суверенитета, как это случилось со странами Восточного блока после Второй мировой войны. В ситуации начавшейся Большой войны возможности выбора были, конечно, предельно ограничены, но это не значит, что они отсутствовали вовсе. Намерения Сталина определяли один вектор этого выбора, и не единственный. В какой степени эти намерения будут реализованы, зависело не только от «силы давления», но и от «силы сопротивления» — от позиции балтийских стран и от реакции влиятельных западных держав на политику Советского Союза в Прибалтике.

⁵² Наринский М. М. Кремль и Коминтерн 1939–1941 гг. // Свободная мысль. 1995. № 2. С. 16–17.

Заключение пактов со странами Балтии привело к существенно-му усилению позиций Советского Союза в Восточной Европе. Это событие послужило поводом к различным прогнозам и комментариям. Наиболее мрачные из них высказывались прессой балтийских стран, рассматривающей пакты как попытку Советского Союза «поглотить» Прибалтику. Полярные мнения высказывали представители немногочисленных левых сил, оживившихся в странах Балтии после подписания пактов. Они выступали за дальнейшее и более тесное сближение с СССР.

В Литве акции левых в поддержку советско-литовского пакта привели к столкновению демонстрантов с полицией. Демонстрация проходила 11 и 12 октября, в том числе под лозунгами «Да здравствует Советский Союз!», «Да здравствует Сталин!» Была попытка организовать митинг у каунасской тюрьмы и у советского полпредства. Однако сотрудники полпредства, имея на этот счет инструкции, к демонстрантам не вышли. Полиция, пытаясь воспрепятствовать движению демонстрантов, открыла стрельбу, один человек был ранен.

В других местах событий, аналогичных каунасским, не было отмечено. Левое движение не представляло в странах Балтии сколько-нибудь заметной силы. Однако нередко «масла в огонь» добавляли советские представители в Литве, Латвии и Эстонии, из сообщений которых порой складывалась картина, что страны эти стоят чуть ли не на пороге революции или по крайней мере готовы присоединиться к СССР. Особенно усердствовали военные. Советский военный атташе в Латвии полковник Васильев писал о настроениях латвийского общества в мае 1939 г.: «Общее мнение трудящихся — это скорей бы пришла Красная Армия. Интеллигенция рассуждает так: “Лучше советская власть, чем немцы”. Вывод: Правительство, его верхушка по-прежнему тянут латвийский народ в лоно германского фашизма... Трудящиеся массы стоят за прямое присоединение Латвии к Советскому Союзу»⁵³.

Полковнику Васильеву вторил заместитель наркома внутренних дел СССР Масленников. В своем докладе наркому обороны он так характеризовал обстановку в Эстонии в сентябре 1939 г., накануне заключения пакта о взаимопомощи: «Трудовое крестьянство эстонских пограничных сел высказывает симпатии к СССР и выражает желание о присоединении Эстонии к Советскому Союзу»⁵⁴.

Не менее оптимистично звучали заявления некоторых советских дипломатов. Поверенный в делах СССР в Латвии И. А. Чичаев делился своими наблюдениями с В. М. Молотовым после заключения пакта СССР с Латвией: «Широкие слои латвийского народа... приняли пакт о взаимопомощи с нескрываемой радостью... Сожалеют

⁵³ Советские архивы. 1990. № 2. С. 26.

⁵⁴ Там же. С. 27.

только об одном, а именно: слишком мало Советский Союз выговорил себе уступок от латвийского правительства. Нашим друзьям хотелось бы видеть Латвию если не советской, то по крайней мере освобожденной от диктатуры правительства Улманиса»⁵⁵.

Поскольку реальная ситуация в балтийских странах была весьма далека от нарисованной картины, можно только предполагать, чем руководствовались советские военные и дипломатические чиновники, отправляя в Москву заведомо недостоверную информацию. Возможно, хотелось бежать чуть-чуть «вперед паровоза» и предугадать планы Кремля относительно дальнейших действий в Прибалтике. И том, что такие планы существуют, советские представители в Прибалтике, судя по всему, не сомневались.

Однако Кремль подобная «ретивость» не устраивала: она создавала серьезные проблемы, осложняя и без того довольно напряженную обстановку в балтийских странах и настраивая мировое общественное мнение не в пользу СССР. Поэтому из Москвы прозвучали строгие инструкции: прекратить всякие контакты с левыми силами в странах Балтии и пресекать любые разговоры о советизации. «Всякие заигрывания и общения с левыми кругами прекратите, — телеграфировал В. М. Молотов полпреду СССР в Литве Н. Г. Позднякову 14 октября 1939 г. — Осуществляйте связь только с правительственными, официальными кругами, постоянно помня, что полпредство аккредитовано при правительстве, и ни при ком другом»⁵⁶.

Министр иностранных дел Литвы Ю. Урбшис во время своего визита в Москву в октябре 1939 г. получил соответствующие заявления от Сталина и Молотова, «что Советский Союз не стремится советизировать Литву»⁵⁷.

21 октября Молотов вновь телеграфировал Позднякову в Каунас: «Вам, всем работникам полпредства, в том числе и военному атташе, категорически запрещаю вмешиваться в междупартийные дела в Литве, поддерживать какие-либо оппозиционные течения и т. д. Малейшая попытка кого-либо из вас вмешаться во внутренние дела Литвы повлечет строжайшую кару на виновного. Имейте в виду, что договор с Литвой будет выполняться с нашей стороны честно и пунктуально. Того же будем требовать от Литовского правительства. Следует отбросить как провокационную и вредную болтовню о «советизации» Литвы»⁵⁸.

Однако пока Молотов инструктировал Позднякова в Литве, его коллега в Эстонии Никитин «проявил инициативу». 21 октября 1939 г.

⁵⁵ Полпреды сообщают... С. 100.

⁵⁶ Там же. С. 123.

⁵⁷ Там же. С. 124.

⁵⁸ Там же. С. 140.

он беседовал с эстонским министром иностранных дел А. Пийпом. Приближалось 7 ноября, годовщина Октябрьской революции, эстонские власти решили сделать дружественный жест и отметить это событие концертом, перед которым предлагалось выступить эстонскому министру иностранных дел и советскому полпреду. Никитин ответил на это предложение согласием. Кроме того, в советское полпредство обратился профсоюз строительных рабочих Эстонии с просьбой устроить прием в своем Рабочем доме для команд советских кораблей, а также посетить советские корабли, стоящие на рейде Таллина. По этому вопросу Никитин решил запросить инструкции Москвы⁵⁹.

Реакция Молотова была весьма резкой. «Нашей политики в Эстонии в связи с советско-эстонским пактом о взаимопомощи Вы не поняли, — выговаривал Молотов своему подчиненному. — Видно, что Вас ветром понесло по линии настроений советизации. Вы обязаны, наконец, понять, что всякое поощрение этих настроений насчет “советизации” Эстонии или даже простое непротивление этим настроениям на руку нашим врагам и антисоветским провокатором... Главное, о чем Вы должны помнить, — это не допускать никакого вмешательства в дела Эстонии»⁶⁰.

Далее следовали инструкции. Молотов запретил проводить какие бы то ни было встречи советских военных с эстонскими рабочими делегациями. Он предложил обратиться к А. Пийпу, чтобы тот отменил концерт 7 ноября, «так как такой концерт может быть истолкован левыми рабочими Эстонии как симптом желательного для них давления на внутреннюю политику Эстонии». Молотов категорически запретил советскому полпредству «вмешиваться в борьбу групп внутри Эстонии». И как итог: «Обязываю Вас пресекать всякие разговоры о “советизации” Эстонии как выгодные и удобные в данный момент лишь провокаторам и врагам СССР»⁶¹.

Столь категоричный тон начальства ставил советских полпредов в балтийских странах в довольно двусмысленную ситуацию, в которой они теряли всякие ориентиры. Общее недоумение выразил полпред в Литве Н. Г. Поздняков. Он писал в Москву в декабре 1939 г.: «Нашей практикой ставится вопрос о том, где кончается наше вмешательство и где начинается невмешательство. Например, можем ли и должны ли мы говорить с властями о чрезмерном зажиме со стороны цензуры ввоза наших печатных изданий, кинофильмов и т. д. Можем ли им указывать на такие вещи, как на не совсем лояльный тон печати по тому или иному вопросу... Считаем, что во всех этих и аналогичных им случаях наше вмешательство необходимо»⁶².

⁵⁹ Полпреды сообщают... С. 139.

⁶⁰ Там же. С. 144.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же. С. 206.

Относительно «советизации» были проинструктированы и военные — личный состав воинских частей Красной армии, расположенных в соответствии с пактами о взаимопомощи в Эстонии, Латвии и Литве. 25 октября 1939 г. нарком обороны К. Е. Ворошилов издал специальный приказ, регламентирующий поведение советских военных в странах Балтии.

«Весь личный состав наших частей должен точно знать, что по пакту о взаимопомощи наши части расквартированы и будут жить на территории суверенного государства, в политические дела и социальный строй которого не имеют права вмешиваться», — говорилось в приказе наркома. Советские военные предупреждались о возможности «провокаций», под которыми подразумевались настроения и разговоры о советизации Прибалтики. Такие настроения, если они обнаружатся у красноармейцев, следовало «в корне ликвидировать и шире пресекать самым беспощадным образом».

Советским военным, офицерам и рядовым, категорически запрещалось встречаться с рабочими и другими организациями или устраивать совместные собрания, концерты, приемы и т. д. «Всякая попытка со стороны военнослужащего, независимо от его положения, прикинуться “архилевым” и вести коммунистическую пропаганду хотя бы среди отдельных лиц населения будет рассматриваться как антисоветский акт, направленный на дискредитацию договора о взаимопомощи», — значилось в приказе.

Военнослужащим также строго запрещалось вступать в контакт с местным населением и рассказывать ему о жизни и порядках в Советском Союзе. Командирам и комиссарам предписывалось «пропикнуть сознанием, что части Красной армии находятся в чужой стране, с которой мы состоим в определенных договорных отношениях, и что они отвечают не только за свои действия, но и за действия своих подчиненных»⁶³.

Точку в этой широко развернувшейся кампании против настроений и слухов о советизации поставил Молотов. Выступая на сессии Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г., он сказал: «Мы стоим за честное и пунктуальное проведение в жизнь заключенных пактов на условиях полной взаимности и заявляем, что болтовня о “советизации” Прибалтийских стран выгодна только нашим общим врагам и всяким антисоветским провокаторам»⁶⁴.

Советские руководители никогда не путали слово и дело. Пока ситуация складывалась таким образом, что слово вредило делу, Москва болезненно реагировала на любой случай, дающий повод упрекать ее в намерении советизировать Прибалтику. Придет время, и этих слов перестанут бояться.

⁶³ Военно-исторический журнал. 1988. № 12. С. 12–13; Полпреды сообщают... С. 148–152.

⁶⁴ Известия. 1939. 1 ноября.

2.2. Вторжение: от пактов до ультиматумов

Выполнение условий пактов о взаимопомощи оказалось весьма непростым делом. В подписанных документах оговаривались только общие принципы соглашения, тогда как механизм реализации этих договоренностей во многом оставался неясным. Прежде всего это касалось процедуры ввода советских войск, порядка их размещения в местах дислоцирования, условий аренды и эксплуатации территорий, определенных под советские военные базы. В тексте договоров присутствовала формулировка об аренде баз «по сходной цене», которую должны были определить совместные комиссии.

Однако сам процесс достижения соглашения растянулся на месяцы. «Ни командование, ни торгпредство не имеют никаких указаний о том, когда, кем и в каком порядке должны быть заключены арендные договоры, — сообщал из Литвы полпред Н. Г. Поздняков. — В частности, никто не представляет себе понятия “по сходной цене”. Такое спокойное, я бы сказал, безразличное отношение к вопросу об аренде создаст у литовцев впечатление, что главное для нас было ввести войска, а остальное неважно»⁶⁵. Нетрудно догадаться, что подобное впечатление отнюдь не способствовало урегулированию спорных вопросов.

Ситуация в Латвии и Эстонии была схожей с литовской. Партнеры упрекали друг друга в неуступчивости и желании «приобрести капитал», а проще говоря, «нажиться» за счет другой стороны. Советские военные жаловались на дороговизну строительных материалов, продовольствия и услуг, стоимость которых для советских частей превышала рыночную цену. Их партнеры по переговорам стремились минимизировать экономические потери за счет советской стороны и вообще всячески затягивали решение вопросов, особенно связанных с необходимостью освобождения территорий и переселения населения из районов, которые отводились под военные базы.

«В переговорах с нами по вопросам, связанным с пребыванием советских войск, литовцы заняли позицию беспрестанных проволок и саботажа. Достаточно вспомнить, что переговоры по сравнительно маловажному вопросу о переходе границы воинами РККА тянулись три месяца, а переговоры по вопросам аренды и строительства для войск РККА, начатые 1 марта с. г., не завершены по сей день», — сообщал, например, в своей записке от 2 июня 1940 г. временный поверенный в делах СССР в Литве В. С. Семенов⁶⁶.

Аналогичным образом оценивалось положение в Латвии. В апреле 1940 г. Отдел Прибалтийских стран НКВД СССР делал вывод: «Двухмесячные переговоры между нашим торгпредством и латвий-

⁶⁵ Полпреды сообщают... С. 165–166.

⁶⁶ Там же. С. 350.

сами правительственными органами... не привели ни к каким результатам. Латвийское правительство заняло непримиримую позицию в установлении для нас неприемлемых условий производства строительства и тем самым поставило его под угрозу срыва»⁶⁷.

Столь же напряженно шел переговорный процесс об аренде военных баз в Эстонии. Достичь договоренностей мешало и то обстоятельство, что участники переговоров часто разговаривали на разном экономическом языке. Эстонцы, например, требовали от советской стороны компенсации не только за имущество переселяемых с балтийского побережья рыбаков, но и за «потерю дохода», т. е. убытков, которые могли произойти в результате потери промысла⁶⁸. Подобные претензии, с экономической точки зрения вполне законные, у советских представителей вызывали только недоумение и подозрение в намеренном обмане. Впрочем, недоверие к партнеру было уделом обеих сторон.

Вынужденно приняв советские условия, власти балтийских стран, конечно, отдавали себе отчет в том, что прибытие частей Красной армии отнюдь не вызовет восторгов у местного населения. Понимали это и советские представители. Когда К. Е. Ворошилов в своем приказе от 25 октября 1939 г. предупреждал советских военных, что они вступают «на территорию чужой, суверенной страны», нарком не лукавил. И Красная армия собиралась в Эстонию, Латвию и Литву как за границу — не в кратковременный военный поход, а надолго. Поэтому хотелось произвести «хорошее впечатление». Не случайно, например, перед вводом советских военных сил в Эстонию Ворошилов издал такую директиву: «Личный состав вводимых в Эстонию войск тщательно проверить, выделить для этого лучший рядовой состав, обеспечить самым подготовленным начальствующим составом, особенно комиссарским и политическим, снабдить части тибельным вооружением и имуществом. Войска хорошо обмундировать, обратив должное внимание на качество и пригонку»⁶⁹.

Впрочем, «пригонка» не помогла: советские военные не стали и не могли стать в Прибалтике «желанными гостями». Проблемы начались фактически сразу после того, как части Красной армии переступили границу Эстонии, Латвии и Литвы. Несмотря на все старания Ворошилова и независимо от того, как на самом деле выглядели красноармейцы, эстонцы, латыши и литовцы создали собственный образ «пришельцев».

«В Латвии распространяется самая гнусная клевета о нашей армии, красноармейцах, — писал советский полпред в Латвии И. С. Зотов. — Якобы красноармейцев плохо кормят и одевают, красноар-

⁶⁷ Там же. С. 297.

⁶⁸ Там же. С. 292.

⁶⁹ Там же. С. 74.

мейцы грязные, некультурные... Советская армия ничего не стоит, винтовки посят на веревочках, танки фанерные и скреплены проволочками и т. д. и т. п.»⁷⁰. Такой же образ Красной армии, как армии «оборванцев», складывался и культивировался в сознании литовцев. Обращают на себя внимание одни и те же повторяющиеся детали: рваные шинели, винтовки «на веревочках», фанерные танки⁷¹. На самом деле армия была одета-обута (не случайно нарком позаботился об этом) и вооружена отнюдь не фанерными танками. Только эта реальность не имела никакого отношения к настроениям общества в странах Балтии, которое через конструирование негативного образа Красной армии высказывало таким образом свое отношение к самому факту советского военного присутствия. На закрепление этого стихийно возникшего образа работала и политика властей в балтийских странах, стремящихся до минимума сократить контакты местного населения с красноармейцами. Учитывая соответствующие инструкции, полученные советскими военными, нетрудно понять, что стремление к изоляции было обоюдным.

«Литовские власти предприняли самые строгие меры к тому, чтобы спрятать от глаз населения части Красной Армии и ее технику, — докладывал полпред СССР в Литве Н. Г. Поздняков. — Для этого глаза населения были просто “закрыты” строжайшим распоряжением не выходить на улицы Вильно, по которым проходили наши части, и не смотреть в окна»⁷². Информация о том, что местные власти запрещают населению контактировать и даже просто разговаривать с красноармейцами и советскими моряками, поступала из Латвии и Эстонии⁷³. Правда, полпред в Эстонии К. Н. Никитин здесь же признавался, что на самом деле изолировать красноармейцев от населения далеко не всегда удается, особенно вблизи хуторов, где нет «надзирателей» и жизнь течет по своим законам⁷⁴. Это означало, что и директива советской стороны максимально ограничить контакты военнослужащих с гражданским населением тоже не выполнялась.

Что касается советских военных — и рядовых, и командиров, — то для них этот поход готовил большие соблазны. Несмотря на экономические трудности, уровень жизни, особенно в Латвии и Эстонии, был выше, чем на родине, а качество продуктов и ассортимент ширпотреба вызывали законное удивление. Кроме того, развивались естественные человеческие контакты и привязанности, которые считались «нежелательными». Роль подобных естественных «соблазнов» советские чиновники оценивали как намеренную провокацию

⁷⁰ Полпреды сообщают... С. 224.

⁷¹ Там же. С. 190.

⁷² Там же. С. 189.

⁷³ Там же. С. 193, 224.

⁷⁴ Там же. С. 197.

и пропагандистскую уловку. Полпред Н. Г. Поздняков писал, например: «Сильно употребляется пресловутое изобилие в магазинах: что командиры покупают по две пары часов, что они удивляются наличию ширпотреба и т. п., что явно неправдоподобно, так как командиры по магазинам не ходят»⁷⁵.

Беспокоил советских наблюдателей и «женский фактор». «Эстонцы стремятся поймать именно на эту удочку, — докладывал К. Н. Никитин. — Во многих ресторанах и кафе, наиболее часто посещаемых командирами, а также рядовым составом, вся прислуга преимущественно женская и вдобавок говорящая на русском языке. У командного и рядового состава... нет необходимой осторожности. Они уже расшифровали начальника особого отдела Марченко, которого полиция уже хорошо знает в лицо и хорошо знает его функции»⁷⁶.

То, о чем тревожились советские дипломаты, приветствовалось оппонентами, которые надеялись, что порядки и уровень жизни в странах Балтии способны «распропагандировать» Красную армию. В литовских кругах, например, бытовало мнение, что «советские войска, расквартированные в Литве, посмотрев на дешую жизнь, станут пропагандистами буржуазного строя в СССР»⁷⁷. С этими же настроениями был связан довольно нелепый, но показательный слух о том, что все части, расквартированные в Литве, потом будут отправлены в ссылку, в Сибирь⁷⁸.

Надо признать, что опасения «соблазнов» не были совсем безосновательными: скоро Красная армия в Прибалтике столкнулась с таким явлением, как дезертирство. Не желая открыто признать этот факт, советское командование докладывало об «исчезновении» красноармейцев. А потом возникла версия об их «похищении», что было использовано советской стороной как основание для пересмотра условий пактов о ненападении.

24 мая 1940 г. Н. Г. Поздняков докладывал в Москву: «Красноармеец-танкист Носов 24 апреля сбежал с поста с винтовкой. 18 мая сбежал красноармеец-танкист Шмавгонек. Надеюсь на свой розыск, командование за содействием к нам пока не обращалось. Литовские власти молчат, делая вид, что им эти случаи неизвестны. На самом деле они занимались укрывательством, что в корне противоречит характеру советско-литовских отношений»⁷⁹.

Уже на следующий день, 25 мая, В. М. Молотов довел эту информацию до сведения посланника Литвы в Москве Л. Наткевичюса. При этом нарком подчеркнул, что, по сведениям советской стороны,

⁷⁵ Там же. С. 190.

⁷⁶ Там же. С. 197.

⁷⁷ Там же. С. 351.

⁷⁸ Там же. С. 190.

⁷⁹ Там же. С. 330–331.

«исчезновение военнослужащих организуется некоторыми лицами, пользующимися покровительством органов Литовского правительства, которые спаивают красноармейцев, впутывают их в преступления и устраивают потом их побег либо уничтожают их»⁸⁰. Обвинив литовские власти в провокации, Молотов потребовал принять меры к розыску исчезнувших военнослужащих и их возвращению в части. В заключение нарком высказал надежду, что поведение литовской стороны не вынудит советское правительство прибегнуть к «другим мероприятиям».

Обращает на себя внимание одно обстоятельство: первый упоминаемый Поздняковым факт пропажи красноармейца произошел 24 апреля, а полпред докладывает об этом только месяц спустя. Примечательна и реакция Молотова: информация об исчезновениях уже через несколько часов была «пущена в дело», и история с красноармейцами, в которой было еще очень много неясного, выводится на уровень межгосударственного конфликта. Такого рода совпадения не бывают случайными. Даже если информация Позднякова была лишь поводом к раскручиванию скандала, то совершенно ясно, что сам скандал и его правовые последствия были задуманы заранее.

Причем Кремль явно торопился, чтобы довести задуманное до конца. Отсюда — небрежности в деле с «исчезновением» красноармейцев. М. И. Мельтюхов обратил внимание на то, что в документах, раскручивающих всю эту историю, то и дело всплывают новые фамилии и пропадают уже названные⁸¹. Кроме того, считает историк, в советских частях, вероятно, вообще плохо был поставлен учет военнослужащих. Не случайно некоторые из якобы «похищенных» потом возвращались в свои части, т. е. речь шла об обычной самовольной отлучке. Среди самовольщиков попадались и дезертиры, и перебежчики, стремившиеся остаться на территории другой страны, чтобы не возвращаться обратно в Советский Союз⁸².

Вообще после вторжения Красной армии на территорию Польши и Прибалтики перебежчики стали если не массовым явлением, то, во всяком случае, не единичным. О его распространенности свидетельствует в том числе и такой факт: 7 декабря 1940 г. принимается постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О привлечении к ответственности изменников родины и членов их семей», т. е. устанавливается своего рода система «круговой поруки» и ответственности. Отныне члены семей перебежчиков подлежали ссылке «в отдаленные северные районы» на срок от 3 до 5 лет с конфискацией имущества⁸³.

⁸⁰ Полпреды сообщают... С. 331.

⁸¹ Мельтюхов М. И. Указ. соч. С. 195.

⁸² Там же.

⁸³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 30. Л. 127.

Так что сам факт «исчезновения» военнослужащих не был сенсационной новостью: все дело заключалось в том, как использовать этот факт. Не случайно литовские власти отреагировали на заявление Молотова нервно и незамедлительно.

Вечером 26 мая было подготовлено ответное заявление литовского правительства. «Считая обвинения, возводимые на его органы, чрезвычайно тяжелыми и не имея в своем распоряжении никаких данных, способных их подтвердить хотя бы отдаленно, Литовское правительство настоящим выражает готовность немедленно произвести самое подробное расследование по названному обвинению»⁸⁴, — говорилось в тексте этого документа. Литовская сторона просила Москву конкретно назвать «органы и лица» в Литве, на которые ссылался Молотов, обвиняя их в пропаже советских военнослужащих.

Литовские власти готовы были начать поиск красноармейцев, чтобы передать их потом советскому командованию. Однако вскоре выяснилось, что красноармейцы «нашлись» и вернулись в свои части самостоятельно. Министр иностранных Литвы Ю. Урбшиес просил в связи с этим советского полпреда Н. Г. Позднякова организовать совместное расследование инцидента с предоставлением возможности литовской стороне допросить вернувшихся военнослужащих. Поздняков, однако, отклонил эту просьбу, мотивируя свой отказ тем, что «пострадавшие находятся в госпитале и пока неизвестно, когда они отдохнут от голода и переживаний»⁸⁵.

Поскольку советские представители в Литве всячески уклонялись от какого бы то ни было контакта с литовскими властями, обстановка накалялась. «Как Вы думаете, чем все это может закончиться?» — спрашивал литовский посланник в Советском Союзе Л. Наткевичюс своего коллегу Н. Позднякова. Чтобы выяснить ситуацию на месте, литовское правительство отправило в Москву Ю. Урбшиеса. В тот же день, когда было принято это решение, 30 мая 1940 г., в советских газетах появилось специальное заявление — «Сообщение НКВД СССР о провокационных действиях литовских властей».

В сообщении говорилось об «исчезновении» красноармейцев Шмавгонца и Писарева. И кроме того всплывал новый персонаж — «младший командир Бутаев», который якобы покончил жизнь самоубийством при попытке литовских властей задержать его. Упоминалось также, что «имели место еще два случая исчезновения советских военнослужащих в Литве», правда, уже без фамилий. А дальше следовала ключевая фраза: «Советское правительство потребовало от правительства Литвы принятия немедленных мер к прекращению этих провокационных действий и к розыску исчезнувших советских военнослужащих. Советское правительство выразило надежду, что

⁸⁴ Полпреды сообщают... С. 332.

⁸⁵ Там же.

Литовское правительство пойдет навстречу его предложениям и не вынудит его к другим мероприятиям»⁸⁶.

Заключительная часть сообщения с намеком на «другие мероприятия» была идентична заявлению, которое пять дней назад Молотов сделал Наткевичюсу. О том, что в течение этих дней литовские власти совершенно безрезультатно пытались «пойти навстречу» советским требованиям, в «сообщении НКВД», конечно же, не упоминалось.

Конфликт разворачивался в соответствии с придуманным в Кремле сценарием, а литовские официальные лица все еще пытались спасти положение и продолжали настаивать на двустороннем раследовании истории с красноармейцами, стремясь продемонстрировать во всем этом деле, как выразился Наткевичюс, «крайнюю добрую волю»⁸⁷.

Вместе с тем «уступчивость» литовских властей, как и обстоятельства скандала, в самой Литве вызвали довольно сложную реакцию. О настроениях литовского общества Н. Г. Поздняков докладывал в Москву: «В правых кругах говорят, со слов наших знакомых, что не успеет Советский Союз написать вторую ноту, как “Литва будет защищена”. Подчеркивают, что 7 июня будет в этом смысле исторической датой. Средняя прослойка склонна к протекторату Советского Союза над Литвой, т. е. к контролю над деятельностью Министерства иностранных дел, Министерства внутренних дел и Министерства обороны. Однако правые предпочитают протекторат Германии. Трудящееся население хотело бы полного господства Советского Союза»⁸⁸.

То, что «вторая нога» последует, мало кто сомневался. Однако для сочинения новой ноты истории с красноармейцами, и без того довольно невнятной и запутанной, было явно недостаточно. Требовались аргументы посерьезнее, выводящие комплекс претензий на более солидный уровень. Тут весьма кстати напомнил о себе проект Балтийской Антанты.

Некоторое оживление деятельности балтийских стран в направлении создания «тройственного союза» произошло весной 1940 г. В марте в Риге проходила конференция министров иностранных дел стран Балтии, уже одиннадцатая по счету. Особый смысл этой конференции придавал факт заключения пактов с Советским Союзом, заставивший балтийские страны более интенсивно, чем раньше, искать пути к сближению перед лицом «советской угрозы». По этой же причине рижская конференция привлекла внимание Москвы. Первый секретарь полпредства СССР в Латвии М. С. Ветров расцени-

⁸⁶ Известия. 1940. 30 мая.

⁸⁷ Полпреды сообщают... С. 336.

⁸⁸ Там же. С. 337.

вал, например, эту встречу как фактическое создание тайного военного союза между Латвией, Эстонией и Литвой. И союз этот, полагал дипломат, направлен против СССР⁸⁹.

Высказывались мнения, что на конференции в Риге наконец состоялось решение о присоединении Литвы к уже существующему союзу Латвии и Эстонии. Об этом, например, докладывал в Москву полпред в Латвии И. С. Зотов⁹⁰. 28 марта заместитель наркома иностранных дел СССР В. Г. Деканозов телеграфировал в Каунас Н. Г. Позднякову: «На конференции Балтийской Антанты в Риге, по имеющимся у нас непроверенным сведениям, Литва заявила о своем присоединении де-факто к существующему военному союзу между Латвией и Эстонией. Проверьте: они, видимо, это скрывают»⁹¹.

Однако, несмотря на все усилия, получить сколько-нибудь весомые доказательства реального существования военного союза между балтийскими странами тогда так и не удалось. Историки до сих пор довольно скептически оценивают возможности подобного союза, в первую очередь потому, что даже собранные вместе вооруженные силы балтийских стран не представляли собой силы, способной противостоять советской армии⁹². Советская военная группировка на границах Прибалтики насчитывала 435 тыс. человек, на вооружении которой находилось до 8 тысяч орудий и минометов, свыше 3 тысяч танков и более 500 бронемашин⁹³. Общая численность армий Латвии, Литвы и Эстонии в условиях военного времени составляла 427 тыс. человек, но, самое главное, этим армиям не хватало новой техники: Эстония могла выставить один танковый полк, а Латвия — одну танковую бригаду; в Литве был лишь один бронепоезд. Вместе взятые, механизированные части балтийских стран насчитывали всего около 150 танков и бронемашин⁹⁴. Немногим лучше обстояло дело и с оборонительными укреплениями: ничего подобного «линии Маннергейма» в Прибалтике не существовало. Весной 1940 г. балтийским странам не приходилось рассчитывать и на помощь извне: Англия и Франция «завязли» в войне с Германией, Германия на тот момент времени уже «уступила» Прибалтику Советскому Союзу. В этой ситуации единственным способом самосохранения для стран Балтии являлось стремление не обострять отношения с СССР. Поэтому планы развития проекта Балтийской Антанты если и рассматривались всерьез балтийскими политиками, то скорее как перспективные, рассчитанные на более благоприятную международную обстановку.

⁸⁹ Там же. С. 261–265.

⁹⁰ Там же. С. 266.

⁹¹ Там же. С. 267–268.

⁹² Подробнее об этом см.: Мельтюхов М. И. Указ. соч. С. 191–193.

⁹³ Там же. С. 198.

⁹⁴ Там же. С. 193.

За текущими делами притупился интерес к Балтийской Антанте и в Кремле. Вспомнили о ней только в связи советско-литовским конфликтом. После опубликования ноты НКВД, 2 июня 1940 г., руководитель ТАСС Я. С. Хавинсон обратился к В. М. Молотову с письмом: «В связи с последними фактами антисоветских происков в Прибалтике следует, по-моему, обратить серьезное внимание на деятельность так называемой Балтийской Антанты»⁹⁵. Точными данными о возможном военном союзе балтийских стран Хавинсон, как и все остальные, не располагал и поэтому оперировал довольно сомнительными «фактами». В качестве доказательства он использовал журнал «Revue Baltique» («орган Балтийской Антанты», по выражению Хавинсона), в материалах которого звучала мысль о необходимости экономического сотрудничества трех балтийских государств. Ни о каком «военном союзе» и «военном сотрудничестве» на страницах «Revue Baltique» речь между тем не шла. Но это обстоятельство не смущало Хавинсона. «Если даже не делать особых исторических экскурсов в прошлое Балтийской Антанты, то в связи с современной международной обстановкой резонно возникает вопрос: для каких иных целей, кроме как не для целей антисоветской возни, существует в настоящее время Балтийская Антанта?», — задавал вопрос руководитель советской информационной службы и здесь же, по сути, и отвечал на него новым вопросом: «Не назрело ли время принять с нашей стороны реальные меры для ликвидации Балтийской Антанты?»⁹⁶.

Торопили Москву с принятием решения по «балтийскому вопросу» и советские посланники. 3 июня 1940 г. временный поверенный в делах СССР в Литве В. С. Семенов сообщал в НКВД с пометкой «немедленно»: «...продолжается спешное вооружение шаулистов и концентрация их в крупных городах. В полицейских участках заготовлены для рассылки именные повестки для всеобщей мобилизации. Важные каунасские учреждения охраняются шаулистами... Заметно оживление прогрессивных слоев, громкое пение советских песен в дачных местах под Каунасом, продолжают демонстрации зрителей в кино, где третью неделю идут “Трактористы”... *Необходимы срочные меры и ввод войск в Каунас и Вильню*» (выделено мной. — Е. З.)⁹⁷.

Подготовка к тому, чтобы осуществить «меры», на которые наметали Я. Хавинсон и В. Семенов, между тем уже началась. 3 июня 1940 г. все войска, размещенные на территории Эстонии, Латвии и Литвы, были выведены из состава войск Ленинградского, Калининского и Белорусского военных округов и переданы в непосредствен-

⁹⁵ Полпреды сообщают... С. 338.

⁹⁶ Там же. С. 339.

⁹⁷ Там же. С. 341.

ное подчинение наркома обороны С. К. Тимошенко⁹⁸. Таким образом, было создано единое командование советскими вооруженными силами, находящимися в Прибалтике.

7 июня начался новый этап переговоров между Москвой и Каунасом. На этот раз с литовской стороны переговоры вел глава правительства А. Меркис. Если судить по записям бесед Меркиса с Молотовым, то, пока они касались инцидента с пропажей красноармейцев, переговоры то и дело заходили в тупик: Меркис требовал совместного расследования, Молотов упрекал литовские власти в нежелании «идти навстречу». Наконец, настала очередь «рояля в кустах». Если «Литовское правительство не хочет быть откровенным даже в сравнительно небольших вопросах (исчезновение военнослужащих), то тогда тем более непростительна скрытность в более крупных политических делах», — упрекнул Молотов своего собеседника и перешел к вопросу о Балтийской Антанте⁹⁹.

Для Меркиса это был совершенно неожиданный поворот, тем более что Молотов сослался на его статью в «*Revue Baltique*», в которой литовский премьер говорил о начале «полного сотрудничества» балтийских стран. «Значит, и военного тоже», — подытожил Молотов. Меркис возражал, ссылаясь на то, что «он не видит ни одного убедительного доказательства о наличии у Литвы военного союза»¹⁰⁰. На это Молотов дал понять, что Москва уже не нуждается в каких бы то ни было бы доказательствах, считая вопрос решенным и требуя от литовской стороны ответных шагов. Признание факта военного союза фактически было равнозначно признанию литовской стороной одновременно и факта нарушения ею условий пакта о взаимопомощи, запрещающего заключать военные союзы с третьими странами.

Литва делает последнюю попытку урегулировать конфликт с Москвой: 11 июня советская сторона получает извещение президента А. Сметоны о том, что он принял решение об изменении состава правительства¹⁰¹. Через три дня Ю. Урбисис сообщал, что от своих постов освобождены министр внутренних дел К. Скучас и директор департамента государственной безопасности А. Повилайтис, которые чаще всего упоминались Москвой в негативном смысле в связи с «исчезновением» красноармейцев.

Однако Кремль уже не могли удовлетворить такие уступки. В эти дни В. М. Молотов готовит главный документ, который скоро станет известен как «заявление советского правительства», или просто как «ультиматум». В архиве Молотова сохранился проект этого решения, который отличается от опубликованной версии документа. Судя

⁹⁸ Там же. С. 339–340.

⁹⁹ Там же. С. 362.

¹⁰⁰ Там же. С. 363.

¹⁰¹ Там же. С. 364.

по содержанию, он был составлен накануне 11 июня, когда Москва еще не знала об отставках Скучаса и Повилайтиса, но уже приняла решение по Литве.

В первоначальной версии ультиматума советская сторона предъявила Литве довольно объемный список требований:

«1. Вернуть командованием соввойск красноармейца Шутова.

2. Начальника политической полиции Повилайтиса арестовать и предать суду.

3. Министра внутренних дел Скучаса, по меньшей мере, сместить с занимаемого им поста.

4. Полностью и немедленно прекратить антисоветскую деятельность в стране, как пропагандистскую, так и всякую иную (в администрации, цензуре и т. д.).

5. Немедленно обеспечить доступ и свободную продажу в стране советской периодической печати и литературы, свободную демонстрацию советских кинофильмов, выпуск и продажу просоветской газеты на русском языке.

6. Теперешнему кабинету уйти в отставку.

7. Формирование нового кабинета поручить генералу Раштикису.

8. Генералу Раштикису предварительно согласовать новый состав кабинета с Советским правительством.

9. Новому кабинету назначить на пост начальника политической полиции лояльного Советскому Союзу человека.

10. Новому кабинету поставить во главе руководства армией лиц, способных обеспечить дружественное отношение и деловой контакт с командованием соввойск.

11. Новому кабинету — очистить от врагов советско-литовской дружбы весь государственный аппарат, особенно военные учреждения, полицию и Министерство иностранных дел.

12. Новому кабинету — согласовывать в дальнейшем с командованием РККА все военные планы и текущие мероприятия.

13. Новому кабинету — согласовывать в дальнейшем с советским правительством все имеющие значение... внешнеполитические действия.

14. Расквартировать часть советских войск в Каунасе.

15. Новому кабинету приять четырех представителей Советского правительства в качестве советников при: Кабинете министров (с правом участия в заседаниях кабинета), Министерстве иностранных дел, Министерстве обороны и Министерстве внутренних дел»¹⁰².

На подобном языке с представителями суверенного государства не разговаривают. Не оставляет сомнений относительно планов Кремля в Литве и содержание предъявленных требований. Внеся не-

¹⁰² Проект Заявления советского правительства. [Не позднее 11 июня] 1940 г. — РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1276. Л. 4–5.

которые поправки в эти требования (в связи с отставкой Скучаса и Повилайтиса), поздно вечером 14 июня 1940 г. Молотов зачитал текст советского ультиматума Урбшису.

В официальном варианте Заявления советского правительства, которое 16 июня было опубликовано, список требований сократился до трех позиций:

1. Немедленное предание суду Скучаса и Повилайтиса «как прямых виновников провокационных действий против советского гарнизона в Литве».

2. Формирование нового правительства, «которое было бы способно и готово обеспечить честное проведение в жизнь советско-литовского Договора о взаимопомощи».

3. Обеспечение свободного пропуска на территорию Литвы советских воинских частей «в количестве, достаточном для того, чтобы обеспечить возможность осуществления советско-литовского Договора о взаимопомощи и предотвратить провокационные действия, направленные против советского гарнизона в Литве»¹⁰³.

Таким образом, из официального текста ультиматума были изъяты требования, которые означали откровенное вмешательство Москвы в дела суверенного государства. Вероятно, чтобы не смущать мировую общественность столь очевидно прогивоправными действиями, советская сторона решила провести их в жизнь в «рабочем порядке».

Для ответа на ультиматум литовским властям отводилось менее 10 часов: ответ должен быть получен не позднее 10 часов утра следующего дня.

Урбшис еще пытался выиграть время. Он просил отсрочить принятие столь сложного решения. Или стремился перевести дело на частности: мол, в литовском кодексе нет статей, на основании которых можно предать суду Скучаса и Повилайтиса. На это Молотов бросил примечательную реплику: «...прежде всего, нужно их арестовать, а статьи найдутся. Да и советские юристы могут помочь в этом, изучив литовский кодекс»¹⁰⁴. Это означало, что вопрос о советском вмешательстве в Кремле был уже решен и Молотов говорил с Урбшисом не как с равноправным партнером, а как с подчиненным. Однако, чтобы новую ситуацию оценила и другая сторона, советский премьер на всякий случай предупредил: «...если ответ задержится, то Советское правительство немедленно осуществит свои меры и безоговорочно»¹⁰⁵.

Заявление Молотова не было пустой угрозой. Уже с первых дней июня 1940 г. Красная армия готовилась к ведению полномасштаб-

¹⁰³ Известия. 1940. 16 июня.

¹⁰⁴ Полпреды сообщают... С. 374.

¹⁰⁵ Там же. С. 372–373.

ных боевых действий в Прибалтике — не только в Литве, но и в Латвии и Эстонии. 14 июня, т. е. в день предъявления ультиматума Литве, была установлена морская и воздушная блокада Прибалтики. По линии НКВД готовились лагеря для военнопленных, а в «тылу» разворачивалась сеть госпиталей¹⁰⁶. 13 июня войсками была получена директива Политуправления Красной армии, которая должна была обеспечить политическое обоснование планируемой военной операции. Автор этого документа, М. З. Мехлис, помимо общих фраз о «срыве договоренностей» и «шпионской деятельности» позволил себе и немного фантазии, добавив к уже известной информации об исчезновении красноармейцев упоминание о том, что их не только «похищали», но и «истязали» с целью добыть «языка»¹⁰⁷. Получалось, что советские солдаты идут «выручать» своих товарищей.

Но главными, конечно, были военные и политические аргументы. «Наша задача ясна, — говорилось в директиве. — Мы хотим обеспечить безопасность СССР, закрыть с моря на крепкий замок подступы к Ленинграду, нашим северо-западным границам. Через головы правящей в Эстонии, Латвии и Литве антинародной клики мы выполним наши исторические задачи и заодно поможем трудовому народу этих стран освободиться от эксплуататорской шайки капиталистов и помещиков»¹⁰⁸.

Многие из этих установок перекликаются с агитационными призывами недавно закончившейся финской кампании: и про то, что надо «закрыть на замок Ленинград», и про помощь в ликвидации «шайки помещиков-капиталистов» — все это уже было. Но, посылая подобные ориентировки 13 июня, Мехлис явно не учел особенности момента: официально Советский Союз пока еще вел переговоры с Литвой, еще не был вручен ультиматум, так что всякие разговоры о ликвидации «помещиков и капиталистов» (читай: об уничтожении существующего строя, о государственном перевороте) были пока совершенно неуместны.

В то же время глава Политуправления РККА был, конечно, человеком прямолинейным, но нельзя сказать, чтобы несведущим. И в данном случае его прямолинейность служит косвенным доказательством того, что еще до предъявления ультиматума судьба Прибалтики была решена. Настал тот момент, когда Сталин поменял свою позицию относительно формы советизации балтийских стран. Не дожидаясь, пока «они сами это сделают», он решил «петоропить» их и «помочь» с решением этого вопроса.

То, что Сталин торопился, было очевидно. Для литовского министра Ю. Урбшиса это начало конфликта, когда вдруг всплыла не-

¹⁰⁶ Мельтюхов М. И. Указ. соч. С. 199.

¹⁰⁷ Там же. С. 200.

¹⁰⁸ Там же.

тория с «похищениями» красноармейцев, оказалось полной неожиданностью. «Перед нами появилась буря, в то время как буревестники не было», — высказывал недоумение министр¹⁰⁹. На самом деле «буревестники» были, только главная «буря» разворачивалась тогда не в советско-литовских отношениях, а на европейском театре военных действий. После того как Германия захватила Норвегию и Данию и взялась за Францию, Сталин решил, что пришла пора действовать. С учетом изменившегося баланса сил в пользу Германии договоры о взаимопомощи с балтийскими странами казались слишком ненадежной гарантией, чтобы обеспечить военно-стратегические интересы СССР в Прибалтике, на самой границе с Восточной Пруссией.

15 июня 1940 г., в тот самый день, когда войска вермахта вошли в Париж, литовское правительство приняло советский ультиматум. Красная армия заняла Литву. Через два дня, 17 июня, аналогичные события произошли в Латвии и Эстонии. Им предшествовали переговоры с Латвией и Эстонией, которые в отличие от Литвы шли уже по «ускоренной» схеме. Для того чтобы формально обвинить латвийские и эстонские власти в нарушении пактов о взаимопомощи и в силу этого предъявить ультиматум, хватило одного упоминания о создании военного союза в рамках «Балтийской Антанты». Версия с «похищениями» красноармейцев уже не понадобилась. В остальном ультиматумы, предъявленные Латвии и Эстонии, ничем не отличались от литовского. В случае отказа удовлетворить советские условия армия была готова начать боевые действия в Прибалтике. Как это произошло в Финляндии.

Однако совершенно очевидно, что «финляндского варианта», стоившего Советскому Союзу немалых потерь — не только военных, но и политических, Сталин стремился избежать. Для этого и понадобилась вся эта дипломатическая игра в «кошки-мышки», придавшая советскому вторжению в Прибалтику видимость законности.

Когда же Кремлем было принято окончательное решение об инкорпорации прибалтийских стран в состав СССР? Рассматривая обстоятельства советско-литовского конфликта по поводу «исчезновения» красноармейцев, Н. С. Лебедева считает, что отправной точкой «операции по присоединению Литвы» следует считать 24–25 мая 1940 г.¹¹⁰ По-видимому, это было действительно так, хотя процесс принятия решения по Прибалтике в целом растянулся во времени и окончательно оформился к моменту предъявления ультиматума литовской стороне, т. е. к 14 июня: содержание советских претензий и

¹⁰⁹ Полпреды сообщают... С. 365.

¹¹⁰ Лебедева Н. С. Указ. соч. С. 254.

стремительность развития дальнейших событий не оставляют на этот счет никаких сомнений¹¹¹.

Через две недели после того, как в Прибалтику вошли советские войска, В. М. Молотов во время переговоров с новым министром иностранных дел Литвы В. Креве-Мицкевичюсом поставил все точки над «i» в этом вопросе. Он объявил своему коллеге, что «присоединение Литвы к Советскому Союзу — дело решенное», уточнив на всякий случай, что вслед за Литвой последуют Латвия и Эстония¹¹². Такой вариант решения «прибалтийской проблемы» казался Кремлю более надежным и простым, чем обеспечение контроля над «сферой влияния». Между «влиять» и «властвовать» Кремль сделал тогда свой выбор в пользу последнего.

Теперь нужен был следующий шаг: смена власти в прибалтийских странах должна была пройти под легитимным камуфляжем. Особо фантазировать не стали: и из всех возможных вариантов будущего действия остановились на сценарии «народной революции».

2.3. Имитация «народных революций» под присмотром советских эмиссаров

16 июня 1940 г. в советских газетах появилось сообщение ТАСС о «ликвидации советско-литовского конфликта». Далее следовала информация о прибытии в Литву дополнительных частей Красной армии. Сообщения эти больше напоминали сводки с театра военных действий: «Сегодня, 15 июня, в 15 часов советские танковые части и мотопехота перешли литовскую границу и вступили в города Вильно, Каунас, Кедайняй. Продвижение советских войск происходит планомерно и без каких-либо инцидентов»¹¹³. На всякий случай военные рапорты дополнялись оптимистичными заявлениями, вроде следующего: «Советские танковые части и моторизованная пехота начали прибывать в город Каунас. В городе необычайное оживление. Десятки тысяч жителей Каунаса рукоплесканиями и криками “ура” приветствуют советские войска. Красноармейцам и командирам преподносят цветы»¹¹⁴. Спустя два дня подобным же образом представлялась картина вступления Красной армии в Эстонию и Латвию. Такой эта картина вошла потом и в советские учебники.

¹¹¹ Не сомневались относительно планов Кремля в Прибалтике после 15–17 июня и иностранные наблюдатели. Так, германский посланник в Каунасе Э. Цехлин сообщал в Берлин: «Здесь нет никого, кто сегодня верит, что полное поглощение прибалтийских государств заставит себя долго ждать» (Лебедева Н. С. Указ. соч. С. 257).

¹¹² Лебедева Н. С. Указ. соч. С. 258.

¹¹³ Правда. 1940. 16 июня.

¹¹⁴ Там же.

На самом деле реакция населения прибалтийских республик на советское вторжение была скорее сдержанно-выжидательной и совсем не восторженной. Цветы и крики «ура» были тоже, но не они определяли отношение литовцев, латышей и эстонцев к этой акции. Условия ультиматумов — оскорбительные и слабо аргументированные — вызвали справедливое возмущение. Не случайно, например, на переговорах в Москве с В. М. Молотовым латвийский посланник Ф. Коципш просил не публиковать в печати текст советского заявления, не без основания полагая, что «ультиматум может оставить плохое впечатление»¹¹⁵.

Демонстрации в поддержку СССР в балтийских странах начались немного позднее — 20 и 21 июня, когда ситуация в городах уже контролировалась частями Красной армии, под прикрытием которых местные левые силы смогли развернуть свою деятельность.

Официальную позицию Советского Союза в июньских событиях 1940 г. определяли требования, изложенные в ультиматумах. Для их выполнения в страны Балтии были направлены специальные представители, имеющие статус уполномоченных правительства СССР: А. А. Жданов — в Эстонию, А. Я. Вышинский — в Латвию, В. Г. Деканозов — в Литву. Все это были чиновники высокого ранга: Жданов как член Политбюро и секретарь ЦК к тому времени фактически являлся «правой рукой» Сталина; Вышинский как заместитель председателя СНК СССР, а Деканозов как заместитель наркома иностранных дел непосредственно подчинялись Молотову. Таким образом, круг лиц, принимающих решения по «балтийскому вопросу», расширился, однако произошло это уже после того, как была определена судьба Прибалтики. Жданов, Вышинский и Деканозов в этом смысле являлись высокопоставленными исполнителями, оказавшимися к тому же в довольно сложной ситуации. Из троих уполномоченных только Деканозов, находившийся последние месяцы в курсе событий благодаря своим контактам с полпредами в странах Балтии и с балтийскими дипломатами в Москве, представлял себе положение дел в Прибалтике. Вышинскому и Жданову пришлось осваивать это поле деятельности фактически заново.

Для Деканозова и Вышинского Прибалтика давала кроме того шанс «отличиться» перед своим шефом — Молотовым. Как вспоминал В. С. Семенов, «тогда в НКВД шло негласное состязание за то, кто будет первым по влиянию на В. М. — Деканозов или Вышинский. Первый был более силен близостью к органам и лично Берия, второй юридической подготовкой и способностью быстро ориентироваться и формулировать. Пока шло формирование аппарата НКВД, на первом плане был Деканозов, который отличался способностью замечать перспективных людей и двигать их без табели о рангах, но

¹¹⁵ Полпреды сообщают... С. 390.

был груб и окончил только первый курс мединститута. Потом выдвигался на передний план Вышинский, отчаянно борясь с Деканозовым. У Вышинского остались еще прокурорские привычки и, распекая нас за ошибки в документах или просто по скверному настроению, кричал: «Я посажу вам бубнового туза на спину»¹¹⁶»¹¹⁷.

Этим людям Сталин доверил столь непростую и деликатную миссию в Прибалтике. «Старшим» среди эмиссаров был Андрей Жданов. Первой задачей, которая стояла перед кремлевскими посланниками, являлось формирование новых правительств в Литве, Латвии и Эстонии. Документы не оставляют на этот счет никаких сомнений: состав новых кабинетов определялся советской стороной, корректировался и утверждался Москвой. Руководил процессом В. М. Молотов: на его имя уполномоченные посылали свою информацию, от него они получали все необходимые инструкции.

По замыслу Москвы, состав новых правительств не должен был выглядеть как откровенно просоветский. Поэтому ставка делалась на людей авторитетных, не являющихся членами компартии, но при этом лояльно относящихся к СССР. Так в роли кандидатов на посты в правительствах оказались «выдающиеся представители передовой интеллигенции» — именно такую характеристику персональному составу новых кабинетов давала советская пресса¹¹⁸. Министерские портфели получили представители научных кругов, профессуры и художественной элиты. В Литве правительство возглавил журналист и общественный деятель Юстас Палецкис, в Латвии — профессор Август Кирхенштейн, в Эстонии — бывший врач и известный поэт Йоханнес Варес-Барбарус.

Главная проблема для московских эмиссаров, занятых формированием правительств, заключалась в том, что они плохо знали людей, а подбор кандидатов проходил в большой спешке. В сохранившихся набросках к составу новых кабинетов то и дело встречаются ошибки в написании фамилий (записанных, видимо, на слух), но в то же время показательно и другое: круг потенциальных кандидатов на министерские «портфели» относительно узок, в процессе обсуждения редко всплывают новые имена.

Сохранилось несколько свидетельств о том, как проходило формирование кабинета, например, в Эстонии. Ниголь Андресен, полу-

¹¹⁶ Бубновый туз — арестантская метка в дореволюционной России: четырехугольный знак желтого цвета, который вырезали на спине арестантской одежды. См.: Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Т. 1. М., 1994. С. 76.

¹¹⁷ От Хрущева до Горбачева. Из дневника чрезвычайного и полномочного посла, заместителя министра иностранных дел СССР В. С. Семенова // Новая и новейшая история. 2004. № 3. С. 107–108.

¹¹⁸ Правда. 1940. 18 июня, 22 июня, 23 июня.

живший в новом правительстве пост министра иностранных дел, вспоминал о своей беседе с А. А. Ждановым:

«А. Жданов принял меня вместе с послом Никитиным, и наша беседа длилась примерно часа два. Жданов сообщил мне, что надо создать в Эстонии новое, подлинно демократическое правительство и стал расспрашивать меня о возможностях и деятельности отдельных лиц. Он спросил мое мнение об Й. Варесе как премьер-министре. Я ответил, что очень доверяю Й. Варесу, но знаю, что ему совершенно чужда всякая административная работа, и боюсь, что у него возникнут трудности. Профессора Нуута я лично не знал, но по слухам дал ему положительную оценку. «Кто шире известен среди народа, Нуут или Семнер?» — прозвучал вопрос. «Мне кажется, Семнер», — ответил я без колебаний. Насколько я знаю профессора Крууса? Ответил, что лично сталкивался с ним очень мало; охарактеризовал его как историка, говорил о его антипястовских выступлениях. Все это Жданов знал. Могу ли я рекомендовать Крууса в члены правительства? Я побоялся это сделать и сказал это; я близко Крууса не знал. <...> Какое министерство я сам мог бы взять — был один из последних вопросов. «Я об этом не думал», — ответил я. Время было бы подумать, и он предлагает министерство иностранных дел. Вечером (21 июня) кандидаты в члены нового правительства были приглашены к А. А. Жданову, где он кратко спрашивал у каждого, согласны ли мы стать членами правительства. Вскоре после этого Варесе отправился к президенту со списком правительства, и когда я около 22 часов пошел домой, услышал по радио состав нового правительства»¹¹⁹.

Не только для Андрезена, но и для других будущих членов эстонского правительства предложение советского уполномоченного оказалось полной неожиданностью. На должность главы нового кабинета предполагалось назначить популярного эстонского поэта Поханнеса Вареса-Барбаруса, известного своими левыми взглядами. Жданов пригласил Вареса для беседы. В личном архиве Жданова сохранилась запись этой встречи.

«Барбарус понимает, что Эстония переживает сейчас переломный момент в своей жизни, радуется тому, что наступило время, когда могут восторжествовать идеи, за которые он боролся в меру своих сил все эти 22 года.

Говорит, что приход Красной Армии встречен народом спокойно и сочувственно.

Народ боится немецкого влияния, потому что Германия для эстонцев является вековым врагом: что бы там ни было, лишь бы не германцы. Народ (рабочие, крестьяне, средняя интеллигенция) по-

¹¹⁹ 1940 год в Эстонии. Документы и материалы. Таллинн, 1989. С. 113–114.

нимает, что СССР — единственное государство, которое уважает права эстонского народа и может обеспечить его самостоятельность.

Среди старого правительства были и честные, и порядочные люди, но в целом это правительство реакции и гнета. Демократии никакой нет. Отношение к СССР — формально лояльное. Сначала даже непонятно было, как это СССР пошел на союз с таким правительством, которое все время враждебно относилось к Советской России.

Барбарусе душой готов поработать на пользу своему народу и укрепление дружеских отношений с нами, но чувствует себя практически неподготовленным к деятельности премьера. Бойтся, что будет слишком резкий переход.

Все 22 года плутократия много поработала по части раздувания эстонского шовинизма. К тому же выдвижение писателя-поэта, человека богемы, в глазах эстонцев может быть непонятно. Надо, чтобы равновесие народа не было нарушено. Кроме того, он сам лично — человек чувства, у него может не хватить воли, хотя рука, вообще говоря, не дрогнет, если нужно будет»¹²⁰.

Жданов попросил Вареса назвать людей, которые могли бы войти в состав нового эстонского правительства. Варес упомянул семь человек, пятеро из них — Х. Круус, Н. Андресен, А. Йозер, И. Семпер, М. Унт — потом действительно станут министрами.

Состав нового кабинета, когда он был опубликован, вызвал разочарование в рядах коммунистов. Один из лидеров эстонской компартии, И. Лауристин, недоумевал по этому поводу и говорил, что «если бы дали задание подпольной компартии подобрать состав правительства, то были бы другие люди»¹²¹. Более сведущий и наблюдательный современник, П. Вихалем, назначенный на должность заместителя министра внутренних дел, вспоминал: «Политика была такая, чтобы назначать таких министров, чтобы видно было, что правительство не из коммунистов, а коммунистов включить побольше в аппарат, особенно на ключевые позиции»¹²².

Эта линия проводилась во всех трех балтийских республиках. Однако для того, чтобы сделать новые правительства не только привлекательными для общественного мнения, но и обеспечивающими интересы Москвы в странах Балтии, не приходилось расчитывать только на силы местных коммунистов в управленческом аппарате. Тем более, что кадровые возможности у компартий были довольно скромными, да и условия подпольной работы не способствовали

¹²⁰ Запись беседы А. А. Жданова с И. Варесом-Барбарусом, Июль 1940 г. — РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 124. Л. 1–2.

¹²¹ 1940 год в Эстонии. С. 116.

¹²² Там же. С. 117.

развитию управленческих навыков. В этой связи А. Я. Вышинский просил «помочь с кадрами» Москву. «Новые министры не обеспечены надежными помощниками, — писал уполномоченный 22 июня 1940 г. из Риги. — Занимаемся совместно с ними подбором кадров, но необходимо было бы прислать из Москвы 10–15 человек для расстановки по разным министерствам в помощь министрам»¹²³.

На самом деле новые правительства, которые вскоре будут называться «народными», не были вовсе свободны от коммунистов. Только в Эстонии удалось составить кабинет хотя и достаточно «левый», но без участия членов компартии. В литовском правительстве на ключевой пост министра внутренних дел был назначен Мечисловас Гедвилас, вступивший в компартию Литвы еще в 1934 г. Аналогичный пост в Латвии получил Вилис Лацис, будущий глава правительства Латвийской Советской Социалистической Республики. Однако принадлежность к компартии членов новых кабинетов нигде не афишировалась. В лучшем случае их представляли как «прогрессивных общественных деятелей» и «друзей СССР». Публикуя биографические справки членов новых балтийских правительств, «Правда», например, давала им такие характеристики: Вилис Лацис — «известный писатель-публицист, занимающий выдающееся место в латвийской литературе»; Ниголь Андресен — «видный деятель профсоюзного движения, широко известен в кругах эстонской интеллигенции»; Максим Унт — «один из руководящих деятелей профсоюзного движения» и т. п.¹²⁴

Умалчивание о коммунистической принадлежности некоторых министров было продиктовано, кроме того, и соображениями политкорректности, поскольку формально деятельность компартии в балтийских странах еще была запрещена, а значит, коммунисты находились на нелегальном положении. Легализовать компартию должны были новые органы власти. Но их еще только предстояло создать.

Сочиненные и утвержденные в Москве новые правительства между тем надо было тоже «легализовать». Чтобы получить статус «народных», эти правительства должны были появиться на основе движения снизу: по советскому сценарию народ должен был потребовать отставки прежних правительств и формирования новых. На самом деле эти два процесса — формирование кабинетов и раскачивание народного движения или создание подобия такого движения — происходили одновременно.

20–21 июня в Латвии, Литве и Эстонии прошли демонстрации и митинги. Московские эмиссары внимательно следили за развитием ситуации и докладывали об этом в центр — Сталину и Молотову. Демонстранты несли просоветские лозунги — в честь Сталина,

¹²³ Полпреды сообщают... С. 419.

¹²⁴ Правда. 1940. 22 июня, 23 июня.

СССР и Красной армии, а когда они проходили мимо советских посольств, их открыто приветствовали официальные лица. Полиция пыталась противодействовать начавшимся волнениям, на что из Москвы пришла директива «о недопустимости пассивного отношения к полицейским расправам»¹²⁵.

В Эстонии события развивались особенно стремительно. 21 июня участники митингов и демонстраций приступили к практическим действиям: были захвачены арсенал, полицейское управление, тюрьма, из которой были освобождены политические заключенные. Началось вооружение рабочих. В столкновениях с полицией несколько человек были ранены, сообщалось о 2–3 убитых¹²⁶. Обеспокоенный таким поворотом событий, полпред К. Н. Никитин докладывал в Москву: «Часть людей не поняла нашей политики, смену правительства расценила как революцию и в демонстрацию 20 июня внесла элементы Октября»¹²⁷.

Между тем сценарий «Октября» совсем не вписывался в планы Кремля, рассчитывавшего решить свои задачи в Прибалтике мирным путем и избежать, таким образом, возможных упреков в организации «коммунистического переворота». Поэтому Жданов, руководствуясь директивами из Москвы, дал распоряжение лидерам левых сил «прекратить революционные действия и разоружить рабочие дружины».

Анализируя эти события, когда ситуация вполне могла выйти из-под контроля, полпред Никитин таким образом объяснил их причины: «1) вожди рабочего движения: Унт, Руус, Андресен — выпустили демонстрацию из рук; 2) виноваты мы, что недостаточно крепко держали вождей рабочего движения»¹²⁸.

Необходимость противодействия левому экстремизму была не только эстонской проблемой. Аналогичные тенденции были характерны и для Латвии. Уже после того как новые правительства получили официальный статус, в компартии сохранялось стремление «ускорить» события, придав им «революционный характер». Полпред В. К. Деревянский докладывал 3 июля 1940 г., что компартии Латвии «приходится в настоящий момент бороться с некоторыми левосектантскими уклонами со стороны отдельных представителей партии и местных партийных организаций (например, Латгальской, Либавской), которые, не вполне разобравшись в происходящих событиях, выдвинули лозунги немедленного установления Советской власти в стране»¹²⁹.

¹²⁵ Полпреды сообщают... С. 432.

¹²⁶ Там же. С. 433.

¹²⁷ Там же. С. 432.

¹²⁸ Там же. С. 434.

¹²⁹ Там же. С. 447–448.

Согласно кремлевскому сценарию вопрос о преобразовании политического строя стран Балтии по советскому образцу должен был быть решен формально легитимным, демократическим путем, т. е. через представительные органы власти этих стран. Но для этого еще предстояло создать «представительные органы», гарантирующие решение подобной задачи. На очередь дня встала проблема организации парламентских выборов.

Условия проведения выборов появились во всех трех государствах одновременно, 5 июля 1940 г. и были оформлены как постановления новых правительств. В Эстонии решение правительства получило дополнительное подкрепление в форме указа президента К. Пятса. Решения эти были однотипными в своих главных принципах, т. е. выборы должны были проходить в одни и те же сроки и по одному сценарию, «московское происхождение» которого не может вызывать сомнений. Этот сценарий предусматривал, во-первых, организацию выборов в ускоренные сроки (на предвыборную кампанию отводилось всего 9 дней) и, во-вторых, проведение в парламент заранее отобранных кандидатов. Второй принцип по понятным причинам не подлежал оглашению, но выборные технологии были выстроены таким образом, чтобы обеспечить безальтернативный характер выборов. Эти технологии и ускоренные сроки выборной кампании находились в непосредственном противоречии с действующими конституциями Литвы и Эстонии (в Латвии после переворота 1934 г. новая конституция так и не была принята).

На следующий день, 6 июля, было объявлено о создании избирательных блоков — «Союза трудового народа» в Эстонии и Литве и «Блока трудового народа» в Латвии. Нетрудно увидеть в этих объединениях аналог невременного спутника советских выборов — «блока коммунистов и беспартийных». Кандидатам блока предстояло одержать победу на выборах. Для кандидатов от других партий были созданы такие условия, которые фактически устранили их от участия в выборах. Более того, все было построено таким образом, чтобы исключить даже самую возможность борьбы между кандидатами.

Представление о технологии выборов можно получить на примере Эстонии. Документы из личного архива А. А. Жданова показывают, как выстраивались эти «новые технологии». Жданов внимательно ознакомился с избирательным законом Эстонии. Некоторые позиции закона привлекли его особое внимание, и Жданов отметил:

«Право выборов — 22 года и 3 года в эстонском гражданстве»;

«В выборах не участвует армия»;

«Главный [избирательный] комитет — старорежимный. Окружные комитеты назначаются главным»;

«Списки [кандидатов] должны быть налицо»;

«За 35 дней публикуются, а раньше можно»;

«Залог — 250 крон»;

«Где один кандидат, выборы не проводятся»¹³⁰.

Этот порядок Жданова не устраивал. Во-первых, нельзя было доверить столь ответственное дело «старорежимному» избирательному комитету. Во-вторых, не устраивали сроки — 35 дней, отпускаемые на выборную кампанию по закону. Столько Москва ждать не могла. Наконец, принцип альтернативности выборов («где один кандидат, выборы не проводятся») просто ставил под угрозу саму возможность проведения «правильных» кандидатов.

Избирательный закон нужно было менять. Но каким образом? Жданов записывает: «Параграф 68 Конституции». Это был очень «неудобный» параграф, согласно которому президент страны мог назначить выборы в парламент, но при этом не имел права менять избирательный закон. Пришлось действовать вопреки конституции: так родился новый порядок выборов.

Немецкий историк, известный специалист по истории стран Балтии Борис Мейснер восстановил по документам основные особенности и характерные детали выборной кампании в Эстонии¹³¹. Для проведения выборов были созданы избирательные комиссии — центральная и окружные. Аппарат избирательных комиссий состоял преимущественно из коммунистов, что должно было обеспечить четкое проведение в жизнь определенного порядка выборов. Избирательные комиссии получили широкие полномочия. Так, решение Центризбиркома об отклонении заявлений об участии в выборах являлось окончательным и не могло быть обжаловано в суде.

Главная задача избирательных комиссий на этапе подготовки к выборам заключалась в том, чтобы не допустить участия в выборной кампании альтернативных кандидатов, т. е. кандидатов, не входящих в «Союз трудового народа». Чаще всего причиной отказа являлись формальные придирки, по большей части совершенно незначительные¹³². Тем не менее, несмотря на такой строгий отбор, почти в каждом избирательном округе оказалось по крайней мере по одному альтернативному кандидату, получившему право принимать участие в выборах наряду с кандидатом от «Союза».

Подобное развитие событий противоречило первоначальному сценарию, поэтому правительство Эстонии 9 июля 1940 г. внесло новые поправки в избирательный закон. На этот раз от всех кандидатов потребовали представление избирательной платформы, которую следовало направить в избирком уже на следующий день. Избира-

¹³⁰ Записные книжки и черновые наброски А. А. Жданова. — РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 164. Л. 20.

¹³¹ Meissner B. Die Baltischen Staaten im weltpolitischen und völkerrechtlichen Wandel: Beiträge 1954–1994. Hamburg, 1995. S. 63–87.

¹³² Ibid. S. 65.

тельные комиссии могли отказать кандидату в регистрации в случае, если его платформа «является голословной или откровенно направленной на обман избирателей»¹³³. Только кандидаты от «Союза трудового народа» освобождались от обязанности представлять свою избирательную платформу, поскольку та уже была опубликована в средствах массовой информации.

Несмотря на столь жесткие условия, большинство альтернативных кандидатов все-таки сумели представить свои избирательные платформы к намеченному сроку. Многие из них пошли на известную уловку, построив свою платформу на основе положений, дословно совпадающих с платформой «Союза трудового народа». Это, однако, не помогло: за редким исключением, избирательные комиссии отказывали кандидатам в регистрации, ссылаясь на то, что их платформы содержат положения либо «голословные», либо «вводящие избирателя в заблуждение»¹³⁴.

Окружная избирательная комиссия города Тарту на своем заседании 19 июля отказала в регистрации четырем кандидатам, мотивируя свое решение тем, что их предвыборные платформы содержат лишь «общие заявления» и в них не уточняется, каким образом эти общие заявления будут претворяться в жизнь¹³⁵. Однако членам избиркома подобной формулировки показалось мало, и они решили подкрепить свой отказ новыми аргументами. Эти аргументы и являлись главными причинами отказа. Выяснилось, например, что кандидаты известны как «противники Советского Союза», что они критиковали советско-эстонский пакт о взаимопомощи. Кроме того, числил следующий пункт обвинений, они «не имеют никаких контактов с рабочими организациями Тарту или Эстонии»¹³⁶.

Иногда случались казусы, когда окружная избирательная комиссия сначала признавала платформу альтернативного кандидата действительной, а потом, получив соответствующие инструкции, отменяла свое решение. Так, избирательная комиссия Вильянди 10 июля зарегистрировала платформу бывшего министра иностранных дел Эстонии Антса Пийпа, хотя и отметила в своем решении, что его прежняя деятельность являлась «вредной» с точки зрения интересов эстонского народа и поэтому заслуживает осуждения. На следующий день избирком уже откорректировал собственное постановление, признав платформу Пийпа «недействительной»¹³⁷. Таким образом, противоречие между «правильной» платформой

¹³³ 1940 год в Эстонии. С. 140.

¹³⁴ Meissner B. Die Baltischen Staaten... S. 66.

¹³⁵ Протокол избирательной комиссии опубликовал Борис Мейснер. См.: Meissner B. Die Baltischen Staaten... S. 84–86.

¹³⁶ Ibid. S. 85.

¹³⁷ Ibid. S. 86.

и «вредной», с точки зрения членов комиссии, деятельности кандидата было устранено.

На самом деле члены избиркомов не имели никакого формального права отказывать кандидатам в регистрации на основании их политических взглядов или прежней деятельности. Это была «самодеятельность», точнее, произвол. Вместе с тем характер «самодеятельности», а также факт внесения незаконных обвинений в протокол свидетельствуют о том, что члены комиссий выполняли инструкции, однако в силу отсутствия опыта не слишком обращали внимание на соблюдение «формальных» моментов. В конце концов они руководствовались не буквой закона, а «классовым чутьем», которое в новых обстоятельствах пользовалось куда большим спросом, чем такие понятия, как «право» и «закон».

Что касается «инструкций», то некоторые из них содержали весьма недвусмысленные формулировки. Автором одной из «инструкций» был А. А. Жданов (сохранился рукописный текст одного из вариантов этого документа). Речь идет, вероятно, о заявлении Центральной избирательной комиссии, в котором говорится: «Стоя на защите существующего государственного и общественного порядка, запрещающего деятельность враждебных народу организаций и групп, Центральная избирательная комиссия считает себя не вправе регистрировать кандидатов, не представивших платформу или представивших платформу, идущую вразрез с интересами Эстонского государства и народа»¹³⁸.

«Самодеятельность» во время подготовки к выборам развивалась в самых разных формах, в нее оказались втянутыми и местные чиновники — из тех, что раньше других улавливают «ветры перемен». Так, власти города Пярну приняли решение, обязывающее всех служащих и учителей участвовать в пропаганде выборной кампании на стороне «Союза трудового народа»¹³⁹. В результате только в одном округе к выборам прорвался альтернативный кандидат, в других у представителей «Союза трудового народа» никаких конкурентов не было¹⁴⁰.

Во время предвыборной кампании ряд газет публиковали списки кандидатов от других партий и независимых. На это последовало указание Жданова: «Разъяснить, что публикуемые в газетах списки кандидатов являются неофициальными и что действительным и официальным считается список, опубликованный Центральной избирательной комиссией»¹⁴¹.

¹³⁸ Записные книжки и черновые наброски А. А. Жданова. — РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 164. Л. 74.

¹³⁹ Meissner В. Die Baltischen Staaten... S. 67.

¹⁴⁰ Ibid..

¹⁴¹ Записные книжки и черновые наброски А. А. Жданова. — РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 164. Л. 74.

Сама процедура выборов проходила с большими нарушениями. Каждый участник выборов получал соответствующую отметку в паспорте — своего рода свидетельство о лояльности и благонадежности. Во время выборов избирательный бюллетень в урну должны были опускать члены избиркома, а не сам выборщик, что нарушало принцип тайного характера выборов. Центральная избирательная комиссия выносила окончательное решение о признании протоколов окружных и районных комиссий действительными, поэтому любое нарушение на местах (а информация о такого рода нарушениях и прямых фальсификациях была на многих избирательных участках) нивелировалось через вердикт Центризбиркома.

В личном архиве А. А. Жданова сохранился листок с подсчетами итогов голосования: 84 % от общего состава избирателей приняли участие в голосовании, из них почти 93 % отдали свои голоса за кандидатов «Союза трудового народа». «Никогда не голосовало столько», — подытожил с удовлетворением Жданов¹⁴².

Выборы проходили одновременно во всех трех балтийских государствах — 14 и 15 июля 1940 г. Их официальные итоги в Литве и Латвии были аналогичны эстонским: в Литве в выборах участвовали 95,5 % всех избирателей, из них за кандидатов «Союза трудового народа» Литвы голосовало 99 % участвовавших в голосовании; в Латвии эти показатели составили соответственно 94,8 % и 97,8 %¹⁴³. Картина итогов выборов получалась вполне соответствующей советскому образцу.

Подобно тому, как Жданов руководил ходом выборов в Эстонии, его «коллеги» в Латвии и Литве занимались тем же делом. Так, 7 июля 1940 г., т. е. через два дня после официального начала избирательной кампании и задолго до голосования, В. Г. Декаповов и Н. Г. Поздняков представили И. В. Сталину и В. М. Молотову проект состава Народного сейма Литвы. Состав сейма (всего 79 человек) был спланирован на основе «предварительного списка кандидатов, составленного компартией» и должен был выглядеть следующим образом (речь идет о количестве человек): коммунистов — до 40, комсомольцев — 5, беспартийных — 35–38, рабочих от станка — 13–15, крестьян — 23–25, солдат — 4, интеллигенции — 21, служащих — 18, женщин — 8¹⁴⁴. Здесь же был расписан и национальный состав будущего сейма: литовцев — 65, евреев — 5, русских — 2, поляков — 5, латышей — 2¹⁴⁵.

Выборы в Прибалтике проходили по кремлевскому сценарию. Однако это не означает, что полномочные представители Кремля —

¹⁴² Там же. Л. 34–34 об.

¹⁴³ Полпреды сообщают... С. 473, 474.

¹⁴⁴ СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Т. I. С. 665.

¹⁴⁵ Там же.

А. А. Жданов, А. Я. Вышинский и В. Г. Деканозов — присхали на место уже с готовым сценарием в руках. Его пришлось сочинять во многом буквально «на ходу», корректируя задуманные планы в соответствии с реальной ситуацией и согласовывая коррективы с Москвой. В архиве Жданова сохранились черновые записи, наброски, относящиеся, судя по содержанию, к июлю 1940 г., т. е. ко времени выборной кампании. Одна из главных тем заметок — содержание предвыборной платформы «Союза трудового народа». Кстати, и само название блока рождается здесь же, в записных книжках Жданова. Эти наброски свидетельствуют о том, что для Жданова новое поприще деятельности оказалось весьма непростым. Один из советских партийных лидеров присхал в Таллин, явно имея в голове сценарий «маленькой Октябрьской революции» — не потому, что таковы были инструкции Кремля (они как раз предписывали иной сценарий действий), а в силу незнания иных форм установления советской власти.

Поэтому в своих набросках Жданов то и дело сбивается на лексику и опыт российского Октября: «крестьянские комитеты», «Советы рабочих депутатов», «земля как платформа соввласти», «только Советы способны обеспечить власть народа» и т. д.¹⁴⁶ Но, когда заходит речь о платформе «Союза трудового народа», Жданов вносит необходимые поправки: «никаких колхозов не нужно», «в платформе сказать о том, что колхозов не нужно»¹⁴⁷. Здесь же определяются и другие положения будущей избирательной платформы — вопрос о списании задолженности банкам и государству, освобождении от налогов малоимущих. И конечно, вопрос об отношениях с Советским Союзом: «в платформу — дружба с СССР, прочный союз»¹⁴⁸.

Жданов «творил революцию» и порой попадал под обаяние величия собственной задачи, чувствуя себя буквально «как на биррикада». «В Таллине мы были свидетелями антисоветской демонстрации и перестрелки у советского посольства, — вспоминал В. С. Семенов. — Во время перестрелки Жданов упорно не хотел уходить с балкона посольства, подставляя себя под пули как живую мишень. Мы с Вышинским старались утешить его с балкона или по крайней мере прикрыть его собой»¹⁴⁹.

Что касается документального оформления «мирной революции», то над формулировками долго раздумывать не приходилось — Москва торопила. 7 июля в эстонских газетах, а также в «Правде»

¹⁴⁶ Записные книжки и черновые наброски А. А. Жданова. — РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 164. Л. 12, 23.

¹⁴⁷ Там же. Л. 12 об.

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ От Хрущева до Горбачева. Из дневника чрезвычайного и полномочного посла, заместителя министра иностранных дел СССР В. С. Семенова, С. 108.

уже был опубликован текст избирательной платформы «Союза трудового народа» Эстонии. В тот же день появился текст платформы «Блока трудового народа» Латвии, а днем позже — его «близнец» из Литвы. Все три платформы выдержаны в одном духе: сначала о том, как «в течение многих лет народ страдал от тяжелого гнета реакционного режима» (вариант: «от бесправия и беззакония старого правительства»), потом о том, что, «потеряв всякое доверие, правительство пало» и «перед народом открылся новый путь»¹⁵⁰.

После преамбулы все три платформы перечисляли требования избирательного блока. В области внешней политики требования эти ограничивались одним пунктом — дружбой с Советским Союзом. Что касается положений относительно внутренней политики, то здесь платформы Эстонии, Латвии и Литвы отличались известным своеобразием. Общими были требования обеспечения демократических свобод, облегчения налогового бремени, улучшения материального положения народа, демократизации армии, развития национальной культуры и языка. В платформу «Союза трудового народа» Эстонии был также включен пункт о «ликвидации национального неравенства и притеснения национальных меньшинств». В Литве, где список требований включал 16 позиций, помимо общих демократических и социальных мероприятий, предусматривались и такие: проведение гражданской метрикации, борьба со спекуляцией, полное равенство наций и свобода вероисповедания¹⁵¹.

Ни в одной платформе не упоминалось ни о национализации, ни о Советах рабочих и крестьянских депутатов, ни о советской власти вообще. Не выдвигалось в платформах и требования присоединения к СССР. Это не значит, что эта задача была снята с повестки дня. Один из членов нового эстонского правительства Ниголь Андресен в этой связи вспоминал об одном, как он выразился, «направляющем» разговоре с А. А. Ждановым: «В конце июня или начале июля я был у А. А. Жданова и, завершив разговор о неотложных вопросах, сказал ему, что мне нужна ориентация на длительный период, например, в течение какого времени мы должны подготовить присоединение Эстонии к Советскому Союзу. *Жданов поправил меня — не столько языково, сколько по существу, сказав вместо "присоединение" "вхождение", подчеркивая тем самым метод присоединения*»¹⁵² (выделено мной. — Е. З.).

В планы Кремля, стремившегося пока не смущать общественное мнение в балтийских странах лозунгами советизации, иногда вмешивались левые силы, отличавшиеся известным радикализмом настроений. Так, уже 5 июля, т. е. в день объявления выборов в Сейм,

¹⁵⁰ Правда. 1940. 7 июля.

¹⁵¹ Там же. 7 июля, 8 июля.

¹⁵² 1940 год в Эстонии. С. 113–114.

в Риге прошла демонстрация, участники которой выступали под лозунгами немедленного установления советской власти и присоединения к СССР. Один из призывов, как выразился полпред Деревянский, «не совсем политически грамотный», требовал «передать власть Сталину и Молотову»¹⁵³.

Однако лозунги, считавшиеся неуместными до проведения выборов, были вполне легально пущены в ход, едва закончилась процедура голосования. 18 и 19 июля 1940 г. в Латвии, Литве и Эстонии прошли организованные митинги, участники которых обращались к только что избранным парламентам с откровенно просоветскими призывами. Митинг в Риге прошел, например, под такими лозунгами: «Да здравствует Советская Латвия», «Да здравствует Латвийская Советская Социалистическая Республика», «Мы требуем организации Советской Латвии»¹⁵⁴. Участники митинга в Таллине выдвинули лозунг: «Мы требуем вступления Эстонии в СССР». Под аналогичными лозунгами был организован митинг в Каунасе¹⁵⁵.

21 июля, в воскресенье, в Москве на Красной площади проходил парад физкультурников. С трибуны Мавзолея его приветствовал И. В. Сталин. Говорят, что в тот день вождь был в хорошем настроении. Может быть, он думал о Прибалтике: пока физкультурники шагали по Красной площади, в Латвии, Литве и Эстонии собирались на свое первое заседание новые парламенты — литовский и латвийский Сеймы и эстонская Государственная Дума. Они приняли декларации о вступлении республик Балтии в состав Советского Союза. Долгий марафон, начатый Сталиным еще в августе 1939 г., подошел к концу. Так что у него был повод быть довольным собой.

Могли отчитаться об успешно проделанной работе и сталинские посланцы. 17 июля 1940 г. А. А. Жданов, В. Г. Дзеканозов и А. Я. Вышинский собрались на совещание в Таллине, где обсудили последние детали провозглашения советской власти в Эстонии, Латвии и Литве. «Горячий» месяц подходил к концу, и сталинские посланники могли позволить себе даже немного расслабиться. На том памятном совещании много шутили и смеялись. В. С. Семенов вспоминал: «На совещании Жданов председательствовал необычно — он объявил шутя открытым “заседание Красной Балтийской Антанты” и вообще каждые три–четыре минуты взрывы хохота господствовали в зале»¹⁵⁶.

Тогда же в Таллине был принят текст деклараций о вступлении этих пока еще независимых государств в СССР. Это был тот самый

¹⁵³ Полпреды сообщают... С. 457–458.

¹⁵⁴ Правда. 1940. 19 июля.

¹⁵⁵ Там же. 20 июля.

¹⁵⁶ От Хрущева до Горбачева. Из дневника чрезвычайного и полномочного посла, заместителя министра иностранных дел СССР В. С. Семенова. С. 108.

документ, который через несколько дней предстояло принять балтийским парламентам.

После того как Сеймы Латвии и Литвы и Государственная Дума Эстонии обратились к Верховному Совету СССР с просьбой о своем вхождении в состав Советского Союза, оставалось сделать последний формальный шаг. В августе 1940 г. VII сессия Верховного Совета СССР приняла решение о вхождении Латвии, Литвы и Эстонии в состав СССР на правах союзных республик. В. М. Молотов, один из главных участников решения «балтийского вопроса», выступая на сессии 1 августа, не скрывал своего удовлетворения: «Вхождение Прибалтийских стран в СССР означает, что Советский Союз увеличивается на 2 млн 800 тыс. населения Литвы, на 1 млн 950 тыс. населения Латвии и 1 млн 120 тыс. населения Эстонии». Вместе с населением Северной Буковины, Западной Украины и Западной Белоруссии, также вошедших в состав СССР, население Союза увеличилось на 23 миллиона человек. «Следует отметить, — продолжал Молотов, — что 9/20 всего этого населения входило раньше в состав СССР, но было силой отторгнуто от СССР в момент его военной слабости империалистическими державами Запада. Теперь это население воссоединилось с Советским Союзом». Не забыл премьер сказать и про военно-стратегический фактор, особенно актуальный в условиях продолжающейся в Европе войны: «Первостепенное значение для страны имеет тот факт, что отныне границы Советского Союза будут перенесены на побережье Балтийского моря»¹⁵⁷.

2.4. «Восстановление границ» или «оккупация»: о характере действий Советского Союза в Прибалтике в 1940 году

Большинство современных школьных учебников по истории России представляют сюжеты, связанные с инкорпорацией Литвы, Латвии и Эстонии в состав СССР, в разделе под названием «Расширение территориальных границ СССР». Этот подход вполне созвучен позиции сталинского руководства, использующего для объяснения своих действий в Прибалтике не в последнюю очередь и мотив «восстановления исторических границ». Об этом впервые официально заявил В. М. Молотов в августе 1940 г. на сессии Верховного Совета СССР, когда проинформировал депутатов от имени советского правительства о новых территориальных приобретениях на западе. Что касается ссылок советских официальных лиц на исторический опыт решения Россией «балтийского вопроса», то они встречались и раньше. Традиционно он трактовался как «борьба за выход России к Балтийскому морю».

¹⁵⁷ Известия. 1940. 2 августа.

Напомнил об этом опыте Сталин, когда в сентябре 1939 г. вел переговоры с латвийским министром иностранных дел В. Мунтерсом («Еще Петр Первый заботился о выходе к морю»¹⁵⁸). Профессор В. Креве-Мишкевичюс, будучи министром иностранных дел Литвы, вспоминал свою беседу с Молотовым 30 июня 1940 г.: «Молотов объяснил, что, хотя советское правительство заключило с германским правительством договор о дружбе, нельзя упускать из внимания и некоторые меры безопасности. Поэтому советское правительство было вынуждено... руководствуясь соображениями безопасности, занять Литву, а также другие балтийские государства. Он, Молотов, должен сегодня сказать то, что завтра будет ясно всем. *Если уж русские цари, начиная с Ивана Грозного, стремились к тому, чтобы выйти к Балтийскому морю, то это происходило не по их личной прихоти, а потому, что того требовал ход развития российского государства и русской нации* (выделено мной. — Е. З.)»¹⁵⁹.

Обращение к теме исторического прошлого станет более понятным в русле возрождения имперской традиции и имперской идеологии, очевидно проявившей себя уже в 1935 г. Эта традиция подпитывала в том числе и идею реванша, «восстановления исторической справедливости». Есть все основания полагать, что расширение территориальных границ СССР за счет других государств в 1939–1940 гг. имело под собой не только военно-стратегическое обоснование. Подобное развитие событий стало в том числе и результатом удовлетворения имперских амбиций Сталина, изменения его точки зрения на историю и его оценок исторического прошлого России, как, впрочем, и своего места в этой истории.

О мотиве «восстановления исторической справедливости» откровеннее всего высказался советский посол в Великобритании И. М. Майский. Он вспоминал, как в августе 1940 г. ему пришлось беседовать с британским министром иностранных дел лордом Э. Галифаксом. Министр назвал тогда действия Советского Союза в балтийских странах агрессией. Майский искал аргументы. «Марксистско-ленинские формулы», понимал посол, для этого случая не годились. И тогда он рассказал лорду Галифаксу одну сибирскую притчу.

«В одной деревне проживали крестьянин по имени Иван. Он тяжело заболел, и соседи решили, что ему суждено умереть... Тогда, не дожидаясь кончины больного, один сосед взял и увел к себе его лошадь... Другой сосед взял и увел к себе его корову... Третий сосед взял и утащил у него плуг... Но случилось неожиданное: больной крестьянин выздоровел и увидал, что за время его болезни сделали соседи. Тогда он пошел к первому соседу и сказал: “Отдай мне мою лошадь”. Сосед стал ему сопротивляться. Крестьянин крепко стук-

¹⁵⁸ Полпреды сообщают... С. 76.

¹⁵⁹ Meissner B. Die Baltischen Staaten... S. 61–62.

нул его и забрал лошадь. Потом крестьянин пошел ко второму соседу и сказал: «Отдай мне мою корову». Второй сосед, видя, что случилось с первым соседом, пошумел, поругался, но в конце концов отдал корову без драки. Потом крестьянин пошел к третьему соседу и сказал: «Отдай мне мой плуг». Третий сосед после опыта первых двух уже не рискнул даже ругаться и просто вернул плуг его прежнему владельцу»¹⁶⁰.

«Так вот, лорд Галифакс, кто же, по-вашему, тут агрессор: крестьянин Иван или его соседи? — поинтересовался Майский. Галифакс долго молчал, а потом произнес: «Да, это интересная точка зрения»¹⁶¹.

Исторические сюжеты стали использоваться и в пропагандистской работе. Так, в частях Красной армии, расквартированных в Эстонии, в июне 1940 г. были организованы специальные лекции на тему «Борьба русского народа с ливонцами»¹⁶², в которых уже звучал не только мотив «освобождения» балтийских народов от «иноземного ига», но и сам образ внешнего врага получал вполне конкретное наполнение. Обыгрывая «немецкую тему» на историческом материале, советские пропагандисты учитывали и наличие устойчивых антигерманских настроений в Прибалтике, особенно в Эстонии и Латвии.

Антигерманские настроения и опасения агрессии со стороны Германии во многом дают ключ к пониманию реакции общества в балтийских странах на советское вторжение. Фактическое отсутствие открытого протеста, тем более вооруженного, за исключением отдельных эксцессов, объяснялось не только чувством самосохранения. Само это чувство не в последнюю очередь рождалось в ситуации «выбора без выбора», когда выбирать приходилось из двух «зол». Теория «двух зол», в роли которых выступали СССР и Германия, имела широкое хождение в латвийском, эстонском и литовском обществе. Антигерманские настроения усилились после того, как к власти в Германии пришли нацисты. «После 1933 года, — считает, например, А. Штротас, — некоторые «прогрессивные интеллектуалы», видя усиливающуюся нацистскую угрозу, начали думать о возможном включении своих стран в «интернационалистский» Советский Союз, предпочитая это их поглощению «Третьим рейхом»¹⁶³. Либеральный литовский профессор Пятрас Леонас так обосновал свою приверженность теории «двух зол»: «Литва находится на пере-

¹⁶⁰ Майский И. М. Воспоминания советского посла. Война 1939–1943. М., 1965. С. 128–129.

¹⁶¹ Там же. С. 129.

¹⁶² Полпреды сообщают... С. 410.

¹⁶³ Штротас А. Прибалтийские государства // Проблемы национальных отношений в СССР (по материалам западной печати). М., 1989. С. 98.

крестке дорог между долговременной немецкой или русской оккупацией. Немцы с присущей им педантичностью ликвидируют наш народ за 25 лет. Россия же представляет собой хаотическую, анархическую и плохо организованную страну; будучи оккупированы ею, мы получим шансы на более продолжительное выживание. Поэтому из двух этих зол я выбираю Россию»¹⁶⁴. Аналогичные настроения были распространены и в литовской армии. «Настроение среди военных кругов таково, — делился своими наблюдениями в сентябре 1939 г. советский военный атташе майор Коротких, — что если станет вопрос о судьбе Литвы, то лучше быть национально существующей Литвой в руках СССР, чем превратиться в Карельскую губернию в руках немцев»¹⁶⁵.

О настроениях латвийского общества после подписания пакта о взаимопомощи между Советским Союзом и Латвией писал поверенный в делах СССР в Латвии И. А. Чичаев: «Значительная часть влиятельных кругов... восприняла пакт как “наименьшее зло” — лучше, мол, быть под влиянием русских, чем немцев, ибо при русских латыши все же сохраняют свою национальность, а немцы уничтожат не только национальную культуру, но и самих латышей»¹⁶⁶.

Ситуация выбора между СССР и Германией стояла не только перед балтийскими народами. Точно с такой же дилеммой столкнулся, например, и У. Черчилль, впоследствии весьма критически относящийся к факту советской аннексии Прибалтики. Но в октябре 1939 г., когда были заключены пакты о взаимопомощи между СССР и тремя балтийскими государствами, Черчиллю заботили прежде всего интересы Великобритании, поэтому пакты — этот первый шаг на пути советского проникновения в Прибалтику — получили одобрение британского премьера. «Черчилль исходит из того положения, — докладывал в этой связи посол И. А. Майский, — что основные интересы Англии и СССР в наши дни нигде не сталкиваются... Равным образом Англия не имеет оснований возражать против действий СССР в Прибалтике. Конечно, кое-кто из сентиментальных либералов и лейбористов может пускать слезы по поводу “русского протектората” над Эстонией или Латвией, но к этому нельзя относиться серьезно. Черчилль прекрасно понимает, что СССР должен быть хозяином на восточном берегу Балтийского моря, и он очень рад, что балтийские страны включаются в нашу, а не в германскую государственную систему. Это исторически нормально и вместе с тем сокращает возможный “лебенсraum” для Гитлера. Здесь опять-таки интересы Англии и СССР не сталкиваются, а скорее совпадают»¹⁶⁷.

¹⁶⁴ Штромас А. Прибалтийские государства. С. 184.

¹⁶⁵ Полшреды сообщают... С. 31.

¹⁶⁶ Там же. С. 99.

¹⁶⁷ Там же. С. 88–89.

Отношение к факту советского вторжения в Прибалтику — и внутри балтийских республик, и в мире — стало меняться по мере того, как развивалась советизация этого региона. Уже первые шаги советской власти и особенно начавшиеся вскоре репрессии заставили сторонников теории «двух зол» усомниться в правильности своего выбора.

Отто Эглайс, латышский агроном, один из тех, кто пережил 1940 год и остался в советской Латвии, спустя 20 лет пытался по-новому осмыслить эти события. Он писал:

«Теперь мы уже с более далекой перспективы можем более или менее беспристрастно обсудить международное положение Латвии в последние годы довоенного периода. Какой же мы имели тогда выбор? С одной стороны, нам угрожало царство “сверхчеловека” Гитлера. Мы, латыши, хорошо изучили книгу его заповедей, где, между прочим, в главе о прибалтийских государствах было дословно сказано: “Провидение не поставило нас в роли защитника так называемых “бедных, маленьких народов” из каких-то соображений о гуманности”... С другой стороны, что нам сулил Восток? Там как раз справляла свои кровавые оргии банда палачей вроде Ягоды, Ежова, Вышинского, Берия и пр. <...>

Началась германо-польская война, и нами было получено предложение от Советского Союза создать у нас военные базы. В сущности, это не вызвало у нас особых опасений — ведь сам Сталин на приеме в Латвийском посольстве по случаю подписания договора о базах заметил: не беспокойтесь, мы сделали этот шаг исключительно руководствуясь мыслью о нашей и вашей безопасности, а ваши “семейные огородики” нам не нужны. Мы поверили в искренность этих слов. Когда же сверх того Гитлер забрал к себе всех проживающих в Прибалтике немцев, народ ликовал — ведь наконец-то через 700 с лишним лет мы освободились от своих бывших поработителей. Мы были готовы закрыть глаза и на террор НКВД в самом Советском Союзе и сердечно благодарили товарища Сталина за его мудрую политику...»¹⁶⁸

Однако потом пришел 1940 г., а вместе с ним террор НКВД и первые массовые депортации. «Мы внезапно очутились перенесенными из цивилизованной Европы за много столетий назад, в ужасное царство Тамерлана», — пишет об этом времени Отто Эглайс. Не случайно, когда германские войска перешли границу СССР, в Прибалтике многие люди восприняли немецкое вторжение как надежду на освобождение от советских порядков. Эглайс усматривает в этом иронию судьбы: «Нас принудили надеяться на наших злейших врагов, мы ждали, чтобы они нас выручили»¹⁶⁹.

¹⁶⁸ Письмо агронома О. Эглайса Н. С. Хрущеву. 1962 г. — РГАН. Ф. 5. Оп. 30. Д. 406. Л. 57–59.

¹⁶⁹ Там же. Л. 59.

По-своему реагировали на эту парадоксальную ситуацию местные остроловы: говорили, что «Гитлер может пожаловать Сталину наивысший орден — ведь за 700 лет немцы не могли добиться дружбы латышей, а Сталин это умудрился сделать за один год»¹⁷⁰.

Что же действительно случилось за этот год?

Вопрос о характере действий Советского Союза в Прибалтике и о сути проводимой в странах Балтии политики до сих пор вызывает много споров. Можно ли оценивать советское вторжение как оккупацию и в силу этого считать установившийся в балтийских странах советский режим оккупационным?

Обвинения Советского Союза в оккупации Литвы, Латвии и Эстонии прозвучали уже в 1940 г., т. е. сразу после того, как власти балтийских стран приняли советский ультиматум, что фактически было равнозначно капитуляции. Первым правовым документом, в котором действия Советского Союза по отношению к балтийским странам в 1940 г. оцениваются как оккупация, стало постановление Верховного Совета ЭССР «Об историко-правовой оценке событий, имевших место в Эстонии в 1940 году», принятое 12 ноября 1989 г. «Внешнеполитические и военные акции, предпринятые сталинским руководством Советского Союза против Эстонской республики в 1940 году, — говорится в этом документе, — квалифицируются как агрессия, военная оккупация и аннексия Эстонской республики»¹⁷¹.

Для многих западных, а тем более латышских, литовских и эстонских историков вопрос об оккупации давно не является вопросом. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть на заголовки книг и других научных публикаций, выходявших хотя бы последние десять лет. Понятие «оккупация» применительно к советскому вторжению в Прибалтику употребляется уже как бесспорный, устойчивый термин, смысл которого не требует никаких пояснений¹⁷².

Российские историки в своих оценках более осторожны. Даже признавая факт аннексии Прибалтики, т. е. оценивая советское вторжение как нелегитимный, насильственный акт, они тем не менее стараются избегать слова «оккупация». Одним из первых обсудить эту проблему решился М. И. Семиряга. По мнению историка, главная трудность идентификации советского режима в Прибалтике как оккупационного или нет состоит в нечеткости критериев самого термина «оккупация», в силу чего «трудно прийти к какому-то опреде-

¹⁷⁰ Письмо агронома О. Эглайса Н. С. Хрущеву. 1962 г. — РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 406. Л. 57–59.

¹⁷¹ 1940 год в Эстонии. Документы и материалы. Таллинн, 1989. С. 3.

¹⁷² См., например: История Латвии. XX век; Policy of occupation powers in Latvia: 1939–1991; a collection of documents / State Archives of Latvia. Riga, 1999; The Soviet occupation regime in the Baltic states 1944–1959: policies and their consequences. Riga, 2003.

лениному научно обоснованному и международно-правовому за-
ключению»¹⁷³. В реальной исторической практике существовали
несколько видов оккупационных режимов. «Если за “образец” взять
австрийский вариант, то можно признать наличие в странах Прибал-
тики тех или иных элементов оккупации, которые не исчезли и с их
включением в состав Советского Союза, — считает М. И. Семияга. —
Но если иметь в виду более типичный для Второй мировой войны
немецко-фашистский вариант оккупации, который характеризовался
такими признаками, как территориальное расчленение стран, полная
ликвидация государственного суверенитета, экономический грабёж,
бесправие народа, геноцид, отсутствие избранных свободным воле-
изъявлением населения демократических органов власти и наличие
специфических оккупационных органов управления, то рассматри-
ваемые в совокупности эти признаки к ситуации в Прибалтийских
странах в 1939–1941 гг. в полной мере не подходят»¹⁷⁴.

В международном праве действительно не существует однознач-
ной трактовки понятия «оккупация». «Дипломатический словарь»
определяет военную оккупацию как «временное занятие воору-
женными силами одного государства территории другого государства
(или ее части) и установление власти военной администрации на ок-
купированной территории»¹⁷⁵. Правовые нормы, регулирующие ре-
жим военной оккупации, были зафиксированы 4-й Гаагской конвен-
цией 1907 г. и Женевской конвенцией о защите гражданского населе-
ния во время войны 1949 г.

Оккупационному государству запрещается принуждать населе-
ние оккупированной страны к присяге на верность новой власти,
проводить депортации населения с оккупированной территории, а
также предписывается «уважать законы и обычаи страны, которая
оккупируется»¹⁷⁶. Конечно, в данном случае речь идет о «цивилизо-
ванных» формах оккупации, в то время как практика оккупационных
режимов характеризовалась не только отступлениями от этих норм,
но и откровенными преступлениями.

Вторжение Советского Союза на территорию стран Балтии в
июне 1940 г., даже несмотря на соблюдение известных «формаль-
ностей», было противоправной акцией. Правительства Литвы, Лат-
вии и Эстонии согласились с условиями советского ультиматума,
однако это согласие было получено в ситуации выбора без выбора,
когда Советский Союз был готов начать военные действия против
стран Балтии. Вступление Красной армии на территорию балтий-
ских стран в этом случае не оговаривалось никаким правовым доку-

¹⁷³ Семияга М. И. Указ. соч. С. 256–257.

¹⁷⁴ Там же. С. 257.

¹⁷⁵ Дипломатический словарь. Т. 2. М., 1986. С. 299.

¹⁷⁶ Там же. С. 299–300.

ментом (в отличие, например, от пактов 1939 г.) и рассматривалось в русле «выполнения условий» пактов, хотя подобные действия в пактах не предусматривались.

Глава литовского государства, президент А. Сметона, вообще отказался принять ультиматум и высказывался за вооруженное сопротивление советской агрессии. Его поддержал военный министр генерал К. Мустейкис. Положительный ответ на советские требования был получен от правительства Литвы, а президент в этих условиях вынужден был покинуть страну. Это случилось 16 июня, а за день до своего бегства, 15 июня, Сметона принял отставку премьер-министра А. Меркиса. Когда Красная армия входила в Литву, в ней не было ни президента, ни полномочного правительства¹⁷⁷.

Формальным поводом для ввода советских войск послужили сообщения безопасности, в том числе и безопасности для стран Балтии в случае возможной агрессии со стороны Германии. На этом фоне довольно странно выглядят сочиненные в советских штабах документы. Так, в одной из директив командования Белорусского особого военного округа, подразделения которого вступили в Лигву, речь идет о действиях «на территории противника» — захвате вооружения, имущества и прочих военных трофеев¹⁷⁸. В роли «противника» выступает не Германия, а литовская армия, якобы на помощь которой отправлялись советские части. Даже если речь в этом случае идет об обычной бюрократической небрежности, подобные оговорки весьма показательны.

Действия Советского Союза в Прибалтике с момента вторжения до решения сессии Верховного Совета СССР о вхождении Латвии, Литвы и Эстонии в состав Советского Союза, т. е. с 15–17 июня до 3–5 августа 1940 г., могут быть, хотя и с большой долей условности, расценены как «военная оккупация» — если не по «букве», то по сути. Вместе с тем термин «оккупация» совершенно не соответствует ни долгосрочным планам Советского Союза относительно Прибалтики, ни реальному развитию событий в этом регионе.

Во-первых, советская власть пришла туда «всерьез и надолго», что противоречит временному характеру оккупации. Во-вторых, и это главное, балтийские государства потеряли свой суверенитет, стали частью Советского Союза с установлением там правовых и иных порядков, принятых на всей территории СССР. Народы Латвии, Литвы и Эстонии стали советскими гражданами, получили советские паспорта, что тоже противоречит оккупационной практике.

А если выйти за границы международного права и оценить последствия аннексии 1940 г. как политическое событие? Режим, установленный в Прибалтике в результате советского вторжения не был оккупационным — он был коммунистическим режимом советского

¹⁷⁷ СССР и Литва в годы Второй мировой войны. Т. I. С. 622.

¹⁷⁸ Там же. С. 620.

образца. В 1940 г. в Прибалтику пришла «советская власть»: так начался перелом, по своим результатам гораздо более ощутимый и драматичный, чем любая «военная оккупация».

2.5. Советская власть в Прибалтике: опыт первого года

Сразу после провозглашения советской власти в странах Балтии и их инкорпорации в Советский Союз началось формирование новых органов власти — на этот раз уже точно «скроенных» по советскому образцу. В начале августа 1940 г. членов делегации Литвы, Латвии и Эстонии, приглашенных на сессию Верховного Совета СССР, принял И. В. Сталин. Это была не просто дежурная встреча: речь на ней шла о выработке комплекса первоочередных мер по советизации балтийских республик, только что получивших статус «советских и социалистических».

Проект решения по этому вопросу было поручено подготовить А. Я. Вышинскому. 10 августа 1940 г. соответствующий документ лег на стол В. М. Молотову. Отредактировав полученный текст, Молотов направил его И. В. Сталину со своей резолюцией: «По-моему, можно принять прилагаемый проект (с поправками в тексте)»¹⁷⁹.правка, сделанная Молотовым, не носила принципиального характера. За исключением раздела об армии: в проекте Вышинского предлагалось армию Латвии, Литвы и Эстонии распустить, призыв граждан этих республик в Красную армию отсрочить на один год и разрешить сформировать в трех балтийских республиках по одной дивизии на добровольной основе¹⁸⁰. Молотов просто исключил пункт об армии из окончательного варианта решения.

В остальном «проект Вышинского» был принят членами Политбюро и 14 августа 1940 г. оформлен как постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О государственном и хозяйственном строительстве Литовской ССР, Латвийской ССР и Эстонской ССР».

Этим решением было предусмотрено проведение следующего комплекса мероприятий. Во-первых, предстояло сформировать новые высшие органы власти и управления — Верховные Советы и Советы народных комиссаров балтийских республик. До избрания Верховных Советов их полномочия должны были выполнять Сеймы Латвии и Литвы и Государственная Дума Эстонии, преобразованные во временные Верховные Советы. Таким образом, даже названия высших органов власти не должны были напоминать о прошлом бал-

¹⁷⁹ Записка А. Я. Вышинского В. М. Молотову. 10 августа 1940 г. — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1273. Л. 136.

¹⁸⁰ Проект постановления и постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О государственном и хозяйственном строительстве Литовской ССР, Латвийской ССР и Эстонской ССР». Август 1940 г. — Там же. Л. 132–133.

тийских стран периода независимости. Точно так же не ко двору пришли выбранные всего месяц назад Сеймы и Госдума — даже несмотря на то, что парламентские выборы проходили по предписанному и строго контролируруемому Москвой сценарию.

Только что приступившие к работе правительства Литвы, Латвии и Эстонии, казалось бы, прошедшие соответствующий отбор и проверку на лояльность, должны были тем не менее уйти в отставку. Персональный состав новых кабинетов — Советов народных комиссаров — предстояло в обязательном порядке согласовать с ЦК ВКП(б)¹⁸¹.

Во всех трех республиках должны были вступить в силу новые конституции. Проект этого документа поручили подготовить теперь уже считавшимся «знатоками» Прибалтики А. А. Жданову, А. Я. Вышинскому и В. Г. Деканозову.

Среди мероприятий экономического порядка в качестве первоочередного стоял вопрос о переходе на советскую валюту. Временно было решено установить хождение двух валют — советского рубля и местной (латвийского лата, литовского лита и эстонской кроны). Для обеспечения «сбалансированного» перехода на советскую валюту предлагалось «обсудить целесообразность некоторой инфляции латвийской, литовской и эстонской валют»¹⁸².

На повестке дня стояла также национализация, которой первоначально должны были подвергнуться пароходные общества, торговые предприятия (с оборотом свыше 200 тыс. лат, лит и крон), а также крупные домовладения. Первоначально национализацию планировалось проводить в достаточно гибких формах — с возможностью частичного выкупа и постепенно. Например, на торговые предприятия, подлежащие национализации, предписывалось направлять специальных уполномоченных через профсоюз торговых работников, и национализацию проводить лишь после того, «как эти уполномоченные познакомятся с данными предприятиями и войдут в курс работы»¹⁸³.

Вопрос о национализации земли и о земельной реформе в постановлении от 14 августа не ставился. Решено было лишь не дробить крупные помещичьи хозяйства, в перспективе превратив их в «образцовые государственные». Специальный пункт постановления касался оказания помощи крестьянским хозяйствам — кредитом, кормами и удобрениями. Было также решено направить крестьян из Литвы, Латвии и Эстонии на Сельскохозяйственную выставку в Москву — «на экскурсию».

¹⁸¹ Проект постановления и постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О государственном и хозяйственном строительстве Литовской ССР, Латвийской ССР и Эстонской ССР». Август 1940 г. — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1273. Л. 131.

¹⁸² Там же. Л. 132.

¹⁸³ Там же.

Основной комплекс решений «по Прибалтике» был принят Политбюро неделю спустя, 22 августа 1940 г.

Постановлением Политбюро утверждался персональный состав руководителей высших органов власти и управления трех балтийских республик — до того, как они формально были приняты временными Верховными Советами Литвы, Латвии и Эстонии. В Литве председателем Верховного Совета республики был утвержден Ю. Палескис, возглавлявший до этого литовское «народное правительство». Главой нового правительства был назначен М. Гедвилас (министр внутренних дел в составе прежнего кабинета). В Латвии и Эстонии произошли аналогичные перемещения. Бывший глава латвийского правительства А. Кирхенштейн получил почетный пост председателя Президиума Верховного Совета Латвийской ССР, а В. Лацис переместился на его место, возглавив Совет народных комиссаров республики. Председателем Президиума Верховного Совета Эстонии стал Й. Варес-Барбарус, а новым премьером был назначен К. Лауристин, один из лидеров коммунистической партии Эстонии.

В отличие от формирования так называемых «народных правительств» в июне 1940 г. теперь ставка откровенно делалась на коммунистов¹⁸⁴. А люди левых убеждений, но не принадлежавшие к компартии (как Кирхенштейн) или «интеллигенты», вступившие в партию позднее, как Варес и Палескис, должны были служить в роли «демократического фасада» на представительной, но ничего не решающей должности главы парламента, который с этих пор тоже уже ничего не решал.

В то же время Сеймы и Госдума пока еще не сыграли до конца предназначенной им роли. Им предстояло принять новые конституции, провозгласить себя Временными Верховными Советами балтийских республик и определить сроки выборов в Верховные Советы. Текст постановления, который предстояло принять пока еще действующим балтийским парламентам, был утвержден тогда же, 22 августа, на Политбюро. На основе этого текста предстояло теперь разработать отдельно проекты постановлений Латвийского и Литовского Сеймов и Эстонской Государственной Думы. Казалось бы, нет ничего проще. Однако и решение этой задачи доверили не местным парламентским представителям, а советским полпредам в странах Балтии, теперь получившим новый статус уполномоченных ЦК ВКП(б) и СНК СССР — В. К. Деревянскому, В. Б. Бочкареву и Н. Г. Позднякову¹⁸⁵.

22 августа были определены и первые подходы к решению аграрного вопроса. Была установлена норма владения землей — не более 30 га. Собственность крупных помещичьих имений подлежала на-

¹⁸⁴ Проект постановления ЦК ВКП(б) «Вопросы Литовской, Латвийской и Эстонской ССР». Август 1940 г. — Там же. Д. 1275. Л. 67–68.

¹⁸⁵ Там же. Л. 71.

ционализации. При этом оговаривалось: «при отчуждении излишков земли... не допускать огульного причисления к категории помещиков крупных собственников; считать необходимым земельным собственникам, имеющим крупные земельные владения, но не принадлежащим к дворянам-крепостникам, оставлять наделы земли в пределах установленной нормы 30 га»¹⁸⁶.

Пассаж о «дворянах-крепостниках», которых давно не существовало в Прибалтике, свидетельствует о том, что автор этого документа плохо представлял себе особенности землепользования в этих странах и руководствовался советскими пропагандистскими стереотипами¹⁸⁷. Недостаточное знание конкретной ситуации, с другой стороны, заставляло действовать в этом сложном вопросе с известной долей осторожности. Новой власти, тем более власти «чужой», приходилось считаться со спецификой Прибалтики, где большинство населения были крестьянами (а в Литве — абсолютное большинство).

Вопрос о земле стал одним из центральных в проекте конституции балтийских республик, на основе которого должны были появиться конституции Латвии, Литвы и Эстонии. Формально этот проект (проекты) должен был исходить от конституционных комиссий Литовского и Латвийского Сейма и Госдумы Эстонии, «отредактировать» который было поручено Жданову, Вышинскому и Дёканозову¹⁸⁸. В действительности 22 августа Политбюро утвердило текст, подготовленный и подписанный этой «тройкой», а не гипотетическими «конституционными комиссиями». Этот текст и послужил основой для новых, уже советских, конституций балтийских республик.

Авторы проекта руководствовались действующей Конституцией СССР, однако внесли в нее некоторые изменения — с поправкой на особенности политической и экономической обстановки в Прибалтике. Главные поправки коснулись таких вопросов, как земля и частная собственность. Так, в статье 4 проекта в отличие от Конституции СССР говорилось об «отмене частной собственности на орудия

¹⁸⁶ Проект постановления ЦК ВКП(б) «Вопросы Литовской, Латвийской и Эстонской ССР». Август 1940 г. — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1273. Л. 71.

¹⁸⁷ Проект закона о земельной реформе был подготовлен, по его собственному утверждению, В. С. Семеновым. Он писал: «Подготовленный мною в Каунасе проект закона о земельной реформе был принят за образец по всем странам Прибалтики. Тут я впервые на крупном деле убедился, как важно изучать теорию (аграрного вопроса) для практических дел». См.: От Хрущева до Горбачева. Из дневника чрезвычайного и полномочного посла, заместителя министра иностранных дел СССР В. С. Семенова. С. 108.

¹⁸⁸ Записка А. А. Жданова, А. Я. Вышинского и В. Г. Дёканозова о подготовке проектов конституций Литовской, Латвийской и Эстонской ССР. Август 1940 г. — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1275. Л. 85.

и средства производства» не вообще, а только «в крупных промышленных предприятиях». Эти предприятия, а также банки, транспорт и средства связи подлежали национализации¹⁸⁹.

Совершенно не упоминалась в конституционном проекте колхозная тема. Из статьи 7 о собственности кооперативных предприятий было изъято упоминание о «колхозном дворе». Статья 8, напротив, получила дополнение: в советской Конституции говорилось о том, что законом допускается мелкое частное хозяйство единоличных крестьян и кустарей — проект конституций балтийских республик допускал также «мелкие частные промышленные и торговые предприятия в пределах, установленных законом»¹⁹⁰.

По Конституции СССР земля закреплялась за колхозами — «в бесплатное и бессрочное пользование». В проекте появилась новая статья, которая предоставила это право не колхозам, а крестьянским хозяйствам «в пределах, установленных законом».

В проекте нашли отражение и вопросы хозяйственного строительства. Предполагалось, например, что в Литве и Эстонии будут организованы 13 наркоматов в каждой республике, из них два промышленных — местной и пищевой промышленности в Литве, местной и лесной — в Эстонии. В Латвии, как промышленно более развитой, промышленных наркоматов было на два больше: местной, лесной, пищевой и легкой промышленности¹⁹¹.

С учетом количества наркоматов союзного значения в других союзных республиках планы относительно Прибалтики на первом этапе были довольно скромными. В действительности организация управления промышленности пошла в балтийских республиках еще на более «экономному» варианту. В Эстонии, например, ограничились одним промышленным наркоматом — легкой промышленности. Назначенный на должность наркома Арнольд Веймер, вспоминал об этом нововведении так: «Исходили из того, что в широком смысле под легкой промышленностью подразумевается вся обрабатывающая промышленность, все производство товаров широкого потребления. Включили в систему этого комиссариата и предприятия тяжелой промышленности, удельный вес которых в республике был невелик.

Вряд ли это было правильное решение... Уже вскоре у нас возникли трудности в решении плановых вопросов развития сланцедобывающей и сланцеперерабатывающей, химической, энергетической промышленности... и в особенности в строительстве и судостроении. Обратились за помощью в союзный наркомат и Госплан и получили там дельные советы. Нарком легкой промышленности СССР Лукин посоветовал нам возможно скорее приспособиться

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ Там же. Л. 86.

¹⁹¹ Там же. Л. 87.

к структуре легкой промышленности СССР, а из предприятий, не «укладывающихся» в эту структуру, образовать объединения по специальным отраслям»¹⁹².

Однако все эти размышления и проблемы были делом будущего. Пока же, летом 1940 г., Москву заботил главным образом вопрос об организации в Прибалтике институтов и структур, обеспечивающих процесс советизации этого региона.

Одной из таких структур была коммунистическая партия. Поскольку компартии в балтийских странах находились на нелегальном положении, учет их численности был существенно затруднен. Однако совершенно очевидно, что в годы независимости это были мало-мощные организации (А. Штрюмас говорит в этой связи о «миниапторном» коммунистическом движении в Прибалтике¹⁹³). По разным оценкам, численность компартий колебалась от 200 человек в Эстонии до 1 тыс. человек в Литве. Компартии в балтийских республиках приходилось фактически создавать заново. Поэтому, когда в июле 1940 г. А. А. Жданов набрасывал план первоочередных мероприятий в Эстонии, он в качестве отдельной позиции выделил: «Подготовка к созданию компартии»¹⁹⁴. Не «укрепление», а именно «создание» — здесь посланца Москвы трудно было упрекнуть в неточности.

18 сентября 1940 г. Политбюро приняло постановление о составе руководящих структур компартий Латвии, Литвы и Эстонии — Бюро ЦК. Каждое бюро состояло из 7 человек. Компартию Латвии в должности первого секретаря возглавил тогда Янис Калиберзиньш (в русифицированном варианте — Ян Калиберзин), первым секретарем ЦК КП(б) Литвы был утвержден Антанас Снечкус, а первым секретарем ЦК КП(б) Эстонии — Карл Сярэ¹⁹⁵.

В состав Бюро ЦК Эстонии вошли также другие ключевые фигуры в новом руководстве — Й. Варес, глава временного Верховного Совета, и И. Лауристин, председатель СНК республики. Первые лица Литвы — Ю. Палескис и М. Гедвилас — также стали членами республиканского Бюро. В Латвии в партийное руководство республики был допущен только председатель правительства В. Лацис. Глава Временного Верховного Совета А. Кирхенштейн вступил в партию только в 1941 г., поэтому при формировании Бюро ЦК КП Латвии в сентябре 1940 г. не был включен в его состав.

¹⁹² Веймер А. Мечты и свершения. М., 1974. С. 180.

¹⁹³ Штрюмас А. Указ. соч. С. 99.

¹⁹⁴ Записные книжки и черновые наброски А. А. Жданова. 1940 г. — РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 164. Л. 11.

¹⁹⁵ Решение Политбюро ЦК ВКП(б) «О составе бюро ЦК КП(б) Латвии, ЦК КП(б) Литвы и ЦК КП(б) Эстонии». 21 сентября 1940 г. — Там же. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1278. Л. 75.

Первые Бюро ЦК компартий в Прибалтике имели одну характерную особенность: они состояли почти исключительно из представителей титульных национальностей, кроме А. Яблонского в латвийском Бюро и Д. Шупикова — в литовском.

8 октября 1940 г. компартии Литвы, Латвии и Эстонии были официально приняты в состав ВКП(б). Одновременно с получением новых партийных документов была проведена проверка («чистка») этих партий. Впрочем, «чистка» была не такой строгой, как в «старых» республиках СССР: коммунистические кадры приходилось беречь по причине их малочисленности. Политбюро ЦК ВКП(б) в своем решении от 9 декабря 1940 г. обращало внимание местных партийных руководителей на выходцев из других партий, вступивших в компартии Литвы, Латвии и Эстонии до 8 октября 1940 г. При этом республиканские ЦК обязывались решать вопрос о выдаче новых партдокументов выходцам из других партий «только после тщательной политической проверки каждого из них»¹⁹⁶.

Поскольку перспектива вступления в компартию по-прежнему не вызывала энтузиазма у балтийского населения, в марте 1941 г. был введен упрощенный порядок приема в партию: достаточно было рекомендаций трех членов партии, имеющих партийный стаж всего полгода и столько же времени знакомых с потенциальным кандидатом. При этом, конечно, оговаривалось, чтобы в партию «принимались проверенные, активные, преданные делу коммунизма рабочие, крестьяне и интеллигенты»¹⁹⁷.

По официальным данным, к началу 1941 г. численность компартии составила: в Литве — 2 486, в Латвии — 2 798 и в Эстонии — 2 036 чел.¹⁹⁸ Однако такой существенный рост не стоит рассматривать только как следствие увеличения приема в партию граждан балтийских республик. Эти цифры в значительной степени были достигнуты за счет «армейского фактора», т. е. за счет учета численности коммунистов, находящихся в частях Красной армии и НКВД.

Одним из первых шагов по советизации балтийских республик была национализация промышленности, банков, торговых и других предприятий. 23 июля 1940 г., т. е. на следующий день после того, как Государственная дума Эстонии приняла Декларацию о вступлении в СССР, А. А. Жданов направил В. М. Молотову свои предложения о порядке национализации банков и промышленных предприятий в этой республике¹⁹⁹.

¹⁹⁶ Решение Политбюро ЦК ВКП(б) «Вопросы обмена партдокументов в КП(б) Литвы, КП(б) Латвии и КП(б) Эстонии». 9 декабря 1940 г. — Там же. Д. 1287. Л. 81.

¹⁹⁷ Решение Политбюро ЦК ВКП(б) «Вопросы приема в ряды ВКП(б) в партиорганизациях Литвы, Латвии и Эстонии». 10 марта 1941 г. — Там же. Д. 1302. Л. 146.

¹⁹⁸ Семиряга М. И. Указ. соч. С. 239.

¹⁹⁹ Телефонграмма А. А. Жданова В. М. Молотову из Таллина. 23 июля 1940 г. — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1272. Л. 187–189.

Жданов считал, что наряду с банками следует национализировать также ссудосберегательные кассы, страховые общества, ломбарды и сейфы частных лиц. Для осуществления мероприятий по национализации банковской сферы в банки предлагалось направить специальных «правительственных комиссаров», которые были обязаны, во-первых, взять на учет текущие счета и ценности, а во-вторых, обеспечить текущее кредитование промышленных предприятий.

Лимитировался порядок выдачи вкладов частным лицам и кредитования предприятий. Частные вкладчики могли получить не более 100 крон в месяц и только с разрешения комиссаров банков. Финансирование деятельности промышленных и торговых предприятий должно было осуществляться по заявкам, «заверенным профсоюзными организациями», и также с разрешения комиссаров.

Все драгоценные металлы и камни, находившиеся в ювелирных магазинах, подлежали изъятию и сдаче на хранение в банк.

В промышленности Жданов предлагал национализировать предприятия с числом рабочих более 20 человек (всего 306 предприятий) и с числом рабочих не ниже 10 человек, но имеющие двигатели и «особо важные по характеру своего производства» (всего около 700). Что имелось в виду в данном случае, Жданов не уточнял. Подобно банкам, на предприятия, подлежащие национализации, должны были назначаться «правительственные комиссары». Права и обязанности комиссаров оговаривались особо: «Комиссары обязаны обеспечить нормальную работу предприятий. Все распоряжения хозяина или директора и все документы, исходящие от директора, недействительны без подписи комиссара»²⁰⁰.

Для приемки национализированных предприятий Жданов предлагал создать специальные комиссии, в состав которых должны были войти представители Министерства народного хозяйства, профорганизаций и рабочих комитетов. Однако и эти комиссии могли работать только «под присмотром» комиссара.

Административный и технический персонал национализируемых предприятий обязан был находиться на своих местах, а в случае саботажа Жданов предлагал карать виновных «по всей строгости закона».

В тот же день, 23 июля, В. М. Молотов получил сообщения относительно национализации от двух других советских эмиссаров — В. Г. Деканозова из Литвы и А. Я. Вышинского из Латвии.

Деканозов полагал, что в Литве, где промышленность «весьма пестрая», следует национализировать только предприятия с годовым оборотом от 200 тыс. лит и имеющие более 20 рабочих, а кроме этого, предприятия с количеством рабочих до 20 человек, но имеющие

²⁰⁰ Телефограмма А. А. Жданова В. М. Молотову из Таллина. 23 июля 1940 г. — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1272. Л. 189.

оборотный капитал свыше 200 тыс. лит²⁰¹. Этим параметрам отвечали около 350 литовских предприятий, 23 % от их общего количества. Никаких предложений по поводу механизма осуществления национализации Деканозов не предлагал и просил Молотова дать указания на этот счет.

Наиболее радикальный проект национализации исходил от А. Я. Вышинского. Предложенный им список предприятий и учреждений, подлежащих национализации, включал 13 позиций: помимо промышленных предприятий с числом рабочих 20 человек и более, а также банков, в нем были упомянуты крупные торговые предприятия, парохозяйства, типографии и мельницы. Кроме того, Вышинский предлагал национализировать крупные гостиницы, бассейны и даже бани с оборотом 100 тыс. лат и больше; учебные заведения — высшие, средние и низшие; пансионаты и приюты, больницы и аптеки, театры и кино²⁰².

В своем ответе на предложения Вышинского Молотов признал их в целом «правильными», однако по поводу «бань и аптек» заметил: «... национализация большого числа мелких частных коммунальных и бытовых предприятий... может создать затруднения в руководстве и освоении указанных предприятий». Из этой категории предприятий, — указывал Молотов, — национализации подлежат только наиболее крупные, «а также предприятия, владельцы которых сбегали или умышленно не обеспечивают нормальную работу предприятия, нанося этим вред хозяйству»²⁰³.

На самом деле решение о порядке национализации в балтийских республиках было принято еще до того, как пришли предложения от Вышинского, хотя и в тот же день. В основу этого решения был положен «проект Жданова». Молотов его одобрил и порекомендовал распространить аналогичные меры на Литву и Латвию. Сталин поддержал Молотова²⁰⁴.

В развитие «проекта Жданова» 26 июля 1940 г. Политбюро утверждает новый комплекс организационных мер по национализации предприятий и банков в Эстонии, Латвии и Литве. Советские эмиссары получают «подкрепление» в виде специальных уполномоченных от правительства и Госбанка, которые должны были вместе со Ждановым, Деканозовым и Вышинским решать «хозяйственные вопросы». В первую очередь уполномоченным предстояло составить

²⁰¹ Телефонограмма В. Г. Деканозова В. М. Молотову из Каунаса. 23 июля 1940 г. — Там же. Л. 191.

²⁰² Телефонограмма А. Я. Вышинского В. М. Молотову из Риги. 23 июля 1940 г. — Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 150. Л. 11.

²⁰³ Там же. Л. 13.

²⁰⁴ Телефонограмма А. А. Жданова В. М. Молотову из Таллина. 23 июля 1940 г. — Там же. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1272. Л. 187.

списки национализируемых предприятий и, кроме того, определить перечень предприятий, «которые должны быть оставлены в подчинении республиканских органов, и перечень предприятий, которые должны быть переданы в подчинение союзных наркоматов»²⁰⁵. Таким образом, еще до того, как Литва, Латвия и Эстония официально вошли в состав Советского Союза, уполномоченные Москвы получили указания делить новое «хозяйство» в соответствии с принятой в СССР практикой.

Все вопросы, связанные с национализацией, обязательно согласовывались с Москвой, прежде всего с Молотовым. Молотов передавал решения на согласование другим членам Политбюро. Обычно проект решения, подготовленный Молотовым, потом оформлялся как постановление Политбюро.

После того как был решен вопрос о национализации крупных (по масштабам Прибалтики) предприятий и банков, настала очередь торговых предприятий, коммунального хозяйства и недвижимости.

На основании постановления Политбюро от 7 августа 1940 г. порядок национализации торговых предприятий, гостиниц, кинотеатров и т. п. был определен следующим образом:

«1. С национализацией указанных предприятий не спешить.

2. Немедленно назначить во все торговые и коммерческие предприятия, товарные базы, оптовые склады, гостиницы, аптеки, кино с оборотом свыше 150 тыс. (лит, лат, крон) государственных комиссаров с тем, чтобы через некоторое время при помощи этих контролеров приступить к национализации указанных выше предприятий»²⁰⁶.

С самого начала позицию Москвы в вопросах проведения национализации в республиках Прибалтики определяло стремление взять под государственный контроль ключевые отрасли и объекты, избегая «тотальной» национализации, «национализации в мелочах». Подобная политика определялась прежде всего прагматическими соображениями, достаточно трезво оценивающими как ситуацию внутри балтийских республик («тотальная национализация» могла вызвать резкий всплеск настроений недовольства), так и собственные ресурсы (для всеобщей национализации просто не хватило бы «комиссаров» и «контролеров»).

Ситуация изменилась после того, как в балтийских республиках утвердилась новая, «народная» власть. Москве пришлось тогда не раз вмешиваться в ход событий и регулировать «аппетиты» местных руководителей в отношении чужого имущества, особенно если это

²⁰⁵ Постановление ЦК ВКП(б) «Вопросы Литвы, Латвии и Эстонии». 26 июля 1940 г. — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1272. Л. 230.

²⁰⁶ Решение Политбюро ЦК ВКП(б) «О торговых и коммерческих предприятиях в Литве, Эстонии и Латвии». 7 августа 1940 г. — Там же. Д. 1273. Л. 55–56.

имущество принадлежало гражданам, попавшим в категорию «нетрудовых элементов».

Например, новые руководители Латвии первыми обратили внимание на то, что ранее принятые постановления о национализации торгово-промышленных предприятий и домовладений обошли стороной вопрос о другом имуществе их владельцев (автомашины, мебель и проч.). «Сейчас эти домовладения национализированы, — говорилось в одной из докладных записок, — но дорогостоящие мебель, ковры и уникальные вещи пока что остаются в ведении владельцев»²⁰⁷. Для исправления этого «ненормального», по мнению латвийских властей, положения был подготовлен проект указа Президиума Верховного Совета Латвии о национализации грузовых и легковых автомашин, мебели и имущества, принадлежавших бывшим владельцам промышленно-торговых предприятий и домов. Относительно мебели и другого имущества в указе говорилось, что это имущество «служит источником нетрудового дохода», поэтому оно подлежит национализации, «за исключением имущества и мебели, находящихся в личном пользовании владельца, но не более необходимого комплекта для обстановки четырех комнат»²⁰⁸.

Теперь предстояло согласовать вопрос с Москвой. В декабре 1940 г. соответствующий документ был направлен в Совнарком СССР. После предварительного согласования в аппарате СНК был составлен проект решения, в котором значилось, что «Совнарком СССР не возражает против проведения национализации легкового автотранспорта, мебели и имущества». Однако заместитель председателя СНК СССР Р. С. Землячка, которой предстояло подписать это решение, оставила другую резолюцию: «Сомнительное дело. Надо подробнее разобраться»²⁰⁹.

«Разобраться», по-видимому, так и не удалось, потому что спустя 10 дней, 4 января 1941 г., за подписью Землячки в Латвию ушел другой документ, согласно которому решение этого вопроса передавалось в ведение республиканских СНК и Президиума Верховного Совета²¹⁰.

2 января 1941 г. проект указа о национализации легковых машин и мебели был одобрен на совместном заседании ЦК КП(б) и СНК Латвии. На нем присутствовал находившийся в инспекторской поез-

²⁰⁷ Записка В. К. Деревянского управляющему делами СНК СССР Я. Е. Чадаеву. 7 декабря 1940 г. — ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 25а. Д. 4368. Л. 15.

²⁰⁸ Проект указа Временного Верховного Совета Латвийской ССР о национализации. Декабрь 1940 г. — Там же. Л. 14.

²⁰⁹ Проект решения СНК СССР о национализации в Латвии. 24 декабря 1940 г. — Там же. Л. 18.

²¹⁰ Решения СНК СССР о национализации в Латвии. 4 января 1941 г. — Там же. Л. 23.

дке по Прибалтике секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Андреев, который также поддержал проект. Оставалось получить соответствующее одобрение Политбюро, о чем Я. Калинберзиньши и В. Лацис 3 января 1940 г. просили Сталина и Молотова²¹¹. Санкция Москвы была получена 6 января, однако решением Политбюро была разрешена национализация только легкового автотранспорта, принадлежащего «нетрудовым элементам»²¹².

С аналогичными просьбами в Совнарком СССР обратились и руководители Эстонии и Литвы. Правда, в отличие от латвийских коллег их претензии ограничивались легковым автотранспортом. Председатель СНК Эстонии И. Лауристин при этом предлагал сделать исключение для врачей, писателей, профессуры, а также «некоторой части владельцев такси»²¹³. А литовские власти в лице А. Снечкуса и М. Гедвиласа готовы были сохранить автомобили в личной собственности для «трудовой интеллигенции»²¹⁴.

«Самодеятельность» литовских руководителей в полной мере проявила себя на другом участке национализации — в сфере недвижимости. Указом Президиума Временного Верховного Совета Литовской ССР от 31 октября 1940 г. было объявлено о национализации крупных домовладений в городах и «промышленных пунктах». Согласно этому указу, национализации подлежали домовладения с полезной площадью, превышающей в городах Вильнюс, Каунас, Паневежис и Шауляй — 220 кв. м, в остальных городах и «промышленных пунктах» — дома с полезной площадью, превышающей 170 кв. м²¹⁵.

Однако несколько месяцев спустя, 27 февраля 1941 г. Совнарком Литвы издал специальную инструкцию, «дополняющую» указ от 31 октября 1940 г. В этой инструкции говорилось следующее: «Если домовладелец в одной или нескольких усадьбах и городах... имеет несколько домов, из которых каждый в отдельности имеет полезную площадь меньше установленной нормы национализации, по в общей сложности площадь имеет или превышает установленную норму национализации, то все такие дома безусловно подлежат национализации»²¹⁶. Это означало, что собственники домов не могли оставить в своем распоряжении хотя бы один дом и фактически оказывались на улице.

²¹¹ Телефонограмма Я. Калинберзиньши и В. Лациса В. И. Сталину и В. М. Молотову, 3 января 1941 г. — ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 25а. Д. 4368. Л. 17.

²¹² Записка В. М. Молотова в Политбюро ЦК ВКП(б), Январь 1941 г. — Там же. Л. 13.

²¹³ Записка И. Лауристину В. М. Молотову. [Январь] 1941 г. — Там же. Л. 11.

²¹⁴ Справка об инициативах руководства Литвы и Эстонии по вопросу о национализации. [Январь] 1941 г. — Там же. Л. 9.

²¹⁵ Записка А. Павлова А. Н. Косыгину о национализации в Латвии домов, принадлежащих С. Даини, 5 июня 1941 г. — Там же. Д. 9377. Л. 29.

²¹⁶ Там же.

Произвол литовских властей, скорее всего, так и остался бы «внутренним делом» Литвы, если бы попытки прибрать к рукам недвижимость не обернулись дипломатическим скандалом. В число жертв национализации попала тогда британская подданная Станислава Дайн, которая лишилась таким образом своих домов, расположенных в городе Мариамполе. Дайн принадлежали два дома площадью 186 и 162 кв. м, т. е. одно из домовладений не превышало норму, установленную указом от 31 октября 1940 г. Однако после издания инструкции СНК Литвы от 27 февраля 1941 г. оба дома Дайн были национализированы.

В дело вмешалось посольство Великобритании, которое обратилось в НКВД СССР с нотой, призывающей вернуть британской гражданке все ее дома. Москве пришлось разбираться в этой ситуации. Заведующий Правовым отделом НКВД А. Павлов 5 июня 1941 г. направил докладную записку заместителю председателя Совнаркома СССР А. Н. Косыгину. Павлов полагал, что положение, которое сложилось с национализацией недвижимости в Литве, требует вмешательства союзного правительства независимо от обращения британского посольства. Предложения НКВД в данном случае сводились к тому, что в инструкцию СНК Литвы необходимо внести изменения следующего характера: в тех случаях, когда одному собственнику принадлежат несколько домовладений, из которых каждое имеет полезную площадь ниже нормы, определенной в указе от 31 октября 1940 г., но в общей сумме полезная площадь всех домов превышает ее, такие домовладения подлежат национализации — за исключением одного из них, которое должно быть оставлено в распоряжении собственника²¹⁷.

Павлов просил Косыгина «дать необходимые указания» Совнаркому Литвы об изменении инструкции от 27 февраля 1941 г. и о возвращении С. Дайн одного из ее домов²¹⁸. Косыгин запросил Литву. Ему ответил председатель литовского правительства М. Гедвилас. Гедвилас назвал предложения Павлова и, соответственно, НКВД СССР «неприемлемыми», поскольку «все эти дома использовались для извлечения нетрудового дохода» независимо от того, превышала их площадь установленную норму или нет. Однако упоминание об «извлечении нетрудового дохода» служило скорее уловкой, потому что главная причина нежелания литовских властей вносить коррективы в процесс национализации недвижимости заключалась в другом. Ее тоже озвучил Гедвилас: «Внесение каких-либо поправок в изданную инструкцию внесет только путаницу и даст повод для подачи целого ряда жалоб»²¹⁹.

²¹⁷ Там же. Л. 28.

²¹⁸ Там же.

²¹⁹ Справка по вопросу о национализации в Латвии домов, принадлежавших С. Дайн. 5 июня 1941 г. [Июнь] 1941 г. — Там же. Л. 31.

Аппарат А. Н. Косыгина получил задание изучить состояние дел в этой сфере в Эстонии и Латвии. Выяснилось, что и там действует точно такой же порядок, правда, введенный несколько позднее, чем в Литве. Так, в Эстонии указ о национализации всех домовладений, если в сумме их площадь превышает установленную норму, был издан 5 июня 1941 г.

Совнарком СССР принял решение передать «литовский инцидент», т. е. дело британской гражданки С. Дайн, на рассмотрение правительства Литовской ССР и, таким образом, вопрос с обсуждения снять. Информация о том, как дальше развивалась эта история и вышла ли она за пределы «дела гражданки Дайн», отсутствует. Началась война, и эта проблема просто утратила актуальность.

Одним из главных шагов по вовлечению Латвии, Литвы и Эстонии в советскую экономическую систему стал переход этих республик на советскую валюту. Процесс этот осуществлялся поэтапно и включал в себя целую серию «сопутствующих» мероприятий. Решение о переходе на советскую валюту было принято 20 сентября 1940 г. и оформлено как постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР. Первоначально планировалось принять общее постановление по всем трем республикам, однако в конце концов появилось три документа, отличающиеся друг от друга небольшими поправками на «местную специфику». Впрочем, поправки эти не носили принципиального характера и в целом тексты постановлений идентичны.

Курс обмена национальной валюты на советский рубль был установлен довольно произвольно: 1 лат равнялся 1 рублю, 1 лит — 90 коп., 1 крона — 1 руб. 25 коп. По оценкам современных экспертов, реальный курс кроны и лата к рублю был примерно 1:10²²⁰. Новая валюта должна была появиться во всех трех республиках одновременно — 16 ноября 1940 г. — и до определенного срока находиться в обращении вместе с национальной валютой. В процессе перехода на советскую валюту предстояло провести существенное повышение цен, что само по себе свидетельствовало о неадекватном характере официально установленных курсов валют.

Чтобы сгладить последствия такого традиционно непопулярного шага, как повышение цен, его планировалось разделить на три этапа и, кроме того, «подсластить пилюлю» другими мероприятиями социального и экономического порядка, например повысить заработную плату.

Повышение заработной платы должно было произойти за два месяца до перехода на новую валюту — 16 сентября 1940 г. В среднем рост заработной платы планировался от 25 % до 40 %. В Латвии в «высшую категорию», т. е. с ростом зарплаты на 40 %, попали рабо-

²²⁰ См.: История Латвии. XX век. С. 237; Mertelsmann O. Der stalinistische Umbau in Estland. Von der Markt- zur Kommandowirtschaft. Hamburg, 2006. S. 238.

ние промышленных предприятий, связи и строительства, учителя, преподаватели высших учебных заведений, агрономы. По 25 % получали городские врачи, по 30 % — сельские врачи и инженерно-технические работники. В Литве прибавки к зарплате выглядели в целом скромнее: 30 % — рабочим, 25 % — агрономам, 20 % — профессуре, только учителя начальных школ получали повышение жалования на 40 %. В Эстонии цифры были близки к латышским показателям²²¹.

Постановления декларировали «ликвидацию существующего неравенства в оплате труда женщин», для которых устанавливалась равная с мужчинами заработная плата за выполнение одинаковой работы.

В комплексе других социальных мероприятий значились: отмена платы за обучение в средней школе, за медицинское обслуживание для «рабочих, служащих и крестьян», введение для рабочих и служащих обязательного государственного страхования, объявление запрета на повышение ставок квартирной платы и стоимости коммунальных услуг.

Для крестьян предусматривалось повышение с 1 октября закупочных цен на все сельскохозяйственные продукты, кроме зерна, в пределах 10–25 %.

Все эти мероприятия должны были смягчить впечатление от запланированного повышения цен. Эта акция проводилась с целью «выравнивания» цен в Прибалтике и остальной части СССР, где они были существенно выше. Первое централизованное повышение цен предстояло провести 1 октября 1940 г.: на промышленные товары — до 50 % и на продовольственные товары промышленной переработки — до 25 %. Через месяц, 1 ноября, должно было состояться второе повышение цен. Только на определенную группу товаров — хозяйственное мыло, спички, керосин, соль — было решено сохранить существующие цены без изменений²²². «Считать необходимым, — говорилось в заключительной части постановлений от 20 сентября 1940 г. — в период введения советской валюты усилить обеспечение рынка товарами первой необходимости и обеспечить местную промышленность сырьем»²²³.

Однако, несмотря на эти и другие «амортизационные» мероприятия, избежать кризиса потребительского рынка, вызванного скачком цен, так и не удалось. Ситуации в Литве в начале октября 1940 г.

²²¹ Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О переходе в Латвийской ССР на советскую валюту», «О переходе в Литовской ССР на советскую валюту», «О переходе в Эстонской ССР на советскую валюту». 20 сентября 1940 г. — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 168. Д. 29. Л. 87, 92, 97.

²²² Там же. Л. 89, 93, 99.

²²³ Там же. Л. 91.

складывалась, например, следующим образом. «После повышения цен спрос на товары как промышленные, так и продовольственные резко возрос, — докладывал из Каунаса Н. Г. Поздняков. — Городское население делает запасы даже таких продуктов, как картофель, рожь, чего раньше не наблюдалось»²²⁴.

Обстановка в Латвии была аналогичной, о чем сообщал в докладной записке уполномоченный ЦК ВКП(б) и СНК СССР в этой республике В. К. Деревянский: «После проведения повышения заработной платы рабочим и служащим, а также цен на товары, в первой половине октября месяца, наместилось некоторое оживление в торговле. Враги народа, бывшие торговцы и промышленники начали распространять антисоветские вредительские слухи о том, что “товаров больше не будет”, что “будет введена карточная система”, что “скоро будет война с Германией”, дополняя эти разговоры спекуляцией и скупкой товаров.

На эту злостную агитацию поддались мещанско-обывательские круги и дали втянуть себя в покупательскую горячку. 13 октября несознательными гражданами были скуплены во всех магазинах Риги почти все пищевые товары, масло, колбаса, хлеб и т. д.

Часть продавцов в национализированных магазинах проводила работу не в пользу Советской власти. Имелись случаи, когда продавцы заявляли покупателям: “Берите, пока есть, будет ли еще товар — не знаю”, “Ничего у нас нет и не будет”. Подобные заявления работников прилавка закрепляли распространяемые антисоветские вредительские слухи.

Правительством Латвии был издан указ, карающий спекулянтов и вредителей до 10 лет тюремного заключения. Наряду с применением изданного указа со стороны Наркомата торговли и инспектора цен в октябре месяце было оштрафовано за скупку товаров и за торговлю по более высоким ценам против установленных 214 человек на сумму 20 тыс. лат, уволено ряд работников прилавка...

Введены карточки на сахар и кусковое хозяйственное мыло. Каждый гражданин республики имеет право получить 1 килограмм 800 гр. сахара и 125 гр. кускового хозяйственного мыла в месяц. Введено ограничение на приобретение текстильных товаров и обуви»²²⁵.

Это в России сахар и мыло по карточкам было делом привычным. В Эстонии, например, повышение цен и исчезновение товаров вызвало не только педоумение — начались забастовки. «Сегодня, 1-го

²²⁴ Информация Н. Г. Позднякова о настроениях населения Литвы в связи с повышением цен. 11 октября 1940 г. — РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 151. Л. 52.

²²⁵ Докладная записка В. К. Деревянского о положении в Латвии в связи с повышением цен и переходом на советскую валюту. Ноябрь 1940 г. — Там же. Д. 150. Л. 52.

октября, в 14 часов дня на фабрике «Килгас» гор. Таллинна, где работает до 1000 человек рабочих, произошел следующий случай. — шла дача из Таллина. — Рабочие 2-ой смены фабрики «Килгас» в связи с повышением цен на продукты отказались приступить к работе, те товарищи, которые оставались у станков, их оттащивали от станков и пытались помешать в работе. Потребовалось созвать митинг, где выступил секретарь Сталинского городского комитета партии г. Окк и несколько рабочих. По окончании митинга большинством рабочих было решено приступить к работе, но так, чтобы 2 октября была подробная информация и беседы по вопросу причин повышения цен на продукты»²²⁶.

Причины недовольства рабочих объяснялись при этом традиционно — ссылкой на «наличие активных антисоветских элементов». Здесь же следовали уверения, что «органы НКВД принимают меры, развернута массовая политическая разъяснительная работа»²²⁷.

Тем не менее ситуация в Прибалтике потребовала от Москвы внесения корректив в прежние планы. Прежде всего это касалось намеченного на 1 ноября 1940 г. второго повышения цен. Это повышение должно было полностью уравнивать преysкуранты цен на товары в Прибалтике и СССР. Уполномоченные ЦК ВКП(б) и СНК СССР в Литве, Латвии и Эстонии, а также руководители республик обратились в Москву с предложениями об отсрочке нового повышения цен. «Исходя из опыта первого повышения цен, — писал уполномоченный по Эстонии В. Б. Бочкарев — полагаем, что вторичное повышение цен с 1 ноября может вызвать еще большее усиление массовой скупки товаров, создаст дополнительные трудности в массово-разъяснительной работе среди населения»²²⁸. В. К. Деревянский из Латвии обращал внимание на политический момент («второе повышение цен с 1 ноября совпадает с подготовкой к празднованию Великой Октябрьской революции») и предлагал в связи с этим не провоцировать антисоветские настроения²²⁹.

Значение политического момента усиливалось за счет того, что запланированное повышение цен 1 ноября произошло бы раньше, чем реальное повышение зарплаты, которое население могло получить только 16 ноября, и таким образом негативные последствия роста цен на субъективном уровне воспринимались бы более остро.

²²⁶ Информация о положении в Эстонии в связи с повышением цен. 1 октября 1940 г. — Там же. Д. 155. Л. 21.

²²⁷ Там же.

²²⁸ Там же. Д. 155. Л. 22.

²²⁹ Записка В. К. Деревянского «О дальнейшем изменении цен в Латвийской ССР», 9 октября 1940 г. — Там же. Д. 150. Л. 60.

24 октября 1940 г. Политбюро приняло решение об отсрочке нового повышения цен в республиках Прибалтики до 16 ноября 1940 г.²³⁰ Таким образом, повышение цен должно было быть проведено вместе с официальным введением советской валюты. Однако вскоре выяснилось, что даже технически такое масштабное мероприятие республиканские совнаркомы обеспечить в срок не в состоянии. Была создана специальная комиссия Экономсовета СНК СССР, которая, изучив создавшуюся ситуацию, решила отсрочить очередное повышение цен и валютную реформу до 25 ноября 1940 г.²³¹

Комплекс экономических решений, принятых в первые месяцы после включения балтийских стран в состав Советского Союза, должен был обеспечить перестройку их экономики в соответствии с советской моделью. Однако воплощение этого замысла, как и следовало ожидать, столкнулось с серьезными проблемами. Люди, ответственные за принятие решений в Москве, плохо представляли себе экономические реалии и особенности хозяйственного строя Литвы, Латвии и Эстонии. Поэтому предписания центра содержали лишь общий план и ряд принципиальных позиций, направленных на достижение конечного результата, в то же время конкретные механизмы реализации замысла, как правило, не прописывались вовсе. «Детали» оставались в компетенции местных руководителей²³². Те же, в свою очередь, имели очень приблизительные представления о функционировании плановой экономики и о хозяйственной деятельности вообще. Еще меньше с особенностями советской экономической системы были знакомы местные специалисты. Поэтому, как считает, например, Олаф Мертельсманн, перестройка экономики балтийских стран на советский лад шла главным образом методом проб и ошибок. Ни в Москве, ни тем более на местах не существовало ничего похожего на *master plan*²³³.

Трудности перевода экономики балтийских стран на советскую модель для местных руководителей и специалистов заключались не только в непонимании механизмов функционирования экономики советского образца. Встречались и «трудности перевода» в прямом смысле слова: документы из Москвы приходили в Литву, Латвию и

²³⁰ Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) об отсрочке повышения цен в Литве, Латвии и Эстонии. 24 октября 1940 г. — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1282. Л. 68.

²³¹ Записка А. И. Микояна о переносе сроков перехода на советскую валюту и очередного повышения цен в республиках Прибалтики. 14 ноября 1940 г. — Там же. Д. 1285. Л. 112.

²³² К аналогичному выводу приходит и Олаф Мертельсманн, изучивший комплекс решений по Эстонии. См.: Mertelmann O. Der stalinistische Umbau in Estland. S. 32.

²³³ Ibid. S. 32.

Эстонию на русском языке, а местные кадры часто плохо знали или вовсе не знали русский язык. Олаф Мертельсманн обратил внимание на такую деталь: в тексте одного из решений СНК СССР, направленных в Эстонию, были выделены карандашом, а затем переведены на эстонский язык даже такие простые слова, как «промышленность». Вопрос о том, насколько дошел до эстонских исполнителей общий смысл предписания, остается открытым, — замечает историк²³⁴.

В октябре–ноябре 1940 г. новая власть в Прибалтике стояла на пороге кризиса. Уполномоченный по Литве Н. Г. Поздняков выражался на этот счет более осторожно: «... в работе партийных и советских органов наступает полоса трудностей»²³⁵.

Первые мероприятия по советизации Литвы вызвали совершенно прогнозируемую реакцию населения: «Мелкая городская буржуазия уже начинает открыто выявлять недовольство. Достаточно привести один штрих. Если не так давно проходящие по улицам части Красной Армии дружелюбно приветствовались публикой, то теперь они встречаются и провожаются угрюмым молчанием. Обратную картину наблюдаем мы, когда по тем же улицам проходит соединение национального корпуса. Его не только встречают приветствиями, но его, как правило, сопровождает восторженная толпа в 100–200 человек. Даже были случаи, когда из толпы раздавались антисоветские профашистские лозунги. Органы НКВД своим вмешательством прервали эти маленькие демонстрации...»

Это недовольство в рядах мелкой городской буржуазии усилится, как только будет проведена национализация домов, кинотеатров, аптек и проч.

Ворчит и городской обыватель (семья чиновника, офицера или бывшего офицера, люди свободных доходных профессий и пр.). Он недоволен тем, что проводимые новшества нарушают его сложившиеся привычки и быт, что эти новшества потрясают его бюджет (рост цен и проч.).

...Распространяются слухи, что товары скоро исчезнут, что скоро будет новое повышение цен. Националистическое направление агитации систематически бьет в одну точку, что Красная Армия не освободила, а «оккупировала» Литву. Немецкие агенты вносят в этот концерт свою ноту, пуская слухи, что скоро будет германо-советская война и что советская власть долго не продержится в Литве»²³⁶.

Однако эти настроения можно было списать на «несознательность» литовских граждан, а также влияние «враждебной пропаганды». Труднее обстояло дело с местными кадрами, ангажированными

²³⁴ Ibid. S. 33.

²³⁵ Докладная записка Н. Г. Позднякова о положении в Литве. 21 октября 1940 г. — РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 151. Л. 62.

²³⁶ Там же. Л. 67–68.

Москвой для проведения своей политики в Литве. «Кадры руководящих работников, — жаловался Поздняков, — еще далеко не подготовлены к тому, чтобы во всеоружии встретить надвигающиеся на них очередные задачи». Что же так беспокоило посланца Москвы?

«Значительным препятствием на пути деятельности ЦК Компартии и Совнаркома являются старые кадры госаппарата, — писал Поздняков. — Они крепко держатся за насиженные места, а у наркомов не хватает смелости к освежению отдельных наиболее важных звеньев. Некоторые наркомы даже не видят в этом необходимости. Например, нарком земледелия Мицкис никак не может согласиться с тем, что какой-то пришедший человек со стороны, без диплома, может руководить той или иной частью Наркомата»²³⁷.

Действительно, воспитанным в иных традициях «новым управленцам» трудно было принять советскую практику «выдвиженчества», и Поздняков не напрасно сомневался, что «намечаемое в этой обстановке выдвижение на руководящую работу рабочих, служащих и прогрессивной части рядовой интеллигенции натолкнется на сильное сопротивление».

Вызывали сопротивление или, по крайней мере, непонимание местных руководителей некоторые мероприятия, призванные «перекроить» жизнь Литвы по советскому образцу: «Например, наркомзем Мицкис вызывает прямые опасения в смысле политики наркомата. Недавно нам пришлось основательно нажать на него и заставить смелее наделять землей батраков. Мицкис подчинился, но своего взгляда не изменил. Он не стесняется в разговорах со своими сотрудниками заявлять, что батрак — это лентяй, что земля, предоставленная батракам, не будет ими полностью использована, что наделение землей батраков оставит «передовые» хозяйства без рабочей силы. Все это свидетельствует о том, что настроения Мицкиса есть кулацкие настроения...

Принимаем все меры к тому, чтобы поставить Мицкиса на правильный путь. Если, однако, в самые ближайшие дни не добьемся этого, то придется снимать его с поста наркома...

Не все еще в порядке и в Наркомторге. Нарком Григораускас долго не мог понять, почему, наряду с кооперацией, нужно еще создавать госторговлю. Следуя своим настроениям, он сделал было попытку передать почти все национализированные розничные торговые предприятия в кооперацию, но своевременно был поправлен»²³⁸.

На фоне слухов о скорой войне особенно тревожно воспринимались настроения военных. Новая власть пока не решалась распускать национальные воинские части и даже собиралась привести их к присяге — к советской присяге, разумеется. Но военные думали ина-

²³⁷ Докладная записка Н. Г. Позднякова о положении в Литве. 21 октября 1940 г. — РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 151. Л. 62.

²³⁸ Там же. Л. 63–64.

че. И в этом смысле ситуации в Латвии, Эстонии или Литве мало отличались.

«Положение в Литовском национальном корпусе, несмотря на принимаемые меры командованием РККА, все еще остается тревожным, — докладывал уполномоченный по Литве Н. Г. Поздняков. — Бойцы расквартированного в городе Вильнюс артдивизиона в начале октября сделали попытку открыто возмутиться и увлечь за собой другие части корпуса, но она не удалась. Они выступали под лозунгом отказа принимать новую присягу. Это настроение нашло свое отражение и в письмах, направленных потом бойцами в деревню.

Военнослужащий Стокай Иван писал: «Нам советские политруки говорят, чтобы мы дали присягу советской Конституции. Мы против присяги. Нас демобилизуют или нас вышлют туда, где растет перец, но это не важно. Что будет — пусть будет, но присяги принимать не будем и большевиками быть не хотим».

Военнослужащий Боникс писал: «Мы еще не потеряли надежду, ожидаем, когда засветит солнце и возродится Литва. Сначала Советы говорили, что будет свобода, но мы почувствовали на себе, что получается наоборот, хотя нам продолжают пускать туман в глаза. Мы знаем, что нас ожидает, все равно мы не поддадимся. Нас не переделают: как были литовцами, так и останемся литовцами, мы не мальчишки. Нас агитируют, чтобы мы приняли присягу, но нам другой присяги не нужно. Мы знаем, что осенью придут другие друзья. Я с Зигмунтом все время веду агитацию, но нас заметили и за нами следят».

Такие настроения еще не ликвидированы полностью. После продолжительного изъятия зачинщиков центр тяжести в настоящий момент перенесен на политико-воспитательную работу. Ранее стоявшим в стороне офицерам сказано, что в будущем они первые будут отвечать за политическое состояние частей»²³⁹.

Один советский политрук довольно своеобразно объяснил нежелание литовцев принимать новую присягу. В тексте советской присяги, считал политрук, не упоминается о боге, а прибалты — люди набожные, им без бога никак нельзя. Принятие новой присяги намечалось на февраль 1941 года. «К этому сроку мы их перевоспитать никак не успеем», — докладывал политрук²⁴⁰. Воспитанному на иных традициях человеку так и не пришла в голову мысль, что военные присягают один раз.

Самые разные люди, направленные в Прибалтику из других регионов СССР осуществлять политику советизации, с первых же шагов столкнулись с таким явлением, как «национальное своеобразие». Эту специфику, не политическую по своей природе, но влияющую

²³⁹ Там же. Л. 70–71.

²⁴⁰ Там же. Л. 95.

на течение политики, эстонцы, например, пытались объяснить А. А. Жданову еще в июне 1940 г. Во время бесед Жданов делал пометки, фиксируя, по-видимому, новые для себя понятия: «Менталитет. Самобытность. Имманентно присущ как вкус яблоку. Каждый народ рождается с менталитетом, со своими чертами»²⁴¹.

С «ментальными» проблемами посланникам Москвы пришлось столкнуться и в Литве. Судя по сообщениям, которые уполномоченный по Литве Н. Г. Поздняков направлял в центр, ему было весьма непросто — прежде всего для себя самого — провести грань между такими понятиями (и стоящими за ними явлениями), как «литовский шовинизм» и «литовская самобытность». По заведенному порядку он советовался в этом, как и в других вопросах, с Москвой — с Центральным Комитетом ВКП(б). Одно из посланий Позднякова было посвящено проблеме переименования улиц.

«Мне уже приходилось писать о национальном вопросе в Литовской ССР, — делился своими сомнениями Поздняков. — В частности, мною было высказано пожелание, чтобы Академия наук СССР помогла нам разобраться в историческом прошлом литовского народа.

В ближайшее время для республики этот вопрос становится актуальным. С мая 1941 года в городах начинается паспортизация. Решением Бюро ЦК Компартии Литвы горисполкомам предложено предварительно привести в порядок наименования улиц. Вследствие этого решения отдельные исполкомы создали Комиссии на предмет переименования улиц.

В связи с этим мною было обращено внимание тов. Снечкус, секретаря ЦК, на необходимость осуществления в этом деле руководства. Мною было указано, что Комиссия одного города может встать на путь оставления старых наименований, а Комиссия другого города, наоборот, может выбросить все литовские наименования и заменить их общесоветскими. И то и другое было бы на сегодня политически вредно.

...При этом следует учесть, что с переименованием улиц, площадей и т. п. национальная политика Советского Союза приобрела широко публичный характер, она буквально вышла на улицы городов Литовской республики»²⁴².

Московский уполномоченный попросил ученых дать свое заключение и прояснить детали биографии великих литовских князей — Гедиминаса, Витовта и других. Тогда всех исторических деятелей делили на «прогрессивных» и не очень. И тот же Гедиминас вполне

²⁴¹ Записные книжки и черновые наброски А. А. Жданова. Июнь 1940 г. — РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 3. Д. 164. Л. 99.

²⁴² Докладная записка Н. Г. Позднякова. [Май] 1941 г. — Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 151. Л. 131.

мог попасть в категорию «неблагонадежных». С одной стороны, воюя с немецким орденом, а с другой — выступал против московского князя в союзе с тверским. Так что было о чем задуматься. Поэтому Бюро Центрального Комитета литовской компартии подготовило специальное решение по такому оказавшемуся совсем не рядовым, а весьма деликатным вопросу, как переименование улиц:

«В предстоящей работе... по установлению наименований улиц в городах Бюро ЦК КП(б) Литвы предлагает укомам и исполкомам строго руководствоваться следующими указаниями:

1. Переименование улиц не должно носить массового характера, а проводиться только в необходимых случаях.

2. Обязательному переименованию подлежат такие улицы (а также площади, парки, скверы, сады), существующее наименование которых противоречит советскому времени, например:

— старорежимные наименования — “Президентская”, “имени Сметоны” и т. д., включая имена политических деятелей и названия политических организаций сметоновского режима;

— наименования религиозного происхождения — в честь разных орденов, святых, ксендзов и т. п.;

— наименования иностранного происхождения — “Парижская”, “Немецкая”, “Финская” и т. д.

3. Наименования, связанные с именами исторических деятелей прошлых эпох... оставить нетронутыми.

<...>

5. При внесении предложения о присвоении улицам новых наименований следует руководствоваться следующим:

В новых наименованиях улиц должна отражаться память народа о погибших борцах за дело коммунизма, новая советская эпоха (“Советская”, “Комсомольская”, “Пионерская”, “Московская”, “Октябрьская” и т. д.), жизнь Советского Союза и его деятелей и имена прогрессивных деятелей литовского народа разных эпох, сознательно спрятанных от народа литовской буржуазией²⁴³.

Национальные особенности проявляли себя не только в менталитете или особо уважительном отношении к собственной истории, что, впрочем, тоже являлось частью менталитета литовцев, эстонцев и латышей. Приехавшие перестраивать жизнь прибалтийских народов по «советскому образцу» московские посланцы обнаружили здесь немало «национальных образцов», достойных подражания. Уполномоченный ЦК ВКП(б) и СНК СССР по Латвии В. К. Деревянский составил на этот счет обстоятельную записку и направил ее в Москву: в ЦК ВКП(б) — А. А. Андрееву и в Совнарком — А. И. Микояну и А. Н. Косыгину.

²⁴³ Проект решения ЦК КП(б) Литвы по вопросу о переименованиях. [Май] 1941 г. — Там же. Л. 132–133.

«Аппаратом Уполномоченного ЦК ВКП(б) и СНК СССР по Латвийской ССР был изучен основной ассортимент товаров широкого потребления, вырабатываемый на предприятиях Латвийской республики, которые заслуживают внимания с точки зрения его качества, внешнего и внутреннего оформления, а также удобства применения в быту, — писал Деревянский. — Все нижеперечисленные товары и изделия считал бы необходимым поставить на более глубокое и детальное изучение их технологических процессов изготовления и приемов работы с тем, чтобы в ближайшее время перенести все полезное и необходимое на предприятия других союзных республик»²⁴⁴.

Деревянский обращал внимание своих высоких адресатов на культуру сельского хозяйства в Латвии: условия содержания скота, его продуктивность, особенности производства кормов и т. д. Большое впечатление произвели на людей, приехавших из Москвы, качество товаров и уровень услуг на потребительском рынке:

«Заслуживает исключительного внимания качество упаковки всех видов товаров: кондитерских изделий, галантереи, канцелярских принадлежностей и т. д. Хорошее качество упаковки облагораживает и культивирует как торговлю, а также и обращение с выпускаемыми товарами на рынок со стороны продавцов, производителей и покупателей.

Производство пива. Изготовление пива на пивоваренных заводах Латвийской ССР по своему качеству далеко превосходит качество пива, изготавливаемого в других союзных республиках. Это достигается в основном культурой производства и строгим соблюдением технологического процесса.

Рижский бальзам пользуется большой известностью не только в Латвии, но и за границей. Его раньше вывозили в Англию, Норвегию, Швейцарию и др. западноевропейские государства и особенно в Голландию. Рижский бальзам считают универсальным целебным средством, особенно против желудочных заболеваний.

Укупорка духов. Существующая укупорка флаконов для духов и одеколонов является очень удобной и экономной в смысле расходования духов, а поэтому считал бы необходимым внедрение на предприятиях парфюмерной промышленности других союзных республик указанную ниже укупорку (эскиз прилагается).

Выпускаемая нашими заводами и в особенности заводом Наркомместпрома РСФСР хозяйственная алюминиевая посуда по сравнению с посудой, выпускаемой на заводах Латвийской республики, является хуже по качеству. На заводе «Красный металлист» ЛССР алюминиевые ложки вырабатываются такого высокого качества,

²⁴⁴ Докладная записка В. К. Деревянского. Февраль 1941 г. — ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 25а. Д. 9377. Л. 18.

что они по своему виду и твердости не отличаются от ложек, изготовленных из стали — не изгибаются и имеют ярко металлический инкелесный цвет, что считал бы необходимым присылку специалистом для перенятия опыта по отливке алюминия и его дальнейшей обработке.

Особо следует отметить культуру торговли. Так, например, если покупатель купил шерстяную или бумажную пряжу, то его у прилавка продавец учит вязать из этой шерсти или бумаги различные изделия. При покупке швейной машины покупателя обязательно обучают в течение месяца, как обращаться с машиной, и учат шить, вышивать, штопать на ней²⁴⁵.

Деревянский помимо описания заслуживающих внимания образцов обещал также прислать в Москву отдельные экспонаты и рисунки — «для наглядности».

Уже в этих описаниях, отражающих первые впечатления от знакомства с культурой и традициями Прибалтики, начинает формироваться образ «другого СССР», «Советского Запада», просматриваются «витрины» советской жизни. Однако для того, чтобы сделать из Прибалтики «витрину», в ней предстояло наладить «советскую жизнь». Очень скоро обнаружилось, что балтийские страны оказались не слишком подходящей строительной площадкой для организации советской власти. С первых же дней инициаторы этого сомнительного эксперимента столкнулись с таким явлением, как «сопротивление материала».

«Наряду с общим удовлетворительным морально-политическим состоянием имеет место активизация деятельности отдельных антисоветских элементов и имеются несколько диверсионных и террористических актов, а также хулиганских выступлений в высших учебных заведениях»²⁴⁶ — это сообщение, характеризующее обстановку октября 1940 г. в Латвии, вполне отражает ситуацию в Эстонии и Литве.

«В ночь с 11 на 12 октября был подожжен склад на льно-прядельной фабрике. Днем 12 октября сильно пострадал от пожара крупный овощно-продуктовый магазин. В ночь с 12 на 13 октября сгорел главный корпус крупного фанерного завода. 17 октября в районе курорта «Кеммери» на милицейский пост следственной камеры было вооруженное нападение. 18 и 19 октября в вечерние часы были вооруженные нападения на постовых милиционеров в центре города Рига. Один милиционер тяжело ранен»²⁴⁷ — эта и подобные информации

²⁴⁵ Там же. Л. 13–17.

²⁴⁶ Докладная записка В. К. Деревянского о положении в Латвии в связи с повышением цен и переходом на советскую валюту. Ноябрь 1940 г. — РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 150. Л. 47.

²⁴⁷ Там же. Л. 47–48.

будут повторяться из сводки в сводку, став частью повседневной жизни теперь уже советской Прибалтики.

Речь шла не только о тайных акциях против новой власти, протест принимал также и открытые, публичные, хотя и ненасильственные формы. В Латвии, например, целая серия протестных акций прошла 17 и 18 ноября 1940 г., т. е. в дни провозглашения независимой Латвии. «В эти дни был отмечен ряд антисоветских проявлений со стороны контрреволюционных националистических элементов, — отмечалось в специальной сводке. — Контрреволюционное проявление выразилось в посещении “братских” кладбищ и демонстративном оказании там “почести” контрреволюционерам, погибшим в борьбе против Советов, а также выпускались листовки контрреволюционного характера с призывом к восстанию и активной борьбе с Советской властью. Вывешивались националистические флаги, проводилась антисоветская агитация в трамваях, автобусах, поездах, учебных заведениях и частично на предприятиях... С утра и до поздней ночи 17 ноября, несмотря на дождь и усиленные патрули, на “братском” кладбище в одиночку и группами появлялись националистически настроенные элементы. Они собирались возле могил, где похоронены деятели националистической контрреволюции, убитые в 1919 году в боях с Красной армией.

В большинстве случаев националисты возлагали на могилы цветы, располагая их последовательными рядами красные-белые-красные (цвета национального флага Латвии. — *Е. З.*).

17–18 ноября имели место антисоветские националистические вылазки у городского памятника “свободы” — снятие головных уборов и возложение цветов на памятник²⁴⁸.

Власти с помощью НКВД отслеживали «неблагонадежных» и реагировали на гражданское движение «неповиновения» усилением репрессий. Агентура НКВД начала работать в Прибалтике еще задолго до того, как Латвия, Литва и Эстония стали частью СССР. 11 октября 1939 года был издан приказ НКВД № 001223 «Об оперативных мерах против антисоветских и социально враждебных элементов», на основании которого готовились меры по выявлению и нейтрализации сил, способных оказать сопротивление политике советизации балтийских стран²⁴⁹.

Весной 1941 г. началась подготовка к массовой депортации «неблагонадежных»: 14 мая появилось специальное постановление СНК СССР о высылке из Прибалтики «социально чуждых элементов». В ночь с 14 на 15 июня 1941 г. десятки тысяч жителей Литвы, Латвии и Эстонии подверглись депортации в «отдаленные районы

²⁴⁸ Информационная сводка о политическом положении в Латвии. 27 ноября 1940 г. — РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 150. Л. 88–89.

²⁴⁹ Штротас А. Прибалтийские государства. С. 99.

СССР»: по официальным данным, из Литвы было выселено 12 569 человек, из Латвии — 16 564, из Эстонии — 6 700²⁵⁰.

А через неделю началась война.

«К известию о начале войны отнеслись с воодушевлением, в общем-то, война уже какое-то время витала в воздухе, — вспоминал то время эстонский ученый, археолог Эвальд Тыннисон (в 1941 г. ему было 13 лет). — Может быть, с воодушевлением — это слишком сильно сказано, скорее, с облегчением. Многие мужчины ушли в лес, и в нашей семье подумывали об этом, но никто не ушел. Надеялись, что война прекратит эту русскую чушь. В нашей семье к немцам никогда хорошо не относились. Что-то должно было быть слишком уж наперекосьяк, чтобы их теперь ожидали с таким нетерпением. Надеялись все же на их помощь, на освобождение. Опять же люди не отдавали себе ясного отчета в том, что может произойти. Ведь все было так неопределенно, непредсказуемо, запутанно»²⁵¹.

Война закончилась для Эстонии, Латвии и Литвы в 1944 г. Но послевоенная ситуация не стала более предсказуемой и менее запутанной.

²⁵⁰ Народы стран Балтии в условиях сталинизма. 1940-е — 1950-е гг. / Под ред. Н. Бугая. Штуттгарт, 2005. С. 268.

²⁵¹ На чаше весов: Эстония и СССР. 1940 год и его последствия / Сост. П. Варес, О. Журьяри. Таллин, 1999. С. 282.

Глава 3

ПОВТОРНАЯ СОВЕТИЗАЦИЯ: ЛЮДИ, СТРУКТУРЫ, МЕХАНИЗМЫ (1944–1953 гг.)

3.1. Советская «зона влияния» и Прибалтика

В послевоенный период «балтийскую проблему» необходимо рассматривать в контексте новой геополитической стратегии советского руководства, которая заявила о себе на последнем этапе Второй мировой войны. В результате территориальных приобретений 1944–1945 гг. Советский Союз фактически приблизился к границам Российской империи конца XIX в. Одновременно с восстановлением исторических границ империи шло возрождение имперской идеологии и имперской политики, хотя и в несколько модернизированном виде и под прикрытием коммунистической, но уже не коминтерновской, фразеологии. Историческая традиция прослеживается и в отношении московских властей к балтийскому региону как «особой территорией» России.

Вместе с тем особое отношение Москвы к «новым республикам» было не только данью исторической традиции: оно определялось также конкретной политической ситуацией первых послевоенных лет. В результате международных договоренностей Советский Союз приобрел собственную «зону влияния» в Европе, в которую вошли так называемые страны народной демократии. Однако, получив зону влияния, советское руководство не имело первоначально четкого представления о механизмах влияния в «подведомственной» зоне. Республики Балтии, которые, с одной стороны, были частью СССР, но, с другой стороны, имели тесные связи с европейскими странами, в период становления восточноевропейской политики Москвы сыграли роль буфера — территории, где отработывалась модель советизации, отличная от «классического» (довоенного) образца. Процесс советизации республик Балтии в составе СССР и стран Восточной Европы как суверенных государств, конечно, имели свою специфику, однако в сценариях их развития было много сходных моментов, они имели общую динамику и точки перелома. Это позволяет рассматривать отношения между Москвой и республиками Балтии не только как внутреннее дело СССР, но и как составляющую более общего процесса распространения советского влияния в послевоенной Европе.

Вопрос о том, была ли у Сталина в 1945 г. более или менее внятная программа управления «зоной влияния» в Восточной Европе, уже в течение нескольких лет дискутируется на страницах научной литературы¹. Подводя итог этим спорам и основываясь на ставших доступными документах, Л. Я. Гибианский приходит к такому выводу: «Ближе к концу Второй мировой войны и, возможно, сразу вслед за ней у Сталина был скорее общий замысел, некий набор наиболее актуальных целей в отношении восточноевропейских стран, нежели сколько-нибудь детализированная программа, не говоря уже о «расписании» ее реализации»².

В ряде исследований, посвященных развитию ситуации в послевоенной Восточной Европе в качестве точки отсчета, принципиально меняющей политику Москвы в отношении стран «зоны влияния», называется середина 1947 г. До этого момента, в первые годы после окончания войны, советская сторона исходила из концепции мирного перехода к социализму в этих странах, настраивала восточноевропейских коммунистов на проведение тактики демократического блока и поддерживала идею «национального пути» к социализму³. В отношениях между Москвой и лидерами восточноевропейских государств, несмотря на наличие известных конфликтов, в тот период все-таки преобладало стремление к диалогу и компромиссу⁴. Попытки «дипломатичных», без откровенного диктата, форм проведения советского влияния в Восточной Европе отразились и на политике советизации балтийского региона, в которой также можно выделить два этапа: 1) осень 1944 г. — середина 1947 г. и 2) осень 1947 г. — март 1953 г.

Хотя ситуация в странах Балтии, которые к тому моменту уже являлись частью СССР, была более предсказуема, чем в государствах Восточной Европы, попавших в советскую «зону влияния», тем не менее планы дальнейшей советизации Прибалтики после войны тоже еще были весьма далеки от четкого «расписания». Во всяком случае и довоенный опыт решения этой задачи, и война, и формирование новой конфигурации геополитического пространства после 1945 г. требовали от советского руководства внесения определенных коррективов в проект советизации Прибалтики образца 1940 года.

¹ Подробнее об этих дискуссиях см.: Гибианский Л. Я. Проблемы Восточной Европы и начало формирования советского блока // Холодная война. 1945–1963 гг. Историческая ретроспектива: Сб. статей / Под ред. Н. И. Егоровой, А. О. Чубарьяна. М., 2003. С. 105–136.

² Там же. С. 125.

³ Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 2. М., 1997. С. 11–12; Волокитина Т. В. Сталин и смена стратегического курса Кремля в конце 40-х годов: от компромисса к конфронтации // Сталинское десятилетие холодной войны. Факты и гипотезы. М., 1999. С. 11–16.

⁴ Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. С. 15.

«Балтийская политика» в первые послевоенные годы приспосабливалась под эти новые реалии, она складывалась скорее ситуативно, в зависимости от изменения обстановки в республиках Прибалтики, в СССР в целом, а также на международном уровне. И хотя официально эта политика проводилась под лозунгом «восстановления» народного хозяйства, советской власти и т. д., фактически речь шла о продолжении слома сложившихся за годы независимости стран Балтии политических и экономических структур, привычного уклада жизни, традиций и привычек населения. Это была политика «подключения» балтийского региона к советской системе, его «встраивания» в эту систему; для ее осуществления московское руководство использовало разнообразные каналы и связи — партийные, государственные, личные, а также разные методы проведения своих решений — от политических до силовых.

Однако на первом этапе советизации Москва и ее представители в Литве, Латвии и Эстонии стремились избежать наиболее жестких методов обеспечения своего влияния в регионе, используя последние главным образом в отношении вооруженной оппозиции. Поэтому балтийскую политику первых послевоенных лет, примерно до середины 1947 г., условно можно назвать «осторожной советизацией». В числе ее характерных особенностей — официальное признание Москвой «национальных особенностей» развития республик Балтии и попытки строить свою политику с учетом этих особенностей; отказ от форсированной коллективизации, сохранение индивидуального крестьянского хозяйства и частного предпринимательства; попытки наладить диалог с местной интеллигенцией; сохранение руководящих постов в центральных и местных органах власти за представителями коренной национальности; признание важности языковой проблемы, сохранение национального языка как основополагающей; избирательность репрессивной практики и т. д.

1947 г. стал переломным не только в развитии отношений между Советским Союзом и странами Восточной Европы, но и в содержании «балтийской политики» Москвы. После создания Коминформа в сентябре 1947 г. был взят курс на унификацию политических режимов восточноевропейских стран по советскому образцу. Поскольку такой поворот встречал протест со стороны самых разных политических сил, одним из главных механизмов советизации Восточной Европы становятся репрессии против недовольных. Сначала чистки коснулись членов некоммунистических партий и других отнесенных к категории «чуждых элементов», затем перекинулись на коммунистов.

В 1949 г. в восточноевропейских странах прошло сразу несколько больших политических процессов, организованных по образцу советских показательных процессов 1930-х годов. Фигурантами на этих процессах выступали коммунисты, обвиненные в приверженности идеям «национального социализма», недооценке роли и значении

СССР, советского опыта социалистического строительства и других подобных «грехах». Нельзя не отметить непосредственную заинтересованность Москвы в развитии этой репрессивной кампании. Но не меньшую роль в ее эскалации, а главное, в выборе жертв сыграл «местный» фактор, когда разного рода политические обвинения использовались лишь как повод для сведения личных счетов и средство борьбы за власть. Первые судебные процессы состоялись над Л. Райком в Венгрии и Т. Костовым в Болгарии. В 1950–1952 годах аналогичные процессы были организованы в Чехословакии над Г. Гусаком, Л. Новомеским, М. Швермовой, Р. Сланским. Эти процессы завершили формирование в странах Восточной Европы политических режимов, которые шли уже безоговорочно в фарватере советской политики.

Одновременно в Советском Союзе шел свой процесс «закручивания гаек», составной частью которого стали чистки центральной и региональных элит. Эти чистки призваны были оказать своего рода дисциплинирующее воздействие на номенклатуру, особенно региональных лидеров, которые за время войны успели получить некоторую свободу действий и могли быть заподозрены в стремлении к относительной самостоятельности от Центра. В то же время в ближайшем окружении Сталина намечались очередные клановые разборки. В роли противоборствующих блоков выступали группа Маленкова–Берия, с одной стороны, и группа Жданова–Кузнецова — с другой. Эти разборки послужили одним из поводов для раскручивания «ленинградского дела» 1949–1950 годов. Параллельно с «ленинградским» начало развиваться и другое «дело» — «эстонское». Это была самая крупная чистка в рядах региональной элиты за послевоенные годы.

В течение 1947 г. постепенно стала меняться тактика советизации Прибалтики, которая в отличие от первых послевоенных лет проводилась уже с откровенным акцентом на унификацию и силовые методы. Специфика этого этапа заключалась, например, в переходе к массовой коллективизации, массовым депортациям, а также усилению репрессий по отношению к различным категориям балтийского населения.

Степень свободы, с которой Сталин мог действовать в Восточной Европе вообще и в Прибалтике в частности во многом зависела от реакции Запада — прежде всего США и Великобритании — на появление советской «зоны влияния» и инкорпорацию стран Балтии.

14 августа 1941 г. У. Черчилль и Ф. Рузвельт подписали двустороннюю декларацию, которая вошла в историю под именем Атлантической хартии. Основные принципы хартии гласили:

«1. США и Великобритания не стремятся к территориальным и другим приобретениям.

2. Они не согласятся ни на какие территориальные изменения, не находящиеся в согласии со свободно выраженным желанием заинтересованных народов.

3. Они уважают права всех народов избирать себе ту форму правления, при которой они хотят жить; они стремятся к восстановлению суверенных прав и самоуправления тех народов, которые были лишены этого насильственным путем...»⁵.

24 сентября 1941 г. во время переговоров в Лондоне советская сторона сделала официальное заявление о своем согласии с принципами Атлантической хартии. Аннексия стран Балтии к тому моменту была уже свершившимся фактом. Это обстоятельство давало Сталину известную свободу маневра, чтобы не выглядеть в глазах своих партнеров нарушителем принципов хартии. Однако, хотя формально инкорпорация Прибалтики произошла до присоединения Советского Союза к Атлантической хартии, противоправность этой акции могла быть дезавуирована только в случае признания ее законности западными державами. Именно такую задачу поставил Сталин перед своими дипломатами. И именно поэтому тема Прибалтики то и дело всплывала на дипломатических переговорах союзников в течение всей войны.

Впервые на официальном уровне вопрос о признании границ Советского Союза по состоянию на 22 июня 1941 г., т. е. вместе с территориальными приобретениями 1939–1940 г., был поднят на советско-британских переговорах в Москве в декабре 1941 г. Этой теме был посвящен специальный, дополнительный протокол к Договору об установлении взаимного согласия между СССР и Великобританией, проект которого подготовила советская сторона⁶.

О Прибалтике Сталин говорил и в личной беседе с британским министром иностранных дел Энтони Иденом. Согласно записи той беседы, «Иден заметил, что юридическая позиция такова: в настоящий момент для британского правительства три балтийских государства не существуют. Они не имели дипломатического статуса. Балтийские посланники, которые еще продолжают существовать в Лондоне, сохраняют свое положение лишь в порядке любезности. <...> Однако исполнить желание тов. Сталина и официально признать границу СССР 1941 года Иден сейчас не может»⁷.

В качестве одного из аргументов Сталин сослался на аналогию: «Если бы кто-нибудь пришел к нему [Идену] и сказал, что необходимо выделить Ирландское свободное государство из Британской Империи, он просто прогнал бы его»⁸. Однако доводы Сталина не показались Идену достаточно убедительными, и он стоял на своем.

⁵ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 1. М., 1944. С. 146–148.

⁶ Ржевский О. А. Война и дипломатия. Документы, комментарии. 1941–1942. С. 12–13.

⁷ Там же. С. 31.

⁸ Там же. С. 34.

О разговоре со Сталиным Иден проинформировала Черчилля. Свою позицию на тот момент британский премьер прокомментировал так: «Когда вскоре после вступления Америки в войну <...> Иден сообщил мне о желании Советского правительства поглотить прибалтийские государства, моя реакция на это была отрицательной. Но теперь, тремя месяцами позже, под давлением событий, я не думаю, что эту моральную позицию физически возможно сохранить. В борьбе не на жизнь, а на смерть неправильно брать на себя большее бремя, чем в состоянии нести те, кто сражается за великое дело. Мои взгляды в вопросах о прибалтийских государствах были и остаются неизменными, но я считал, что в то время я не мог на них настаивать»⁹.

Еще в декабре 1941 г. Черчилль высказался за приоритет принципов Атлантической хартии, которые, по его мнению, будут определять отношения между государствами в послевоенном мире. Однако постепенно, под влиянием событий на европейском театре военных действий, позиция премьера по вопросу о судьбе прибалтийских государств меняется и становится уже не столь категоричной. 7 марта 1942 г. Черчилль писал Рузвельту: «Возрастающая серьезность войны заставила меня прийти к выводу, что принципы Атлантической хартии не следует истолковывать таким образом, что они лишают Россию границ, которые она занимала, когда на нее напала Германия. Это было основой, на которой Россия присоединилась к хартии, и я полагаю, что русские, заняв эти районы в начале войны, провели суровый процесс ликвидации враждебных элементов в прибалтийских государствах и т. п. Поэтому надеюсь, Вы сможете предоставить нам свободу рук для подписания договора, которого Сталин желает как можно скорее. Все предвещает возобновление весной в громадных масштабах германского вторжения в Россию, и мы мало что можем сделать, чтобы помочь этой единственной стране, ожесточенно сражающейся с германскими армиями»¹⁰. О своем послании Рузвельту и готовности пойти навстречу в вопросах о границах Черчилль спустя два дня, 9 марта, сообщил Сталину. Таким образом, признание статус-кво Прибалтики рассматривалось британским премьером как своего рода «компенсация» за усилия и жертвы Советского Союза в войне. Эта позиция в тех условиях тем более понятна, что открытие второго фронта союзниками откладывалось на неопределенную перспективу.

В марте 1943 г. проблему Прибалтики Рузвельт и Иден обсуждали в Белом доме. Рузвельт тогда предложил решить вопрос о вхождении прибалтийских государств в СССР после войны путем организа-

⁹ Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 4. Поворот судьбы. М., 1998. С. 155.

¹⁰ Там же. С. 155.

ции там плебисцита. Иден возражал, полагая, что «советское правительство будет настаивать на их поглощении» и что оно отклонит предложение Рузвельта. Президент на эту реплику отреагировал следующим образом: «Мы могли бы согласиться на поглощение, но при этом использовать его как инструмент при заключении сделки с Советским Союзом»¹¹ (выделено мной. — Е. З.).

Возможность признания инкорпорации Прибалтики, которая весной 1943 г. возникает как вероятность, спустя несколько месяцев становится предметом обсуждения между Сталиным и Рузвельтом, т. е. переходит в плоскость практического диалога. Это случилось в декабре 1943 г. на конференции Большой тройки в Тегеране. Накануне тегеранской встречи в США демонстрировался фильм Ф. Капры «Битва за Россию» из серии «Почему мы воюем?» Перед тем как пустить фильм в прокат, из него изъяли документальные кадры о вступлении советских войск в прибалтийские государства в 1940 г.¹²

В Тегеране Рузвельт заговорил со Сталиным о проблеме Прибалтики:

«РУЗВЕЛЬТ. В Соединенных Штатах может быть поднят вопрос о включении прибалтийских республик в Советский Союз, и я полагаю, что мировое общественное мнение сочтет желательным, чтобы когда-нибудь в будущем каким-то образом было выражено мнение народов этих республик по этому вопросу. Поэтому я надеюсь, что маршал Сталин примет во внимание это пожелание. У меня лично нет никаких сомнений в том, что народы этих стран будут голосовать за присоединение к Советскому Союзу так же дружно, как они сделали это в 1940 г.

СТАЛИН. Литва, Эстония и Латвия не имели автономии до революции в России. Царь был тогда в союзе с Соединенными Штатами и с Англией, и никто не ставил вопроса о выводе этих стран из состава России. Почему этот вопрос ставится теперь?

РУЗВЕЛЬТ. Дело в том, что общественное мнение не знает истории. Я хотел бы поговорить с маршалом Сталиным о внутреннем положении в Соединенных Штатах. В будущем году... предстоят выборы... В Америке имеется шесть-семь миллионов граждан польского происхождения, и поэтому я, будучи практичным человеком, не хотел бы потерять их голоса...

В Соединенных Штатах имеется также некоторое количество литовцев, латышей и эстонцев. Я знаю, что Литва, Латвия и Эстония и в прошлом, и совсем недавно составляли часть Советского Союза, и,

¹¹ Feis H. Churchill, Roosevelt, Stalin. The War They Waged and the Peace They Sought. Princeton, New-Jersey, 1957. P. 122.

¹² Наринский М. М., Поздеева Л. В. и др. Взаимные представления: имиджи, идеалы, иллюзии // Союзники в войне. 1941–1945. М., 1995. С. 337.

когда русские армии вновь войдут в эти республики, я не стану воевать из-за этого с Советским Союзом. Но общественное мнение может потребовать проведения там плебисцита.

СТАЛИН. Что касается волеизъявления народов Литвы, Латвии и Эстонии, то у нас будет немало случаев дать народам этих республик возможность выразить свою волю.

РУЗВЕЛЬТ. Это будет мне полезно.

СТАЛИН. Это, конечно, не означает, что плебисцит в этих республиках должен проходить под какой-либо формой международного контроля.

РУЗВЕЛЬТ. Конечно, нет. Было бы полезно заявить в соответствующий момент о том, что в свое время в этих республиках состоятся выборы.

СТАЛИН. Конечно, это можно будет сделать»¹³.

Беседа эта напоминает разговор двух деловых людей, каждый из которых решает проблемы собственного «бизнеса». Они говорят на одном языке и вполне понимают друг друга. Рузвельт обещает, что «не будет воевать» со Сталиным из-за Прибалтики. Сталин, со своей стороны, выражает готовность провести «плебисцит» и сохранить, таким образом, лицо Рузвельта и американской демократии перед мировым общественным мнением. Для Сталина это вообще не вопрос: организация кампаний «волеизъявления народа» в Советском Союзе уже давно была отработана до мелочей. И хотя ни тогда, в 1943-м, ни позднее не было подписано документа, подтверждающего позиции сторон, тем не менее «большая сделка» состоялась: ведь именно так Рузвельт назвал торговлю со Сталиным относительно Прибалтики. Случай довольно типичный в мировой политике, когда «большине» договариваются за счет «маленьких».

По свидетельству посла США в Москве А. Гарримана, Рузвельт неизменно высказывал свою малую заинтересованность в восточноевропейских делах, за исключением тех моментов, которые могли оказать влияние на настроение населения в самой Америке. Он считал европейские вопросы настолько сложными, что лучше стоять от них подальше, по крайней мере, ограничиться проблемами, которые напрямую относятся к Германии»¹⁴.

Впрочем, позиция США и Великобритании в последующие годы не оставалась неизменной. Как свидетельствуют, например, подготовительные документы к Ялтинской конференции 1945 г., в настроениях правящих кругов США наметилась тенденция не признавать

¹³ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. Т. 2. М., 1978. С. 168–169.

¹⁴ Мягков М. Ю. СССР, США и проблема Прибалтики в 1941–1945 годах // Новая и новейшая история. 2005. № 1. С. 58.

инкорпорацию прибалтийских государств¹⁵. Однако, когда во время пресс-конференции после возвращения из Ялты один из корреспондентов спросил Рузвельта, отказываются ли Соединенные Штаты от признания прибалтийских государств, дипломатические миссии которых все еще числились в официальном списке иностранных представительств в Вашингтоне, Рузвельт уклонился от обсуждения темы, заявив, что «этот вопрос не обсуждался в Крыму»¹⁶.

Вынужден был отвечать на «неудобные» вопросы и Энтони Иден. Во время обсуждения в Палате общин 7 марта 1945 г. депутат от консерваторов Герберт Вильямс спросил Идена, распространяется ли на Латвию, Литву и Эстонию вторая часть статьи 5 советско-британского договора (статья содержала положение, по которому стороны договаривались «не стремиться к территориальным приобретениям и не вмешиваться во внутренние дела других государств»). Иден ответил отрицательно, указав, что «эта статья относится к послевоенному периоду». «Разве в момент, когда подписывался договор, они не были самостоятельными государствами?» — задал очередной вопрос Вильямс. «Нет, — отвечал Иден. — Они не считались таковыми Советским Союзом, и это разъяснялось много раз»¹⁷.

В Ялте, а потом в Потсдаме союзники обсуждали послевоенную судьбу многих стран — Германии, Польши, Румынии, Болгарии и других. Литвы, Латвии и Эстонии в этом списке не было. Тема Прибалтики стала своеобразным «табу». Молчание вокруг «балтийской проблемы» дает основание экспертам говорить о «тихом согласии», которое существовало между союзниками¹⁸. Во всяком случае, Сталин получил от лидеров США и Великобритании устные гарантии, что в случае его повторного вторжения в Прибалтику в ходе войны ни та, ни другая сторона не станут предпринимать усилия, чтобы изгнать советские войска оттуда силой. Иными словами, Сталин мог не опасаться, что «из-за Прибалтики» начнется война с Западом. На тот момент и этого было достаточно.

Вместе с тем и в США, и в Великобритании существовали влиятельные круги, представители которых выступали за непризнание аннексии Прибалтики в 1940 г. и ее повторной советизации в 1944 г. Среди тех, кто занимал подобную позицию, были государственные чиновники, политические деятели, представители военного командования и разведки. Они использовали различные способы давления на администрацию, а органы разведки еще в период войны устано-

¹⁵ Bollow U. Die baltische Frage in der internationalen Politik nach 1945. Berlin, 1993. S. 8.

¹⁶ Докладная записка «По вопросу о так называемой “прибалтийской проблеме”». 3 апреля 1945 г. — РГАСПИ. Ф. 600. Оп. 1. Д. 3. Л. 44.

¹⁷ Там же. Л. 45.

¹⁸ Bollow U. Die baltische Frage in der internationalen Politik nach 1945. S. 12.

види контакт с лидерами национального движения сопротивления в Прибалтике.

В феврале 1945 г. представители Верховного Комитета освобождения Литвы (ВКОЛ) — структуры, фактически взявшей на себя функции национального правительства, — встречались в Вашингтоне с помощником госсекретаря США Данном и председателем сенатской комиссии по иностранным делам Коннэли. Литовцы принесли с собой меморандум, в котором просили официальные круги США поддержать создание независимой Литвы. Представители госдепартамента от какого-либо комментария по этой вопросу воздержались. Коннэли, со своей стороны, заметил, что «в настоящее время он ничего не может сделать, но просьбу учтет», а также посоветовал членам ВКОЛ действовать в союзе с аналогичными структурами в Латвии и Эстонии: «... вместе вы сможете создать сильную нацию, голос которой будет иметь большое значение»¹⁹.

Активно обсуждалась проблема послевоенного устройства балтийских государств в Швеции. Происходило это во многом под давлением эмигрантов: в стране насчитывалось около 30 тыс. беженцев из Прибалтики, из них около 20 тыс. составляли эстонцы, около 6,5 тыс. эстонских шведов, 3,5 тыс. латышей и несколько сот литовцев²⁰. После войны в Швецию переместился и главный центр организации сопротивления политике советизации в Эстонии — Национальный комитет Республики Эстония (EVRK), который взял на себя функции правительства в изгнании.

За реакцией Запада и развитием международной ситуации вокруг послевоенной судьбы Прибалтики внимательно следили в СССР, наблюдали за ней из советского тыла и коммунистические лидеры балтийских республик. В октябре 1943 г. секретарь ЦК компартии Эстонии Николай Каротамм обратился с письмом к В. М. Молотову. В нем он поделился опасениями относительно возможных осложнений и изложил свое видение выхода из критической ситуации в случае, если западные державы «поднимут шум» вокруг Прибалтики.

«В зарубежной прессе (например, шведской, американской и т. д.) за последнее время довольно часто затрагивается и обсуждается вопрос о судьбе Прибалтийских Социалистических Республик, — писал Каротамм. — Реакционные элементы откровенно проповедают отрыв этих республик от СССР и восстановление в них буржуазного строя. При этом обычно приводят “аргументы”, что СССР, мол, в своих захватнических целях включил эти страны в свой состав»²¹.

¹⁹ Докладная записка «По вопросу о так называемой “прибалтийской проблеме”». 3 апреля 1945 г. — РГАСПИ. Ф. 600. Оп. 1. Д. 3. Л. 44.

²⁰ Там же. Л. 49.

²¹ Письмо Н. Каротамма В. М. Молотову. 12 октября 1943 г. — Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 155. Л. 36.

Главную опасность Каротамм видел в появлении «конкурента» — нового, прозападно настроенного правительства: «Говоря об Эстонии, не исключена возможность, что немцы при своем предстоящем отступлении (или еще до этого) создадут некое “правительство” (или дадут возможность возникнуть такому “правительству”) во главе с каким-либо деятелем бывшей Эстонии с тем, чтобы это “правительство” потом обратилось к Объединенным нациям (точнее к Англии и США) как якобы “выразитель воли” эстонского народа и протестовало бы против восстановления в Эстонии Советской власти на том основании, что в 1940 г. якобы было совершено насилие над эстонским народом»²².

Чтобы быть готовым к такому развитию событий, считал Каротамм, надо позаботиться о поднятии международного авторитета советского правительства Эстонии и других республик Прибалтики. Его конкретное предложение сводилось к следующему: ввести должность заместителя наркома иностранных дел «от Прибалтики», назначив на нее кого-нибудь из авторитетных национальных деятелей. «Этот товарищ выступал бы одновременно как выразитель воли самих народов Прибалтики к объединению с СССР и как представитель правительства СССР при определенных дипломатических шагах последнего, — пояснял свою позицию Каротамм. — Мне думается, что для дипломатов Англии и США имеет определенное значение тот факт, что среди руководящих дипломатов СССР будет представитель народов Прибалтики, который всюду и везде будет защищать восстановление в Эстонии, Латвии и Литве советской власти и вхождение этих стран, согласно суверенной воле их народов, в состав Советского Союза»²³. В качестве наиболее приемлемой кандидатуры на эту должность Каротамм предложил профессора Ханса Крууса²⁴.

Предложение Каротамма тогда не встретило поддержки. Однако идея пробиться на международный уровень не оставляла его и после. Бегство эстонских граждан в Швецию и влияние шведской эмиграции на политическую жизнь Эстонии после войны превратилось в серьезную проблему для коммунистических властей этой республики. В 1945 г. Каротамм был в числе инициаторов кампании за возвращение эстонских эмигрантов из Швеции. Однако уже первые добровольцы, откликнувшиеся на призыв вернуться на родину, столкнулись с проблемой, типичной для большинства «возвращенцев»: вместо Эстонии их отправляли совсем в другие места. «Неизвестно куда», — жаловался Каротамм в ЦК ВКП(б) и просил Маленкова

²² Письмо Н. Каротамма В. М. Молотову. 12 октября 1943 г. — Там же. Ф. 82. Оп. 2. Д. 155. Л. 35.

²³ Там же. Л. 36–37.

²⁴ После войны Х. Круус был назначен на пост министра иностранных дел Эстонской ССР.

посодействовать, чтобы эстонским властям разрешили самим решать судьбу своих земляков-репатриантов²⁵. Ответ, который он получил из Главного управления по репатриации, был в общем предсказуем: «Не положено»²⁶.

В следующем, 1946-м году, Каротамм вновь поднял тему эмигрантов. На этот раз он предложил установить дипломатические отношения между Эстонией и Швецией. «Может быть, удастся этим мероприятием подготовить в некоторой степени почву для выхода Прибалтийских ССР на международную арену — наподобие Украины и Белоруссии», — писал он Жданову и Молотову²⁷. Из Москвы его письмо пришло обратно в Таллин — в Бюро ЦК ВКП(б) по Эстонии. Там Каротамму объяснили, что его предложение об установлении дипломатических отношений между Эстонией и Швецией является «ошибочным и неправильным», особенно посетовали на то, что он обратился в Москву напрямую, в обход Бюро²⁸. Подобные инициативы в Кремле не приветствовались.

3.2. «Наблюдатели» от Москвы: создание Бюро ЦК ВКП(б) по Латвии, Литве и Эстонии

Сразу после освобождения территории прибалтийских республик от немецких войск там началось восстановление партийных и советских властных структур, образованных еще в 1940 г. Центральные Комитеты компартий республик тогда возглавили Антанас Спечкус (Литва), Янис Калиберзиньш (Латвия), Николай Каротамм (Эстония). Председателями Советов министров соответственно стали Мечислоас Гедвилас, Вилис Лацис, Арнальд Веймер. Причем в Литве и Латвии на прежних постах остались руководители, занявшие их еще до войны, и только в Эстонии в 1944 г. появились новые первые лица.

Положение в балтийских республиках и первые итоги работы республиканских органов власти рассматривались на заседаниях Оргбюро ЦК ВКП(б) спустя всего три месяца после того, как из Прибалтики были вытеснены последние части германской армии: 30 октября 1944 г. было принято решение по Эстонии, 1 ноября — по Литве, 3 ноября — по Латвии²⁹. Три месяца — срок небольшой, чтобы

²⁵ Письмо Н. Каротамма Г. М. Маленкову, 30 июля 1945 г. — РГАСПИ. Ф. 598. Оп. 1. Д. 4. Л. 8–9.

²⁶ Там же.

²⁷ Письмо Н. Каротамма А. А. Жданову и В. М. Молотову, 1946 г. — Там же. Л. 5–6.

²⁸ Решение Бюро ЦК ВКП(б) по Эстонии о предложении Н. Каротамма, 1946 г. — Там же. Л. 4.

²⁹ Решения Оргбюро ЦК ВКП(б) — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 459. Л. 1–3; Д. 460. Л. 8–11; Д. 464. Л. 16–18.

вернувшиеся к своим обязанностям республиканские власти могли адаптироваться к столь непростой ситуации. Тем не менее критика Москвы была недвусмысленно острой: в каждой республике было отмечено «наличие серьезных недостатков и ошибок», которые, по мнению московского руководства, свидетельствовали о неспособности республиканских властей в полной мере контролировать ситуацию в регионе. Последовали оргвыводы: в Прибалтику были посланы специальные «наблюдатели». Так возникли Бюро ЦК ВКП(б) по каждой республике — Латвии, Литве и Эстонии³⁰.

Практика эта сама по себе была не нова: еще в 1940 г., когда только начиналось формирование советских порядков в Прибалтике, вместе с традиционными советскими структурами создавались специальные «наблюдательные» институты, позволяющие Москве контролировать ситуацию в регионе через своих эмиссаров. Тогда эту роль выполняли уполномоченные ЦК ВКП(б) и СНК СССР: В. К. Деревянский — в Латвии, В. Б. Бочкарев — в Эстонии, Н. Г. Поздняков — в Литве. В 1944 г. на месте уполномоченных появились специальные структуры — Бюро ЦК ВКП(б).

Подготовка этого вопроса в ЦК ВКП(б) была поручена Г. М. Маленкову. В начале ноября появился первый вариант решения — о Бюро ЦК ВКП(б) по Эстонии. Окончательная редакция постановления, принятого несколько дней спустя, отличалась по нескольким принципиальным позициям от первоначального варианта.

В представленном проекте необходимость создания Бюро трактовалась следующим образом: *«В целях улучшения руководства партийными, советскими и хозяйственными организациями Эстонской ССР и для оказания последним на месте практической помощи в политической, организационной и хозяйственной работе — создать Бюро ЦК ВКП(б) по Эстонии с местопребыванием его в г. Таллине»* (здесь и далее курсивом выделены фрагменты текста, подвергшиеся правке или изъятию из окончательного варианта решения. — Е. З.)³¹. В проекте значилось также, что *«Бюро ЦК ВКП(б) по Эстонии подчиняется непосредственно ЦК ВКП(б) и является ответственным перед ним за политическое и хозяйственное положение в Эстонской ССР и за деятельность руководящих партийных и советских органов республики»*³². Бюро ЦК ВКП(б) по Эстонии наделялось правом *«выносить решения, являющиеся обязательными для ЦК КП(б) Эстонии и Совнаркома Эстонской ССР»*³³.

³⁰ О деятельности Бюро ЦК ВКП(б) по Латвии см. также: Swain Geoffrey. «Cleaning up Soviet Latvia»: The Bureau for Latvia (Latbuero), 1944–1947 // The Sovietization of the Baltic States, 1940–1956. Ed. by O. Mertelmann. Tartu, 2003. P. 63–84.

³¹ Проект постановления Политбюро ЦК ВКП(б) «О Бюро ЦК ВКП(б) по Эстонии». Ноябрь 1944 г. — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1426. Л. 141.

³² Там же.

³³ Там же.

В окончательном варианте постановления компетенция Бюро была, по крайней мере, формальным образом ограничена³⁴. Исчезло упоминание об обязательности решений Бюро для Совнаркома республики: правительство формально не подчинялось партийным структурам, а Бюро создавалось как орган Центрального Комитета партии. В новом варианте Бюро «освобождалось» от ответственности за общее положение в республике и за работу республиканских руководящих структур: получалось, что «наблюдательный» и «консультативный» орган, таким презентировалось Бюро перед республиканской властью, превращалось в структуру, стоящую над этой властью. Во избежание подобного впечатления в начальной части постановления акцент специально делался на консультационном характере Бюро, цель которого заключалась в «оказании помощи» республиканской власти. В то же время принцип «патроната» Бюро над партийными структурами республики был сохранен: его решения, как и в первом варианте, были обязательными для ЦК компартии Эстонии.

В окончательной редакции решения появилось еще одно принципиальное дополнение. В первом варианте состав Бюро ЦК ВКП(б) по Эстонии предлагалось утвердить в следующем составе: Н. Н. Шаталин — председатель Бюро, Г. В. Перов — его заместитель и Н. С. Сазыкин — член Бюро. Шаталин являлся ответственным работником ЦК ВКП(б), Перов работал заместителем председателя Совнаркома РСФСР, а Сазыкин тогда получил должность уполномоченного НКВД и НКГБ по Эстонии и в этом качестве вошел в Бюро. Примечательно, что поначалу в состав Бюро по Эстонии не был включен никто из эстонцев — руководителей республики, это была полностью «московская» структура. Это значит, что Маленков, готовя проект решения, руководствовался прежними критериями работы «наблюдательных» институтов, тех же уполномоченных например.

Однако времена изменились, и то, что было приемлемо в переходной ситуации 1940 г., в 1944 г. даже по правилам советской партийной этики выглядело неприличным. «Оплошность» исправили в окончательном варианте постановления, включив в состав Бюро по Эстонии первых лиц республики — секретаря ЦК компартии Эстонии Н. Каротамма и председателя правительства А. Веймера. В дальнейшем этот принцип был распространен и на Бюро ЦК ВКП(б) по двум другим республикам — Латвии и Литве.

Постановление об образовании ЦК ВКП(б) по Эстонии и Литве было принято 11 ноября 1944 г., по Латвии — 29 декабря 1944 г.³⁵ На всех проектах решений есть одобрительная виза Сталина — «за». Это значит, что Сталин держал ситуацию в этих республиках под

³⁴ Постановление ЦК ВКП(б) «Об организации Бюро ЦК ВКП(б) по Эстонии». 11 ноября 1944 г. — Там же. Л. 138–139.

³⁵ Решения Политбюро ЦК ВКП(б). Протокол № 44. 11 ноября, 29 декабря 1944 г. — Там же. Л. 136–139; Д. 1432. Л. 13–14.

своим контролем. Бюро состояли из пяти человек: председателя, его заместителя, уполномоченного НКВД и НКГБ по соответствующей республике, первого секретаря ЦК компартии и руководителя Совнаркома республики.

Бюро по Литве возглавил М. А. Суслов, его заместителем был назначен Ф. Г. Ковалев, а членами бюро стали И. М. Ткаченко (НКВД и НКГБ), А. Ю. Спечкус (первый секретарь ЦК КП Литвы) и М. Н. Гедвилас (председатель СНК Литвы). Состав Бюро по Эстонии согласно решению от 11 ноября выглядел следующим образом: Н. Н. Шаталин (председатель), Г. В. Перов (заместитель), Н. С. Сазыкин, Н. Г. Карогаам и А. Т. Веймер. В Бюро ЦК ВКП (б) по Латвии вошли: Н. Н. Шаталин (председатель), Ф. М. Бутов (заместитель), А. Н. Бабкин, Я. Э. Калиберзиньш, В. Т. Лацис.

Николай Шаталин, таким образом, больше года возглавлял одновременно два Бюро — по Эстонии и по Латвии, фактически он больше работал в Латвии, а его обязанности в Эстонии исполнял заместитель — Георгий Перов. Следующая кадровая рокировка в составе Бюро произойдет в марте 1946 г.: на место «отозванного» на работу в Оргбюро ЦК ВКП(б) М. А. Суслова придет В. Ф. Рязанов; по той же причине покинет Латвию Н. Н. Шаталин, уступив свою должность В. В. Щербакову, а Г. В. Перов наконец официально будет утверждён в позиции председателя Бюро по Эстонии³⁶.

Прибывшие в Прибалтику московские эмиссары, как и их предшественники — уполномоченные, получили специальные инструкции, предписывающие избегать прямого нажима на республиканские власти и работать с ними в режиме диалога. Однако прибытие «наблюдателей» было воспринято в руководящих сферах Литвы, Латвии и Эстонии довольно болезненно — как свидетельство ограничения собственных полномочий и властных функций. «Взаимоотношения между Бюро ЦК ВКП(б) и руководством ЦК КП(б) и СНК Литвы в первый период были довольно холодными, — докладывал председатель Бюро по Литве М. Сулов. — Создание Бюро ЦК ВКП(б) по Литве и наш приезд были встречены гг. Спечкусом и Гедвиласом несколько растерянно, болезненно и с опасливостью, как бы литовское руководство не было отеснено на задний план. Тов. Спечкус обращался ко мне примерно с такого рода вопросом: “Не означает ли Ваш приезд, что теперь руководящую роль будут играть русские товарищи?”... С течением времени, однако, когда руководство ЦК и СНК Литвы убедились, что мы не намерены его оттирать и что мы действительно оказываем ему действительную помощь в работе, наши отношения нормализовались»³⁷.

³⁶ Решение Политбюро ЦК ВКП(б). Протокол № 50. 30 марта 1946 г. — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1481. Л. 120, 121, 123.

³⁷ Отчет о работе Бюро ЦК ВКП(б) по Литве. Июль 1945 г. — Там же. Ф. 597. Оп. 1. Д. 2. Л. 35.

Председатель Бюро ЦК ВКП(б) по Латвии В. Рязанов стремился также избегать конфликтов с республиканским руководством. «Мы считали нецелесообразным на первом этапе своей работы, — писал В. Рязанов в докладной записке о деятельности Бюро, — созывать заседания Бюро ЦК ВКП(б) по Латвии и выносить решения, обязывающие ЦК КП(б) Латвии выполнять то-то и то-то, чтобы не создать такого настроения среди руководства республики, что ему не доверяют, что они не полновластны, что над ними поставлена русская власть, как некоторые пытались это говорить, и поэтому создать нездоровые настроения среди латышей»³⁸. В течение 1944–1945 г., т. е. примерно за первых полтора года существования Бюро ЦК ВКП(б) по Латвии было проведено всего одно заседание Бюро, в остальном его руководители ограничивались неформальными контактами с руководителями республики. И такая практика находила с их стороны понимание («все рекомендации и предложения со стороны руководства Бюро ЦК ВКП(б) по Латвии... никогда еще не оспаривались и всегда воспринимались правильно»³⁹). «Все делается руками ЦК КП(б) Латвии и Совета Министров Латвийской ССР»⁴⁰, — подводил итог В. Рязанов, тогда как представители Москвы формально оставались в «тени».

Иначе складывались отношения между Бюро ЦК ВКП(б) по Эстонии и руководителями республики после того, как Н. Шаталина сменил Г. Перов. Так же, как в случае с Литвой и Латвией, характер этих отношений часто определялся личной позицией председателя Бюро. В отличие от Сулова или Рязанова, Перов стремился держать республиканские власти под постоянным контролем, в том числе и в мелочах. Бюро ЦК, например, приняло специальное решение, обязывающее руководителей Эстонии, включая секретарей ЦК компартии республики, руководящих работников Совета Министров и Президиума Верховного Совета ЭССР, присутствовать на всех крупных массово-политических мероприятиях⁴¹. Это решение было принято после того, как ряд руководящих лиц республики проигнорировали митинг, посвященный Дню авиации в августе 1946 г.

Столь же пристально Бюро во главе с Г. Перовым отслеживало так называемые проявления эстонского национализма. Иногда дело доходило до курьезов: в пропаганде национализма был обвинен журнал «Модь», содержание которого стало предметом обсуждения на Бюро. Журнал, как следовало из решения, «сочетанием синего, черного и

³⁸ Докладная записка В. Рязанова о положении в Латвии. 1946 г. — Там же. Ф. 600. Оп. 1. Д. 11. Л. 76.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Протокол № 10 заседания Бюро ЦК ВКП(б) по Эстонии. 1946 г. — Там же. Ф. 598. Оп. 1. Д. 4. Л. 95.

белого цветов в рекомендуемых им костюмах явно вызывает к буржуазно-националистическим чувствам врагов советской власти и демонстрирует сине-черно-белый флаг буржуазной Эстонии»⁴². После этого последовали оргвыводы: журнал мод был изъят из продажи, а ЦК КП(б) Эстонии получил указание найти и наказать «виновных».

По крайней мере, в течение 1946 г. Бюро ЦК ВКП(б) по Эстонии заседало ежемесячно, а иногда даже три-четыре раза в месяц, каждый раз принимая то или иное решение, адресованное ЦК КП(б) Эстонии. Стиль «указующего перста», практиковавшийся Бюро, не только осложнял отношения между этой структурой и республиканским руководством, но и соответствующим образом влиял на восприятие власти местным населением. Не случайно руководители республик стремились хотя бы внешне дистанцироваться от всех структур, олицетворявших «русскую власть». Достаточно показательным в этом смысле поведение А. Снечкуса, который не только формально, но и в реальной практике стремился действовать как самостоятельный политик. Он отказался, например, от дополнительной охраны по линии Наркомага государственной безопасности Литвы⁴³, что стоит, по-видимому, рассматривать не только как известный популистский шаг, но и как стремление избежать дополнительных согладатаев.

Бюро ЦК ВКП(б) по Литве, Латвии и Эстонии просуществовали до марта 1947 г., после чего были упразднены. Одной из причин ликвидации этих посреднических структур стала относительная стабилизация обстановки в регионе. Задачи, возложенные на Бюро, — отмечалось в соответствующем решении Политбюро ЦК ВКП(б), — «могут быть впредь осуществлены ЦК компартий Литвы, Латвии и Эстонии непосредственно»⁴⁴. Однако вовсе отказываться от практики «наблюдения» за поведением республиканских властей Москва не спешила.

В тот же день, 27 марта 1947 г., когда было решено ликвидировать Бюро по республикам Прибалтики, приняли еще одно постановление — об инспекторах ЦК ВКП(б). «Для улучшения работы по проверке и инспектированию местных парторганов и обеспечения в этих целях дифференцированного подхода к изучению и оценке состояния партийной работы, — значилось в решении Политбюро, — по каждой союзной республике в отдельности... ЦК ВКП(б) постановляет иметь инспектора ЦК ВКП(б)».

⁴² Протокол № 5 заседания Бюро ЦК ВКП(б) по Эстонии. 1946 г. — РГАСПИ. Ф. 598. Оп. 1. Д. 4. Л. 40.

⁴³ Сообщение врио наркома государственной безопасности Литовской ССР Ефимова. 18 августа 1945 г. — Там же. Ф. 597. Оп. 1. Д. 3. Л. 80.

⁴⁴ О ликвидации Бюро ЦК ВКП(б) по Литве, Латвии и Эстонии. Решение Политбюро ЦК ВКП(б) от 24 марта 1947 г. — Там же. Ф. 17. Оп. 117. Д. 733. Л. 8; Решения Политбюро ЦК ВКП(б). Протокол № 57. 24 марта 1947 г. — Там же. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1497. Л. 95.

Ознакомившись с проектом этого решения, Сталин против слова «инспектора» добавляет — «постоянного»⁴⁵. Так была найдена новая, может быть, не столь очевидная и навязчивая, как раньше, но все-таки форма контроля за поведением республиканских властей. И «свободное плавание» Москва никого отпускать не собиралась.

Что касается самого Сталина, то свои личные контакты с лидерами прибалтийских республик он предпочел свести до минимума. После «протокольной» встречи в августе 1940 г. Сталин принимал руководителей Литвы, Латвии и Эстонии в своем кремлевском кабинете лишь дважды и, что особенно характерно, всех одновременно — 16 августа 1944 г. и 18 января 1949 г.⁴⁶ Первая встреча длилась 1 час 10 минут, вторая — 45 минут. Больше имена балтийских лидеров ни вместе, ни порознь в журнале записей посетителей кремлевского кабинета Сталина не встречаются. Общение с ними Сталин перепоручил своим помощникам, другим секретарям ЦК — Жданову, Маленкову, Сулову. Подобное отношение вождя резко контрастировало с той активностью и тем вниманием, которое он уделял «балтийскому вопросу» в 1939 и 1940 г., лично «обрабатывая» неговорчивых балтийских лидеров и не жалея времени на встречи с ними. По-видимому, добившись желаемого в 1940 г., Сталин посчитал задачу своего уровня решенной. Теперь он мог позволить себе держать дистанцию.

3.3. Кадровая политика как механизм советизации

Местные коммунистические вожди попадали в довольно сложную ситуацию: стремясь сохранить свою самостоятельность, они тем не менее не могли позволить себе быть вовсе независимыми от «русской власти». И дело здесь было не только в политике московского руководства, которое рассматривало республики Балтии как часть СССР. Без поддержки Москвы коммунистическая власть в регионе вообще не могла бы существовать, поскольку собственные позиции коммунистов в Литве, Латвии и Эстонии никогда не были достаточно сильными. Создание социальной базы коммунистического режима происходило, таким образом, в одну из главных проблем республиканских властей. И в этом вопросе их интересы совпадали с интересами власти центральной. Традиционно его решение виделось как расширение влияния компартии в регионе прежде всего за счет ее численного роста. Коммунистам предстояло занять руководящие посты на всех уровнях управления — от республиканского до сельского.

⁴⁵ Решения Политбюро ЦК ВКП(б). Протокол № 57. 24 марта 1947 г. — Там же. Оп. 163. Д. 1497. Л. 94.

⁴⁶ Посетители Кремлевского кабинета Сталина // Исторический архив. 1996. № 5–6.

Однако кадров коммунистов катастрофически не хватало, их было недостаточно не только для заполнения всех вакантных должностей, но и для решения кадровой проблемы на уровне республиканских органов власти и управления. В начале 1945 г. аппарат ЦК КП(б) Литвы был укомплектован на 55 % (укомов и горкомов — на 59 %) ⁴⁷, аппарат ЦК КП(б) Эстонии — на 53 % ⁴⁸, в Латвии партийный аппарат на всех уровнях был укомплектован не более, чем на 40 % ⁴⁹.

Всего на 1 января 1945 г. в Литве насчитывалось 3536 коммунистов (членов и кандидатов в члены партии), в Латвии — 3592, в Эстонии — 2409 ⁵⁰. Представители коренной национальности составляли менее 50 % партийного состава: в литовской компартии насчитывалось 1127 литовцев, в компартиях Латвии и Эстонии латышей и эстонцев было соответственно 1263 и 961 человек ⁵¹. Примерно половина коммунистов всех республик состояла на учете в органах НКВД и НКГБ, а также в военных организациях. Таким образом, республиканские компартия на том этапе уже качеством своего состава олицетворяли собой не только «русскую» власть, но и власть «силовую», репрессивную. По крайней мере, именно такой образ партии складывался в глазах коренного населения. Эту ситуацию надо было менять кардинально, что хорошо понимали как московские, так и региональные власти.

В связи с этим руководители Латвии, Литвы и Эстонии обратились в Центральный Комитет ВКП(б) с просьбой направить в их распоряжение на постоянную партийную и хозяйственную работу латышей, литовцев и эстонцев (коммунистов), проживающих в старых республиках СССР. По данным Управления кадров ЦК ВКП(б), всего на территории Советского Союза к началу 1945 г. находилось 4346 латышей, 1228 литовцев и 1804 эстонца, состоявших в компартии. 10 марта 1945 г. секретариат ЦК ВКП(б) принял постановление, обязывающее Управление кадров в течение двух месяцев отобрать и направить на работу в Прибалтику 300 коммунистов-латышей, 150 коммунистов-литовцев и 200 коммунистов-эстонцев ⁵². Решение этой

⁴⁷ Отчет о работе Бюро ЦК ВКП(б) по Литве. Июль 1945 г. — РГАСПИ. Ф. 597. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.

⁴⁸ Отчет о работе Бюро ЦК КП(б) по Эстонии. Май 1945 г. — Там же. Ф. 598. Оп. 1. Д. 2. Л. 104.

⁴⁹ Отчет о работе отдела кадров ЦК КП(б) Латвии за 1945 год. — Там же. Ф. 600. Оп. 1. Д. 2. Л. 54.

⁵⁰ Докладная записка заместителя начальника Управления кадров ЦК ВКП(б) А. А. Андреева секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову, Март 1945 г. — Там же. Ф. 17. Оп. 117. Д. 498. Л. 8.

⁵¹ Там же.

⁵² Постановление секретариата ЦК ВКП(б). 10 марта 1945 г. — Там же. Л. 7.

задачи для кадрового управления ЦК ВКП(б) оказалось совсем не простым. Так, спустя несколько месяцев, в ноябре 1945 г., его сотрудники докладывали Г. М. Маленкову, как обстоит дело с посылкой литовских коммунистов: из определенных поставлением ЦК 150 человек удалось отправить в Литву только 35 человек. «Медленная посылка их объясняется секретарями обкомов ВКП(б) тем, что большая часть коммунистов-литовцев является престарелыми и больными», — таково было заключение Управления кадров⁵³. В отношении Латвии и Эстонии ситуация складывалась более благополучно. В Латвию, например, в течение 1945 г. было направлено на работу из других республик СССР 540 коммунистов-латышей⁵⁴. В Эстонию в течение того же 1945 г. по партийной линии прибыло 376 руководящих работников (правда, сведения об их национальном составе отсутствуют)⁵⁵. Однако большая часть так называемых национальных кадров только по факту своего происхождения являлись этническими латышами, литовцами или эстонцами, значительную часть жизни они провели за пределами Латвии, Литвы и Эстонии, иногда плохо знали родной язык. И если Москвой подобные кадры воспринимались как «коренные», то в республиках они были все равно «пришлые» — не совсем, возможно, «чужие», как этнические русские или представители других национальностей, но и не вполне «свои».

В любом случае потребность в управленцах, поддерживающих новую власть на территории Прибалтики, была большей, чем определенный Москвой первоначальный «климат» национальных кадров коммунистов из числа проживающих за пределами региона. Это свидетельствует о том, что Москва, отдавая должное национальному моменту, тем не менее не рассматривала коренизацию управленческого аппарата как единственный или главный способ обеспечения своего влияния в регионе. Изначально ставка делалась на известную «интернационализацию» балтийских республик как процесс, призванный блокировать развитие сепаратистских тенденций. Кроме того, «пришлые» кадры, прошедшие советскую школу партийной и хозяйственной работы, рассматривались Москвой как наиболее надежные агенты влияния. Другое дело, что центральной власти волей-неволей приходилось считаться с наличием сильных антирусских и антисоветских настроений в регионе, поэтому необходимо было найти оптимальный баланс в проведении политики коренизации и интернационализации управленческого аппарата. Создание и

⁵³ Докладная записка заведующего отделом Управления кадров ЦК ВКП(б) В. Щербакоева. Ноябрь 1945 г. — Там же. Д. 541. Л. 4.

⁵⁴ Отчет о работе отдела кадров ЦК КП(б) Латвии за 1945 г. — Там же. Ф. 600. Оп. 1. Д. 2. Л. 53.

⁵⁵ На чаше весов: Эстония и СССР. 1940 год и его последствия. Таллин, 1999. С. 430.

поддержание данного баланса зависело не только от намерений Центра, но и от местных возможностей заполнить образовавшийся кадровый вакуум. При этом речь шла о поиске не просто профессиональных национальных кадров (с этой задачей республиканские власти могли бы справиться вполне успешно), но кадров, лояльных по отношению к советскому режиму, что серьезно осложняло решение кадровой проблемы.

В первые послевоенные годы, даже несмотря на приток национальных кадров из других республик, так и не удалось преодолеть дисбаланс между национальным составом населения балтийских республик в целом и национальным составом органов власти и управления. Если в Латвии, Литве и Эстонии представители титульных этносов составляли от 80 % (Литва) до 90 % (Эстония) населения⁵⁶, то их доля в партийных, советских и хозяйственных структурах была значительно ниже и существенно отличалась по республикам региона. Так, в начале 1946 г. среди сотрудников аппарата Центрального Комитета компартии Эстонии эстонцев было около 60 %, в аппарате ЦК КП(б) Латвии латышей было только 43 %, в аппарате ЦК КП(б) Литвы работало 29 % литовцев. Среди работников советских и хозяйственных органов соответствующих республик доля эстонцев составляла более 80 %, латышей — более 60 %, среди руководящего состава работников этих структур в Литве было только 40 % литовцев⁵⁷. Общей тенденцией для всех трех республик было увеличение удельного веса представителей титульных этносов по мере движения по управленческой вертикали — от высших органов к низшим. Например, среди 30 первых секретарей укомов и горкомов партии Литвы, по данным на июль 1945 г., 24 человека, или 80 %, были литовцами⁵⁸.

Среди этнических латышей, литовцев и эстонцев, занятых в аппаратах власти и управления, доля лиц, проживающих в балтийском регионе до войны, была, как правило, значительно меньше, чем «пришлых». Так, в Эстонии, где в центральном партийном аппарате эстонцы составляли большинство, из 78 сотрудников ЦК КП(б) 61 человек работал до 1940 г. в старых республиках (данные на май 1945 г.)⁵⁹.

⁵⁶ Misiunas R., Taagepera R. *The Baltic States: Years of Dependence, 1940–1990*. California, 1993. P. 353.

⁵⁷ Данные отчетов Бюро ЦК ВКП(б) по Латвии, Литве и Эстонии, справочного отдела кадров ЦК КП(б) республик за 1945 и 1946 гг. — РГАСПИ. Ф. 597. Оп. 1. Д. 2. 22. Ф. 598. Оп. 1. Д. 2; Ф. 600. Оп. 1. Д. 2. 23.

⁵⁸ Отчет о работе Бюро ЦК ВКП(б) по Литве. Июль 1945 г. — Там же. Ф. 597. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.

⁵⁹ Отчет о работе Бюро ЦК ВКП(б) по Эстонии. Май 1945 г. — Там же. Ф. 598. Оп. 1. Д. 2. Л. 7–8.

За счет вновь прибывших в основном пополнялись и партийные организации республик. За два года — с 1 января 1945-го по 1 января 1947 г. — они значительно выросли численно: в Латвии почти в 6 раз (до 21 037 членов и кандидатов), в Литве — в 4,6 раза (16 202 чел.), в Эстонии — в 5,4 раза (12 965 чел.). Главным источником роста коммунистических партий в регионе была как миграция из других республик, так и приток демобилизованных из армии. Менялся национальный состав компартий в сторону все большей интернационализации.

Достаточно показательны в этом смысле тенденции изменений в составе компартии Литвы. По данным на 1 января 1945 г., среди членов и кандидатов ВКП(б) в литовской парторганизации было 32 % литовцев, 54 % русских и 14 % представителей других национальностей (украинцев, белорусов, евреев, поляков и др.). За два года доля литовцев снизилась до 18 %, тогда как доля русских повысилась до 59 %, а других национальностей — до 23 %. По абсолютным показателям число литовцев-коммунистов за тот же период увеличилось в 2,6 раза (с 1127 до 2984 чел.), русских — в 5 раз (с 1901 до 9577), евреев — в 5,3 раза (с 238 до 1275), украинцев — в 9 раз (с 143 до 1276)⁶⁰. Поскольку именно коммунисты рассматривались в качестве главного кадрового резерва, развитие тенденции к размыванию национального состава партии не могло не вызывать обеспокоенности у республиканского руководства. Не случайно председатель Бюро ЦК ВКП(б) по Литве М. А. Суслов, характеризуя кадровую политику литовских руководителей, отмечал свойственную им «особую чувствительность в отношении русских работников (как бы лишнего русского работника на появилось)»⁶¹.

Существовало негласное распоряжение А. Снечкуса ограничить прием на руководящую работу русских, украинцев, поляков. «ЦК КП(б) Литвы, СНК и наркоматы в деле подбора и расстановки кадров руководствуются, как правило, национальными признаками. Всех делят на литовцев и нелитовцев», — к такому выводу пришли сотрудники Управления кадров ЦК ВКП(б), побывавшие в ноябре 1944 г. в Литве⁶².

Первичные парторганизации стремились также контролировать национальный состав при приеме в партию. Прием литовцев в течение 1945–1947 гг. сохранялся в целом на уровне 40 % с тенденцией

⁶⁰ Статистический отчет о составе парторганизации Литвы. 1947 г. — Там же. Ф. 597. Оп. 1. Д. 21. Л. 83.

⁶¹ Отчет о работе Бюро ЦК ВКП(б) по Литве. Июль 1945 г. — Там же. Ф. 597. Оп. 1. Д. 2. Л. 35.

⁶² Докладная записка «О руководстве ЦК КП(б) Литвы политической и хозяйственной жизнью республик». Ноябрь 1944 г. — Там же. Ф. 17. Оп. 117. Д. 460. Л. 14.

к увеличению, особенно это касалось нового пополнения кандидатов в члены партии⁶³. Однако даже принятые негласно ограничительные меры по приему в партию представителей других национальностей не переломили тогда ситуацию (главным образом за счет высокой миграции и притока демобилизованных). Она начала меняться только в конце 1940-х — начале 1950-х годов, а в 1956 г. литовцы в составе литовской парторганизации впервые за послевоенный период превысили представительство русских (они составили соответственно 44 % и 38 %)⁶⁴.

Самым уязвимым звеном в проведении политики советизации оказались местные органы власти. Управленческая вертикаль фактически не функционировала или работала очень плохо. Республиканское руководство часто имело довольно приблизительное представление о том, что творится в волостях, а тем более в уездах. У тех же, кому доводилось выезжать в глубинку, складывалось впечатление, что советская власть на уровне волости уже заканчивалась, да и там держалась во многом условно.

Об особенностях повседневной жизни советского актива в Латвии можно судить, например, по наблюдениям уполномоченного ЦК КП(б) Латвии Я. Я. Димана, побывавшего летом 1945 г. в Абреском уезде республики: «По заявлению первого секретаря укома, связь уком имеет только с волостными центрами, работу с населением в самих деревнях и по хуторам нет никакой возможности вести из-за террора бандитов, ниже волости активисты могут появляться, по существу, нелегально, переодевшись под крестьян и крестьянок... Неудивительно, что активисты все настойчивее ставят вопрос о разрешении им жить в волостях, где имеется хотя бы видимость охраны... Почуют активисты где угодно, только не дома»⁶⁵.

Ситуация в Литве была точно такой же. Посетившие летом 1945 г. несколько уездов республики инспекторы из Москвы зафиксировали следующую картину: «В деревне в настоящее время сложилась такая обстановка, что партийные и советские работники уездов и волостей в сельские советы (апилинки) и хутора могут выезжать только в сопровождении хорошо вооруженной группы истребителей. Многие председатели сельских (апилинковых) советов в результате бандитского террора не могут работать и отсиживаются в волостях. Некоторые председатели апилинковых советов больше связаны с бандита-

⁶³ Статистический отчет о составе парторганизации Литвы. 1947 г. — РГАСПИ. Ф. 597. Оп. 1. Д. 21. Л. 88.

⁶⁴ Справка по Литовской парторганизации. 1956 г. — РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 59. Л. 107.

⁶⁵ Докладная записка Я. Я. Димана в ЦК КП(б) Латвии и Бюро ЦК ВКП(б) по Латвии о положении в Абреском уезде Латвийской ССР. 6 июня 1945 г. — РГАСПИ. Ф. 600. Оп. 1. Д. 4. Л. 101–102.

ми, чем с советскими органами, а в большой группе сельских советов председателей нет совершенно»⁶⁶.

Обстановка в сельских районах Литвы была настолько сложной и опасной, что руководители республики под любыми предлогами стремились избегать поездок в глубинку. Когда в мае 1945 г. возникла необходимость провести пропагандистскую кампанию в связи с весенним севом, Бюро ЦК ВКП(б) по Литве предложило литовским руководителям лично встретиться с крестьянами в волостях. На это предложение председатель Президиума Верховного Совета Литвы Юстас Палескис отреагировал следующим образом: «Если вы меня хотите скомпрометировать, то посылайте, так как в сельском хозяйстве я ничего не смыслю»⁶⁷. Другой лидер республики — глава правительства Мечисловас Гедвилас — на аналогичное предложение, сделанное, правда, по другому поводу, ответил: «Если я буду выезжать в такие командировки, то когда же я буду заниматься делами в Совпаркоме?»⁶⁸.

Коммунистический резерв был явно недостаточен, чтобы решить кадровую проблему на селе в порядке партийной мобилизации. Из 4262 коммунистов, находящихся в июле 1945 г. на учете в литовской партийной организации, в деревне работали только 442 человека⁶⁹. Пока существовала угроза из «леса», трудно было ожидать сколь угодно значительного притока добровольцев, стремящихся занять эти в полном смысле опасные для жизни должности. Способом выживания часто становилось «мирное сосуществование» с партизанами. Обвинение руководителей сельсоветов и активистов в «связи с бандитами» в Литве было обычной практикой⁷⁰.

Другой проблемой советской власти на местах был низкий уровень компетентности и коррупция в рядах представителей этой власти. «Многие так называемые сельские активисты и даже некоторые подостные руководители своим поведением делают все для того, чтобы скомпрометировать перед населением нашу партию и советскую власть, — говорил на пленуме ЦК литовской компартии председатель Бюро ЦК ВКП(б) по Литве В. В. Щербаков. — Такие беззакония, как бесплатно питаться у крестьян, бесплатно брать у них про-

⁶⁶ Докладная записка инспекторской группы ЦК ВКП(б) «О политическом положении в Литовской ССР и работе парторганизации Литвы». 3 августа 1945 г. — Там же. Ф. 17. Оп. 117. Д. 537. Л. 21–22.

⁶⁷ Отчет о работе Бюро ЦК ВКП(б) по Литве. Июль 1945 г. — Там же. Ф. 597. Оп. 1. Д. 2. Л. 11.

⁶⁸ Там же. Л. 12.

⁶⁹ Докладная записка инспекторской группы ЦК ВКП(б) «О политическом положении в Литовской ССР и работе парторганизации Литвы». 3 августа 1945 г. — Там же. Ф. 17. Оп. 117. Д. 537. Л. 24.

⁷⁰ Там же. Л. 25.

дукты на дом, различные мелкие взятки и поборы, повсеместное пьянство со стороны волостных и уездных служащих <...> являются довольно распространенным явлением»⁷¹.

В Латвии «лицо» партийной и советской власти на местах выглядело не лучше, чем в Литве. Один из сотрудников Бюро ЦК ВКП(б) по Латвии представил такой портрет волостных парторгов (большинство из них были латышами по национальности):

«Парторг Малупе волости. 1885 года рождения, член ВКП(б) с 1917 г., образование 4 класса. Работой не интересуется. По старости и слепоте правого глаза из волисполкома не выходит — превратился в охранника.

Парторг Яунлайценской волости. 1901 года рождения, член ВКП(б) с 1939 г., образование 7 классов. Пьет, хулиганит — за драку в ресторане был арестован. Своими действиями по отношению к трудовому крестьянству компрометирует звание коммуниста. 22 мая совместно с вооруженными бойцами силой производил «заготовку» картофеля, отбирая у крестьян картофель, но при этом обходил куликов. При распределении семян способствовал их разбазариванию и совместно с секретарем волисполкома их пропивал.

Парторг Марканской волости. 1904 года рождения, член ВКП(б) с 1942 г., образование 3 класса. В начале 1946 г. «провел кампанию борьбы» с самогоном, производя обыски из дома в дом. Отобранную самогонку отвез себе, после чего пьянствовал и в одной из пьянок избил работника МТС, который в течение недели не мог работать. Пьет везде и со всеми. Авторитетом не пользуется»⁷².

Самый простой выход из подобной кадровой ситуации — замена скомпрометировавших себя работников другими. Однако проблемы часто оказывались неразрешимой: «Замена и комплектование штата парторгов при наличии 57 коммунистов во всем уезде не представляется возможным, так как эти коммунисты являются руководящим составом уезда»⁷³, — должен был признать автор информации по Латвии. И так было почти везде. «Лицо» советской власти на местах в Эстонии выглядело ничуть не лучше, чем в Литве или Латвии. Пассивность, низкий образовательный уровень, пьянство и злоупотребления местных начальников — все это было хорошо знакомо эстонцам⁷⁴.

Ситуация на местах изменилась только в начале 1947 г., когда в основном было завершено создание низовых органов власти —

⁷¹ Выступление председателя Бюро ЦК ВКП(б) по Литве В. В. Щербакова на XI пленуме ЦК КП(б) Литвы, 23 ноября 1946 г. — РГАСПИ. Ф. 597. Оп. 1. Д. 19. Л. 35.

⁷² Докладная записка Г. Клецкина «О положении в Алксненском уезде» Латвии, 4 июня 1946 г. — Там же. Ф. 600. Оп. 1. Д. 87. Л. 84–85.

⁷³ Там же. Л. 85–86.

⁷⁴ Feest D. Zwangskollektivierung im Baltikum. Köln, Weimar, Wien, 2007. S. 74–78.

не номинально, а фактически. К этому же времени можно отнести окончательное формирование во всех балтийских республиках управленческой вертикали. Построение опорного каркаса нового режима стало главным итогом этого периода.

3.4. «Свой» и «чужие»: национальный вопрос в политических решениях и повседневных практиках

Национальная специфика — то, с чем столкнулись в странах Балтии первые советские эмиссары в 1940 г., — после войны продолжала играть роль фактора, заставляющего считаться с собой в процессе продолжения политики советизации. Речь шла в данном случае не только об отношении эстонцев, латышей и литовцев к своей культуре, языку, национальным обычаями т. д. Они были в полном смысле и людьми иной политической культуры, их восприятие советских порядков, политических и хозяйственных практик часто было совершенно иным — не таким, как, например, в России или на Украине.

Национальная специфика, отражающая отношение людей к политическим реалиям, наиболее наглядно проявлялась в вопросах, которые поступали во время бесед, лекций и прочих обязательных советских пропагандистских мероприятий. Агитаторы и докладчики, работавшие в Лигве, Латвии и Эстонии, отмечали, что, во-первых, прибалтов часто интересуют «другие» вопросы — не те, которые задают обычно люди в старых республиках СССР, а во-вторых, они не боятся спрашивать о том, о чем советские граждане «со стажем» спрашивать остерегаются.

Так, во время публичных мероприятий большая доля вопросов в старых республиках касалась «безопасных» сюжетов мировой политики и международных отношений. В Прибалтике публика была больше настроена на конкретный лад, поэтому звучало больше вопросов «хозяйственно-бытового», а не международного характера. Например, крестьяне Латвии спрашивали: «Почему нет порядка в учреждениях, особенно на станции города Рига, где билеты легче достать у спекулянтов, чем в кассе?»; «Почему цены на промтовары разные для городского и сельского населения?»; «Почему в МТС мало машин?»; «Почему крестьяне во время посевной кампании были мобилизованы на заготовку телефонных столбов, хотя столбы, заготовленные в прошлом году, гниют в лесу?»; «Почему совхозы не являются образцовыми хозяйствами?»; «Почему нельзя получить гвоздей, подков?»⁷⁵.

⁷⁵ Справка отдела пропаганды ЦК КП(б) Латвии о проведении крестьянских собраний, посвященных 6-летию установления советской власти в Латвии. Июль 1946 г. — РГАСПИ. Ф. 600. Оп. 1. Д. 14. Л. 58–59.

Латышские крестьяне одной волости недоумевали, почему в то время как они нуждаются в сельхозинвентаре, председатель потребительской кооперации волости вместо лемехов привозит водку и снабжает ею крестьян. Когда же последние требуют лемеха, то он с ехидством отвечает, что «лемеха возить тяжело и невыгодно, а от водки больше пользы»⁷⁶.

Крестьяне из другой волости спрашивали: «Правительство требует от крестьян, чтобы полностью и в установленные сроки было сдано молоко, мясо, зерно, но почему же промышленность не дает свою продукцию крестьянам?»⁷⁷.

Жители Эстонии задавали похожие вопросы, в их числе такие: «Почему нередки факты, когда продуктовые карточки отовариваются вместо мяса салакой?»; «Почему по ордерам, на которых имеется отметка “шерстяной материал”, в магазинах выдают бумажную ткань?»; «В газетах пишут, что наши обувные фабрики перевыполняют производственные планы, а обуви все же не хватает. Куда идет изготавливаемая обувь?»⁷⁸.

Эстонский крестьянин, привыкший доверять документу, государственной «бумаге» (а продуктовая карточка, несомненно, являлась таким документом), не мог взять в толк, почему этот документ действительно превращается просто в «бумагу». Из такого рода житейских и, казалось бы, незначительных проблем между тем вырастали политические вопросы. Среди них было немало таких, которые ставили в тупик не одного агитатора.

Среди интересующихся «политикой», безусловно, лидировали молодежь и интеллигенция. Учащиеся Лиепайского политехникума (Латвия), например, спрашивали: «Почему в такой богатой стране, как СССР, рабочие не могут существовать на свой заработок?»; «Почему граждане не могут получать иностранную прессу?»; «Какие суммы тратит СССР на агитацию, не лучше ли их тратить на другие нужды?»⁷⁹.

В том же городе студенты Экономического техникума задавали еще более прямые и «неудобные» вопросы: «С какой целью Красная армия прибыла в 1940 г. в Латвию?»; «Почему СССР при помощи Красной армии навязал Прибалтике свою власть?»⁸⁰. Не меньше вопросов вызывали особенности советской политической системы и

⁷⁶ Информация организаторского отдела ЦК КП(б) Латвии о выступлениях на собраниях и вопросах крестьян. Май 1946 г. — РГАСПИ. Ф. 600. Оп. 1. Д. 14. Л. 21.

⁷⁷ Там же. С. 23.

⁷⁸ Сводка вопросов, задаваемых населением Эстонской ССР. 1946 г. — Там же. Ф. 598. Оп. 1. Д. 5. Л. 47.

⁷⁹ Справка о вопросах, заданных лекторам ЦК КП(б) Латвии. Май 1946 г. — Там же. Ф. 600. Оп. 1. Д. 14. Л. 17.

⁸⁰ Там же.

советских порядков вообще. Учащиеся педучилища из Лиепай спрашивали: «Почему в феврале месяце этого года выборы были принужденные?»; «В Конституции сказано, что советское государство обеспечивает инвалидов войны, но мы видим, что многие ходят по улицам, на базаре выпрашивают кусок хлеба?»; «Почему в Советской Латвии во время праздников заставляют обязательно ходит на демонстрацию?»; «Почему в магазине (для) коммунистов не разрешается другим купить?»⁸¹.

Недовольство советскими порядками перерастало в ангирусские настроения. Так, учащиеся Лиепайской музыкальной школы задавали такие вопросы: «Почему русские воруют?»; «Если русский народ культурный, то почему у власти находятся люди, не имеющие никакого образования и которые не умеют руководить?»; «Почему русская армия так плохо одета?»⁸². В этих вопросах — не только юношеский эпатаж: часто молодые люди просто высказывали то, о чем говорилось в семье, на улице, но о чем не всегда рисковали высказываться публично взрослые.

Изначально коренное население Прибалтики болезненно и негативно относилось к присутствию «чужих», «пришлых». Национальный вопрос, как он существовал в Эстонии, Латвии и Литве после 1940 г., часто выражался в форме ангирусских настроений. Это отношение к русским, сформированное еще довоенными событиями — обстоятельствами переворота 1940 г., последующими депортациями и т. д., — после войны как бы получило дополнительный источник раздражения в виде размещения в городах военных гарнизонов, неконтролируемого наплыва людей из других регионов, выдвижения русских на руководящие посты. Конечно, далеко не все «пришлые» давали повод для недовольства. Многие, особенно из числа командированных на постоянную работу, стремились изучать национальную культуру и язык и своими профессиональными знаниями, опытом могли оказать реальную помощь республике. Но не они определяли образ русских в массовом сознании. Ущемленное чувство национального достоинства сознательно и подсознательно проводило селекцию признаков «чужой» национальной идентичности и формировало образ русских как бы с заранее заданными отрицательными свойствами. В результате такого отбора символом русского становился, например, мешочник или нетрезвый красноармеец, а не квалифицированный инженер. Отсюда расхожие мнения о русских как о необразованном и некультурном народе, к тому же нечистом на руку⁸³. Соответственно этому образу складывалось и пред-

⁸¹ Там же. Л. 18–19.

⁸² Там же. Л. 19–20.

⁸³ Информация о подготовке к выборам в Верховный Совет СССР в Эстонской ССР. Февраль 1947 г. — Там же. Д. 17. Л. 73–74.

ставление о России как нищей и голодной стране, где люди терпят лишения и нужду.

Негативное восприятие России (а СССР в массовом сознании балтийских народов продолжал оставаться именно «русским» государством, т. е. Россией) объяснялось не только изначально предвзятым отношением ко всему русскому, но и реальным положением дел. Разоренная войной страна являла собой не самый убедительный пример для подражания. Кроме того, латыши, литовцы и эстонцы имели перед глазами западные образцы жизни, гораздо более привлекательные. Да и собственный довоенный опыт, уровень и условия жизни начинали восприниматься по-иному, поскольку сравнение было не в пользу послевоенных порядков. Этого обстоятельства не учла пропаганда, когда стала убеждать балтийское население в «преимуществах социалистического строя». Логика неприятия была проста: если СССР — богатая и процветающая страна, почему люди голодают? Если коллективное хозяйство — самое передовое, почему советские колхозники приезжают за хлебом в «отсталую» с этой точки зрения Прибалтику? Если советская политическая система — самая демократичная, почему существует столько ограничений избирательных и иных гражданских прав? Такого рода вопросы не случайно во всех официальных сводках попадали в разряд «провокационных»: этой простой логике нечего было противопоставить.

Поскольку московская власть была далеко, негативные эмоции переключались на мигрантов — людей, посланных на работу в республику Балтии.

Мигранты из других регионов СССР попадали в Прибалтику по разным каналам — контролируемым (например, в порядке оргпобора) и стихийным (в первую очередь с целью покупки продуктов в промышленных товаров). Соотношение между этими потоками мигрантов установить довольно трудно, поскольку стихийная миграция практически не учитывалась. Олаф Мертельсманн провел исследование миграции рабочей силы из других регионов СССР в Эстонию. По его данным, с 1945 г. по 1953 г. в Эстонию в порядке оргпобора прибыло 23 774 чел. Всего же в течение 1945–1949 гг., на которые пришелся пик послевоенных миграций, в республику приезжали ежегодно около 20 тыс. человек, в последующие пять лет приток населения в Эстонию уменьшился до 10 тыс. в год⁸⁴. Как свидетельствуют эти цифры, стихийная миграция по своим масштабам в несколько раз превосходила миграцию организованную.

Жители Эстонии — республики, самой немногочисленной по составу населения (около 900 тыс. в 1945 г.) и наиболее однородной в этническом отношении — реагировали на нашествие «пришлых» особенно болезненно. После отмены в 1946 г. ограничений на пере-

⁸⁴ Mertelsmann O. Der stalinistische Umbau in Estland. S. 103, 130.

напряжение населения в Эстонию буквально хлынул поток людей из соседних Псковской, Новгородской и Ленинградской областей Российской Федерации. Главной целью приезжих были сельскохозяйственные продукты, в первую очередь мука и печеный хлеб (летом и особенно осенью 1946 г. в России уже возникли серьезные проблемы с хлебом). Цены на эстонских рынках сразу поднялись в 2–3 раза. Вместе с людьми, стремящимися таким образом решить для себя продовольственную проблему, в Эстонию устремлялся и «уголовный элемент». Органы МВД республики летом 1946 г. фиксировали существенный рост криминальной напряженности⁸⁵. Председатель Бюро ЦК КП(б) по Эстонии Г. В. Перов оценивал ситуацию как критическую. «Такой приток русских людей, к тому же сопровождающийся мешочничеством, ростом цен и кражами, очень заметен, вызывает массу кривотолков о “голоде в России” и антисоветских антиколхозных слухов», — писал он в специальном сообщении, адресованном А. А. Жданову и Л. П. Берия⁸⁶. Некоторые исполкомы эстонских волостей, граничащих с Россией, пытались установить заставы от такого наплыва людей. Эти действия фактически нашли поддержку в Бюро ЦК ВКП(б) по Эстонии, которое обратилось в вышестоящие инстанции с предложением хотя бы еще на один год сохранить для республики пропускную систему въезда и выезда. Вместе с тем, несмотря на принятие мер по ограничению стихийной миграции в республику, а также по трудоустройству уже прибывших, весной 1947 г. 58 % из них не имели работы и постоянного места жительства. Эстонские власти по-прежнему считали приезжих главными ответственными за ухудшение криминального фона в республике⁸⁷.

Не только стихийные мигранты, но и прибывшие на работу в прибалтийские республики люди порой сами давали повод для недовольства местного населения: не все из них, например, оценили специфику региона и значение национального вопроса. Часть людей, присланных на руководящие должности, особенно в первое время, продолжали мыслить и действовать в русле традиционного классового подхода. Его суть выразил секретарь Клайпедского горкома партии Шилин, который на пленуме ЦК КП(б) Литвы заявил: «Нам нечего беспокоиться об учете национальных особенностей, паша задача — проводить революционную линию»⁸⁸. От руководителей с подобными взглядами старались избавляться (тот же Шилин был,

⁸⁵ Докладная записка Г. В. Перова А. А. Жданову и Л. П. Берия. Июль 1946 г. — РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 16. Л. 39.

⁸⁶ Там же. Л. 39–40.

⁸⁷ Mertelsmann O. Der stalinistische Umbau in Estland. S. 131.

⁸⁸ Отчет Бюро ЦК ВКП(б) по Литве. Июль 1945 г. — РГАСПИ. Ф. 597. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

например, освобожден от должности), а работники, не знающие языка республики, в которую они направлялись, обязывались изучать язык на месте. Но даже эти меры не снимали остроту конфликта между местными и русскоязычными.

Подобное отношение местного населения рождало ответную реакцию у «пришлых». С их стороны звучали требования к властям защитить права русскоязычного населения, причем обе конфликтующие стороны гарантию собственных прав воспринимали часто только как ограничение прав контрагента. Наиболее наглядно непримиримость позиций проявилась по отношению к принципу двуязычия. По установленному порядку делопроизводство во всех трех республиках должно было вестись на языке титульной нации и русском, однако на практике этот порядок часто нарушался, причем с обеих сторон.

Конфликты вокруг языковой проблемы почти всегда заключали в себе политический подтекст и рассматривались республиканским руководством как борьба за национальный суверенитет хотя бы в границах культурной автономии. Понятие «языковой барьер» в данном случае обрело свой прямой смысл: незнание языка становилось чуть ли не главным препятствием на пути мигрантов. И хотя его удавалось обходить, республиканские власти очень неохотно соглашались на такого рода исключения. В этом же ряду следует рассматривать и недостаточную оперативность, с которой в республиках приступили к организации курсов по обучению языку вновь прибывших работников.

В целом именно в вопросе о национальном языке позиция республиканских лидеров была наиболее последовательной и твердой. Нарушение статуса национального языка объявлялось покушением на основы «ленинско-сталинской национальной политики», и эта формула использовалась как своего рода щит против русификации. Поэтому языковая политика была важным фактором поддержания авторитета республиканских лидеров в глазах местного населения. Попытки некоторых местных работников из числа вновь прибывших перевести делопроизводство на русский язык, естественно, встречали большое недовольство со стороны латышей, литовцев и эстонцев, которые из-за незнания языка, таким образом, просто не могли быть полноправными участниками процесса (например, если речь шла о работе органов суда и прокуратуры, других ведомств). Подобные нарушения становились причинами новых конфликтов, поэтому Москва в целом поддерживала республиканские власти в их позиции по языковой проблеме. Единственным пунктом разногласий был вопрос о статусе русского языка, который в балтийских республиках распространялся не так активно, как этого хотелось бы центральной власти. В то же время, крайние взгляды, иногда звучавшие со стороны представителей русскоязычного меньшинства (например, о пере-

езде не его официального делопроизводства только на русский язык), в ЦК ВКП(б) поддержки не находили.

Статус русскоязычного населения и русского языка были далеко не единственной проблемой, имеющей отношение к выстраиванию национальной политики в Прибалтике. В Литве не менее остро стоял «польский» вопрос.

О том, что «польский» вопрос после войны обязательно возникнет, стало ясно еще в 1944 г., едва немецкие войска покинули Вильнюс. 13 июля, вскоре после освобождения города, А. Снечкусу позвонил И. В. Сталин. Поздравив Снечкусу, Сталин вдруг спросил: как теперь правильно называть город — по-польски Вильно или по-литовски Вильнюс. Услышав ожидаемый ответ, Сталин порекомендовал кроме того немедленно вывесить в городе литовские флаги — чтобы было всем ясно, что это Литва⁸⁹.

Однако закреплением литовского названия города и вывешиванием соответствующего флага проблема, конечно, не решалась. В 1944 г. население Вильнюса составляло 200 тыс. человек, большинство из них были поляками. «Между поляками и литовцами существуют враждебные отношения», — писал Сталину в августе 1944 г. нарком внутренних дел Л. П. Берия⁹⁰. По его мнению, непростая ситуация в городе (кстати, Берия еще по традиции называл город Вильно) заслуживает внимания Москвы. Освобождение Вильнюса породило у польского населения надежды на будущее, по большей части, однако, не связанные с Литвой. Люди считали, что отныне служба в костелах будет вестись не на литовском, а на польском языке. Высказывались также мнения, что Вильно войдет в состав Западной Украины или Западной Белоруссии, но никак не Литвы. По непроверенным агентурным данным, сообщал Берия, в Трокайском уезде шел сбор подписей под письмом Сталину с просьбой о присоединении Виленской области к Белоруссии. Существовали и другие точки зрения о будущем Вильно: например, о возрождении независимой Польши в результате победы прокремлевского Польского Национального Комитета Освобождения, созданного в противовес Лондонскому эмигрантскому правительству⁹¹.

Эти настроения представляли собой серьезный вызов для властей Литвы. Первые два-три года после окончания войны литовское руководство старалось проводить в «польском» вопросе сбалансированную политику, надеясь отчасти на уменьшение польского влияния в Вильнюсской области за счет переселения части поляков из

⁸⁹ Бордонайте М. Товарищ Магас. Воспоминания об Антанасе Снечкусе. Вильнюс, 1986. С. 148.

⁹⁰ Докладная записка Л. П. Берия И. В. Сталину. 3 августа 1944 г. — ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 66. Л. 125.

⁹¹ Там же.

Литвы в Польшу. Однако даже после репатриации, в 1950 г. польское население составляло третью часть жителей области, на долю поляков среди всего населения Литвы приходилось около 10 %⁹². С 1949 г. в Литве началось откровенное наступление на права польского населения: стали закрываться польские школы, прекращался выход изданий на польском языке. Еще в 1948 г. в Литве насчитывалось 200 школ, в которых польские дети могли обучаться на родном языке. В течение 1949–1950 годов все эти школы были переведены на литовский или русский язык обучения. Поскольку закрылись польские школы, в Литве полностью прекратилась подготовка учителей, владеющих польским языком. Польское отделение при Тракайской учительской семинарии — единственное место в Литве, где готовили учителей для польских школ, — было переведено на литовский язык обучения⁹³.

Поляки были вытеснены практически со всех руководящих должностей. В 1950 г. в Литве насчитывалось всего 225 коммунистов польской национальности. Даже в районах с преобладанием польского населения в составе партийного и советского аппарата почти не было поляков⁹⁴.

Все эти обстоятельства выяснила инспекторская группа Отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), работавшая в Литве в сентябре 1950 г. По результатам этой проверки было разработано решение, оформленное как постановление ЦК ВКП(б) «О мерах улучшения работы среди польского населения в Литовской ССР». Постановление было принято 16 октября 1950 г., а до этого «польский» вопрос, поднятый инспекторами из Москвы, обсуждался на заседании Бюро ЦК компартии Литвы.

Это обсуждение, состоявшееся 29 сентября 1950 г., приняло довольно неожиданный и бурный характер. Поводом к полемике послужило эмоциональное и резкое выступление председателя правительства Литвы М. Гедвиласа. Основные позиции своего выступления он день спустя изложил в письме, направленном в Москву, Г. М. Маленкову.

Ликвидируя польские школы, «мы допустили ошибку», «это необходимо поправить», — признал Гедвилас. Однако, — полагал он, — «нет необходимости в постановлении акцентировать, что организуются *польские* школы, что мероприятия проводятся для *польского* населения и т. п.»⁹⁵. Вместо этого он предлагал говорить о школах с *польским языком* обучения. Дело в том, что, по мнению Гедви-

⁹² Докладная записка инспекторов ЦК ВКП(б) И. Попова и Е. Песиковой Г. М. Маленкову. 1950 г. — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 119. Д. 111. Л. 220.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Там же. Л. 221.

⁹⁵ Письмо М. Гедвиласа Г. М. Маленкову. 30 сентября 1950 г. — Там же. Л. 222.

веса, собственно поляков в Литве не было. Он, правда, выразился более осторожно: «еще не все ясно в определении национальности живущего в районах Вильнюсской области населения». Население этого края — это «белорусы и литовцы, так называемые “тутейши”, последние 30–50 лет ополяченные католическими ксендзами и политикой польского империализма». «Кое-кто ошибочно называет их поляками только потому, — продолжал Гедвилас, — что они исповедуют католическое вероисповедание, считают себя людьми “польской веры”, называют друг друга папами и разговаривают на смешанном польско-белорусско-литовском диалекте»⁹⁶.

Получалось, что нельзя считать поляками людей, которые сами себя таковыми считают — и по вероисповеданию, и по языку. Несомненно, подход Гедвиласа — что-то совершенно новое в определении национальной идентичности. На всякий случай автор письма уточнял: «долбить им (полякам. — Е.З.) повседневно, что они поляки, нет надобности». Вместо этого «их нужно убеждать, что сегодня они являются гражданами советской страны, советской Литвы»⁹⁷.

На заседании Бюро ЦК компартии Литвы позицию Гедвиласа поддержал Ю. Палескис. Он назвал проживающих в Вильнюсской области поляков людьми «с неразвитым национальным самосознанием»⁹⁸. Эта фраза озадачила читающего отчет о дебатах в литовском Бюро Маленкова. Он написал на полях: «За неразвитое национальное самосознание наказывать что ли?»⁹⁹.

Другие члены латвийского Бюро выступили с критикой Гедвиласа и Палескиса. В конце концов в решении Бюро по «польскому» вопросу, принятом 1 октября 1950 г., появился такой пункт: «Осудить выступления тов. Гедвиласа и тов. Палескиса <...> как выступления националистического характера, выразившиеся в отрицании наличия польского населения в районах Вильнюсской области...»¹⁰⁰.

В основу мероприятий по устранению дискриминационной политики в отношении польского населения в Литве были положены решения, принятые по инициативе Москвы. Постановлением от 16 октября 1950 г. «О мерах по улучшению работы среди польского населения в Литовской ССР» предусматривалось открытие польских школ, подготовка учителей для них, в том числе создание Учительского института с польским отделением. Полиграфическая и методическая база для выпуска учебной литературы на польском языке в

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Там же. Л. 223.

⁹⁸ Записка А. Трофимова и В. Ньюка Г. М. Маленкову. 3 октября 1950 г. — Там же. Л. 228.

⁹⁹ Там же.

¹⁰⁰ Постановление Бюро ЦК КП(б) Литвы от 1 октября 1950 г. — Там же. Л. 233.

Литве была почти полностью утрачена. Поэтому учебники для польских школ было поручено издавать Министерству просвещения Украины. Крупнейшие университеты страны — Московский и Ленинградский — объявляли дополнительный набор студентов на славянское отделение по группам польского языка. Для обучения на эти отделения целевым порядком направлялись молодые люди польской национальности из Литвы. Наконец, отделам ЦК ВКП(б) поручалось направить в Литву 30 человек, владеющих польским языком, «на партийно-пропагандистскую и советскую работу»¹⁰¹. Таким образом, ситуация была частично урегулирована, хотя «польский» вопрос и в дальнейшем время от времени обострялся, по крайней мере на уровне языковой и культурной политики.

Национальная ориентация лидеров балтийских республик находила выражение не только в сфере культуры. В известной степени она определяла их отношение к такому политически сложному вопросу, как борьба с антисоветской оппозицией и проявлениями так называемого буржуазного национализма.

Характеризуя обстановку в республике в 1945 г., председатель Бюро ЦК ВКП(б) по Латвии В. Рязанов сообщал: «В республике некоторые партийные и советские работники охотно на словах и в докладах ругают буржуазных националистов и кулацко-враждебные элементы вообще, но очень неохотно сами борются против конкретных фактов буржуазно-националистической кулацкой деятельности... Органами безопасности взято свыше 300 членов буржуазно-националистического подполья, но парторганизация республики не разоблачила до последнего времени перед народом ни одного буржуазного националиста»¹⁰². Один из секретарей ЦК КП(б) Латвии Я. Юргенс (впоследствии отстраненный от должности), ориентируя партийный и советский актив по вопросам борьбы с находящимися в лесах вооруженными группами, призывал к осторожности. «Как это ни печально, — говорил он, — но они все же наши, латыши, может быть, они осознают, выйдут из леса, а кто не выйдет, придется уничтожить»¹⁰³.

Действуя таким образом, республиканские власти стремились избежать эскалации и без того напряженной ситуации, которая могла перерасти в затяжную гражданскую войну (проблема — особенно актуаль-

¹⁰¹ Решение Секретариата ЦК ВКП(б) «О мерах по улучшению работы среди польского населения в Литовской ССР». 16 октября 1950 г. — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 119. Д. 111. Л. 217.

¹⁰² Докладная записка В. Рязанова «О политическом и хозяйственном положении в Латвийской ССР и работе парторганизации республики среди населения», 1946 г. — Там же. Ф. 600. Оп. 1. Д. 11. Л. 66.

¹⁰³ Докладная записка «О выступлении секретаря ЦК КП(б) Латвии тов. Юргенса Я. Я. на республиканском совещании председателей волисполкомов», 1946 г. — Там же. Л. 122.

ная для Литвы). Грань между «партизаном» и «мирным» крестьянином часто была условной либо отсутствовала вовсе. Еще более расплывчатыми были критерии для обвинений в «буржуазном национализме» или «политической неблагонадежности».

Периодические чистки управленческого аппарата от «чуждых» и «неблагонадежных» людей становились серьезным препятствием для решения кадровой проблемы в балтийских республиках. Жертвами чисток могли быть бывшие участники национальных вооруженных формирований периода войны, бывшие члены некоммунистических партий, лица, отнесенные к разряду кулаков по происхождению или положению, граждане, имеющие родственников за границей и т. д. Поскольку в любой из трех республик трудно было найти хороших профессионалов с «чистой» с точки зрения органов госбезопасности анкетой, подход к самому процессу «очищения» был избирательным. Республиканские власти стремились действовать в этом вопросе осторожно, понимая, что любая чистка открывает вакансии для «пришлых».

Инспекторские группы ЦК ВКП(б), выезжавшие в ноябре 1944 г. с проверкой в Литву, докладывали, что «руководящие работники КП(б) Литвы, СНК и наркоматов не только не организуют борьбы с врагами народа — буржуазными националистами, но нередко мешают органам НКГБ и НКВД проводить эту работу»¹⁰⁴. Согласно той же информации, на партийном собрании наркоматов внутренних дел и госбезопасности республики А. Спечкус призывал «осторожно подходить к аресту литовцев-шаулистов, так как многие, мол, из них рабочие и вступали в эту организацию по призыву компартии»¹⁰⁵. Ситуация изменилась после вмешательства ЦК ВКП(б), который в августе 1946 г. принял специальное постановление «О недостатках и ошибках ЦК КП(б) Литвы в руководстве партийно-политической работой». Одним из главных упреков, высказанных тогда в адрес литовского руководства, было обвинение в недостаточной борьбе с «чуждыми» элементами (под которыми прежде всего понимались «буржуазные националисты»).

Всего за неполный год, прошедший с момента принятия постановления, — с 15 августа 1945 г. по 1 июня 1946 г. — из советского и хозяйственного аппарата Литвы было уволено по политическим мотивам 1896 человек, из них большинство (1492 чел.) с формулировкой «как не внушающие политического доверия и политически сомнительные». Среди уволенных значилось 317 «врагов народа», 50 членов буржуазных партий и 37 человек, состоявших в «массовых организациях буржуазных и фашистских партий»¹⁰⁶. Наряду с этим из партий-

¹⁰⁴ Докладная записка «О руководстве ЦК КП(б) Литвы политической и хозяйственной жизнью республики». Ноябрь 1944 г. — Там же. Оп. 117. Д. 460. Л. 13.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Справка о работе с кадрами в Литовской ССР. Июнь 1946 г. — Там же. Ф. 597. Оп. 1. Д. 22. Л. 77.

ного, государственного аппарата и органов кооперации было уволено 2049 человек как «скомпрометировавших себя» и «не справившихся с работой». Всего за тот же период на руководящую работу в республиканские, городские и уездные учреждения через ЦК КП(б) Литвы было выдвинуто 1935 человек, среди них было 944 литовцев, или 49 %¹⁰⁷. Даже если иметь в виду, что не все пострадавшие от чисток занимали руководящие должности, очевидно, что новых выдвиженцев, а тем более из числа литовцев, было недостаточно, чтобы заполнить образовавшиеся кадровые «бреши».

Коммунистические лидеры всех балтийских республик занимали сходные позиции по отношению к национальным кадрам. Об этом свидетельствуют, например, попытки региональных лидеров не допустить массовой высылки за пределы республик так называемых неблагонадежных — кулаков, участников национальных вооруженных формирований и др.

В марте 1946 г. руководство Латвии в лице Я. Калнберзиньша и В. Лациса направило В. Молотову докладную записку с просьбой отменить высылку латышских легионеров в отдаленные регионы СССР и оставить их в республике. Свою просьбу они мотивировали следующим: большинство бывших легионеров были не добровольцами, а мобилизованными; в случае их высылки семьи оставались без кормильцев; репрессии в отношении легионеров отрицательно сказываются на настроениях местного населения, прежде всего по отношению к советской власти; не последнюю роль играли и экономические аргументы: опасение возникновения дефицита рабочих рук¹⁰⁸.

Эта инициатива получила поддержку Министерства внутренних дел СССР. В марте 1946 г. в проверочно-фильтрационных лагерях находилось 41 351 чел. из Прибалтики, в том числе латышей — 28 442 чел., эстонцев — 5967 чел. и литовцев — 6942 чел.¹⁰⁹ Министр внутренних дел С. Н. Круглов предлагал разрешить всем латышам непризывного возраста вернуться на прежнее место жительства. Граждан призывного возраста предлагалось направить на работу в промышленность и строительство, но тоже в Латвии. Круглов считал необходимым распространить аналогичный порядок и на жителей Эстонии и Литвы¹¹⁰. Это решение было оформлено как постановление Совета Министров СССР от 13 апреля 1946 г. «О возвращении на родину репатриантов — латышей, эстонцев и литовцев».

¹⁰⁷ РГАСПИ. Ф. 597. Оп. 1. Д. 22. Л. 64.

¹⁰⁸ Докладная записка Я. Калнберзиньша и В. Лациса В. М. Молотову. 16 марта 1946 г. — ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 142. Л. 102–104.

¹⁰⁹ Докладная записка С. Н. Круглова Л. П. Берия. Март 1946 г. — Там же. Ф. 5446. Оя. 48а. Д. 2513. Л. 3.

¹¹⁰ Там же.

Однако далеко не все инициативы балтийских лидеров находили поддержку в Москве. Не встретили взаимопонимания эстонские руководители, когда они в 1948 г. обратились с просьбой не выселять из Эстонии кулаков и предлагали заменить депортацию ссылкой в специальные поселки, расположенные на территории Эстонии. Мотивы этого ходатайства были аналогичны тем, что выдвигали в своей записке Лацис и Калнберзиньш: нехватка рабочих рук и стремление не провоцировать антисоветские настроения. Однако 1948 г. отличался от 1946 г. Позднее эта инициатива была использована Москвой в качестве одного из поводов для обвинения эстонских руководителей в «местном национализме».

3.5. Коллективизация: «балтийский вариант»

Коллективизация в сознании балтийского населения была не просто синонимом советизации, но, возможно, худшим из ее последствий. Колхозная система ломала привычный производственный процесс, быт крестьянина, традиции организации жизненного пространства с преобладанием его индивидуальных форм (хутора, небольшие поселки и т. д.). Во всех трех балтийских республиках — Латвии, Литве, Эстонии — под влиянием природно-географических факторов, особенностей размещения населения, экономической конъюнктуры сложилась своя система сельскохозяйственного производства и довольно развитые рыночные его формы. Главное, за годы независимости сформировалась устойчивая практика договорно-рыночных отношений между производителем сельскохозяйственной продукции и государством. Вполне естественно, что привыкший самостоятельно распоряжаться результатами своего труда балтийский крестьянин вовсе не стремился идти в кабалу к государству, т. е. вступать в колхоз.

До войны познакомиться с колхозами крестьяне Прибалтики не успели. Даже во время июньского переворота 1940 г. лозунги о «социалистическом переустройстве» сельского хозяйства были намеренно сняты с повестки дня. Новая власть начала свою деятельность в этой сфере довольно традиционно — с популистских шагов. Было объявлено об освобождении крестьянских хозяйств от уплаты всех налогов по выкупным платежам, связанных с проведенной еще при прежних режимах аграрной реформой; для малоземельных хозяйств отменили выплату по невнесенным налогам и сборам за 1940 г., а также недоимки за прошлые годы. Напротив, крупные хозяйства (свыше 30 га) должны были теперь платить налогов вдвое, а иногда и в четыре раза больше, чем прежде¹¹¹.

¹¹¹ Постановление СНК СССР «О налогах и сборах с крестьянских хозяйств в Литовской, Латвийской и Эстонской ССР». 28 декабря 1940 г. — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1289. Л. 203.

О колхозах речь зашла только в начале 1941 г. и только в одной республике — Литве, которая в условиях грядущей войны должна была пополнить ряды главных поставщиков зерна и других сельскохозяйственных продуктов для страны. Однако особенности советской системы хозяйствования на земле и советского отношения к крестьянину балтийское население вполне смогло испытать на себе еще в «доколхозный» период. Речь шла о системе так называемых обязательных государственных поставок сельхозпродукции, которая была введена в Прибалтике весной 1941 г.

3 марта 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило соответствующее решение в форме постановлений республиканских правительств¹¹². Нормативы поставок и система льгот разрабатывались в Москве, за основу была взята общесоюзная практика, а руководители республик только завизировали подготовленные документы. В качестве главного показателя, на который ориентировались нормы, выступал размер земельного участка — независимо от того, какая доля этого участка находилась в сельскохозяйственном обороте, и без учета качества самой земли. Поставки мяса и молока тоже исчислялись, исходя из размера земельных площадей, — сам факт наличия или отсутствия скота в хозяйстве значения при этом не имел. За невыполнение обязательств предусматривались штрафные санкции: денежный штраф «при отсутствииотягчающих обстоятельств» (сговора и противодействия властями) и уголовная ответственность в случае наличия таких обстоятельств¹¹³. Цены на сдаваемую в порядке обязательных поставок продукцию согласно решению Политбюро от 3 марта 1941 г. должны были устанавливать республиканские совнаркомы. На самом деле по этому вопросу 10 апреля 1941 г. было принято постановление ЦК ВКП(б), в котором политика цен была унифицирована по всем трем балтийским республикам¹¹⁴.

Литва в 1941 г. была подключена к системе общесоюзного планирования и распределения хлебного резерва, к системе единовременных обязательных поставок. Это означало, что отныне не только крестьяне — производители хлеба, но и республиканские власти не имели право распоряжаться литовским хлебом по своему усмотре-

¹¹² Решения Политбюро ЦК ВКП(б). Протокол № 29. 3 марта 1941 г. — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1307. Л. 72, 105, 136.

¹¹³ См., например: Постановление СНК и ЦК КП(б) Литовской ССР об обязательных поставках зерна крестьянскими хозяйствами и колхозами. Март 1941 г. — Там же. Л. 79. Постановления, принятые в Латвии и Эстонии, были аналогичного содержания с разночтениями не принципиального характера.

¹¹⁴ Постановление ЦК ВКП(б) «О ценах на сельскохозяйственные продукты, сдаваемые по обязательным поставкам государству крестьянскими хозяйствами Литовской, Латвийской и Эстонской ССР». 10 апреля 1941 г. — Там же. Д. 1309. Л. 33–37.

шно. В результате уже весной 1941 г. в Литве обозначились все признаки хлебного кризиса. Хлеб в республике был, но он теперь считался «государственным резервом» и не мог быть просто так использован на «внутреннее потребление». Для этого требовалась санкция союзного правительства. Поэтому в мае 1941 г. председатель Совнаркома Литвы М. Гедвилас обратился в СНК СССР с соответствующей просьбой: разрешить расходовать республике ежемесячно 26 тыс. тонн зерна, в том числе 6 тыс. за счет завоза пшеницы из других республик (в Литве в счет единовременных поставок хлеба в государственный фонд поступала главным образом рожь)¹¹⁵.

Москва ответила не сразу, а стала считать. Этим делом занимались сразу три ведомства — Госплан, Наркомат заготовок и Наркомат торговли СССР, которым Совнарком в лице Н. А. Булганина поручил проверить обоснованность просьбы литовского правительства. Выводы проверяющих были следующими: во-первых, «урезать» претензии Литвы до 25 тыс. тонн в месяц, а во-вторых, распространить общесоюзный порядок планирования расхода хлеба и на две другие прибалтийские республики — Латвию и Литву¹¹⁶. Выслушав доводы заинтересованных ведомств, Совнарком все-таки мелочиться не стал: оставил за Литвой лимит в 26 тыс. тонн. Эксперты союзного правительства также посчитали, что «предложение о распространении общего порядка планирования расхода хлеба на прибалтийские республики преждевременно»¹¹⁷. Соответствующее письмо от подписью Булганина было направлено на имя Сталина. Вся эта бюрократическая процедура продолжалась более месяца — не так уж и долго по советским меркам. Последний документ датирован 20 июня 1941 г.

Через два дня началась война. Вопрос о «социалистическом переустройстве» сельского хозяйства Прибалтики был снят с повестки дня сам собой. Однако приход немецкой армии мало что изменил в отношениях между балтийскими крестьянами и властью — будь она советской или немецкой. Получив информацию о положении в Латвии, нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия докладывал в июле 1944 г. И. В. Сталину: «Крестьянам запрещено продавать на сторону сельскохозяйственную продукцию. Они должны полностью сдавать ее немецким оккупационным властям для нужд армии и немецкого тыла. Помимо натуральных сборов введены большие денежные налоги на землю, скот и птицу. В некоторых волостях с апреля с.г. стали требовать выполнения поставок мяса в счет 1945 г. Уклоняющие-

¹¹⁵ Письмо М. Гедвиласа А. Андрееву. 15 мая 1941 г. — ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 25а. Д. 6923. Л. 5.

¹¹⁶ Справка СНК СССР о результатах рассмотрения обращения СНК Литвы о расходовании хлеба. 12 июня 1941 г. — Там же. Л. 3.

¹¹⁷ Там же.

ся от сдачи немцам сельхозпродукции подвергаются заключению в концентрационные лагеря или отправляются на каторжные работы в Германию с конфискацией имущества»¹¹⁸.

На вопрос, какая власть хуже — немецкая или советская, балтийский крестьянин вполне мог бы ответить в том духе, что «обе хуже». Тем не менее эта ситуация в известном смысле работала на советскую пропаганду, которая получала в свои руки козырь в виде критики «последствий немецкой оккупации». Эффект пропагандистских манипуляций мог быть усилен кроме того за счет корректировки предвоенного курса на «социалистическое преобразование» сельского хозяйства в Прибалтике. Подобная корректировка действительно имела место — под влиянием отчасти короткого предвоенного опыта, отчасти новой политической ситуации в мире и не в последнюю очередь под влиянием настроений балтийского населения. Планы советизации в аграрной сфере после войны стали в целом более умеренными. Прежде всего эти перемены сказались на представлении колхозной темы — как в пропаганде, так и в конкретных решениях.

О колхозах балтийское население было наслышано: немало поработала в этом направлении немецкая пропаганда, но гораздо убедительнее любых пропагандистских акций были рассказы очевидцев, слухи из России и собственные наблюдения. Балтийские крестьяне колхозов не хотели, колхозов боялись и готовы были бороться против них в том числе и с оружием в руках (последнее с особой очевидностью демонстрировала Литва — самая «сельскохозяйственная» из трех республик). С подобной ситуацией вынуждены были считаться и Москва, и местные власти.

Во время проведения кампании по выборам в Верховный Совет СССР 1946 г. наблюдатели от партийных органов и других структур в своих отчетах и сводках фиксировали наличие устойчивых антиколхозных настроений у населения всех трех балтийских республик. Чтобы избежать возможных эксцессов агитаторы и чиновники, ответственные за проведение предвыборной кампании в регионе, стремились при контактах с местным населением вообще избегать «колхозной темы». В этом контексте достаточно показательно является такой факт: уполномоченный ЦК КП(б) Эстонии в волости Вигала предложил агитаторам читать «Обращение ЦК ВКП(б) к избирателям» не полностью, а в выдержках¹¹⁹. Дело в том, что в документе упоминалось о развитии «колхозного сельского хозяйства», а эстон-

¹¹⁸ Докладная записка Л. П. Берия «Положение в Латвии в последний период немецкой оккупации», 28 июля 1944 г. — ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 66. Л. 62.

¹¹⁹ Докладная записка заведующего отделом агитации и пропаганды Лянемаского укома КП(б) Эстонии Прукеа. 13 февраля 1946 г. — РГАСПИ. Ф. 598. Оп. 1. Д. 7. Л. 36.

ские крестьяне, считал уполномоченный, «боятся слова колхоз». Поэтому и была найдена такая своеобразная форма агитации, позволяющая лишний раз не раздражать общественное мнение. Предпринимчивого уполномоченного потом поправили, запретив «ревизовать партийный документ», однако случай этот сам по себе весьма показательен.

В течение первых двух послевоенных лет Москва рассматривала коллективизацию в балтийском регионе скорее как перспективную задачу, руководствуясь при этом примерно теми же мотивами, что и латвийский уполномоченный. Центральное руководство на том этапе вынуждено было считаться с наличием сильных антиколхозных настроений, которые в условиях неустойчивости советской власти в регионе могли стать взрывоопасными. Первый секретарь ЦК КП(б) Эстонии Н. Каротамм вспоминал, как во время февральского пленума 1947 г. он разговаривал с секретарем ЦК ВКП(б) А. Ждановым по поводу организации в республике колхозов. Жданов тогда ответил, что «этот вопрос для Эстонии в настоящее время не актуален и что судьба социализма никак не зависит от того, что в Эстонии еще нет колхозов»¹²⁰.

На первом этапе, примерно в течение 1944–1946 гг., главное внимание уделялось проведению земельной реформы. Ее суть заключалась в экспроприации и национализации земельного фонда, находящегося в собственности крупных землевладельцев, особенно тех, кто сотрудничал с немецкой администрацией; ограничении землепользования (с установлением верхней границы до 30 га); наделении земель безземельных и малоземельных крестьян. Одновременно вводилась прогрессивная система налогообложения, в основу которой был положен размер земельного участка независимо от качества земли, размера семьи и общей ориентации хозяйства. Крестьяне, обремененные в пособничестве немецким властям, получали земельный надел в размере 5–9 га.

Первой, и весьма неожиданной для Москвы, реакцией на введение новой системы землепользования и налогообложения в республиках Балтии стала волна «отказничества», т. е. массовых отказов крестьян от земли. В течение 1944–1945 гг. в качестве причин отказов выступали опасения, что вернется прежние хозяева земли и расправятся с теми, кто получил ее из рук новой власти. После того как ситуация стабилизировалась, «отказничество» имело под собой уже другие основания: в условиях новой системы налогообложения владеть большим наделом земли становилось просто невыгодным.

Достаточно показательной в этом смысле была ситуация в Латвии. На 1 января 1947 г. в 11 уездах республики 2783 крестьянина,

¹²⁰ Объяснительная записка Н. Каротамма секретарю ЦК ВКП(б) П. Пономаренко. 20 декабря 1951 г. — Там же. Ф. 17. Оп. 131. Д. 81. Л. 331.

имеющие наделы свыше 20 га подали заявления о полном или частичном отказе от земли, общая площадь которой составила 29 тыс. га¹²¹. Один из ответственных работников ЦК КП(б) Латвии Я. Диман, будучи в одной из волостей, столкнулся с такой ситуацией. К нему подошла крестьянка, которая владела 30 гектарами земли (из них только 8 га пахотной), и обратилась с неожиданной просьбой: «Господин высокий из Риги, прошу Вас, сделайте меня вредительницей»¹²². Свою просьбу она мотивировала тем, что «вредителям» полагается всего 5–8 га земли и поэтому они имеют преимущества в налогообложении.

Система налогообложения не учитывала характер землепользования в Прибалтике, особенно в Латвии и Эстонии, где те же 30 гектаров земли могли состоять преимущественно из болот, дюн или лесов, не пригодных к обработке. Так, в латвийской волости Ери за усадьбой «Ташки» по официальным документам числилось в качестве пахотной земли 20 га болот. По закону болотом считалась земля, «через которую ни лошадь, ни человек пройти не может». Как иронично заметил все тот же наблюдательный уполномоченный, поскольку «в болоте усадьбы “Ташки” никто не утонул», то это болото по документам проходит уже не как болото, а как «хозяйственная используемая земля, которую саботажник-кулак просто не желает обрабатывать»¹²³.

Среди «отказников» было много новохозяев, т. е. крестьян, которые получили земельные наделы от советской власти. Еще до конца не адаптировавшиеся к новой обстановке¹²⁴ и не успевшие даже полностью освоить свою землю, они тем не менее должны были платить налоги и выполнять обязательства по госпоставкам со всей пашни, а не только с засеянной. Льгот по госпоставкам для новохозяев в 1946 г. предусмотрено не было; в результате в течение года в центральную республиканскую и уездные земельные комиссии поступило 1853 заявления от новохозяев с просьбой отрезать у них часть земли (всего почти 22 тыс. га)¹²⁵.

Помимо сброса земли другой реакцией крестьян на новую политику налогообложения стал недосев — явление, которое тоже приняло массовый характер. В 1946 г. в Латвии остались незасеянными более 100 тыс. гектаров пашни, примерно 30 % всей пахотной земли

¹²¹ Отчет о работе Бюро ЦК ВКП(б) по Латвии. 1947 г. — РГАСПИ. Ф. 600. Оп. 1. Д. 23. Л. 13.

¹²² Докладная записка Я. Димана. 1946 г. — Там же. Ф. 600. Оп. 1. Д. 19. Л. 179.

¹²³ Там же.

¹²⁴ На начало 1947 г. в Латвии среди новохозяев 30 % не имели лошадей, 35 % — сельхозинвентаря, 43 % — жилых построек и 10 % — коров. См.: Отчет о работе Бюро ЦК ВКП(б) по Латвии. 1947 г. — Там же. Ф. 600. Оп. 1. Д. 23. Л. 14.

¹²⁵ Там же.

в республике¹²⁶. Хозяйство балтийского крестьянина, работавшее на рынок, на предложенных, явно невыгодных для себя, условиях стало теперь больше ориентироваться на собственное потребление. Один литовский крестьянин объяснил свою позицию так: «Я не хочу, чтобы меня считали кулаком. Я не жду ни англичан, ни американцев. Мне надо жить с советской властью, у меня есть дети, которые хотят учиться и работать и пользоваться всеми правами граждан СССР, а не детей кулаков, поэтому мне не надо земли свыше 15–20 га, а 15 га вполне достаточно, чтобы жить хорошо»¹²⁷.

На предложенных условиях крестьяне отказывались строить свои отношения с советским государством, результатом чего и становилось сокращение посевов, отказы от земельных наделов, попадающих под высокую шкалу налогообложения, а также укрытие хлеба от государственных уполномоченных по хлебозаготовкам. Сознание балтийского крестьянина, привыкшего строить свои отношения с государством на договорной основе, не могло смириться с постоянной практикой нарушения этих договорных обязательств в виде сверхплановых хлебозаготовок, административного нажима и злоупотреблений со стороны местных органов власти.

Кроме этого, недовольство крестьян вызывал сам порядок натуральных поборов: десятилетия они платили налоги в денежной форме, и переход к поставкам «натурой» оценивался производителями сельхозпродукции не только как полный анахронизм, но и как посягательство на их законные права. Позицию своих земляков объяснил один уездный чиновник из Литвы: «Литовцы не привыкли к натуральным налогам, они всегда платили налоги деньгами, а тут вам подавай: хлеб, мясо, молоко, картошку, сено и даже солому. А потом... народ говорит: “Ну если не немец, то, может, англичанин или американец придет — и опять все по-старому будет”»¹²⁸.

В ожидании «старых времен», которые должны были принести с собой американцы и англичане, крестьяне находили разные способы саботировать государственные хлебозаготовки.

Москва в свою очередь нажимала на республиканские власти, упрекая их в нерасторопности и срыве государственных заданий. Руководители Латвии, Литвы и Эстонии время от времени получали из Москвы директивы такого содержания:

«Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) считают совершенно недопустимым, что ряд областей, краев, республик за последнее время... резко снизили сдачу хлеба государству и по существу встали на

¹²⁶ Там же. Л. 13.

¹²⁷ Там же. Л. 15.

¹²⁸ Справка Бюро ЦК ВКП(б) по Литве о состоянии работы по выполнению постановления «О ликвидации последствий немецкой оккупации в сельском хозяйстве Литовской ССР», 27 декабря 1944 г. — Там же. Ф. 597. Оп. 1. Д. 10, Л. 6.

путь свертывания хлебозаготовок, тогда как государственные планы хлебозаготовок далеко еще не выполнены. Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) требуют... покончить с небольшевиетским отношением к делу организации хлебозаготовок и обеспечить выполнение государственного плана... Партийные и советские органы обязаны <...> разоблачать и судить укрывателей хлеба, воров и расхитителей, выявлять укрываемый хлеб и обеспечить сдачу его государству»¹²⁹.

Особенно драматично складывалась ситуация с заготовкой хлеба в неурожайном 1946 г. Засуха охватила тогда часть районов Центральной России, Поволжье, Украину и Молдавию. Над этими районами нависла угроза голода, а потом начался самый страшный за все послевоенные годы голодомор. Позиция центральной власти в вопросах хлебозаготовок была предельно жесткой: взять максимум хлеба там, где еще можно. Республики Балтии попали под эту жесткую разверстку.

Эта установка отразилась и в позиции Бюро ЦК ВКП(б) по Литве, Латвии и Эстонии, которые негласно осуществляли функции контроля за республиканскими властями и вместе с ними несли ответственность за выполнение директив Москвы. В одном из постановлений Бюро ЦК ВКП(б) по Латвии, принятом осенью 1946 г., делались недвусмысленные предостережения.

«Бюро ЦК ВКП(б) по Латвии, — говорилось в этом постановлении, — напоминает ЦК КП(б) Латвии и Совету Министров Латвийской ССР, что неспособность партийного и советского руководства республики обеспечить полностью и в срок выполнение обязательств о досрочном выполнении хлебозаготовок и сверхплановой сдачи хлеба государству и срыв этого важнейшего государственного задания в условиях нынешнего года *будет расцениваться партией как государственное преступление*» (выделено мной. — Е. З.)¹³⁰.

Не менее жестко шло осуждение проблемы хлебозаготовок на заседании Бюро ЦК ВКП(б) по Латвии 21 октября 1946 г. Вообще Бюро ЦК по Латвии заседало крайне редко, стараясь не раздражать республиканские власти своим вмешательством в их внутренние дела. Поэтому сам факт заседания говорит об особой важности и экстраординарности обсуждаемой проблемы. И посвящено оно только одному вопросу — состоянию хлебозаготовок. Основной доклад на заседании Бюро делал второй секретарь ЦК КП(б) Латвии И. К. Лебедев. Докладчик особенно акцентировал внимание на мерах, принимаемых против кулака: с начала хлебозаготовительной кампании

¹²⁹ Телеграмма Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б). Декабрь 1946 г. — РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 13. Л. 118.

¹³⁰ Постановление Бюро ЦК ВКП(б) по Латвии. Октябрь 1946 г. — Там же. Ф. 600. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.

в Латвии были осуждены 130 кулацких хозяйств за «контрреволюционный саботаж», у 300 хозяйств, попавших в категорию кулацких, было изъято имущество. Однако с помощью этих штрафных санкций переломить ситуацию не удалось и 22 тысячи крестьянских хозяйств по-прежнему числились в должниках у государства. В качестве решения проблемы Лебедев предложил усилить нажим на кулака. «Его надо взять за горло», — таков был вывод докладчика¹³¹.

Не все участники того памятного заседания поддержали Лебедева и саму идею перехода к жестким мерам. Председатель Совета Министров Латвии В. Лацис, например, полагал, что упор надо делать на разъяснительную работу среди крестьянства и разоблачение разного рода слухов и страхов, циркулирующих среди сельского населения республики¹³². Однако большинство участников обсуждения все-таки сходились во мнении, что без силового нажима не обойтись. Первый секретарь ЦК КП(б) Латвии Я. Калиберзиньш отметил, например, то обстоятельство, что в уездных центрах нет армейских гарнизонов, поэтому «этого давления кулак не чувствует и все это вместе взятое дает ему возможность нахально вести себя»¹³³. Одну из главных причин неудачи хлебозаготовительной кампании Калиберзиньш видел в слабости управления, отсутствии профессиональных, квалифицированных кадров («Нам, по существу, надо заменить половину наших секретарей. Нечем заменить»). Что же касается разрешения хлебозаготовительного кризиса, то, по мнению первого секретаря, существовала *«только одна возможность приготовить хлеб — чтобы государство было хозяином хлеба»* (выделено мной. — Е. З.)¹³⁴.

Аналогичную позицию разделял и председатель Бюро ЦК ВКП(б) по Латвии В. Рязанов. В одном из своих отчетов 1947 г. он, описывая трудности с госпоставками сельхозпродукции, делал вывод, что эти проблемы «не могут быть решены без социалистической перестройки сельского хозяйства в Латвии в ближайшие годы»¹³⁵. Так что идея колхозов уже начинала витать в воздухе. Правда, никто из влиятельных региональных функционеров высокого ранга не ставил задачи проведения массовой коллективизации. Речь шла на первых порах об организации нескольких показательных хозяйств. Просто кто-то, как эстонцы, предлагал начать с организации 4–5 колхозов на республику, а кто-то, как тот же Рязанов, рассчитывал уже в 1947 г. иметь по 3–4 хозяйства в каждом уезде, всего около сотни колхозов по Латвии¹³⁶.

¹³¹ Стенограмма заседания Бюро ЦК ВКП(б) по Латвии. 21 октября 1946 г. — Там же. Л. 8–10.

¹³² Там же. Л. 21.

¹³³ Там же. Л. 23.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Отчет Бюро ЦК ВКП(б) по Латвии. 1947 г. — Там же. Д. 23. Л. 16.

¹³⁶ Там же.

Не было единодушным отношение руководителей балтийских республик и к кулачеству, поскольку так называемые кулаки являлись главными производителям сельскохозяйственной продукции и были ориентированы на рынок. Республиканские руководители не раз получали упреки из Москвы в проведении недостаточно жесткой линии в отношении кулачества, а иногда и в «защите кулака». Последнее особенно касалось руководителей Эстонии.

В мае 1946 г. глава эстонского правительства А. Веймер опубликовал в журнале «В помощь агитатору» статью, которая называлась «Предстоящие задачи и направление развития сельского хозяйства Эстонской ССР». Характерно, что в этой статье он вообще не обмолвился о колхозах и даже перспективах колхозного строительства в Эстонии. Статья была посвящена особенностям развития сельского хозяйства республики, его отдельных отраслей, проблемам послевоенного восстановления.

Однако игнорирование Веймером колхозной темы не осталось незамеченным. Уже спустя месяц после выхода статьи на стол председателя Бюро ЦК ВКП(б) по Эстонии Г. Перова легла записка, авторы которой отметили наиболее, с их точки зрения, уязвимые места этой публикации. Среди этих замечаний особого внимания заслуживал следующий пассаж: «Проблема развития сельского хозяйства в постановке тов. Веймера может породить ложное толкование о различных путях развития сельского хозяйства в Эстонии, в частности, породить тенденцию о сохранении, укреплении и развитии хуторской системы сельского хозяйства». Кроме того, Веймер получил упреки в недооценке социалистического сектора сельского хозяйства, а также аполитичности, т. е. сосредоточенности на проблемах развития экономики и игнорировании политического значения проблем переустройства сельского хозяйства республики¹³⁷. Однако, поскольку в то время Москва, по-видимому, не считала проблему развития колхозов в Эстонии особенно актуальной, для Веймера все обошлось без каких-либо серьезных последствий.

Среди тех, кто не ограничивал свою деятельность Таллином, Ригой или Вильнюсом, а был знаком с ситуацией на местах, тоже раздавались трезвые голоса, предостерегающие от скоропалительного решения проблем, связанных с хлебозаготовительным кризисом 1946 г. Один из таких людей, уполномоченный Я. Диман, в течение всей хлебозаготовительной кампании почти два месяца находился в одном из уездов Латвии и имел возможность изучать ситуацию «изнутри». Своими наблюдениями он потом поделился с руководством республики¹³⁸.

¹³⁷ О статье тов. Веймера «Предстоящие задачи и направление развития сельского хозяйства Эстонской ССР». 1946 г. — РГАСПИ. Ф. 588. Оп. 1. Д. 12. Л. 25–30.

¹³⁸ Докладная записка Я. Димана Я. Калнберзиньшу и В. Рязанову. 1946 г. — Там же. Ф. 600. Оп. 1. Д. 19. Л. 177–188.

Отдавая должное «классовому» моменту, Диман тем не менее полагал, что «не все трудности хлебозаготовок можно объяснять только классовой борьбой». «В связи с уроками хлебозаготовок, — считал уполномоченный, — пора поговорить и о других вещах, и в первую очередь о самом законе об обязательных хлебопоставках государству. Этот закон <...> страдает такими существенными недостатками, что дальше его в таком виде терпеть нельзя». К числу последних Диман отнес непродуманность процедуры проведения земельной реформы, несовершенство налоговой системы, которая не учитывала особенностей землепользования в Латвии, исторически сложившиеся его формы и т. д. Уполномоченному не раз приходилось слышать от латышских крестьян такое мнение: «Сколько в Латвии сменилось режимов, но все они считались с качеством земли, только одна советская власть этого не признает». Сокращение посевных площадей в республике, — считал Диман, — прямое следствие такой непродуманной политики.

Люди, которые разрабатывают для балтийских республик систему налогообложения, путают землепользование с землевладением, — считал Диман и далее пояснял: «Просто диву даешься, как можно в Латвии, где сплошь и рядом хозяйственно годная земля буквально мелкими лоскутками вкраплена в громадные массивы негодной к обработке земли (болота, кустарники, дюны и т. д.), считать, что вся земля может быть возделана и что надо только зачислением ее в хозяйственную “стимулировать” обработку ее. Возможно, что когда-нибудь, примерно к концу атомного века, мы превратим латвийские земли в украинские и донские, но сегодня нам до этого еще очень далеко и, во всяком случае, произойдет это не в результате администрирования, как бы региво оно ни было».

Не обошел стороной Диман и вопрос о перспективах коллективизации в Латвии. По его мнению, в организации этого дела было бы опасно надеяться на механический перенос опыта старых республик. «На самом деле, — писал Диман, — в связи с перспективой коллективизации у нас встает ряд очень серьезных теоретических и практических вопросов, которые надо осмыслить и решить, ибо коллективизация у нас повлечет за собой много специфического, много такого, чего не было в колхозном движении в старых советских республиках» (выделено мной. — Е. З.). К специфическим особенностям Латвии уполномоченный отнес высокую интенсивность сельского хозяйства, хуторскую систему, наличие большого фонда экспроприированных, но не освоенных земель, проблему нехватки рабочих рук на селе и другие факторы.

Диман также полагал, что в Латвии и других республиках региона вряд ли окажется эффективной политика выселения кулачества, намекая на то, что времена изменились и нельзя строить политику в отношении зажиточной части крестьянства, исходя только из опыта

1929–1932 гг. Подводя итог своим наблюдениям, Диман предлагал обратиться наконец к данным науки и доверить изучение вопроса специалистам, не ограничиваясь, как обычно, «одним только классовым чутьем и интуицией».

Серьезной проблемой в развитии хлебозаготовительных кампаний, формирующей их активное неприятие большинством балтийского крестьянства, становились злоупотребления со стороны местных органов власти и уполномоченных по хлебозаготовкам. Случаи нарушения законности: принудительное изъятие хлеба, несанкционированные обыски, избиения и аресты крестьян — эти и другие противоправные действия приобрели массовый характер во всех трех балтийских республиках. Ситуация была настолько критической, что Генеральный прокурор СССР К. Горшенин счел необходимым специально проинформировать об этом секретаря ЦК ВКП(б) А. Жданова. Приведем несколько выдержек из его записки, датированной 7 марта 1947 г.¹³⁹:

«Эстонская ССР. Парторг волости Пайкузе Пярнуского уезда Я. и председатель волисполкома Т., не добившись от некоторых крестьян согласия на продажу хлеба государству, систематически применяли к ним незаконные методы воздействия. Так, за время с 14 по 27 января 1947 г. указанные лица арестовали семь человек крестьян и посадили их в холодный амбар...

По распоряжению председателя исполкома волости Тывда Хариюсского уезда Л. крестьянам рассылались милицией повестки о явке в исполком для переговоров о продаже хлеба с предупреждением, что не явившиеся будут подвергнуты штрафу в размере 100 рублей. Крестьянин М., вызывавшийся повесткой в волисполком, показывает: “Л. говорил мне — я Вас застрелю, если Вы не продадите хлеб государству”...

Литовская ССР. ...Агенты министерства заготовок по Папилской волости Шауляйского уезда В. и К. вручали крестьянам обязательства о продаже зерна в порядке хлебозакупа. Причем в обязательствах определяли количество зерна и трехдневный срок продажи. Лиц, отказывающихся подписать такие обязательства, содержали под стражей до тех пор, пока они не подпишут обязательств.

...Заместитель председателя Груздяйского волисполкома Б. производил обыски и изымал зерно, сало, муку, часы и прочее имущество у крестьян, отказывающихся продавать зерно. Часть зерна и вещей он присвоил. Б. привлечен к уголовной ответственности...».

Можно сказать, что именно проблема хлебозаготовок сыграли своего рода «поддетегивающую» роль в организации массовой кол-

¹³⁹ Записка Генерального прокурора СССР К. П. Горшенина. 7 марта 1947 г. — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 588. Л. 23–27.

ективизации в балтийском регионе, как это было после хлебозаготовительного кризиса 1927–1928 гг. в СССР.

Тем не менее вплоть до весны 1947 г. вопрос о проведении в республиках Балтии коллективизации не рассматривался Москвой как необходимое условие советизации региона. Первые колхозы появились там в течение 1946–1947 гг., но исключительно по местной инициативе, и таких хозяйств насчитывались единицы. Только 16 апреля 1947 г. на Оргбюро ЦК ВКП(б) обсуждался вопрос «О создании колхозов в Литве, Латвии, Эстонии». Была организована специальная комиссия под председательством А. Жданова, которой поручалось в трехдневный срок представить проект директивы ЦК по этому вопросу. «Директива должна исходить из того, — подчеркивалось в решении ЦК, — что в деле организации колхозов в этих республиках не должно быть допущено никакой торопливости и что практическая задача заключается в создании, прежде всего из крестьян-бедняков, небольшого количества колхозов, хорошо оснащенных современной техникой и являющихся во всех отношениях примерными и образцовыми колхозами»¹⁴⁰. Однако процесс принятия окончательного решения несколько затянулся, и постановление ЦК ВКП(б) «О колхозном строительстве в Литовской, Латвийской и Эстонской СССР» было принято 21 мая 1947 г.

Региональные власти получили десять дней, в течение которых они должны были представить практические соображения по организации колхозов в своих республиках. Такие предложения поступили от ЦК компартий и Советов Министров Латвии, Литвы и Эстонии: в 1947 г. там предполагалось создать соответственно 25–30, 34 и 17 колхозов. Под колхозные земли намечалось отдать бывшие помещичьи имения и часть земель крупных хозяйств, попадавших в категорию кулацких. Основной социальной базой колхозного движения должны были стать бедняцкие слои крестьянства¹⁴¹.

Еще до того как начала свою работу комиссия «по колхозному вопросу» под руководством А. Жданова, первый секретарь ЦК компартии Эстонии Н. Каротамм подготовил специальную докладную записку, в которой изложил свою позицию по вопросу о коллективизации в республике. Поскольку эта записка содержит ряд концептуальных моментов, свидетельствующих о подходах одного из руководителей региона к этому сложному во всех отношениях вопросу, имеет смысл привести несколько ключевых выдержек из этого документа¹⁴²:

¹⁴⁰ Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О создании колхозов в Литве, Латвии, Эстонии». 16 апреля 1947 г. — Там же. Оп. 116. Д. 303. Л. 2.

¹⁴¹ Докладная записка Г. Боркова М. Суслову. 14 июня 1947 г. — Там же. Оп. 117. Д. 869. Л. 197.

¹⁴² Докладная записка Н. Каротамма А. Жданову. 15 апреля 1947 г. — Там же. Д. 44–48.

«... При создании колхозов необходимо строго соблюдать ленинско-сталинский принцип добровольности. На пути подхода к коллективизации сельского хозяйства ЭССР нельзя перескакивать через неизжитые еще этапы развития... но нельзя и отстать, нельзя полагаться на самотек. ... Необходимо тщательно изучать и учитывать конкретную обстановку в Эстонской ССР и все местные особенности при определении путей подхода к созданию колхозов... Надо крестьян убедить практикой, делами, примером в выгоды общественного ведения хозяйства по сравнению с единоличным хозяйством... Прежде чем начинать насаждение колхозов, следует восстановить (хотя бы в основном) довоенный уровень хозяйства ЭССР...

Мы считаем, что несколько первых колхозов в Эстонии можно будет создать в 1948–1949 гг. ... Колхозы в Эстонии будут, вероятно, относительно небольшими... Необходимо тщательно изучить, какие доводы крестьяне Эстонии приводят против колхозов, с тем чтобы развернуть систематическую и конкретную пропаганду против этих доводов... Кадры для оказания помощи нашим крестьянам в налаживании общественного хозяйства можно и нужно получить из эстонских (непреренно эстонских!) колхозов в других республиках».

Несмотря на принятые решения о создании колхозов в Литве, Латвии и Эстонии, дело коллективизации в регионе продвигалось медленно. На начало 1949 г. в колхозы было объединено только 3,9 % крестьянских хозяйств в Литве, 5,8 % — в Эстонии и 8 % — в Латвии¹⁴³.

Крестьяне по-разному объясняли свое нежелание отказываться от индивидуального хозяйства и объединяться в колхоз. Так, крестьянин из волости Юуру в Эстонии на одном из собраний, посвященных колхозному вопросу, заявил: «Что вы мне расхваливаете колхозный строй? Я недавно получил из России письмо, в котором пишут, что колхозники там на трудодень получили 350 г зерна и при том большую часть овсом»¹⁴⁴.

Другие крестьяне колебались, поставленные практически в невыходную ситуацию угрозами штрафных санкций со стороны местной власти. Принцип добровольности вступления в колхоз, декларированной в постановлении ЦК ВКП(б) 1947 г., расходился с той практикой административного нажима, с которой крестьяне встре-

¹⁴³ Misiunas R., Taagepera R. The Baltic States: Years of Dependence, 1940–1990. P. 99.

¹⁴⁴ Информация о ходе выполнения решений уездных, городских и районных партконференций и реализации критических замечаний и предложений коммунистов, высказанных на партконференциях в Эстонской ССР. 14 сентября 1948 г. — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 131. Д. 6. Л. 42–43.

жились в своей повседневной жизни. И тогда некоторые из них апеллировали на самый верх, как это сделали, например, крестьяне деревни Полустики Эйшишской волости Литовской ССР. В своем письме, адресованном секретарю ЦК ВКП(б) Г. Маленкову и управляющему делами Совета Министров СССР В. Прокофьеву, они писали:

«В начале апреля месяца 1949 г. к нам в деревню Полустики приехали руководители Эйшишского волостного исполкома Тракайского уезда Литовской ССР с целью, чтобы у нас в деревне организовать колхоз. После приезда безо всяких собраний пошли по хатам, чтобы крестьяне подписывались бы в колхоз. Но мы, крестьяне, воздержались подписываться в колхоз. Ввиду чего этот вопрос является для нас очень серьезный. Притом, если который крестьянин-единоличник подписывался в колхоз, то того сразу же убивали так называемые вооруженные бандиты, которые таскаются по нашей республике. Поэтому мы воздерживаемся подписаться в колхоз.

Но все же руководители Эйшишской волости Тракайского уезда Литовской ССР не обращают никакого внимания, насильственным образом вынуждают подписываться в колхоз, под угрозой вывозки в Советскую Сибирь и угрозой оружия... Поэтому и просим Вас, как руководителей Советского государства, как получите наше заявление... рассмотреть его... и просим Вас о разрешении нам работать на единоличном хозяйстве, возвратив нам описанный скот, лошадей и весь сельхозинвентарь по вышеупомянутым нами причинам»¹⁴⁵.

Под этим заявлением стоят подписи шести человек, которые, как они сами признались, вынуждены были написать заявления о вступлении в колхоз «под угрозой вывозки в Советскую Сибирь». Маленков поручил тогда Сельскохозяйственному отделу ЦК ВКП(б) организовать проверку фактов, изложенных в письме. О результатах этой проверки в фонде ЦК документов не сохранилось.

Однако известно, что в течение 1947–1948 гг. практика нажима на крестьян с целью принудить их к вступлению в колхоз Москвой не одобрялась. Центр ориентировал республиканские власти на поиски экономических средств стимулирования колхозного строительства, в том числе и с помощью налоговой политики. Новый налоговый шаг на зажиточную часть балтийского крестьянства несколько ускорил процесс коллективизации в республиках Балтии, но не повлиял ситуацию кардинально. Тогда региональные власти, выполняя директиву Москвы, попытались решить эту проблему, используя советский опыт конца 1920-х — начала 1930-х годов, т. е. делая ставку на репрессивные методы.

¹⁴⁵ Письмо крестьян деревни Полустики Эйшишской волости Литовской ССР. 15 апреля 1949 г. — Там же. Оп. 118, Д. 388. Л. 66–67.

Начались депортации крестьян, попавших в категорию кулаков, и членов их семей. Самые массовые высылки состоялись весной 1948 г. в Литве (операция «Веспа») и весной 1949 г. во всех трех республиках (операция «Прибой»). Благодаря документальным публикациям и исследованиям история этих депортаций уже хорошо известна¹⁴⁶. В частности, опубликованные документы и исследования положили конец старым спорам о мотивах массовых принудительных переселений граждан Прибалтики в 1948–1949 гг. Главные разногласия сводились тогда к следующему: являлись ли депортации конца 1940-х годов прежде всего мерой, направленной на ускорение процесса коллективизации или их следует рассматривать в контексте борьбы с вооруженной оппозицией советскому режиму¹⁴⁷? Впрочем, сторонники версии «умиротворения деревни» как главного мотива депортаций не были в своих оценках категоричны: в любом случае «кулацкая» высылка означала для скрывающихся в лесах партизан потерю как людского, так и продовольственного ресурса¹⁴⁸.

После того как стал доступен основной комплекс документов, связанный с послевоенными депортациями из Прибалтики, вопрос о мотивах депортаций и категориях депортируемых уже перестал быть предметом спора. Ответ на него содержится, например, в одном из главных документов, санкционирующем акцию по принудительной высылке, — постановлении Совета Министров СССР от 29 января 1949 г. Этот документ называется так: «О выселении с территории Латвии, Литвы и Эстонии кулаков с семьями, семей бандитов и националистов, находящихся на нелегальном положении, убитых при вооруженных столкновениях и осужденных, легализованных бандитов, продолжающих вести вражескую работу, и их семей, а также семей репрессированных пособников бандитов»¹⁴⁹. Решение правительства, давшее старт операции «Прибой», означало, что она задумывалась как крупномасштабная и многоцелевая акция, призванная ликвидировать социальную базу сопротивления политике советизации на всей территории Прибалтики¹⁵⁰. Ее «кулацкая» составляющая

¹⁴⁶ См., например: Иосиф Сталин — Лаврентию Берия: «Их надо депортировать...» Документы / Под ред. Н. Ф. Бугая. М., 1992; Народы стран Балтии в условиях сталинизма. Документированная история. Под ред. Н. Бугая. Штутгарт, 2005; Strods H., Kott M. The Fall on the Operation «Priboi»: A Re-Assessment of the Mass Deportations of 1949 // Journal of Baltic Studies. 2002. N. 1. P. 1–36.

¹⁴⁷ Подробнее об этих разногласиях см.: Strods H., Kott M. The Fall on the Operation «Priboi». P. 4–6.

¹⁴⁸ Misiunas R., Taagepera R. The Baltic States: Years of Dependence, 1940–1990. P. 91–92.

¹⁴⁹ Иосиф Сталин — Лаврентию Берия: «Их надо депортировать...» С. 201.

¹⁵⁰ Г. Стродс и М. Котт в этой связи полагают, что цель операции «Прибой» заключалась в освобождении Балтии «от всех политически неблагонадежных элементов». См.: Strods H., Kott M. The Fall on the Operation «Priboi». P. 29.

была очевидной, но не единственной, точно так же как «подстегивание» коллективизации было не единственной задачей депортации. Советская власть определила для себя в Прибалтике трех главных врагов, обозначив их соответствующими условными именами — «бандит», «кулак» и «националист». Эти названия служили стигмой и своего рода опознавательным знаком «врага», обладая при этом удивительной нечеткостью содержательных границ. Нечеткость создавала широкое пространство для идеологических интерпретаций и политических практик, которое использовали как те, кто принимал решения, так и те, кто их исполнял.

Механизм проведения операции «Прибой» был разработан в решении ответственных за ее проведение структур — Министерства государственной безопасности СССР (приказ министра № 0068 от 28 февраля 1949 г.) и Министерства внутренних дел СССР (приказ № 00225 от 12 марта 1949 г.). Немного позднее появились документы, санкционирующие проведение акции республиканскими властями: постановления Совета Министров Литвы от 19 марта 1949 г., Совета Министров Эстонии от 14 марта 1949 г. и Президиума Верховного Совета Латвии от 17 марта 1949 г. Через несколько дней, 25 марта, операция «Прибой» началась во всех трех республиках одновременно¹⁵¹.

Согласно официальной справке, в ходе депортаций 1949 г. было выслано: из Литвы — 33 496 чел., из Латвии — 41 445 чел., из Эстонии — 20 660 чел.¹⁵² 18 мая 1949 г. министр внутренних дел СССР С. Н. Круглов докладывал И. В. Сталину, что в результате операции из Прибалтики было отправлено на спецпоселение более 30 630 семей, всего 94 779 чел.¹⁵³ Примерно за год до этих депортаций из Литвы в ходе так называемой операции «Весна» было выслано 43,4 тыс. человек, в том числе более 8 тыс. семей кулаков. Кроме того, депортации кулаков продолжались в Литве и в последующие годы: по постановлению Совета Министров СССР от 5 сентября 1951 г. из республики было выслано 4 тыс. кулаков с семьями, по постановлению Совета Министров Литовской ССР от 29 октября 1951 г. — еще более 17 тысяч¹⁵⁴.

¹⁵¹ Подробнее о ходе операции «Прибой» см.: Strods H., Kott M. The Fall on the Operation «Priboi». P. 9–28.

¹⁵² Справка об обоснованных выселений в административном порядке, произведенных в 1941–1952 гг. из Прибалтики, Украины, Белоруссии, Молдавии и Армении. 1965 г. // Народы стран Балтии в условиях сталинизма. Документированная история. С. 270–272.

¹⁵³ Носиф Сталин — Лаврентию Берия: «Их надо депортировать...» С. 202. В середине 1990-х годов была обнародована другая цифра жертв операции «Прибой» — 92 204 чел. (Источник. 1996. № 1. С. 138.)

¹⁵⁴ Там же. С. 270.

Документы свидетельствуют, что республиканские власти принимали непосредственное участие в проведении акций по депортации. Иногда они выступали в качестве стороны, инициирующей этот процесс (ситуация особенно характерна для Литвы). Вместе с тем это вовсе не значит, что в данном случае речь шла исключительно о местной инициативе. Депортации были частью государственной политики, и любое решение, даже формально «закрепленное» за республиканскими органами власти, санкционировалось, а чаще всего и инициировалось Москвой. Об этом свидетельствуют, в частности, решения «особых папок» Политбюро ЦК ВКП(б).

Представление о процедуре принятия решений по вопросам депортации дает постановление Политбюро о выселении кулаков из Литвы от 5 сентября 1951 г.:

«Политбюро ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Принять предложение ЦК КП(б) Литвы о выселении из пределов Литовской ССР до 4000 враждебно действующих против колхозов кулаков с их семьями.

2. Обязать МГБ СССР (т. Игнатьев) произвести выселение кулаков с семьями в сентябре 1951 г. по спискам, утвержденным Советом Министров Литовской ССР.

3. Обязать ЦК КП(б) Литвы (т. Снечук) разъяснить сельскому населению значение выселения кулачества как мероприятия, направленного на обеспечение безопасности трудящихся и улучшение колхозного строительства в республике.

4. Утвердить прилагаемый проект постановления Совета Министров СССР «О выселении с территории Литвы кулаков с семьями»¹⁵⁵.

Схема предельно простая: инициатива — исполнитель акции — пропагандистское обеспечение акции — формальная легитимация акции. Перед нами порядок принятия решения, который в течение многолетних практик массовых депортаций превратился действительно в «механизм», бюрократическую рутину с четким расписанием функций всех участников процесса.

Принудительные высылки били сразу по нескольким «мшишениям», однако в число их жертв в первую очередь все равно попадали крестьяне — самая многочисленная категория балтийского населения. Точно так же очевидна роль депортаций в процессе ускорения коллективизации балтийской деревни. В противостоянии крестьянства и государственной машины преимущество оказалось на стороне сильного. Массовые репрессии заставили крестьян смириться с колхозами, о чем свидетельствовало быстрое увеличение удельного веса коллективных хозяйств. Даже в Литве согласно официальным

¹⁵⁵ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О выселении с территории Литвы кулаков с семьями». 5 сентября 1951 г. — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 46к. Л. 69.

важным на начало 1950 г. около 62 % крестьянских дворов значились как перешедшие к коллективной форме ведения хозяйства¹⁵⁶. Однако силой загнать крестьян в колхозы — это было еще только полдела. Проблема заключалась в том, чтобы заставить или заинтересовать их работать в колхозах. Одного «кнута» здесь было явно недостаточно — требовалось подкрепление в виде «пряника».

В марте 1949 г. руководители Эстонии А. Веймер и Н. Каротамм направили докладную записку на имя И. В. Сталина, в которой предложили комплекс поощрительных мер для крестьянских хозяйств, вступивших в колхозы¹⁵⁷. В первую очередь, полагали авторы записки, необходимо списать с таких хозяйств все основные долги (недоимки) за прошлые годы — по обязательным поставкам сельхозпродукции государству, по сельскохозяйственному налогу, по обязательному окладному страхованию и по просроченным ссудам. Кроме того, специально для бедняцких хозяйств предлагалось в течение трех лет установить льготный порядок выполнения обязательств по государственным поставкам и сельхозналогу со скидкой до 50 % от установленных норм. «После трехлетнего пребывания в колхозе положение крестьянина-бедняка улучшится настолько, что он уже не будет нуждаться в льготах», — считали Веймер и Каротамм.

Инициатива эстонских руководителей рассматривалась в Москве, в Министерстве финансов СССР. В Эстонию, Латвию и Литву выезжала группа работников министерства для изучения положения дел на месте. В мае 1949 г. был готов первый проект решения по этому вопросу, который министр финансов А. Г. Зверев направил на утверждение в ЦК ВКП(б), Г. М. Маленкову. Министр поддержал в целом предложение Эстонии, и в проект постановления было внесено положение, разрешающее правительствам Эстонии, Латвии и Литвы слагать «с отдельных хозяйств», вступивших в колхозы, недоимки прошлых лет — по сельхозналогу и страховым платежам¹⁵⁸. В то же время Зверев позаботился и о своем, «ведомственном», интересе. «В связи с коллективизацией крестьянских хозяйств поступление сельскохозяйственного налога в 1949 году по прибалтийским республиками значительно снизится по сравнению с бюджетным назначением, — писал он Маленкову. — Поэтому необходимо поручить

¹⁵⁶ Докладная записка А. И. Козлова и И. А. Бенедиктова «О недостатках и ошибках ЦК ВКП(б) Литвы в руководстве колхозным строительством». 31 августа 1951 г. — Там же. Оп. 131. Д. 256. Л. 89.

¹⁵⁷ Докладная записка А. Веймера и Н. Каротамма о льготах для крестьянских хозяйств, вступивших в колхозы. 22 марта 1949 г. — ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 51а. Д. 4780. Л. 7-9.

¹⁵⁸ Проект постановления Совета Министров СССР «О мероприятиях в связи с коллективизацией крестьянских хозяйств в Литовской ССР, Латвийской ССР и Эстонской ССР». Май 1949 г. — Там же. Л. 35-37.

Советам Министров Литовской, Латвийской и Эстонской ССР разработать мероприятия по увеличению доходов бюджета за счет других источников»¹⁵⁹. Соответствующий пункт был внесен в проект решения.

Подготовленный Министерством финансов СССР проект постановления был направлен в Советы Министров балтийских республик для согласования. Дружное возражение с их стороны вызвало предложение московского ведомства компенсировать финансовые потери за счет республиканского бюджета. В Латвии, например, в связи с коллективизацией и списанием недоимок за прошлые годы рассчитывали недополучить в 1949 г. около 200 млн рублей. «Такой разрыв Совет Министров Латвийской ССР не в состоянии покрыть новыми источниками доходов», — следовал вывод латвийского правительства¹⁶⁰.

Ответ из Вильнюса был аналогичным. Литовский Совет Министров предлагал предоставить республикам право скорректировать свои бюджеты в связи с ожидающимся сокращением доходной части¹⁶¹. Самый кардинальный вариант решения пришел из Таллина: правительство Эстонии полагало, что «недостачу» вполне можно покрыть за счет союзного бюджета¹⁶².

В этом споре победа оказалась на стороне Министерства финансов СССР, что и было зафиксировано в постановлении союзного правительства, принятом 25 июня 1949 г. Из всех замечаний по проекту, поступивших от республик, в окончательном варианте решения осталось только предложение Литвы отсрочить на пять лет задолженность крестьянских хозяйств по ссудам, выданным им при вступлении в колхоз на индивидуальное жилищное строительство¹⁶³.

Комплексе льгот, рассчитанный на привлечение крестьян в колхозы, скорректированный Москвой, оказался в результате не настолько убедительным, чтобы существенно повлиять на изменение отношения балтийского населения к колхозам. Крестьяне приняли коллективизацию как вынужденную необходимость, однако проявили при этом немало предприимчивости и изобретательности, благодаря ко-

¹⁵⁹ Записка А. Г. Зверева «О мероприятиях в связи с коллективизацией крестьянских хозяйств в Литовской ССР, Латвийской ССР и Эстонской ССР». 10 мая 1949 г. — ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 51а. Д. 4780. Л. 38.

¹⁶⁰ Записка заместителя Председателя Совета Министров Латвийской ССР С. Гуляницкого. 16 мая 1949 г. — Там же. Л. 17.

¹⁶¹ Записка Председателя Совета Министров Литовской ССР М. Гедвиласа. Май 1949 г. — Там же. Л. 16.

¹⁶² Записка Председателя Совета Министров Эстонской ССР А. Веймера. 14 мая 1949 г. — Там же. Л. 23.

¹⁶³ Постановление Совета Министров СССР «О мероприятиях в связи с коллективизацией крестьянских хозяйств в Литовской ССР, Латвийской ССР и Эстонской ССР». 25 июня 1949 г. — Там же. Л. 48.

тарям «колхозное движение» в Прибалтике, особенно на первых порах, носило явные черты умелой имитации. Как свидетельствовали проверки, значительная часть вновь организованных колхозов при проверке оказывалась фиктивной.

Например, в Литве, в деревне Абола Шальчининского района Вильнюсской области, был якобы организован колхоз «Вперед», устав которого был формально зарегистрирован в райисполкоме. На самом деле крестьяне, числившиеся как члены артели, продолжали работать единолично, а скот и инвентарь также находились в индивидуальном пользовании. У этого так называемого колхоза не было ни правления, ни председателя. В одном селе того же района — Давиланы — крестьяне вообще организовали целых три фиктивных колхоза, назвав их «Дружба», «Счастье» и «Чапаев», а всего в районе имелось 13 колхозов, которые существовали только на бумаге¹⁶⁴.

Достаточно типичной для Литвы была и другая ситуация. Если решение об организации колхоза принималось после сева, то, как правило, крестьяне в таких вновь созданных колхозах требовали, чтобы им разрешили убирать урожай индивидуально и не спешили с обобществлением скота и инвентаря. Например, по данным на август 1951 г., из 126 новых колхозов Вильнюсской области 115 требовали индивидуальной уборки урожая. В некоторых районах были отмечены случаи, когда в период уборки крестьяне начали растаскивать обобществленный ранее скот и инвентарь. Если местные власти и колхозные активисты пытались воспрепятствовать этой практике, часто дело доходило до открытых столкновений. В Эйшишском районе Вильнюсской области в августе 1951 г. в 17 колхозах крестьяне разобрали свой скот с животноводческих ферм, в 10 колхозах была уничтожена вся колхозная документация, 5 колхозов вообще распались. А в другом районе этой же области — Варенском — правления 5 колхозов, оценив ситуацию, просто отказались от работы¹⁶⁵.

Вновь избранные правления колхозов позволяли себе и другие «вольности». Так, правление колхоза «Скачунай» в своем решении (что было записано в протоколе) постановило оказать помощь скрывающимся в лесу партизанам — выдать им 15 тонн хлеба и 5 тыс. рублей. Аналогичные решения принимали правления и других колхозов, только делали это не под «протокол», а неформальным порядком¹⁶⁶.

¹⁶⁴ Докладная записка А. И. Козлова и И. А. Бенедиктова «О недостатках и ошибках ЦК ВКП(б) Литвы в руководстве колхозным строительством». 31 августа 1951 г. — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 131. Д. 256. Л. 90.

¹⁶⁵ Докладная записка инспектора ЦК ВКП(б) Андропова «О работе Вильнюсского обкома КП(б) Литвы». 18 января 1952 г. — Там же. Ф. 17. Оп. 119. Д. 711. Л. 8.

¹⁶⁶ Докладная записка заведующего отделом пропаганды и агитации Вильнюсского обкома КП(б) Литвы А. Парфенова. 24 августа 1951 г. — Там же. Оп. 131. Д. 256. Л. 80.

Ситуация в Литве вызвала серьезную обеспокоенность в Москве. По решению Секретариата ЦК ВКП(б) в августе 1951 г. в республику отправилась инспекция в составе А. И. Козлова и И. А. Бенедиктова для выяснения положения на месте, а формально — «для оказания помощи ЦК КП(б) Литвы в деле проведения мероприятий по организационному укреплению колхозов»¹⁶⁷. Инспекторы в ходе проверки все-таки обнаружили ряд районов, где «колхозы твердо встали на путь развития». Однако ни этот факт, ни оптимистичная статистика — в республике насчитывалось 3123 колхоза, объединяющих 92 % хозяйств, — не смогли усыпить их бдительности. «В республике имеется значительное количество слабых колхозов и так называемые фиктивные колхозы, в которых крестьяне в скрытой форме и даже совершенно открыто ведут хозяйство единолично», — к такому выводу пришли проверяющие¹⁶⁸.

Кроме этого, налицо был конфликт по вопросам коллективизации между партийным руководством Литвы (А. Снечкусом) и секретарем Вильнюсского обкома Шупиковым. Внимание Москвы к литовским делам не в последнюю очередь было обусловлено активностью Шупикова, который «сигнализировал» в ЦК ВКП(б) о критическом, с его точки зрения, положении в республике. Литовским властям пришлось оправдываться, используя при этом довольно банальную линию защиты — принцип «сам виноват». «Некоторые районные комитеты Вильнюсской области встали на путь администрирования и грубого нажима», — говорилось в записке ЦК компартии Литвы на имя Маленкова¹⁶⁹. А далее следовали подробности: «Районные комитеты партии пытались с помощью актива воспрепятствовать индивидуальной уборке, бросали актив на прямое проведение уборки урожая. Вражеские элементы сумели кое-где использовать ошибки районных руководителей, а в отдельных случаях им удалось спровоцировать антиколхозные выступления колхозников, а кое-где даже столкновения советского актива с колхозниками»¹⁷⁰.

Прием в советской политической практике не новый — по сходной схеме действовал в 1930 г. Сталин, когда обвинил в собственных ошибках местных руководителей. Однако сходство со сталинской тактикой «головокружения от успехов» здесь довольно поверхностное и конфликт между литовским ЦК и Вильнюсским обкомом имел под собой более весомые основания, чем просто перекалывание от-

¹⁶⁷ Решения Секретариата ЦК ВКП(б). Протокол № 582. 11 августа 1951 г. — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 131. Д. 483. Л. 121.

¹⁶⁸ Докладная записка А. И. Козлова и И. А. Бенедиктова «О недостатках и ошибках ЦК КП(б) Литвы в руководстве колхозным строительством». 31 августа 1951 г. — Там же. Д. 256. Л. 90.

¹⁶⁹ Записка А. Снечкуса и А. Трофимова. 7 августа 1951 г. — Там же. Д. 483. Л. 123.

¹⁷⁰ Там же.

ответственности. Позиция ЦК компартии Литвы, «закрывшего глаза» на очевидный саботаж крестьянами кампании коллективной уборки урожая, в той ситуации была более реалистичной, чем позиция стремившихся действовать «по инструкции» активистов. Если бы информация о положении в Литве не дошла до Москвы, конфликт между ЦК и обкомом, возможно, так и не вышел бы за пределы республики. Однако после того как этот вопрос сначала рассматривался в ЦК ВКП(б), а потом дело дошло до проверочных комиссий (инспекторы Козлова и Бенедиктова была не единственной), Снечкус как опытный политик, знакомый с нравами своих кремлевских «патронов», поспешил сам подсказать решение. ЦК КП(б) Литвы взял инициативу в свои руки и принял постановление «о неудовлетворительном руководстве» колхозами двух главных обкомов республики — Вильнюсского и Каунасского. В частности, руководители этих обкомов были объявлены главными виновниками ошибок, допущенных при проведении уборочной кампании 1951 г.¹⁷¹ Секретарь Вильнюсского обкома Шупиков был также обвинен в том, что он «допускает отрыв обкома от ЦК КП(б) Литвы, не всегда в должной мере считаясь с указаниями ЦК КП(б) Литвы»¹⁷². Снечкус тем самым четко обозначил не столько позиции республиканского ЦК, сколько свои собственные как полновластного лидера республики. Москве оставалось принять или отвергнуть эту позицию.

В споре между литовским ЦК и Вильнюсским обкомом у последнего тоже нашлись защитники. Козлов и Бенедиктов, например, фактически встали на сторону обкома, признав критику в его адрес неконструктивной, а ЦК КП(б) и правительство Литвы в не меньшей степени, чем обком, ответственными за «крупные недостатки в колхозном строительстве»¹⁷³. В отличие от документов, подготовленных в литовском ЦК, главными «героями» в записке московских инспекторов выступали ЦК и Совет Министров Литвы. Помимо ставшей скандальной истории с уборкой урожая республиканским властям ставились в вину и другие «грехи»: «значительное ослабление борьбы с кулаком», «неправильная налоговая политика», т. е. политика, не обеспечивающая в должной мере экономический нажим на кулака, и другие¹⁷⁴.

Москва сделала тогда свой выбор в пользу Снечкуса, и положение в Литве рассматривалось через призму «ошибок» Вильнюсского обкома, о чем в феврале 1952 г. было принято специальное решение

¹⁷¹ Там же. Л. 126.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Докладная записка А. И. Козлова и И. А. Бенедиктова «О недостатках и ошибках ЦК КП(б) Литвы в руководстве колхозным строительством». 31 августа 1951 г. — Там же. Д. 256. Л. 91.

¹⁷⁴ Там же. Л. 92–93.

ЦК ВКП(б). Этот выбор можно объяснить разными причинами. Самое простое и столь же бездоказательное объяснение — влияние высоких покровителей, а они у Снечкуса в Москве, несомненно, были например, секретарь ЦК М. А. Сулов. Не стоит сбрасывать со счетов и влияние только что прошедшей «чистки в верхах» Эстонии: еще одно «дело» такого масштаба в маленькой Прибалтике могло спровоцировать настоящий политический кризис. Однако, как представляется, главная причина лояльности Москвы по отношению к Снечкусу заключалась в том, что Литва продолжала оставаться самым проблемным регионом страны. В этих условиях затевать кампанию критики республиканского руководства было просто бессмысленно и опасно.

Что же касается коллективизации, то к 1953 г. она в республиках Балтии была в основном завершена. Однако колхозы так и не смогли там до конца «укорениться», а крестьянство долгое время сохраняло приверженность традиции индивидуального, хуторского, фермерского хозяйства.

Коллективизации в старых республиках сопровождалась фактическим прикреплением крестьян к своим колхозам: в 1932 г., когда в Советском Союзе была введена паспортная система, крестьяне паспортов не получили, а значит, были лишены свободы передвижения. Политика по отношению к сельскому населению балтийских республик в этом смысле была иной. Из всего советского крестьянства балтийские крестьяне первыми получили паспорта. Случилось это, правда, не сразу.

В 1945 г. по просьбе правительства Литвы паспортная система была распространена на сельских жителей этой республики: крестьяне тогда получили временные паспорта в соответствии со специальным распоряжением СНК СССР от 4 октября 1945 г. Главной причиной этого решения стал размах повстанческого движения в республике: паспортизация сельского населения стала еще одной мерой, направленной на выявление «антисоветского элемента» и обеспечение большей подконтрольности мятежной территории.

В феврале 1946 г. с просьбой о введении паспортов на всех гражданах республики в союзное правительство обратились власти Латвии. Однако их обращение было тогда отклонено, поскольку против положительного решения вопроса возражало Министерство внутренних дел СССР¹⁷⁵. Реакция ведомства, ответственного не только за паспортную систему, но и за «борьбу с бандитизмом», объяснялась прежде всего тем, что по сравнению с Литвой ситуация в Латвии на этом поле в 1946 г. оценивалась как уже вполне контролируемая.

¹⁷⁵ Справка о состоянии паспортизации сельского населения балтийских республик. 25 июня 1947 г. — ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 49а. Д. 3328. Л. 7.

В апреле 1947 г. тему паспортизации подняли руководители Эстонии А. Веймер и Н. Каротамм. Советские паспорта имели на тот момент лишь граждане республики, проживающие в городах, рабочих поселках, в совхозах и МТС, сельские жители, работающие на промышленных предприятиях, а также население, проживающее в так называемой пограничной запретной зоне, установленной для Эстонии постановлением Совета Министров СССР от 29 июня 1946 г. Всего «паспортизированных» граждан по республике насчитывалось 273 тыс. человек — 191 тыс. городского населения и 82 тыс. сельского¹⁷⁶. Не охваченными паспортной системой оставались около 420 тыс. человек из числа постоянных взрослых жителей республики.

Веймер и Каротамм просили распространить паспортную систему на всех граждан Эстонии старше 16 лет. В записке, адресованной заместителю союзного правительства В. М. Молотову, просьбу свою они мотивировали следующим образом: «В прошлом все взрослое население Эстонии имело паспорта, которые являлись основным документом, удостоверяющим личность граждан... Поэтому граждане Эстонии привыкли к паспортной системе и ощущают в этом крайнюю необходимость, нередко выдвигая этот вопрос перед советскими и партийными органами республики» (выделено мной. — *И. З.*)¹⁷⁷. Речь шла не только о традиции, но и о правовой культуре граждан, которые привыкли строить свои отношения с государством по определенным правилам.

Однако, чтобы просьба звучала убедительнее, эстонцы использовали и другие аргументы, более понятные людям, принимающим решения в Москве. В качестве таких дополнительных аргументов они ссылались на трудности при проведении выборов в советские органы власти и даже полагали, что паспортизация сельского населения будет содействовать «в значительной степени выявлению враждебного, бандитского и уголовного элемента и усилению борьбы с ним»¹⁷⁸.

Записка А. Веймера и Н. Каротамма рассматривалась в МВД СССР, и С. Н. Круглов высказался за поддержку этого предложения. 12 июля 1947 г. распоряжением Совета Министров СССР паспортная система была распространена на всю территорию Эстонии¹⁷⁹.

¹⁷⁶ Докладная записка А. Веймера и Н. Каротамма Г. М. Молотову. 12 апреля 1947 г. — Там же. Л. 4.

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ Там же. Л. 3.

¹⁷⁹ Распоряжение Совета Министров СССР № 8884. 12 июля 1947 г. — Там же. Л. 8.

Благоприятной ситуацией воспользовались латвийские власти, направив аналогичную просьбу Л. П. Берия 18 октября 1947 г.¹⁸⁰ В декабре и этот вопрос был решен положительно: все жители Лигни тоже получили паспорта¹⁸¹.

Паспортизация жителей балтийских республик была «особым случаем» в советской практике 1940-х годов: сельскому населению России, а также других регионов страны пришлось ждать этого события еще 25 лет. Это не значит, что советские власти населению Прибалтики больше доверяли. Скорее наоборот: с распространением паспортной системы на всю территорию прибалтийских республик власть сама рассчитывала завоевать больше доверия к себе со стороны местного населения.

¹⁸⁰ Записка Т. Плудона и Я. Калиберзиньша Л. П. Берия. 18 октября 1947 г. — ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 49а. Д. 3383. Л. 5.

¹⁸¹ Распоряжение Совета Министров СССР № 18600. 16 декабря 1947 г. — Там же. Л. 8.

Глава 4

ВОЙНА ПОСЛЕ ВОЙНЫ: ВООРУЖЕННОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ ПРИБАЛТИКИ

4.1. «Лесные братья»: кто они? Мотивы, состав, организация

В 1965 г. на экраны страны вышел фильм Витаутаса Жалакявичюса «Никто не хотел умирать» — первый советский фильм о «лесных братьях» и вообще о том, что происходило в Прибалтике после войны. Кино, задуманное в жанре вестерн, неожиданно превратилось в фильм-проблему. Публика, еще не подсевшая к тому времени на голливудские боевики, но уже научившаяся распознавать настоящее кино, сразу оценила фильм Жалакявичюса: по опросам журнала «Советский экран» — этого неофициального барометра общественного мнения — «Никто не хотел умирать» был признан лучшим фильмом года¹.

По правилам советского кинопроката фильм этот обошел все экраны страны: его демонстрировали в кинотеатрах и колхозных клубах, на кинофестивалях и в лагерях — пионерских и других. В пионерском лагере впервые увидела этот фильм я. В том же 1966-м, но уже в «другом» лагере фильм посмотрел Юлий Даниэль. Он писал о своих впечатлениях: «Вчера смотрели “Никто не хотел умирать”. Споры, споры, и не то чтобы ожесточенные, а скорее каждый отстаивает свое, индивидуальное недоумение. По-моему, позиция авторов фильма определяется поговорочкой: “И хочется, и колется, и мама не велит”². Но самое интересное далее: «А этот фильм в здешних условиях особенно пикантен. Литовцев здесь полным-полно (пожалуй, на втором месте после украинцев), и все они, за малым исключением, знают описываемые в картине события лучше актеров, исполняющих роли. Это, кстати, еще одна область, о которой я понятия не имел. Да, так вот: со знанием дела дается оценка всему, начиная от бытовых деталей и кончая общей тенденцией фильма (“то, что происходило в Литве, было гражданской войной”)³ (выделено мной. — Е. З.).

¹ Стишова Е., Будрайтис Ю. В жанре страсти // Независимая газета, 2000. 20 апреля.

² Даниэль Ю. «Я все сбиваюсь на литературу...» Письма из заключения. Стихи. М., 2000. С. 147.

³ Там же. С. 148.

Мне было тогда всего восемь, и если уж неплохо информированные взрослые люди «понятия не имели» о том, что творилось в Прибалтике, то нам, воспитанным на иных примерах из советской истории, сюжет и стилистика фильма были и вовсе незнакомы. Оценить кино такого уровня в детском возрасте довольно сложно, но почувствовать — вполне. Было непонятно, а потому тревожно: события фильма происходили в то время, когда война уже была позади, а фильм тем не менее был явно «про войну», но войну другую — жестокую и, казалось, бессмысленную. Во-вторых, непонятно было, кто есть кто и за кого — где «наши» и где «не наши»⁴. «То, что происходило в Литве, было гражданской войной», — говорили те, кто то пережил. Но мы не знали, точнее, нам не показывали еще *такой* гражданской войны.

Первоначально фильм Жалакявичюса должен был пойти в прокат под названием «Террор», но режиссер остановил свой выбор на другом — строчке, завершающей многозначительную фразу: «...И никто не хотел умирать». В конце концов многозначность из названия фильма убрали, оставив привычно утвердительное — «Никто не хотел умирать»⁵. Но недоговоренность, рожденная сложностью сюжета и самой проблемы, осталась — как того хотел Жалакявичюс.

Удивительное дело, но по степени достоверности — не в подробностях, а в ощущении — этот фильм до сих пор превосходит многие исторические исследования о «лесных братьях». Не будет преувеличением сказать, что именно с него началось если не изучение, то проникновение в историю повстанческого движения в Прибалтике.

Тема вооруженного сопротивления политике советизации в Прибалтике — одна из самых запутанных и сложных. В ней, как, пожалуй, ни в каком другом сюжете балтийской истории, ощущаются и нечеткость границ самого предмета, и разность терминологического языка, и политические пристрастия пишущих. Черно-белое видение, свойственное современному освещению проблем советско-балтийской истории вообще, здесь выступает в образе классической дихотомии, разводящей стороны на героев и антигероев, жертв и палачей.

⁴ Похожие ощущения и вопросы вынесли из фильма «Никто не хотел умирать» и другие люди моего поколения. В беседе с одним из наиболее ярких актеров, сыгравших в фильме, Юозасом Будрайтисом главный редактор радио «Эхо Москвы» Алексей Венедиктов признавался: «Для очень многих, во всяком случае, моих сверстников, история с пактом Молотова–Риббентропа началась с фильма “Никто не хотел умирать”. Я смотрел в 10 лет, в 12 лет, в 14 лет и абсолютно не мог понять реально, чего это. Где наши, где не наши. Где фашисты, а где наши, советские. Почему это так». // Эхо Москвы. Программа «Дифирамб». 2005. 11 июля. <http://www.echo.msk.ru/guests/1248>.

⁵ Стишова Е., Будрайтис Ю. Указ. соч.

правых и виноватых. Традиция эта возникла еще в то время, когда вооруженное сопротивление в Прибалтике было актуальной политической проблемой, и окончательно сложилась в 1960-е годы вместе с появлением первых исторических штудий на данную тему в Советском Союзе и на Западе.

Советские документы 1940–1950-х годов представляли национальных партизан не иначе как «бандитов-повстанцев», а их борьбу — сначала как результат деятельности германских спецслужб, а потом как следствие классовых противоречий и «враждебных прощесков», например, «мировой закулись» — тема, становившаяся весьма модной и востребованной в условиях холодной войны. Партизаны в то же самое время формировали свою советственную историю, сохранившуюся не только в документах, но и в стихах, песнях, успешных рассказах. Эти источники оставили память о «героях-братьях», ушедших в леса, чтобы с оружием в руках бороться за независимость своей страны. Так рождались мифы⁶.

Среди книг, посвященных истории партизанской войны в Прибалтике, лидировали публикации о литовском движении сопротивления. Автором первой книги о «лесных братьях» был один из партизанских лидеров Юозас Даумантас, известный под псевдонимом Лукша. В 1948 г. ему удалось добраться до США, где он и написал свою книгу «Партизаны за железным занавесом», которая вышла на литовском языке в Чикаго в 1950 г. Сам Лукша в это время был снова отправлен в Литву, где вскоре погиб⁷. Его книга была переведена на английский язык в 1975 г. и потом переиздавалась в 1988 г.⁸

В 1959 г. ЦК компартии Литвы принял решение о формировании специальной исследовательской группы, которая на основе архивных документов должна была написать историю повстанческого движения в республике⁹. В 1960-е годы появились и первые западные публикации на ту же тему, их авторами были в первую очередь

⁶ В этой связи эстонский историк Март Лаар замечает: «История движения "лесных братьев" в Эстонии всегда была своего рода мифом, легендой, но до последнего времени не становилась предметом исследования. Эстонским детям рассказывали истории о храбрых партизанах, пели их песни, но не так много людей знали, что же происходило в действительности». См.: Laar M. The Armed Resistance Movement in Estonia from 1944 to 1956 // The Anti-Soviet Resistance in the Baltic States. Arvydas Anušauskas (Ed.). Vilnius, 1999. P. 209.

⁷ Misiunas R. J., Taagepera R. The Baltic States. Years of Dependence. 1940–1991. P. 88.

⁸ Daumantas Juozas (Lukša). Fighters for Freedom: Lithuanians Partisans versus the USSR, 1944–1947. Toronto, 1988.

⁹ Подробнее об этом см.: Gaškaite-Zemaitiene N. The Partisan War in Lithuania from 1944 to 1953 // The Anti-Soviet Resistance in the Baltic States. Arvydas Anušauskas (Ed.). Vilnius, 1999. P. 23–24.

историки из числа балтийских эмигрантов — Томас Ремейкис и Стэнли Вардис¹⁰.

Однако настоящий историографический бум начался в конце 1980-х — начале 1990-х годов. Движение за независимость, возникшее в республиках Прибалтики в связи с политическим кризисом в Советском Союзе, актуализировало интерес к истории национального сопротивления послевоенного периода, а доступ к ранее секретным архивам позволил обеспечить этот интерес необходимой исторической информацией. В процессе познания этой страницы национальной истории вновь лидировала Литва, где с 1988 г. развернулась масштабная работа по сбору документального материала о партизанском движении в республике. Результатом этой деятельности стало появление в 1990-е годы целой серии документальных публикаций и исследований¹¹; в то же время, написанные на литовском языке, эти публикации не стали достоянием широкой научной общественности за пределами Литвы.

Латвия и Эстония включились в процесс изучения истории движения сопротивления несколько позднее Литвы, хотя во всех прибалтийских странах к концу 1990-х годов уже имелись и документальные публикации, и первые исследовательские работы, посвященные «партизанской теме». Национальная историография «новой волны» представлена в первую очередь исследованиями Арвидаса Анушаускаса (Литва), Хейнриса Стродса (Латвия) и Марга Лаара (Эстония)¹². Символическое соединение национальных историй под одной обложкой произошло в 1999 г., когда вышла в свет книга «Антисоветское сопротивление в государствах Балтии»¹³.

Эти публикации позволяют говорить о складывании определенной тенденции в освещении повстанческого движения в Прибалтике, как оно представляется в современной национальной историографии. Несомненным достоинством этих исследований является привлечение большого объема новых источников как из национальных, так и из российских архивов. Однако анализ и интерпретация этих источников, точно так же как и общие подходы

¹⁰ Remeikis Th. The Armed Struggle against the Sovietization of Lithuania after 1944 // *Lituanus*, VIII, 1–2 (1962). P. 29–40; Vardys S. The Partisan Movement in Post-war Lithuania // *Slavic Review*. XXII (1963). P. 499–522; Vardys S. *Lithuania under the Soviets*. N.Y., 1965.

¹¹ Обзор публикаций см.: Gaškaite-Žemaitienė N. The Partisan War in Lithuania from 1944 to 1953. P. 24–25.

¹² Anušauskas A. *Lietuvių tautos sovietinis naikimas, 1940–1958*. Vilnius, 1996; Strods H. *Latvijas nacionālo partizanu karš 1944–1956*. Rīga, 1996; Laar M. *War in the Woods: Estonia's Struggle for Survival, 1944–1956*. Washington D.C., 1992.

¹³ *The Anti-Soviet Resistance in the Baltic States*. Arvydas Anušauskas (Ed.). Vilnius, 1999.

к проблеме вооруженного сопротивления политике советизации, далеко не всегда могут преодолеть давление актуального политического контекста. В результате партизанское движение подается читателю в определенном ракурсе, сознательно или несознательно «очищенное» от разного рода наслоений и «неудобных» подробностей.

Происходит это, как представляется, из-за стремления авторов ограничиться описанием политической составляющей партизанского движения, представить его главным образом как борьбу за независимость, за восстановление суверенитета страны, как активное проявление патриотизма. В подобной трактовке «партизанство» отделяется от «партизанщины», антисоветское сопротивление — от уголовного бандитизма. Конфликт выводится вовне, становится почти не связанным с внутренней ситуацией и борьбой различных сил в самих балтийских странах. Речь идет о противостоянии внешнему агрессору — Советскому Союзу, который опирался на собственную мощь и поддержку небольшой группы коллаборационистов внутри Литвы, Латвии и Эстонии. В остальном — это сопротивление всего народа иноземцам. В представленной конфигурации конфликта ни о какой гражданской войне и внутренних противоречиях не может быть и речи.

В известной степени подобную трактовку движения сопротивления в Прибалтике можно рассматривать как реакцию отторжения оценок, свойственных советской историографии с ее увлечением «классовой борьбой», которой объяснялось всё и вся¹⁴. Однако полемика с крайностями «советизмов», справедливая в своей основе, нередко приводит к другим крайностям и той же односторонности.

Между тем повстанческое движение в Прибалтике, как и феномен сопротивления в целом, — явление многослойное, понять которое невозможно, задавшись только одним параметром его измерения — внешним или внутренним. Классическая схема «мы — они» здесь или не работает, или каждый раз требует уточнения имени и позиций контрагентов. Это тот «клубок проблем», распутывать который удобнее и логичнее не с ответов, а с вопросов.

Что явилось причиной массового сопротивления политике советизации? Почему в трех балтийских республиках масштабы протеста и уровень конфронтации были столь различны? Как соотносились между собой активные и пассивные формы этого сопротивления? Как реагировала Москва на ситуацию в Прибалтике? Наконец, кто они — люди, ушедшие в леса, которых стали называть «лесными братьями»? Во всяком случае, попытки причислить их всех либо к

¹⁴ С этой позицией полемизирует, например: Gaškaite-Zemaitiene N. The Partisan War in Lithuania from 1944 to 1953. P. 24.

«патриотам», либо к «бандитам» выглядят не только наивными, но и по меньшей мере неубедительными.

Бесспорно одно: повстанческое движение в Прибалтике было ответом на политику советизации, особенно сопровождающие ее репрессии и террор. Аннексия Литвы, Латвии и Эстонии в 1940 г. и последующие попытки инкорпорировать их в советскую систему стали тем вызовом, на который граждане балтийских стран ответили активным и пассивным сопротивлением. Вместе с тем стартовой точкой развития активных форм сопротивления советскому режиму, в том числе и повстанческого движения, стал не 1940 г., как того можно было ожидать, а 1944-й.

Первые антисоветские восстания в Прибалтике произошли еще в июне 1941 г., как только там узнали о нападении Германии на Советский Союз. Однако повстанцы, без особых проблем одолевшие остатки советских гарнизонов и отступающих частей Красной армии, сложили оружие, едва появились немецкие войска. Немецкое командование поддерживало активность повстанцев, оказывая им в первую очередь материально-техническую помощь¹⁵. В то же время возникшие в результате восстаний национальные правительства или аналогичные национальные структуры не были признаны немецкой администрацией и вскоре были распущены. Вопреки ожиданиям балтийских патриотов в странах Балтии был установлен германский оккупационный режим, надежды на освобождение и восстановление независимости оказались не более чем иллюзией.

Вторая попытка добиться восстановления суверенных государств на территории Прибалтики относится к концу Второй мировой войны, импульсом для развития движения сопротивления послужило тогда стремление не допустить повторной советизации Литвы, Латвии и Эстонии. Антисоветские выступления балтийских партизан начались с того момента, как советско-германский фронт переместился на территорию Прибалтики, т. е. летом 1944 г. В отличие от ситуации 1940 г. сопротивление — особенно в Литве — приняло тогда массовый характер и отличалось беспрецедентной жесткостью и жестокостью противостояния, причем с обеих сторон.

«Почему же те самые люди, что довольно мирно отреагировали на первое советское вторжение в 1940 г., взялись за оружие в 1944-м?» — задавались вопросом Ромуальд Мисиунас и Рейн Таагапера¹⁶. Сами историки ответили на свой вопрос так: «Патриотический идеализм

¹⁵ Штрмаас А. Прибалтийские государства // Проблемы национальных отношений в СССР (по материалам западной печати). М., 1989. С. 101–102.

¹⁶ Misiunas R. J., Taagepera R. The Baltic States. Years of Dependence. 1940–1991. P. 84.

был главным мотивом [сопротивления]. В 1940 г. его умеряло стремление избежать смерти, но в 1945 г. война и две оккупации сформировали чувство, что двум смертям не бывать, а одной все равно не миновать. Многие испытали тогда ощущение мимолетности жизни...»¹⁷. Однако помимо «лирики» существовали и вполне «прозаические» и, может быть, поэтому более убедительные мотивы. Первым среди них Мисиунас и Таагапера называют террор 1940–1941 гг. и возвращение карательной практики советского режима в послевоенные годы¹⁸.

Аналогичной позиции по вопросу о побудительных мотивах развития национального движения сопротивления в Прибалтике придерживается большинство западных историков, а также их коллеги в странах Балтии. Патриотизм и стремление обрести независимость, с одной стороны, и советский террор, с другой, рассматриваются в качестве главных побудительных мотивов, заставивших людей уйти в леса. При этом совершенно справедливо оговаривается, что далеко не все «лесные братья» готовы были с оружием в руках бороться против советской власти. Многие, напуганные предвоенными депортациями и репрессиями и не имеющие никаких гарантий, что ситуация после «второго пришествия» советской власти изменится к лучшему, просто предпочитали пересидеть «смутные времена». Для этих людей — а таких было большинство — «лесное братство» стало своего рода способом выживания, способом ухода от советской действительности.

Состав «лесного братства» был довольно нестрым, в нем встречались не только «сидельцы» и партизаны-боевики. Причины, заставлявшие людей прятаться от советской власти и особенно ее силовых структур, были различными — не только террор был тому виной. Война вообще ломает привычные социальные связи и миллионы людей превращает в скитальцев. Кроме этого, война приводит к всплеску криминальной активности, а общедоступность оружия провоцирует рост уголовного бандитизма¹⁹. Прибалтика не стала исключением.

В лесах скрывались партизаны, организованные в большие отряды и действовавшие мелкими группами. В Литве помимо литовских партизан находились и отдельные подразделения польской Армии Крайовой. В тех же лесах можно было встретить немецких военных, оставших от своих частей или оставленных намеренно для прове-

¹⁷ Ibid.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ О взаимосвязи войны и криминала см.: Бурде Дж. Борьба с бандитизмом в СССР в 1944–1953 гг. // Социальная история. Ежегодник. 2000. М., 2000. С. 169–190; Зубкова Е. Ю. Советское послевоенное общество: политика и повседневность. 1945–1953. М., 2000. С. 89–101.

дения диверсионных акций. После освобождения узников немецких лагерей часть бывших заключенных, не ожидая для себя ничего хорошего на родине, предпочитала скрываться от представителей власти. По дорогам, а чаще снова в лесах, бродили группы дезертиров. Вместе с объявлением мобилизации в Красную армию в бега устремились те, кто подлежал призыву. Наконец, среди «нелегалов» было немало и тех, кто объединялся в шайки и промышлял разбоем. Состав этих банд определить довольно трудно: встречались в них и уголовники-рецидивисты, и те же красноармейцы-дезертиры, и крестьяне. У всей этой разношерстной публики был тем не менее один общий враг — советская власть и ее полномочные представители на местах.

Определить численность «лесных братьев» и вообще всех, кто по тем или иным причинам скрывался от советской власти, довольно сложно, если не сказать, что почти невозможно. Никакой достоверной статистики на этот счет не существует, данные разных источников расходятся. Что касается примерных оценок экспертов, то, по мнению Р. Мисиунаса и Р. Таагапера, на пике движения в «лесное братство» было вовлечено от 0,5 до 1 процента балтийского населения. Весной 1945 г. численность партизан в Литве доходила до 30 тыс., в Латвии — до 10–15 тыс., в Эстонии — до 10 тыс. человек²⁰. Исследования последних лет в целом подтверждают эти оценки. Так, А. Анушаускас полагает, что в ноябре 1944 г. в лесах Литвы скрывались примерно 33 тыс. человек²¹. Х. Стродс оценивает численность партизан Латвии на тот же период в 20 тыс. человек²². По данным М. Лаара, «лесное братство» в Эстонии объединяло на своем пике 15 тыс. человек²³.

Самый большой резерв для пополнения партизанских отрядов в 1944 и 1945 гг. составляли «уклонисты», т. е. люди, уклоняющиеся от мобилизации в Красную армию (таблица 4.1.). Они не являлись на призывные пункты, прятались от военных чиновников, сбегали по дороге в свои части. За 1945 г. в Литве было взято на учет 52 658 «уклонистов», в Латвии — 4343, в Эстонии — 2343²⁴. Эти данные касаются лишь тех, кого органам НКВД удалось раскрыть и вернуть к легальной жизни. Сколько «уклонистов» осталось в лесах — неизвестно.

²⁰ Misiunas R. J., Taagapera R. J. Op. cit. P. 83.

²¹ Anušauskas A. Lietuvių tautos sovietinis naikimas, 1940–1958. P. 168.

²² Strods H. The Latvian Partisan War between 1944 and 1956 // *The Anti-Soviet Resistance in the Baltic States*. P. 150.

²³ Laar M. The Armed Resistance Movement in Estonia from 1944 to 1956 // *The Anti-Soviet Resistance in the Baltic States*. P. 217.

²⁴ Справка ГУУБ МВД СССР. 1947 г. — ГА РФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 764. Л. 16, 23, 29.

Таблица 4.1. Данные ГУББ МВД СССР «О ликвидации бандграбительских групп, бандитско-грабительского элемента, дезертиров и уклонившихся от службы в Советской армии, их пособников и прочего преступного элемента» в 1944–1946 гг.

Ликвидировано* (человек)	ЛИТВА			ЛАТВИЯ			ЭСТОНИЯ		
	1944**	1945	1946	1944**	1945	1946	1944**	1945	1946
Участников бандграбительских групп, бандитов-одиночек и прочего преступного элемента	—	—	708	—	—	475	—	—	383
Дезертиров в Советской армии	1447	5540	125	970	1350	277	285	722	730
Уклонившихся от службы в Советской армии	20 120	52 658	308	1962	4343	351	160	2343	918
Пособников и укрывателей преступного элемента	—	—	114	—	—	23	—	—	115
Всего	21 567	58 198	1255	2932	5693	1126	445	3065	2146

* Под категорию «ликвидированных» попадали лица, убитые, арестованные, легализованные и переданные в другие органы.

** Фактически речь идет о второй половине 1944 г.

Источник: ГА РФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 764. Л. 16, 23, 29.

«Уклонисты» в значительной степени определяли и социальный облик «лесного братства»: он был преимущественно крестьянским. Помимо крестьян партизанили бывшие военнослужащие, учащиеся гимназий, студенты. Среди командиров партизанских групп, например, в Литве преобладали офицеры бывшей литовской армии (37 %), 10 % командного состава приходилось на долю бывших полицейских и столько же (по 10 %) составляли учителя и студенты²⁵.

²⁵ Gaškaite-Zemaitiene N. The Partisan War in Lithuania from 1944 to 1953. P. 35.

Официальные партийные документы характеризовали движение сопротивления в Литве как «кулацко-националистическое»²⁶. Это было удобно для поддержания версии о «классовой борьбе» как главном мотиве существования вооруженной оппозиции режиму. Однако та же советская статистика, хотя и закрытая, противоречит этой версии. О социальном составе «лесных братьев» в Литве можно получить представление, например, на основании данных об осужденных Военным трибуналом войск НКВД–МВД Литовской ССР.

Согласно этим данным, за вторую половину 1944 г. Военным трибуналом были осуждены как «бандиты» 131 человек, из них по категории «кулаки» проходили всего 9 человек, тогда как 78 попали в категорию «крестьяне-середняки» и 29 — в «бедняки». В 1945 г. среди осужденных 2574 «бандитов» оказалось только 229 кулаков, а середняки и бедняки вместе составили почти 60 % осужденных по этой категории — 1293 и 226 человек соответственно. Любопытно, что среди осужденных «бандитов» 327 человек (12,7 %) принадлежали к социальной группе «интеллигенция». Во всяком случае, интеллигентов оказалось больше, чем кулаков. Среди другой категории осужденных («участники антисоветских организаций») доля представительства интеллигенции была еще больше — 23 % (275 человек из 1199 осужденных в 1945 г.). По этой же категории на середняков пришлось почти 39 % осужденных (466 человек), а крестьян-бедняков было столько же, сколько интеллигенции (275 человек). Кулаки вновь остались в меньшинстве: среди членов организаций их оказалось всего 64 человека, или 5,3 %. Кулаков «обогнали» даже учащиеся школ и студенты — 96 человек осужденных как члены организаций²⁷.

В 1946 г. количество осужденных по всем категориям уменьшилось (973 человека были осуждены как «бандиты» и 563 — как «участники организаций»), однако социальный состав осужденных остался прежним и в том же соотношении: среди осужденных как «бандиты» 84 % составили середняки и бедняки, кулаки — 4,8 %, интеллигенты — 11 %. Среди членов антисоветских организаций 59 % пришлось на крестьян-середняков, 17 % — на бедняков, 10 % — на интеллигенцию, 5,3 % — на кулаков и 4,4 % — на учащихся²⁸.

Статистика Военного трибунала помимо указанных фиксировала и другие категории осужденных — «пособники», «шпионы», «полн-

²⁶ См., например: Протокол № 5 заседания Бюро ЦК ВКП(б) по Литве от 24 мая 1945 г. — РГАСПИ. Ф. 597. Оп. 1. Д. 24. Л. 109.

²⁷ Подсчитано на основании источника: Докладная записка председателя Военного трибунала войск МВД Литовской ССР подполковника Халаявина. 1947 г. — Там же. Д. 32. Л. 78–79.

²⁸ Там же. Л. 79.

пейские», «старосты». Однако и они не подтверждали тезиса о кулацком составе литовского движения сопротивления и антисоветской оппозиции в целом. Получалось, как следовало из выводов председателя Военного трибунала полковника Халявина, что 7,5 % «классово чуждого элемента» (помещики, кулаки, духовенство) «умели вовлечь на свою сторону 92,5 % трудового населения» — крестьян, кустарей, учащихся и интеллигенции²⁹. К слову, помещиков за все три года набралось всего 5 человек. Тем не менее их по инерции включали в статистические справки, руководствуясь, по всей видимости, той же установкой (или неосознанным желанием) обязательно подвести антисоветское сопротивление в Литве под мотивацию классовый борьбы.

«Лесные братья» в Латвии и Эстонии рекрутировались тоже преимущественно из крестьян: в этом состав «лесного братства» во всех трех балтийских республиках был схожим. Вместе с тем движение сопротивления в Литве обладало еще одной особенностью. Эта особенность заключалась в активной поддержке повстанцев католической церковью. Среди участников и даже командиров партизанских групп в Литве было немало священнослужителей³⁰. Например, настоятель Валькининского прихода Бардишаускас руководил местной подпольной организацией «Союз литовских партизан», настоятель Гегужинского прихода Рудженис командовал партизанским батальоном³¹. Ксендз костела Кусас в Тарагском уезде возглавлял подпольную организацию «Борцы за свободу Литвы»³². Всего с августа 1944 г. по январь 1947 г. за связь с повстанческим движением в Литве было арестовано 103 ксендза³³.

В Латвии и Эстонии представители духовенства активной роли в повстанческом движении не играли. Это можно объяснить особенностями движения сопротивления в этих республиках, которое не достигло ни масштабов, ни накала борьбы, сравнимых с Литвой. Кроме того, сыграла свою роль политика «нейтрализации» церкви, проводимая советским режимом. В Латвии, например, советским спецслужбам удалось завербовать главу католической церкви митрополита Сприлговича, а оказавшихся более строптивыми иерархов лютеранской церкви во главе с епископом Ирбе арестовать и заманить на более лояльных. На официальном языке это называлось «со-

²⁹ Там же.

³⁰ Misiunas R. J., Taagepera R. *The Baltic States. Years of Dependence*. P. 84–85.

³¹ Яременко В. Повстанческое движение в СССР // <http://www.polit.ru/research/2005/03/29/revolt.html>

³² Информационный материал ГУББ МВД СССР о развитии повстанческого движения в 1946 г. 24 января 1947 г. — ГА РФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 709. Л. 28.

³³ Яременко В. Повстанческое движение в СССР // <http://www.polit.ru/research/2005/03/29/revolt.html>

ветизацией» церкви³⁴. Тем не менее и здесь были свои исключения: одну из самых влиятельных повстанческих организаций Латвии — Объединение защитников отечества (партизан) Латвии — возглавлял ксендз Антонс Юхневич (подпольный псевдоним «Виентулис»).

Крестьянское «лицо» вооруженного движения сопротивления в Прибалтике определялось и местом его дислокации: оно было в полном смысле слова движением «лесных братьев», т. е. развивалось почти исключительно в сельской местности. Попытки распространить активные формы сопротивления на города оказались в целом неудачными, особенно в крупных городах³⁵. Уездный город был той точкой, где власть партизан заканчивалась. И если можно говорить о складывании некоего «городского братства» по аналогии с «братством лесным», то эта аналогия будет довольно условной³⁶. В городе сопротивление советизации обрело иной характер, и в этом смысле тоже имело свое «лицо». Оно стало развиваться главным образом в ненасильственных формах, а на авансцену политической борьбы вышла учащаяся молодежь, объединившаяся в антисоветские кружки и группы. Социальный состав участников во многом повлиял на характер национального сопротивления в городах, придав ему более цивилизованные формы. Однако не только «интеллигентство» как социальный фактор сыграло здесь свою роль. Наличие мощных силовых структур и относительная устойчивость институтов власти в городах делали вооруженное сопротивление здесь просто бессмысленным.

Города были опорными пунктами советской власти. В сельской местности ситуация, особенно в первое время после окончания военных действий, складывалась не столь однозначно. Поэтому, пока советская власть была еще не везде, сельский житель по сравнению с городским обладал одним, пусть временным и иллюзорным, но преимуществом — ему было куда бежать. Часто повод для бегства давали сами местные власти. Их некомпетентность и злоупот-

³⁴ Докладная записка председателя Бюро ЦК ВКП(б) по Латвии В. Рязанова «О политическом и хозяйственном положении в Латвийской ССР и работе партиорганизации республики среди населения». 1946 г. — РГАСПИ. Ф. 600. Оп. 1. Д. 11. Л. 73–75.

³⁵ Даже в Литве попытки организовать подпольные центры в Вильнюсском и Каунасском районах — около самых крупных городов республики — потерпели неудачу, несмотря на поддержку из «леса» (Gaškaite-Zemaitienė N. The Partisan War in Lithuania from 1944 to 1953. P. 41).

³⁶ Март Лаар рассматривает в качестве «городских братьев» участников движения гражданского неповиновения — интеллигенцию и учащуюся молодежь, которые в отличие от вооруженного сопротивления «лесных братьев» предпочли ненасильственные формы борьбы. См.: Laar M. The Armed Resistance Movement in Estonia from 1944 to 1956. P. 220–221.

ребления, умноженные на вынесенный еще с довоенных времен страх населения, заставляли многих переходить на нелегальное положение.

Представление о настроениях балтийского населения дают следующие зарисовки из повседневной жизни Латвии 1945 г.

Сначала на территорию республики вступили части Красной армии. После этого в сводках время от времени стали появляться сообщения вроде пришедшего в мае 1945 г.: «Во всех волостях зарегистрированы случаи грабежа местного населения и изнасилования женщин, также ежедневно поступает по нескольку жалоб в волисполкомы на то, что лица, одетые в красноармейскую одежду, и репатрируемые угоняют принадлежащий местному населению скот. В ряде волостей лошадьми воинских частей травятся поля, все это отражается на политико-моральном настроении населения. Хотя командованием принимаются суровые меры, но пока эти явления не ликвидированы»³⁷.

Кто были эти «лица, одетые в красноармейскую одежду» — действительно красноармейцы или обычные уголовники, маскирующиеся под красноармейцев, — не суть важно. Не столь важно также и то, что данная практика была вовсе не повсеместной. Важно другое: в глазах местного населения человек в красноармейской форме стал олицетворять угрозу.

Власть, которую принесла с собой Красная армия, тоже не сулила ничего хорошего. Поэтому любые ее мероприятия, независимо от их конкретного содержания, воспринимались балтийским населением как направленные против него, во всем виделся подвох. Стоило, например, в одном из уездов Латвии объявить о явке всего мужского населения в возрасте от 16 до 60 лет на сборные пункты «для проверки», немедленно распространился слух, что «собранные на пункты для проверки мужчины будут расстреляны или сосланы в Сибирь на каторгу». По другой версии, эта акция была оценена как «тотальная мобилизация в Красную армию для войны против Англии и Америки»³⁸. Нетрудно догадаться, что часть мужчин предпочла не проверять эти слухи на собственном опыте, а просто отправилась «в бега».

Лицо советской власти представляли ее органы на местах. Собственно, для крестьянина советская власть начиналась и заканчивалась в волисполкоме. Местные начальники, со своей стороны, нередко позволяли себе «вольности» такого рода:

«Дагдинский волисполком Даугавпилского уезда 3 февраля 1945 г. принял решение, которым установил, что лица, не выполняющие

³⁷ Информация СНК Латвийской ССР. 21 мая 1945 г. — РГАСПИ. Ф. 600. Оп. 1. Д. 4. Л. 43.

³⁸ Информация СНК Латвийской ССР. 17 мая 1945 г. — Там же. Л. 10.

распоряжений волисполкома, будут подвергаться штрафу и высылаться в исправительные лагеря.

Председатель Туркалнского волисполкома Баусского уезда распоряжением от 25 февраля 1945 г. объявил всех крестьян, приступивших к сдаче молокопоставок, вредителями, хотя им еще не были вручены обязательства по молокопоставкам.

Председатель Апненского волисполкома Валкского уезда в своем циркуляре указал, что граждане, не выполняющие его указаний, "будут отданы под суд военного трибунала".

В Бедедзской волости Валкского уезда имел место такой факт, когда вооруженные мужчины гнали под конвоем в лес крестьян, вышедших на лесозаготовку³⁹.

Практика угроз становилась обычным стилем работы местных органов власти: крестьян то и дело запугивали судом и прочими карательными санкциями, строптивых или просто неинформированных объявляли «вредителями» и «врагами народа» и сулили передать их дела «компетентным органам». Доходило до курьезов. Председатель одного волисполкома решил провести спортивный кросс, в котором должны были принять участие все граждане от 13 до 26 лет. Чтобы население отнеслось к этой инициативе со всей серьезностью, председатель на всякий случай предупредил, что не явившиеся на кросс «будут наказаны по закону военного времени»⁴⁰.

Эти и подобные им злоупотребления выявляли прокурорские проверки. Совнарком и ЦК компартии Латвии 25 апреля 1945 г. приняли специальное постановление «О фактах грубого нарушения социалистической законности в республике». Но ситуация от этого практически не менялась. Прокурор А. Мишутин жаловался, что в исполкомах установился «вредный уклон» — не рассматривать протесты прокурора⁴¹. Председатель Бюро ЦК ВКП(б) по Латвии В. Рязанов на очередной сводке о злоупотреблениях сердито написал: «Т. Калнберзину! Наши письма, очевидно, действуют плохо. Придется, мне кажется, строго наказывать людей за подобные безобразия»⁴². Над особо злостными «нарушителями соцзакопности» проводились показательные суды: один из них был организован, например, в Мадонском уезде, где председатель волисполкома добивался выполнения хлебопоставок с помощью оружия и издевательств над крестьянами.

Аналогичным образом выглядело положение дел в Эстонии и Литве. В первые послевоенные годы республиканским властям не

³⁹ Докладная записка прокурора Латвийской ССР А. Мишугина. 4 апреля 1945 г. — РГАСПИ. Ф. 600. Оп. 1. Д. 10. Л. 52–53.

⁴⁰ Докладная записка прокурора Латвийской ССР А. Мишугина. 12 июля 1945 г. — Там же. Д. 10. Л. 101.

⁴¹ Там же. Л. 105.

⁴² Там же. Л. 153.

удавалось взять ситуацию на местах под свой контроль. Даже если случаи самоуправства местных чиновников выявлялись и осуждались, заменить их было практически некем. На место проштрафившегося начальника приходил новый, такой же — и все повторялось сначала. Крестьяне в результате оставались опять один на один с произволом местных властей. И если им оставалось откуда-то ждать помощи, то только из «леса». Не случайно поддержка партизанского движения местным населением была массовой.

Помимо «лесных братьев» существовала еще одна надежда — поддержка извне, от стран Запада. «Придут американцы — и все будет по-старому» — эта присказка, точнее, самоубеждение, то и дело проскальзывало в разговорах, помогая людям жить и надеяться на лучшее. Подобные настроения были особенно сильны в первые послевоенные годы. Убеждение, что после победы над Германией начнется раздор между СССР и союзниками, а потом и война, рождало у балтийского населения иллюзию неперемennого восстановления старых порядков с помощью США и Великобритании.

Летом 1945 г. в Латвии ходили, например, такие слухи:

«За последнее время в Риге усилились провокационные слухи о роли Англии и Америки в создании “независимой” Латвии... 16 сентября какими-то неизвестными лицами в Риге были распространены слухи о том, что в Двинск прибыли представители английского правительства, которые будут принимать управление Латвией. В связи с этим советская власть долгие существовать не будет и Красная армия оставит латвийскую территорию. Некоторые жители намеревались пойти встречать англичан на Двинское шоссе.

...Преподаватель основной школы Бирсонс Артур в беседе заявил, что он лично видел, как по шоссе Рига-Взморье прошли 7 автомашин, украшенных национальными латышскими флагами, в которых сидели английские офицеры и лица, одетые в офицерскую форму бывшей латвийской буржуазной армии. Население якобы выходило на дорогу и забрасывало машины цветами.

...Владелец хутора Карклини (Рижский уезд), будучи в Риге, увидел идущий по реке Западной Двине пароход, начал уверять присутствующих граждан, что на этом пароходе плывут английские войска»⁴³.

О скорой войне западных держав против СССР шептались и в Эстонии. Накануне выборов зимой 1946 г. какой-то военнослужащий рассказывал, что во время своего отпуска он был в деревне и встречался там с людьми, «скрывающимися в лесу». «От них, — заявил он, — я узнал, что они по радио слышали о том, что против России скоро выступят четыре страны: Англия, Америка, Швеция и

⁴³ Информационная записка уполномоченного НКВД-НКГБ по Латвии генерал-лейтенанта А. П. Бабкина. 9 сентября 1945 г. — Там же. Л. 146.

Турция. Уже сейчас эти страны предъявили СССР ультиматум, заключающийся в том, чтобы советское правительство не проводило выборов в Верховный Совет в странах Прибалтики и до выборов, т. е. до 10 февраля 1946 г., чтобы русские ушли из Эстонии, в противном случае эти страны объявят войну Советскому Союзу»⁴⁴.

Однако проходило время — а война «за Прибалтику» все не начиналась⁴⁵. Тем не менее стоило вспыхнуть какому-нибудь конфликту между Советским Союзом и странами Запада, в Прибалтике сразу вновь появлялись слухи о скорой войне. Например, в связи с начавшейся блокадой Берлина в 1948 г. советские спецслужбы Эстонии зафиксировали: «Враждебные элементы распускают среди населения слухи о том, что якобы в ближайшее время начнется война между Советским Союзом и США. Особенно эти слухи отмечаются в сельской местности. В Вырумаском уезде, например, распространился слух, что будто бы русские войска окружили Берлин, а английские и американские военные части, в свою очередь, окружили части Советской армии и сейчас ожидают приказа к открытию военных действий»⁴⁶.

Надежда на помощь Запада служила серьезным стимулом для развития повстанческого движения⁴⁷. Более того, многие повстанческие организации и группы видели свою задачу главным образом в том, чтобы «подготовить почву» для прихода англичан или американцев и «продержаться» до этого момента. Ситуация эта была особенно характерной для Эстонии и Латвии. Однако и в Литве партизаны активно использовали «фактор Запада» для поддержания боеспособности своих отрядов и мобилизации новых сил.

Так, в одной из листовок, распространяемых от имени президиума Союза литовских эмигрантов в мае 1945 г., говорилось (перевод с литовского):

«Литовцы! Уже близок час освобождения... Не может быть между СССР, Англией и Америкой сердечной дружбы. После капитуляции Германии перед союзниками поставлен вопрос — война с СССР. Союзники хорошо знают большевиков... Американцам

⁴⁴ Справка заместителя начальника ОКР «Смерш» КБФ полковника Шварцмана о настроениях среди гражданского населения и военнослужащих в Эстонии. 8 февраля 1946 г. — РГАСПИ. Ф. 598. Оп. 1. Д. 8. Л. 51.

⁴⁵ О позиции стран Запада в отношении Прибалтики и ее инкорпорации в СССР подробнее см. в разделе 3.1. 3-й главы.

⁴⁶ Информация секретаря ЦК КП(б) Эстонии Н. Каротамма «О политических настроениях населения городов и уездов Эстонской ССР». 17 сентября 1948 г. — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 131. Д. 6. Л. 59.

⁴⁷ Vardys V. S. Lithuania under the Soviets. P. 88; Misiunas R. J., Taagepera R. The Baltic States. Years of Dependence. P. 85; Gaškaite-Zemaitienė N. The Partisan War in Lithuania from 1944 to 1953. P. 28.

известны массовые высылки и издевательства большевиков. Американцы заявляют, что придет время, когда НКВД и все пособники будут уничтожены...

Все убеждены, что в случае войны между СССР и союзниками произойдет три внезапности. Красная армия будет разбита и уничтожена. От Советского Союза будет отнята Прибалтика, Белоруссия и Украина. Эти государства получают независимость...»⁴⁸.

Как известно, обещанных «внезапностей» не случилось, и конфликт между СССР и его бывшими союзниками развивался уже по другим законам — по законам холодной войны. Советизация Прибалтики, как и в целом Восточной Европы, превратилась со временем в один из сюжетов идеологической войны между Советским Союзом и Западным миром, однако это была вовсе не та война, на которую рассчитывали повстанческие силы. Отсутствие реальной военной поддержки со стороны западных стран стало одной из главных причин сначала ослабления, а затем и прекращения вооруженного сопротивления политике советизации.

Для советского режима именно вооруженное сопротивление представляло наибольшую угрозу и было главным препятствием на пути осуществления планов по дальнейшему превращению Литвы, Латвии и Эстонии в «советские» республики. Мотивы сопротивления в данном случае не играли определяющей роли. По логике режима, любой человек с оружием в руках, если он не был милиционером, оперативником или красноармейцем, автоматически зачислялся в «бандиты». Отделить партизан от бандитов, повстанцев от уголовников порой действительно было весьма непросто. Оценивая криминальную ситуацию на Западной Украине и в Литве, Дж. Бурдс приходит к такому выводу: «Очевидно, что здесь существовало особое, хотя и не совсем исключительное взаимопроникновение социального бандитизма и антисоветского национального движения»⁴⁹. Уголовные бандиты нередко действовали «под партизан», чем серьезно компрометировали повстанческое движение в глазах населения. Партизанские лидеры, если в криминале были уличены члены отряда, стремились избавляться от таких людей и даже устраивали показательные суды над ними — в назидание остальным.

Трудности определения географии и масштабов распространения повстанческого движения и уголовного бандитизма в послевоенной Прибалтике связаны кроме того с несовершенством советского законодательства, не разделявшего антисоветское вооруженное сопротивление и уголовный бандитизм. Первоначально не фиксировала этой разницы и ведомственная статистика НКВД и НКГБ, рассмат-

⁴⁸ Листовка «Президиума Союза литовских эмигрантов». 15 мая 1945 г. — ГА РФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 440. Л. 233.

⁴⁹ Бурдс Дж. Указ. соч. С. 174.

ривая все антисоветские проявления в западных областях СССР как бандитизм⁵⁰. Юридическое разграничение политического и уголовного бандитизма появляется лишь в 1947 г., после того как было принято решение о разделении сфер деятельности МВД и МГБ по вопросу борьбы с бандитизмом.

Дж. Бурдс считает, что советское государство «умышленно смешивало принципиальную политическую оппозицию и насильственный уголовный террор», используя «борьбу с бандитизмом» как политическое орудие для утверждения заново советского государственного контроля на территории всей страны⁵¹. Это так, с одной лишь оговоркой: часто сама жизнь, реальная ситуация «подыгрывали» власти, смешивая политический и уголовный террор; порой под прикрытием борьбы партизан с «коллораборационистами» осуществлялся разбой, грабеж и убийства, а жертвами становились обычные люди, весьма далекие от какой бы то ни было «политики».

Чтобы понять, что представляла из себя «бандитская повседневность», например в Литве, достаточно полистать один любопытный документ — «Журнал учета бандпроявлений по Литовской ССР за 1946 г.». По виду — это обычная «амбарная книга», где от руки день за днем фиксировались происшествия, а в скобках дежурный указывал характер преступления — по той классификации, которая была тогда принята. Ценность этого документа — в его рутинности, которая в отличие от обобщающих справок позволяет получить информацию «из первых рук», от людей, которых мало заботили стиль и слог, а тем более соображения политкорректности. Они просто делали свою работу. Всего в журнале зафиксировано 1671 происшествие — с декабря 1945 г. по ноябрь 1946 г. Приведем несколько записей только за один месяц — с 30 декабря 1945 г. по 25 января 1946 г. — и только по одному уезду — Паневежскому:

«30 декабря 1945 г. в деревне Примагала у жены бойца истребительного батальона Кудрявичюс Антанаса 8 неизвестных бандитов, одетых в форму военнослужащих Красной Армии и форму немецкой армии, забрали лошадь с повозкой. Бандиты скрылись. — (Вооруженное ограбление).

⁵⁰ Юридическое определение бандитизма относится к числу наиболее устойчивых норм советского уголовного законодательства. Согласно ст. 59-3 УК РСФСР 1926 г. квалификация этого вида преступлений выглядела следующим образом: «...бандитизм, т. е. организация вооруженных банд и участие в них и в организуемых ими нападениях на советские и частные учреждения или отдельных граждан, остановка поездов и разрушение железнодорожных путей и иных средств сообщений и связи». В этой формулировке норма просуществовала вплоть до 1958 г., когда был принят новый закон об уголовной ответственности за государственные преступления.

⁵¹ Бурдс. Дж. Указ. соч. С. 181–182.

1 января в деревне Волоне три неизвестных бандита увели с собой, а затем расстреляли крестьян Гарнлайтис Алексаса и Каселюнис Пранаса. Поиск банды результатов не дал. — (Убийство).

В ночь на 2 января на территории Керкинавас волости бандгруппой в количестве 6 человек ограблен совхоз "Берклони", откуда бандитами уведены 2 лошади и взято 6 мешков зерна. Ведется поиск банды. — (Вооруженное ограбление).

В ночь на 4 января в деревне Гринкали неизвестные бандиты ворвались в дом председателя участковой избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет СССР местного жителя Маргузас Вацлавааса, избили его и предложили отказаться от выполнения этой работы, после чего скрылись. — (Избиение председателя учизбиркома).

В ночь на 4 января в деревне Марципишки неизвестная банда в 16 человек убила местных жителей, по национальности русских, Шекнову, Быстрову, ее сына 12 лет и Березова. — (Убийство).

11 января в деревне Болени неизвестная бандгруппа численностью 7 человек убила учительницу Баранускайте. В деревне Жлобинки эта же банда убила зам. председателя сельсовета Сацкунис. — (Теракт).

В ночь на 15 января в деревне Далоны бандгруппой численностью 5 человек убит крестьянин-новосел Юркевич Йозас. — (Теракт).

16 января в деревне Лупяли тремя неизвестными бандитами ограблен и убит крестьянин-средняк Милейка Ионас. — (Убийство).

20 января в деревне Ливонишки из дома гражданина Саватекас бандитами уведен 14-летний подросток, прибывший из восточных областей Советского Союза. — (Увод местных жителей).

22 января в имении "Колпа двор" двумя бандитами была уведена, а затем изнасилована и убита Янаскене Мариона. — (Убийство).

В ночь на 23 января в деревне Копелес неизвестными бандитами убита семья крестьянина-новосела в составе: Баранускайте Елены, ее сыновей Альфонсаса — 20 лет, Ализаса — 24 года, Повилааса — 19 лет, Витовуаса — 14 лет и дочери Ванды — 10 лет. Дом бандитами сожжен. — (Теракт)⁵².

Этот документ показывает, что по крайней мере на первичном уровне разница между уголовными и политическими преступлениями фиксировалась. Только принципы классификации были довольно странными: характер преступления определял не только его состав, но и, главным образом, субъект, т. е. жертва. Если жертвой преступления оказывался советский служащий или крестьянин-новосел, т. е. человек, участвовавший в «государственной программе», то оно квалифицировалось как террористический акт — политическое преступление. Если же аналогичное преступление совершалось по от-

⁵² Журнал учета бандпроявлений по Литовской ССР за 1946 год — ГА РФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 606. Л. 1-13.

ношению к обычному крестьянину, в этом случае оно считалось просто убийством, т. е. уголовщиной. Что касается преступников, то все они проходили по одной категории — «бандиты».

Смещение политического и уголовного террора происходило еще по одной причине: в Прибалтике, как и на Западной Украине, уголовная составляющая волны насилия была относительно невелика и по всем показателям (количеству преступлений, числу жертв и т. д.) уступала «политическому криминалу» (таблица 4.2.). Оценить общее количество совершивших уголовные преступления сложно в силу того, что милицейская статистика объединяла уголовников и «уклонистов» от службы армии в одну группу, что серьезно искажает общую картину. Поэтому за основу корректнее взять данные о количестве организованных групп, проходящих по разряду «антисоветских», «националистических», с одной стороны, и «уголовных» — с другой.

Таблица 4.2. Антисоветское повстанческое движение и уголовный бандитизм на территории СССР в 1946 году (по данным МВД СССР*)

	Запад- ные области УССР	Запад- ные области БССР	Литов- ская ССР	Латвий- ская ССР	Эстон- ская ССР	Другая терри- тория СССР	Всего по СССР
1	2	3	4	5	6	7	8
1. Ликвиди- ровано:							
1.1. Анти- советских формирова- ний и групп	415	43	88	22	7	67	642
1.2. Банд, связанных с нацпод- польем	337	59	375	288	110	27	1196
1.3. Уголов- ных банд	175	129	62	57	45	2427	2895
2. Ликви- дировано и изъято:							
2.1. Анти- советского элемента **, чел.	40 331	2281	10 946	4394	1675	8258	67 885

1	2	3	4	5	6	7	8
2.2. Уголовно-бандитского элемента, дезертиров и уклонившихся от службы в Советской армии, чел.	11 473	1196	1564	2087	2228	25 111	43 659
3. Зарегистрировано бандитских проявлений***	2095	271	2354	724	350	6066	11 860
4. Убито в результате бандитских проявлений, чел.	3062	250	2903	368	218	1500	8301

* При подготовке сводной таблицы сохранена терминология документа.

** В категорию «антисоветский элемент» были включены: «участники антисоветских националистических формирований и групп, организующих бандитизм; бандиты, связанные с националистическим подпольем; шпионы; диверсанты; террористы; немецкие ставленники и пособники», а также «другой антисоветский элемент».

*** В категорию «бандитские проявления» были включены: «террористические акты; диверсионные акты; нападения на совпарторганы и предприятия, объекты связи, железнодорожного и водного транспорта, совхозы, колхозы; нападения на бойцов войск МВД, Советской армии и истребительных батальонов; нападения на совпартактив; вооруженные ограбления отдельных лиц; убийства (кроме терактов); хищения оружия и взрывчатых веществ» и «другие бандпроявления».

Источник: ГА РФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 709. Л. 64-72.

Так, в 1946 г. из общего числа ликвидированных «антисоветских формирований и групп» (642) почти 65 % (415) приходится на Западную Украину. Литва, Латвия и Эстония вместе составили 18 %, причем из 117 антисоветских групп 88 пришлось на Литву. На всю остальную территорию СССР (за исключением Западной Белоруссии) пришлось чуть более 10 % «антисоветских формирований».

В то же время Прибалтика «обогнала» Украину по распространенности более мелких антисоветских объединений, проходящих по категории «банды, связанные с националистическим подпольем»: среди 1196 групп, ликвидированных в 1946 г. по всей территории СССР, 773 (65 %) пришлось на Литву, Латвию и Эстонию; на Западную Украину — 337 (28 %); другие республики СССР дали в совокупности лишь 2,2 % (27 групп).

Картина послевоенной уголовной преступности будет прямо противоположной: среди 2895 уголовных банд, ликвидированных в 1946 г. по стране в целом, 2227 (77 %) приходится на старые республики СССР, тогда как Западная Украина дает только 6 % от общего числа уголовных банд, а Прибалтика и того меньше — 5,6 %.

Несмотря на несовершенство статистических данных, они тем не менее позволяют увидеть довольно наглядно общие тенденции развития «криминального фона» в разных частях страны. Эти же данные убедительно доказывают, что главной проблемой на пути восстановления советских порядков в Прибалтике после войны стало национальное движение сопротивления. Уголовный бандитизм играл при этом скорее роль «сопутствующего» фактора и не имел большого распространения. Другое дело, что партизаны в своей борьбе с режимом нередко действовали как обычные уголовники, терроризируя население и не брезгуя разбоем и грабежом.

Так складывалась ситуация по всем трем балтийским республикам в целом. В то же время в каждой из них движение сопротивления отличалось определенной спецификой. У «лесного братства» было свое, национальное «лицо». Формироваться оно начало еще задолго до того, как в 1944 г. в Прибалтику вновь вступили советские войска.

История национальных военных формирований — основных сил будущего повстанческого движения — берет свое начало еще до войны, в период независимости. Основу этих сил составили не только национальные армии, но и отряды самообороны, патронированные военно-националистическими организациями — «Шаулис» («Стрелки») в Литве, «Айзсарги» («Защитники») в Латвии, «Кайтселит» («Гражданская гвардия») и «Омакайтсе» («Союз защиты») в Эстонии. Вместе с приходом советской власти и национальные армии, и военизированные организации были распущены. Однако немецкая администрация, нуждающаяся в местных силах поддержания порядка на оккупированной территории, восстановила отряды самообороны. Из них стали формироваться полицейские батальоны. Всего было создано 40 полицейских батальонов в Латвии, 45 — в Эстонии и 21 батальон — в Литве⁵³. Задуманные как силы по охране порядка, полицейские батальоны в дальнейшем привлекались и для несения

⁵³ Чернов В. Е., Шляхтунов А. Г. Прибалтийские Waffen-SS. Герои или палачи...? М., 2004. С. 86.

военной службы, и для этапирования военнопленных, а также в карательных экспедициях, особенно против еврейского населения⁵⁴.

Первоначально немецкое командование не планировало создавать на оккупированной территории национальные военные формирования, следуя указанию Гитлера, что «только немец вправе носить оружие»⁵⁵. Однако по мере усложнения ситуации на Восточном фронте, которая вынуждала привлекать дополнительные воинские силы, немецкие власти решились поступиться принципами и объявить сначала о привлечении латышей, литовцев и эстонцев на службу в вермахт, а затем и о формировании на оккупированных территориях специальных воинских подразделений, состоящих из представителей титульных наций. Эти подразделения стали именоваться *Waffen-SS* — национальными легионами. История создания *Waffen-SS* в Прибалтике наглядно продемонстрировала национальные особенности отношения к проблеме коллаборационизма и сопротивления «чужой» власти.

Фактически формирование легионов *Waffen-SS* в Прибалтике началось уже весной 1942 г., хотя решение вопроса о юридическом статусе национальных воинских подразделений заняло еще целый год⁵⁶. Несмотря на национальный состав батальонов, высшее командование должны были осуществлять немецкие офицеры, хотя допускалось привлекать на командные должности и офицеров бывших национальных армий. Легионы *Waffen-SS* предполагалось формировать на добровольной основе: считалось, что патристически настроенные литовцы, латыши и эстонцы непременно воспользуются возможностью вступить в национальные военные формирования. Для усиления пропагандистского эффекта со стороны немецкой администрации и поддерживающих ее органов местного самоуправления делались заявления, что национальные легионы будут использоваться только на «своей» территории для защиты собственных интересов и борьбы с партизанами.

Добровольцев вопреки ожиданиям оказалось немного: в Эстонии, например, едва набралось 500 человек, провалился призыв на добровольной основе и в Латвии⁵⁷. Тогда немецкому командованию пришлось объявить мобилизацию. Первая мобилизация больших успехов, правда, тоже не дала: в Латвии, например, удалось набрать таким образом лишь около 2,5 тыс. человек из запланированных 15 тыс.⁵⁸ Однако последующие мобилизации позволили в конце кон-

⁵⁴ Подробнее об этом см.: Чернов В. Е., Шляхтунов А. Г. Указ. соч. С. 72–86.

⁵⁵ Там же. С. 21.

⁵⁶ 10 февраля 1943 г. Гитлер подписал приказ о формировании «Латвийского добровольческого легиона СС».

⁵⁷ Чернов В. Е., Шляхтунов А. Г. Указ. соч. С. 34, 40.

⁵⁸ Там же. С. 40.

цов решить проблему формирования национальных легионов в Латвии и Эстонии. Так появились одна эстонская и две латышские дивизии Waffen-SS. Легионеры участвовали в боевых операциях на Восточном фронте, а кроме того в карательных акциях против партизан и мирных жителей. В последнем случае речь шла о действиях на «чужой» территории — в Новгородской, Ленинградской, Псковской областях, в Белоруссии, на Украине, в Литве⁵⁹. При наступлении Советской армии часть латышских и эстонских легионеров ушла вместе с немцами, а часть скрылась в лесах, составив, таким образом, костяк сил вооруженного сопротивления.

Иначе складывалась ситуация в Литве. Проект Waffen-SS потерпел там полный крах, как и сама идея создания национальных армейских подразделений под немецким командованием. Единственный национальный батальон — «Летуве» — был сформирован в Данциге из литовцев, вывезенных на работу в Германию, а потом перебросен в Литву. Что же касается проекта создания литовского национального легиона по образцу эстонского и латышского, то этот проект так и остался нереализованным. После объявления призыва в литовский национальный легион в марте 1943 г. литовцы не только не пошли служить туда добровольно, но и саботировали начатую мобилизацию — они просто уходили в леса⁶⁰.

Представители литовского самоуправления пытались убедить немецкую администрацию в том, что единственным выходом из «кризиса мобилизации» может стать разрешение создать собственную национальную армию под командованием литовских офицеров. Немецкие чиновники, со своей стороны, объясняли провал мобилизации ссылкой на «национальные особенности» литовцев, которые якобы вообще «не достойны чести» носить форму Waffen-SS⁶¹. Генеральный комиссар Литвы А. Рентельн, ответственный за проведение мобилизации, утверждал, что литовцам свойственна «недисциплинированность, инертность, трусость и лень»⁶². За поддержку «саботажа» были уволены со своих постов и арестованы некоторые лица из местной литовской администрации, а также авторитетные представители интеллигенции, которые рассматривались как духовные лидеры нации.

Компромисс тем не менее был найден. Случилось это весной 1944 г., когда фронт вплотную подошел к границам Литвы. Чтобы обеспечить быструю и успешную мобилизацию, от имени немецкой администрации было объявлено о разрешении сформировать литовские территориальные силы обороны, которые должны были вместе

⁵⁹ Чернов В. Е., Шляхтунов А. Г. Указ. соч. С. 75–77, 83–84.

⁶⁰ Штронас А. Указ. соч. С. 103.

⁶¹ Misiunas R., Taagepera R. The Baltic States. P. 58.

⁶² Чернов В. Е., Шляхтунов А. Г. Указ. соч. С. 29.

с немецкой армией бороться против вторжения Красной армии в Литву. Командующим национальными силами обороны был назначен генерал Повилас Плехавичюс — один из самых авторитетных высших офицеров Литвы. Генерал, известный своими патриотическими и антисоветскими настроениями, рассматривал территориальные силы обороны как основу будущей национальной армии, которая сможет сражаться на «два фронта» — и с немцами, и с русскими — за независимость Литвы.

В символический день 16 февраля 1944 г. — день независимости Литвы — Плехавичюс обратился к соотечественникам с призывом вступать в территориальные части. В течение нескольких дней на призыв генерала откликнулись более 30 тыс. человек⁶³. Однако, как только мобилизация была завершена, немецкое командование издало приказ о переподчинении подразделений Плехавичюса и включении их в состав *Waffen-SS*.

Плехавичюс отказался подчиниться такому приказу и объявил о роспуске территориальных сил обороны. В результате сам генерал вместе со штабом был арестован и отправлен в концентрационный лагерь «Саласпилс» в Латвии⁶⁴. При проведении разоружения территориальных сил обороны в ряде мест литовцы оказали немцам вооруженное сопротивление: в Каунасе бой продолжался трое суток⁶⁵. Потом начались репрессии: 100 солдат-литовцев были казнены, около 3,5 тыс. отправлены служить в «Люфтваффе» для аэродромного обслуживания. Однако большинству — примерно 30 тыс. человек — удалось скрыться в лесах, причем вместе с оружием⁶⁶. Они станут потом главной силой повстанческой армии Литвы. Это была, конечно, не профессиональная армия, но и новичками в военном деле солдаты «армии Плехавичюса» не были. Тем более, что за генералом, а потом и в леса последовала и значительная часть литовского офицера, уцелевшая после советских и немецких репрессий. Во всяком случае, надеяться на то, что эти люди ушли в лес, чтобы просто «отсидеться», не приходилось. Они ушли с тем, чтобы продолжить борьбу.

В Литве советский режим столкнулся с тем, что принято называть партизанской войной. По масштабам, степени организации, жест-

⁶³ Штромас А. Указ. соч. С. 103.

⁶⁴ После того как части Красной армии взяли Ригу, генерал Плехавичюс был переведен в другой лагерь — уже на территории Германии. Потом он находился в лагере для перемещенных лиц. Советские спецслужбы предпринимали усилия, чтобы выкрасть генерала и переправить его в СССР, однако эти попытки закончились неудачей. В 1949 г. Плехавичюсу удалось эмигрировать в США. Он умер в 1973 г. в возрасте 84 лет (Lithuania: Past, Culture, Present. Vilnius, 1999. P. 192).

⁶⁵ Чернов В. Е., Шляхтунов А. Г. Указ. соч. С. 32.

⁶⁶ Штромас А. Указ. соч. С. 103.

кости прогностования повстанческое движение в Литве сопоставимо только с аналогичным движением на Западной Украине. Наличие организационных структур и руководящего центра (или центров) является одним из главных признаков, позволяющих отличить повстанческое движение от «партизанщины». В Литве такая организация была.

Первой организационной структурой, поставившей перед собой задачу добиваться восстановления независимости Литвы, был ВКОЛ — Высший комитет освобождения Литвы (VLIK — Vyriausiasis Lietuvos Išlaisvinimo Komitetas). Комитет был создан в ноябре 1943 г. и занимался в основном пропагандистской работой, призывая, например, оказывать пассивное сопротивление немецкой администрации, как это было в период бойкота кампании по мобилизации литовцев в национальный легион. Члены ВКОЛ поддержали идею формирования территориальных сил обороны под командованием генерала Плехавичюса, однако после того, как генерал и его штаб в мае 1944 г. подверглись аресту, ВКОЛ тоже попал под волну репрессий: часть его членов была арестована, остальные бежали за границу⁶⁷. Там они пытались наладить связь с влиятельными эмигрантскими кругами, а также представителями администрации и журналистами. В то же время их деятельность уже не имела существенного влияния на развитие ситуации в самой Литве, где к тому времени разгорелась настоящая партизанская война.

Главной действующей и организационной силой в этой войне стала ЛЛА — Литовская освободительная армия (LLA — Lietuvos laisvės armija). ЛЛА возникла в июне 1941 г. как организация, руководящая антисоветским восстанием в тылу Красной армии. После прихода немцев ее деятельность была приостановлена и возобновилась вместе с созданием территориальных сил обороны. Однако на авансцену ЛЛА вышла только в июле 1944 г., когда в Литву вновь вошли советские войска.

ЛЛА не имела единого командования и управлялась через региональные штабы. Организационная структура ЛЛА делилась на два сектора — оперативный (или действующий) и организационный. В оперативный сектор входили собственно партизанские соединения и отряды, члены которых находились на нелегальном положении. Те, кто обслуживал организационный сектор, жили легально, в их обязанности входили разведка и материальное обеспечение партизан⁶⁸. Всего было организовано 7 территориальных округов, позднее к ним добавились еще два⁶⁹.

⁶⁷ Gaškaite-Žemaitienė N. The Partisan War in Lithuania from 1944 to 1953. P. 26.

⁶⁸ Докладная записка и.о. начальника ГУББ МВД СССР полковника Полякова о борьбе с повстанческим движением в 1946 г. 24 января 1947 г. — ГА РФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 709. Л. 18.

⁶⁹ Gaškaite-Žemaitienė N. The Partisan War in Lithuania from 1944 to 1953. P. 28–29.

Жизнь боевых отрядов ЛЛЛ была организована по армейскому принципу: бойцы-партизаны приносили присягу, должны были подчиняться уставу, по возможности носили военную форму (в основном форму старой литовской армии), в подразделениях были введены командные должности и знаки различия. У партизан были свои печатные издания — не только листовки, но и газеты. Самая известная из них — «Колокол свободы» — выдержала 176 выпусков на протяжении с 1946 по 1953 г. Тираж некоторых партизанских изданий доходил до 5 тыс. экземпляров. Издавалась даже одна газета на русском языке — «Свободное слово», где партизаны разъясняли русскоязычному населению цели своей борьбы, а также предупреждали о карательных санкциях за «коллаборационизм»⁷⁰.

Благодаря организации, активным действиям, а также из-за слабости советских органов власти на местах партизанам удавалось держать под своим контролем целые районы, особенно в южной Литве. Ситуация начала меняться только в 1946 г., когда силам МВД и МГБ удалось ликвидировать фактически все основные территориальные штабы ЛЛЛ. Однако движение сопротивления после этого не прекратилось — оно раздробилось организационно и сменило тактику.

Попытки создать координационный центр движения и единую организацию предпринимались лидерами повстанцев неоднократно. Эта задача решалась в двух основных направлениях: во-первых, в результате «укрупнения» и объединения партизанских районов, а во-вторых, путем формирования специальных организационных структур по типу ВКОЛ. В мае 1946 г. два партизанских территориальных союза объединились в один, создав так называемый Южный партизанский район⁷¹. В июне 1946 г. появилась подпольная организация, претендующая на руководство движением сопротивления, как активным, так и пассивным, на территории всей Литвы: Объединенное демократическое движение сопротивления — БДПС (BDPS — Bendras Demokratinio Pasipriešinimo Sąjūdis)⁷². Руководящим органом БДПС стал президиум. Однако выполнить свою задачу БДПС так и не смогло: о существовании организации почти сразу стало известно МГБ, советским спецслужбам удалось внедрить в ее руководящие структуры своих агентов, в том числе и из рядов влиятельных лидеров движения сопротивления, самым известным из них был Юозас Маркулис. Начались аресты среди активистов и руководителей подполья⁷³.

⁷⁰ Ibid. P. 33–34.

⁷¹ Ibid. P. 31.

⁷² Misiunas R., Taagapera R. The Baltic States. P. 87.

⁷³ Gaškaite-Zemaitienė N. The Partisan War in Lithuania from 1944 to 1953. P. 32.

От БДПС отделилось активное крыло, сторонники активного сопротивления стали именовать себя «Движением борцов за свободу». Признанным лидером движения стал руководитель одного из региональных партизанских объединений капитан Ионас Жемайтис. В ноябре 1948 г. на встрече командиров партизанских соединений запада и востока Жемайтис был избран руководителем всех партизанских вооруженных сил и одновременно председателем президиума БДПС.

В начале 1949 г. впервые состоялась встреча партизанских лидеров всех районов. Она длилась 10 дней — с 10 по 20 февраля. На этой встрече было провозглашено создание новой подпольной повстанческой организации ЛЛКС — Литовского движения борцов за свободу (LLKS — Lietuvos Laisvės Kovos Sąjūdis). На встрече обсуждались цели, принципы и перспективы движения, а также практические вопросы, связанные с военным обучением партизан, образованием, ведением пропагандистской работы и т. д. Тогда же было оговорено, что руководящими органами ЛЛКС станут совет и его президиум.

В заявлении ЛЛКС, обнародованном 16 февраля, в день независимости Литвы, объявлялось, что Совет ЛЛКС является «высшей политической властью нации», руководит борьбой за свободу, а после окончания оккупации его задача будет заключаться в формировании временного правительства Литвы и проведении демократических выборов⁷⁴.

В одном из программных документов ЛЛКС было также заявлено, что «Литва с 15 июня 1940 г. находится на военном положении». Партизанские соединения объявлялись силами обороны Литвы. Тогда же был избран Президиум Совета ЛЛКС. Его главой стал Ионас Жемайтис, представляющий партизан запада. От южных партизан в Президиум был избран Адольфас Раманаускас, от восточных — Юозас Зибайла⁷⁵. Еще один партизанский командир — Юозас Лукаша — отвечал за налаживание связей ЛЛКС с внешним миром, был своего рода полномочным представителем ЛЛКС на Западе.

Таким образом была создана единая организационная структура движения сопротивления, однако осуществлять свою координирующую функцию в полном объеме эта структура так и не смогла. Повстанческое движение в Литве к тому времени уже прошло свою высшую точку, и активность партизан заметно ослабла. Антипартизанские акции властей, налаживание широкой агентурной сети и укрепление советских органов на местах серьезно затрудняли коммуникацию внутри повстанческих сил. Совет ЛЛКС практически не собирался. В марте 1950 г. Президиум ЛЛКС разделился на три тер-

⁷⁴ Gaškaite-Zemaitienė N. The Partisan War in Lithuania from 1944 to 1953. P. 39.

⁷⁵ Ibid.

риториальные секции — для обеспечения более оперативного руководства партизанским движением. Связь между представителями Совета осуществлялась не напрямую, а через Бюллетень Совета ДЛКС⁷⁶.

Специальные подразделения МГБ целенаправленно занимались поиском и изоляцией лидеров повстанцев. Ю. Лукша был убит в результате спецоперации в октябре 1950 г., после того, как он вернулся из США. В начале 1953 г. погибли Ю. Зибайла и несколько других партизанских командиров. В мае 1953 г. в своем бункере был арестован и переправлен в Москву И. Жемайтис. Его расстреляли в ноябре 1954 г. Дольше других удалось продержаться на свободе А. Раманаускасу — он был арестован в 1956 г. и расстрелян в ноябре 1957 г.⁷⁷ Последние аресты проходили уже после того, как партизаны фактически сложили оружие: приказ о прекращении вооруженного сопротивления А. Раманаускас отдал еще в 1952 г.⁷⁸

Литовские партизаны — единственные из «лесных братьев» Прибалтики, кому удалось создать организацию, руководящую деятельностью вооруженного подполья в национальных масштабах. Движение сопротивления в Латвии и Эстонии не обладало ни человеческим, ни организационным ресурсом, сопоставимым с литовским.

В Латвии формирование партизанских отрядов проходило по двум основным линиям. В первом случае ядром партизанских формирований стали диверсионные группы, подготовленные немцами для деятельности в советском тылу⁷⁹. Наиболее известные из них — группы «Лесные кошки» («Waldkatzen») и «Охотники» («Jagdkommands»). Это были хорошо вооруженные и обученные отряды, из них потом создавались ударные силы партизан-боевиков, а руководители групп становились партизанскими командирами, в их числе П. Суппе, Я. Пормальс, А. Фельдбергс⁸⁰. Однако большинство партизанских соединений возникало стихийно, рекрутируя свой состав главным образом из людей, бежавших от мобилизации в Красную армию⁸¹.

В 1944–1945 гг. в Латвии насчитывалось несколько партизанских организаций, которые объединяли партизанские группы в пределах конкретного района. На востоке, в Латгалии, действовала организация ОЗОПЛ — «Объединение защитников Отечества (партизан Латвии)» (LTSA) под руководством ксендза Антонса Юхневича. Се-

⁷⁶ Ibid. P. 39–40.

⁷⁷ Ibid. P. 42–44.

⁷⁸ Цитромас А. Прибалтийские государства. С. 104; Яременко В. Повстанческое движение в СССР // <http://www.polit.ru/research/2005/03/29/revolt.html>

⁷⁹ История Латвии. XX век. С. 340.

⁸⁰ Strods H. The Latvian Partisan War between 1944 and 1956. P. 151.

⁸¹ История Латвии. XX век. С. 341.

вер находился под влиянием НОПЛ — «Национального объединения партизан Латвии» (LNPA), одним из руководителей этой организации был Петерс Суппе. Своя «Организация национальных партизан» существовала в северной Курляндии, ею руководили Б. Янкавс и А. Фельдбергс. На юге Курляндии обосновались партизаны, именовавшие себя «Орлы Отечества» (“Tēviņas Vānagi”)⁸².

Из всех этих организаций наиболее влиятельными и структурированными были ОЗОПЛ и НОПЛ. Организации имели свой устав, партизаны принимали присягу, отряды строились по армейскому принципу. Руководящим центром ОЗОПЛ был президиум, состоящий из 13 человек. В уставе провозглашалось, что основными задачами ОЗОПЛ являются «борьба против советской власти и установление независимой Латвии». Партизаны издавали свою газету — «Защитник Отечества». Население, живущее легально, привлекалось в группы «народной взаимопомощи», которые должны были снабжать партизан продовольствием, одеждой, а также поставлять необходимую информацию. Была у ОЗОПЛ и своя молодежная секция — «Молодой орел». В ее задачи входила организация кружков и групп среди учащихся средних и высших учебных заведений. Подобная структура была и у НОПЛ — «Молодежная организация партизан свободной Латвии»⁸³.

Руководители ОЗОПЛ пытались объединить все партизанские силы на территории Латвии или хотя бы договориться о координации действий с другими повстанческими формированиями. Лидер НОПЛ Суппе был включен в президиум ОЗОПЛ. Между обеими организациями в начале 1946 г. было заключено соглашение о бойкоте выборов в Верховный Совет СССР⁸⁴. Однако дальше продвинуться по пути объединения сил и создания единой организационной структуры повстанцам так и не удалось — ни тогда, ни позднее⁸⁵.

В течение 1946 г. в результате проведения оперативных и военных операций силами МВД–МГБ все сколько-нибудь крупные подпольные организации, в том числе ОЗОПЛ и НОПЛ, а также главные партизанские силы Латвии были фактически разгромлены, лидеры повстанческого движения были либо убиты, либо арестованы⁸⁶.

⁸² Strods H. The Latvian Partisan War between 1944 and 1956. P. 152; История Латвии. XX век. С. 341–342.

⁸³ Докладная записка и.о. начальника ГУББ МВД СССР полковника Полякова о борьбе с повстанческим движением в 1946 г. 24 января 1947 г. — ГА РФ. Ф. 9478, Оп. 1. Д. 709. Л. 32.

⁸⁴ Там же. Л. 33.

⁸⁵ История Латвии. XX век. С. 342.

⁸⁶ Докладная записка и.о. начальника ГУББ МВД СССР полковника Полякова о борьбе с повстанческим движением в 1946 г. 24 января 1947 г. — ГА РФ. Ф. 9478, Оп. 1. Д. 709. Л. 39.

Партизанское движение в Эстонии отличалось самой слабой степенью организованности, там повстанцам так и не удалось создать ни одной подпольной организации, которая смогла бы руководить разрозненными партизанскими отрядами. Еще в период немецкой оккупации, в марте 1944 г., патриотическими кругами Эстонии был создан Национальный комитет Республики Эстония — подпольный орган, поставивший перед собой задачу добиваться восстановления независимости страны. Комитет работал в контакте с бывшим премьер-министром Эстонии Юри Улуотсом. Главными союзниками и гарантами обретения суверенитета члены Национального комитета считали страны Запада. Поэтому свою работу они больше ориентировали вовне, добиваясь установления контактов с влиятельными западными политиками, тогда как на организацию сопротивления внутри страны направлялось гораздо меньше усилий. Нельзя сказать, что этот вид деятельности вообще игнорировался: так, приказ номер два, выпущенный от имени Комитета, содержал специальные инструкции по организации сопротивления в случае повторного советского вторжения⁸⁷. Однако дальше инструкций дело так и не двигалось.

Становлению организованных форм повстанческого движения в Эстонии помешали аресты среди лидеров оппозиции. Через месяц после создания Национального комитета, в апреле 1944 г., часть его руководителей и активных сторонников была арестована немецкими спецслужбами. Те же, кого не успели захватить немцы, потом попали в руки чекистов. Во время отступления немцы намеренно или просто в спешке «забыли» архивы, где содержалась информация об участниках национального движения сопротивления, их родственниках и друзьях. Дальнейшее становилось делом «техники». Были арестованы и отправлены в Москву оставшиеся в Эстонии члены Национального комитета, а также сформированного незадолго до прихода Советской армии национального правительства⁸⁸. Уцелевшие эмигрировали в Финляндию и Швецию, в их числе и «исполняющий обязанности президента» Эстонии Ю. Улуотс⁸⁹.

Центр эстонского национального сопротивления переместился, таким образом, в Швецию. Однако его практическая деятельность, больше представительская по своему характеру, не могла серьезно

⁸⁷ Laar M. The Armed Resistance Movement in Estonia from 1944 to 1956 // The Anti-Soviet Resistance in the Baltic States. Vilnius, 1999. P. 211.

⁸⁸ Национальное правительство Эстонии во главе с премьер-министром Отто Тийфом просуществовало всего 4 дня — с 18 до 22 сентября 1944 г., т. е. с того момента, как Таллин покинули немецкие войска, и до того, как туда вошли советские войска. Исполняющим обязанности президента стал Юри Улуотс.

⁸⁹ Юри Улуотс умер в Швеции, через несколько месяцев после того, как он покинул Эстонию.

повлиять на ситуацию в Эстонии, а тем более направлять и организовывать подпольную работу. И хотя Национальный комитет, находившийся теперь в Швеции, ставил перед собой задачу создания в Эстонии базы сопротивления и подготовки операций «по сигналу Запада», фактически его главной заботой стала организация переброски эстонских нелегалов на моторных лодках, минуя советские морские патрули⁹⁰.

«Лесные братья» в Эстонии действовали больше на свой страх и риск, их деятельность была разрозненной, а активность невелика и быстро сошла на нет. Тем не менее попытки скоординировать действия отдельных партизанских отрядов предпринимались. В течение 1945 и 1946 г. произошло объединение партизанских групп в уездах Лянемаа и Харьюмаа под командованием Энделя Редлиха. Позднее на этой основе возникла подпольная организация «Лига вооруженного сопротивления» — RVL (Relvastatud Võitluse Liit). Правда, несмотря на свое название, проведение каких-либо активных боевых действий «здесь и сейчас» Лига не планировала. Как говорилось в программных документах организации, ее цель заключалась в «подготовке вооруженного восстания против советского режима в тот момент, когда Англия и США начнут войну против Советского Союза или произойдет политический переворот в самом СССР»⁹¹. До этого руководство Лиги направляло свои усилия на политическое просвещение населения и создание агентурной сети по всей Эстонии. По оценкам М. Лаара, Лига могла насчитывать в своих рядах от 2000 до 5000 человек⁹². Ее деятельность распространилась и на ряд городов, в том числе Таллин, где удалось наладить контакт с молодежными группами сопротивления.

Движение сопротивления в Эстонии раньше, чем в Литве и Латвии, встало на путь ненасильственной борьбы, отдавая предпочтение тактике гражданского неповиновения.

4.2. Противостояние: этапы, тактика, жертвы

Национальное сопротивление в Прибалтике прошло в своем развитии несколько этапов. Точно так же политика Москвы по отношению к повстанческому движению в этом регионе не оставалась неизменной. Зависимость в данном случае была двоякой: решения Центра отражали реакцию властей на ситуацию в Прибалтике, однако и сама эта ситуация менялась в результате действий властей.

⁹⁰ Laar M. The Armed Resistance Movement in Estonia from 1944 to 1956. P. 212.

⁹¹ Ibid. P. 223.

⁹² Ibid. P. 225.

Эксперты, занимающиеся историей повстанческого движения в прибалтийских странах, обычно выделяют в его развитии два или три этапа. С. Вардис, например, полагал, что в Литве партизанское движение продолжалось в течение 8 лет и прошло две стадии: стадию усиления сопротивления (1944–1947) и стадию постепенного спада (1949–1952)⁹³. В более поздних исследованиях появилась тенденция доводить верхнюю границу активного сопротивления до 1953 г., иногда — до 1956 г., и выделять три периода в развитии повстанческого движения в целом. Так, Н. Гашкайте-Жемайтиене считает, что в Литве сопротивление «лесных братьев» прошло три стадии: 1) июль 1944 г. — май 1946 г.; 2) май 1946 г. — ноябрь 1948 г.; 3) ноябрь 1948 г. — май 1953 г.⁹⁴

Аналогичную схему периодизации, но уже по Латвии предложил Х. Стродс. По мнению историка, партизанская война в Латвии развивалась поэтапно: с июля 1944 г. по июль 1946 г. (первый период); с 1946 г. по 1948 г. (второй период) и с 1949-го по 1953 г. (третий период)⁹⁵. Характер и масштаб действий «лесных братьев» в Эстонии трудно назвать партизанской войной, здесь движение сопротивления в его активных формах было не столь выражено, как в Латвии и тем более в Литве. Однако и оно имело в своем развитии точки перелома и прошло свою высшую стадию примерно в то же время, как и в других республиках Прибалтики. М. Лаар, например, относит пик развития активности «лесных братьев» в Эстонии к 1945–1947 гг.⁹⁶

На разных стадиях повстанческое движение отличалось особой тактикой и методами борьбы, численностью активных участников и «сочувствующих», степенью организации и т. д. На активность партизан влияла политическая обстановка внутри страны и за ее пределами, что было особенно актуально в ожидании грядущего конфликта между СССР и странами Запада. Жизнь в лесах кроме этого не могла не зависеть от природного фактора, приобретая «сезонный характер»: партизанские действия активизировались в весенне-летний период, а с наступлением зимы переходили на тактику единичных вылазок. Исключения составляли акции, приуроченные к крупным политическим кампаниям, таким, как, например, выборы в Верховный Совет СССР в феврале 1946 г.

Партизанское сопротивление не могло существовать без поддержки населения: это была социальная опора движения и его экономический ресурс. Разрушение социальной базы партизанства в резуль-

⁹³ Vardys V.S. The Partisan Movement in Postwar Lithuania // Lithuania under the Soviets. New York, Washington, London, 1965. P. 85.

⁹⁴ Gaškaite-Žemaitienė N. The Partisan War in Lithuania from 1944 to 1953. P. 28.

⁹⁵ Strods H. The Latvian Partisan War between 1944 and 1956. P. 153–154.

⁹⁶ Laar M. The Armed Resistance Movement in Estonia from 1944 to 1956. P. 225.

тате экспроприации собственности и особенно депортаций стало одной из главных причин прекращения национального сопротивления в его активных, вооруженных формах. Не случайно 1949 год — год массовых депортаций — стал переломным в развитии повстанческого движения, после чего оно пошло на спад и вскоре прекратилось.

Особенностью начального периода развития повстанческого движения было наличие (в Литве и отчасти в Латвии) довольно крупных партизанских соединений — до 300–500 человек, которые вступали в столкновение с советскими войсковыми формированиями. В дальнейшем партизаны ввиду явного преимущества регулярных армейских сил и войск НКВД отказались от прямых столкновений с ними и перешли на тактику малых ударов, направленных прежде всего против советских активистов, а также на разрушение предприятий, совхозов и объектов инфраструктуры — мостов, железнодорожных узлов и т. д. Тактика малых ударов, а также соображения мобильности и стремление к самосохранению повлекли за собой раздробление относительно крупных отрядов на небольшие группы, которые иногда действовали в контакте между собой, но чаще всего автономно.

Москва не сразу оценила масштаб повстанческого движения в Прибалтике, а также связанные с ним политические риски. Политику Центра по отношению к феномену вооруженного сопротивления в балтийском регионе можно условно разделить на четыре периода: 1) лето 1944 г. — весна 1945 г.; 2) лето 1945 г. — 1946 г.; 3) 1947 г. — март 1949 г.; 4) март 1949 г. — 1952 г.

Первый этап, лето 1944 г. — весна 1945 г., приходится на военный период, когда Красная армия, освободив территорию Прибалтики от немецких войск, ушла дальше на Запад. Победоносное окончание войны и послевоенное устройство мира — главные проблемы, которые волновали тогда Кремль. События в Европе развивались столь стремительно, что *уже* освобожденная Прибалтика как решенный вопрос отошла в это время на второй план, вникнуть в суть происходящего там было просто недосуг. Предполагалось, что здесь события будут развиваться по сценарию, апробированному на других оккупированных Германией советских территориях: восстановление органов власти, подсчет ущерба, возвращение беженцев и т. д. Частью этого общего плана была «зачистка» освобожденных районов от остатков немецких воинских частей, диверсионных групп, а также бывших полицейских, охранников и других лиц, сотрудничавших с немцами. Решение этой задачи проходило по ведомству НКВД и НКГБ.

Так было везде. Однако уже к осени 1944 г. становится очевидно, что ситуация на западных границах СССР, на так называемых новых территориях, складывается не так, как предусматривал стандартный сценарий. Сопротивление восстановлению советских порядков там оказалось неожиданно более серьезным и активным, чем можно было ожидать от «остатков» немецких частей, полицаяв и «агентов».

Особенно большое беспокойство у руководства НКВД вызывало положение на Западной Украине и в Литве. В документах этого ведомства появляется новое понятие — «антисоветское подполье и его вооруженные банды». Это уже не «остатки» и отдельные «агенты», хотя и «подполье», и «банды» по-прежнему рассматриваются исключительно как детище германской разведки.

Именно так формулировал задачу нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия, когда 12 октября 1944 г. издал приказ «об очистке территории Литвы от антисоветского подполья и его вооруженных банд, созданных и оставленных германской разведкой». Справиться с проблемой, т. е. ликвидировать антисоветское подполье в Литве, предполагалось уже в 1945 г. Как оказалось, нарком делал слишком оптимистичные прогнозы.

На высшем государственном уровне проблема вооруженного сопротивления в Прибалтике до лета 1945 г., по-видимому, вообще не обсуждалась, во всяком случае, это обсуждение, если оно и было, не оставило документального следа. Косвенным подтверждением слабой информированности руководства страны о реальной ситуации в Прибалтике и игнорировании им рисков, связанных с фактором национального сопротивления, служат решения Оргбюро ЦК ВКП(б) от 30 октября 1944 г.

В октябре 1944 г. на заседаниях Оргбюро ЦК ВКП(б) были заслушаны отчеты первых секретарей ЦК компартий Эстонии, Литвы и Латвии о ситуации в республиках. В результате обсуждения отчетов с 30 октября по 3 ноября были приняты три постановления — по каждой республике в отдельности, но идентичные по содержанию и названию: «О недостатках и задачах в области политической работы партийной организации Эстонской ССР» (в другой редакции — соответственно Литовской ССР и Латвийской ССР)⁹⁷. Первым было принято решение по Эстонии, которое потом было распространено на две другие республики.

В решении ЦК ВКП(б) эстонское руководство критиковалось за ряд ошибок, в том числе и за недооценку борьбы с «националистами», однако это поле борьбы пока еще не причислялась к «передовой». «В Эстонской ССР еще не преодолено влияние эстонско-немецких националистов, ведущих и по сей день злобную пропаганду среди населения против русского народа и Красной армии за отторжение Эстонии от Советского Союза и реставрацию буржуазно-фашистских порядков», — говорилось в решении ЦК⁹⁸. Среди задач,

⁹⁷ Решения Оргбюро ЦК ВКП(б) — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 459. Л. 1–3; Д. 460. Л. 8–11; Д. 464. Л. 16–18.

⁹⁸ Постановление ЦК ВКП(б) «О недостатках и задачах в области политической работы партийной организации Эстонской ССР». 30 октября 1944 г. — Там же. Д. 459. Л. 1.

которые центральное руководство поставило перед республиканскими партийными властями — после «важнейших хозяйственно-политических» — на четвертой позиции значилось «усиление борьбы против буржуазных националистов»⁹⁹. Ни о каком «агитсоветском подполье» и тем более «его вооруженных бандах» в этом постановлении не было и речи.

Нет этих понятий и в решениях по Литве и Латвии. В тот момент партийное руководство в Москве не только не воспринимает ситуацию в Прибалтике как взрывоопасную, но и плохо представляет себе ее специфику в Литве в отличие от Латвии и Эстонии. Национальное сопротивление рассматривается в привычных рамках «фашистских провоков» и антирусских настроений. Возможность отторжения Прибалтики от СССР упоминается, но в контексте пропагандистских лозунгов о националистической оппозиции, а сама эта оппозиция не оценивается как серьезный политический противник. Борьба с ней по-прежнему считается не столько политической задачей, сколько делом НКВД и решается эта задача соответственно главным образом руками НКВД.

Между тем на территории Прибалтики, особенно в Литве, уже разворачивалась настоящая партизанская война. 1 декабря 1944 г. в НКВД СССР на базе существовавшего ранее отдела¹⁰⁰ создается Главное управление по борьбе с бандитизмом. Начальником ГУББ НКВД СССР стал комиссар госбезопасности 3 ранга А. М. Леонтьев. Задача ликвидации вооруженного сопротивления в западных регионах СССР была обозначена как одно из основных направлений деятельности ГУББ. Тогда же, в декабре 1944 г., появляется еще одна специальная структура — штаб для оперативного руководства войсковыми операциями по подавлению повстанческого движения в Прибалтике во главе с начальником внутренних войск НКВД Прибалтийского военного округа генерал-майором Головко.

На территории Литвы на борьбу с партизанами была брошена 4-я стрелковая дивизия — одно из наиболее боеспособных подразделений войск НКВД — ранее базировавшаяся на Северном Кавказе. Командовал дивизией генерал-майор П. Ветров, известный своим участием в операциях по выселению чеченцев, ингушей и крымских татар¹⁰¹. В Латвии действовала 5-я, а в Эстонии 63-я стрелковые дивизии¹⁰².

⁹⁹ Постановление ЦК ВКП(б) «О недостатках и задачах в области политической работы партийной организацией Эстонской ССР». 30 октября 1944 г. — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 459. Л. 3.

¹⁰⁰ Отдел по борьбе с бандитизмом был создан в апреле 1941 г. при Главном управлении милиции НКВД СССР.

¹⁰¹ Яременко В. Повстанческое движение в СССР // <http://www.polit.ru/research/2005/03/29/revolt.html>

¹⁰² Anušauskas A. A Comparison of the Armed Struggles for Independence in the Baltic States and Western Ukraine // *The Anti-Soviet Resistance in the Baltic States*. P. 66.

Их главной тактикой стало проведение чекистско-войсковых операций: прочесывание леса, организация облав и блокад мест дислокации партизанских отрядов. С июля по декабрь 1944 г. в результате чекистско-войсковых и оперативных мероприятий потери среди «лесных братьев» и прочих участников антисоветского сопротивления¹⁰³ составили: в Литве 1826 человек убитыми, в Латвии — 37, в Эстонии — 14 человек¹⁰⁴. За тот же период было арестовано в Литве 5429, в Латвии — 992, в Эстонии — 1378 человек¹⁰⁵. Во время этих операций другая сторона¹⁰⁶ потеряла убитыми в Литве — 93, в Латвии — 24, в Эстонии — 5 человек¹⁰⁷.

В качестве вспомогательной силы в борьбе с партизанами стали использоваться так называемые истребительные батальоны и группы содействия из местного актива¹⁰⁸. Формирование истребительных батальонов началось в Литве по распоряжению Л. П. Берия, потом эта практика была распространена на Латвию и Эстонию. Держать под контролем регион с традиционно рассредоточенной системой расселения только силами НКВД было невозможно. Истребительные батальоны должны были участвовать в совместных с войсковыми частями акциях против партизан, а также заниматься охраной хозяйственных объектов и советских учреждений. По замыслу «оперативно-служебная деятельность» бойцов истребительных батальонов заключалась в следующем: «организация засад, секретов, патрулирование населенных пунктов, высылка разведывательно-поисковых групп, производство облав и прочесок вероятных мест укрытия бандгрупп, охрана КПЗ и других объектов»¹⁰⁹.

Истребительные батальоны рекрутировались из местного населения. Первоначально планировалось, что истребители, или «истреб-

¹⁰³ К последней категории помимо партизан относились «шпаны», «диверсанты», «пособники».

¹⁰⁴ Данные ГУББ МВД СССР «О ликвидации антисоветских националистических организаций, связанных с ними банд, участников организаций, бандитов, их пособников и укрывателей и другого антисоветского элемента» в 1944–1946 гг. — ГА РФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 764. Л. 15, 22, 28.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Имеются в виду потери среди личного состава войск, милиции, советского актива и бойцов истребительных батальонов.

¹⁰⁷ Справки о потерях при проведении операций на территории Литовской, Латвийской и Эстонской ССР за 1944 — январь 1947 гг. — ГА РФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 764. Л. 20, 27, 33.

¹⁰⁸ Впервые в ходе войны истребительные батальоны начали создаваться согласно постановлению СНК СССР от 24 июня 1941 г. «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе».

¹⁰⁹ Докладная записка начальника отдела НКВД Литовской ССР по борьбе с бандитизмом полковника Гусева. 28 февраля 1945 г. — ГА РФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 319. Л. 9.

ки», как вскоре стали их называть, будут осуществлять свою деятельность «на общественных началах» и «без отрыва от производства». Это означало, что крестьянина (а в составе батальонов были преимущественно крестьяне) в любой момент могли оторвать от хозяйственных работ и послать на «операцию». Кроме того, истребители на первых порах не освобождались от призыва в армию. В этих условиях кампания по формированию истребительных батальонов большого успеха не имела, даже невзирая на соблазн законно получить в руки оружие и стремление не ссориться с властями. Ситуация изменилась после того, как в декабре 1944 г. военный комиссар Литвы издал распоряжение об освобождении бойцов истребительных отрядов от призыва в Красную армию¹¹⁰.

До конца 1944 г. в Литве удалось сформировать 15 истребительных батальонов общей численностью 2442 чел., на 1 апреля 1945 г. число батальонов достигло 22, а численность бойцов возросла более чем втрое и достигла 11 013 человек¹¹¹.

Истребительные батальоны создавались по территориальному принципу: ядро находилось в уездном центре, а основной действующей единицей был взвод при волостном отделении НКВД. Первоначально взвод состоял из 10–12 человек, потом его численность была доведена до 30–50 человек. На вооружении истребительных батальонов находились автоматы и винтовки, выданные НКВД, а также трофейное оружие — немецкое и добытое у партизан. В начале 1945 г. две трети бойцов были переведены на казарменное положение. Однако с наступлением сезона полевых работ «казарму» ограничило ночным временем, а днем истребители могли заниматься хозяйственными делами: ЦК КП(б) Литвы, озабоченный возможностью срыва посевной кампании, принял специальное решение по этому вопросу¹¹².

Считалось, что таким образом бойцы истребительных батальонов могут находиться на самообеспечении. В действительности из подобного совмещения функций мало что получалось. «Бойцы истребительных батальонов являются местными крестьянами, — говорилось в одной из докладных записок, адресованных Берия. — Они оторваны от своих хозяйств, не имеют возможности заботиться о своих семьях и даже больше того, не получая регулярного питания,

¹¹⁰ Докладная записка «О состоянии и деятельности истребительных батальонов и групп содействия Литовской ССР». 4 апреля 1945 г. — ГА РФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 319. Л. 71.

¹¹¹ Докладная записка начальника отдела НКВД Литовской ССР по борьбе с бандитизмом полковника Гусева. 28 февраля 1945 г. — Там же. Л. 9; Докладная записка «О состоянии и деятельности истребительных батальонов и групп содействия Литовской ССР». 4 апреля 1945 г. — Там же. Л. 70.

¹¹² Докладная записка «О состоянии и деятельности истребительных батальонов и групп содействия Литовской ССР». 4 апреля 1945 г. — Там же. Л. 75.

обмундирования и заработной платы, вынуждены оплачивать отпущенные им иногда продовольствие и обувь»¹¹³.

По положению об истребительных батальонах их командирами являлись начальники уездных отделов НКВД. Однако те смотрели на «добровольных помощников» с известным скепсисом, уповая больше на войсковые подразделения, нежели на истребительные батальоны. Военным обучением истребителей первоначально почти не занимались, положение начало меняться лишь после того, как на этот счет поступило специальное указание начальника ГУББ А. М. Леонтьева¹¹⁴. Была разработана программа обучения, выделены офицеры и сержанты для проведения занятий. Однако военная подготовка бойцов истребительных батальонов по-прежнему оставалась довольно низкой. Одним из существенных препятствий на этом пути стала языковая проблема: проводившие занятия офицеры не знали литовского языка, а литовские крестьяне плохо понимали по-русски.

Не удивительно, что боеспособность истребительных батальонов была невысока. В сводках то и дело появлялись сообщения, что оставленная в засаде группа истребителей, увидев партизан, разбежалась. Если начиналась перестрелка, истребители редко наносили партизанам существенный урон: трудно сказать по какой причине — то ли из-за «неумения вести прицельный огонь» (как об этом говорилось в отчетах), то ли из нежелания стрелять по «своим».

Случались и эксцессы иного рода. Об одном из них докладывалось в спецсообщении от 27 марта 1945 г.: «Во время преследования банды подразделение внутренних войск НКВД при подходе к деревне Рицели <...> было обстреляно неизвестной вооруженной группой. Окружив группу, войсковое подразделение предложило ей сдаться, на что последовал отказ. Подразделение открыло по неизвестной группе огонь. В ходе боя выяснилось, что неизвестные являются бойцами местного истребительного батальона, выполнявшими оперативное задание. В результате перестрелки убито три человека и ранен один из состава истребительного батальона»¹¹⁵.

Помимо слабой боевой подготовки другой проблемой истребительных батальонов была их ненадежность. Многие крестьяне записывались в батальоны под давлением или стремясь избежать моби-

¹¹³ Выписка из докладной записки Б. З. Кобулова, А. Н. Аполлонова и И. М. Ткаченко. 18 мая 1945 г. — Там же. Л. 114.

¹¹⁴ Письмо начальника ГУББ НКВД СССР А. М. Леонтьева начальнику отдела НКВД ЛССР по борьбе с бандитизмом Гусеву. 10 марта 1945 г. — Там же. Л. 19.

¹¹⁵ Справка по спецсообщению НКВД Литовской ССР от 27 марта 1945 г. — Там же. Л. 100.

лизации в армию — воевать всерьез такие истребители не собирались. Некоторые, получив оружие, уходили в лес. Другие поставляли партизанам информацию о готовящихся операциях, снабжали их по возможности оружием и продовольствием. Случалось, что боец-истребитель, приставленный охранять арестованных партизан, освобождал их, после чего они вместе скрывались. Иногда руководители партизанских соединений поручали крестьянам вступать в истребительные батальоны, чтобы потом иметь там «своих» людей. Истребители уходили к партизанам не только поодиночке, но и целыми группами. Так, 3 мая 1945 г. 11 бойцов истребительного батальона, приставленные охранять «населенный пункт», бросили свой пост и отправились в лес, прихватив с собой оружие. 26 мая 1945 г. во время налета партизан на волостной центр Андриява истребители не только не оказали нападавшим никакого сопротивления, но и 16 из них ушли вместе с партизанами в лес¹¹⁶.

Среди бойцов истребительных батальонов были и те, кто записывался туда из корыстных соображений: участие в «акциях» и просто наличие оружия создавало возможности для всякого рода злоупотреблений. Случаи мародерства, грабежа, пьянства среди истребителей не были единичным явлением¹¹⁷. От такого «балласта» стремились избавляться. В результате проверки всего за три месяца, с апреля по июнь 1945 г., из истребительных батальонов в Литве было отсеяно более 13 % их состава — 1437 чел. Из них 713 чел. были отправлены в военкоматы (после чего скорее всего мобилизованы в армию), 665 чел. отпущены в свои хозяйства и 59 чел. арестованы¹¹⁸.

В отличие от истребительных батальонов «группы содействия» создавались главным образом с целью получения информации о передвижении и местах дислокации партизан. Социальной базой для таких групп должен был стать сельский актив. Оружия активистам не полагалось. По понятным причинам отдача от «групп содействия» была невелика. Не желая обострять отношений с властью, люди часто соглашались на сотрудничество, но «содействие» это носило больше формальный характер. Тот же, кто шел на сотрудничество с властью в открытую, становился объектом партизанской мести. Тем не менее на 1 апреля 1945 г. всего по Литве

¹¹⁶ Докладная записка «О состоянии и деятельности истребительных батальонов Литовской ССР за 2 квартал 1945 г.». 31 июля 1945 г. — ГА РФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 319. Л. 145.

¹¹⁷ Докладная записка «О состоянии и деятельности истребительных батальонов и групп содействия Литовской ССР». 4 апреля 1945 г. — Там же. Л. 71.

¹¹⁸ Докладная записка «О состоянии и деятельности истребительных батальонов Литовской ССР за 2 квартал 1945 г.». 31 июля 1945 г. — Там же. Л. 144.

было организовано 398 «групп содействия» с общей численностью 2890 человек¹¹⁹.

Весной 1945 г. повстанческое движение в Прибалтике вступает в новую стадию. Одновременно и политика Москвы по отношению к нему проходит свою точку перелома. Партизанское сопротивление меняет тактику: большие отряды разделяются на более мелкие и мобильные группы, активность партизан растет. Нередко они контролируют целые районы. Окончание войны рассматривается повстанцами как стартовая точка, с которой начнется освобождение Прибалтики при помощи Запада. Их активность — это еще и способ привлечь к себе внимание.

В Литве партизаны еще участвуют в столкновении с войсками. Однако большие потери — как в боях, так и в результате облав и «зачисток» — заставляют их сменить тактику. Жизнь «лесных братьев» становится более законспирированной: в лесах и на хуторах создается система бункеров, отлаживается система коммуникаций между укрытиями, создается широкая сеть связанных и агентов. Партизаны стремятся избегать боевых столкновений с воинскими частями. В Латвии и особенно Эстонии вооруженные конфликты «лесных братьев» с войсками практически вообще прекращаются¹²⁰.

Главным методом партизанской борьбы становится террор против советских активистов, крестьян-новоселов, нападение на советские учреждения, организация пропагандистских акций, бойкотирование важных государственных кампаний — выборов, подписки на заем, хлебозаготовок и т. д.

Для Кремля 1945 г. — это тоже рубеж. После окончания войны ситуация в Прибалтике выглядит в ином свете, и наличие там вооруженной оппозиции воспринимается уже как политический вызов, а не просто как последствия немецкой оккупации.

Весной и особенно летом 1945 г. в Москву начинает поступать информация об активизации повстанческих сил. На официальном языке они именуются «националистическим подпольем» и «буржуазно-националистическими бандами». Однако главное не в названии, а в сути: повстанческое движение оценивается как фактор, не только угрожающий стабильности режима, но и ставящий под вопрос само существование советской власти, особенно в глубинке.

¹¹⁹ Там же. Л. 144.

¹²⁰ В Эстонии, например, «лесные братья» перешли на оборонительную тактику. Как говорилось в одном из отчетов Бюро ЦК ВКП(б) по Эстонии в мае 1945 г., со стороны партизан «каких-либо активных выступлений не предпринимается, по каждый раз при обнаружении их в лесах и болотах они оказывают вооруженное сопротивление». — РГАСПИ. Ф. 598. Оп. 1. Д. 2. Л. 2.

«В ряде волостей и сел советской власти не чувствуется», — приходит сообщение из Литвы¹²¹. «Советская власть в уезде, по существу, парализована», — докладывают из Латвии¹²². «Можно с полной уверенностью сказать, что в доброй половине сел Литвы нет советской власти», — к такому тревожному выводу приходят «люди из Москвы», приехавшие изучить обстановку на месте¹²³.

Представление о реальной ситуации в сельских районах летом 1945 г. дает следующая зарисовка из повседневной жизни Абренского уезда Латвии. Ее сделал приехавший в уезд из Риги по поручению ЦК компартии Латвии инспектор Я. Я. Диман. В своем отчете он написал:

«На 5 июня положение в уезде характеризовалось следующими фактами: из 57 сельсоветов разгромлены и не работают 24 (несколько из них блокированы и связь с ними потеряна). Разгромлены и сожжены два волостных центра — Берзпилский и Тылженский. Первый из них был разгромлен до нашего приезда, второй — утром, 5 июня, после нашего доклада в этой волости. Сожжены 9 домов, убиты 4 наших работника и ранено 5. ... По всему уезду идет истребление сельского актива. За одну только ночь со 2 на 3 июня было убито 11 активистов. С каждым днем убийства совершаются во все более наглых формах... Все чаще и чаще нападения на активистов совершаются днем. Все главные дороги, связывающие уездный центр, контролируются бандитами. Проверка документов на дорогах бандитами — обычное явление»¹²⁴.

Ответить на партизанский террор местным представителям власти, а тем более простым активистам часто было просто нечем. Если у кого-то из них и было оружие, то такое положение являлось скорее исключением. «Актив не вооружен — вообще не имеет никакого оружия, не говоря уже о современном оружии (автоматы)», — подтверждал этот факт уполномоченный Я. Я. Диман¹²⁵. «Бандиты нас ржут невооруженных, как кроликов»¹²⁶, — это достаточно красноречивое признание сделано от имени тех, кто в глазах населения был не чем иным, как советской властью. Когда же власть находится в «положении кролика», она уже не власть.

¹²¹ Справка «О мероприятиях по усилению борьбы с бандитизмом в Литовской ССР». Июль 1945 г. — ГА РФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 440. Л. 6.

¹²² Докладная записка Я. Я. Димана в ЦК КП(б) Латвии и Бюро ЦК ВКП(б) по Латвии о положении в Абренском уезде Латвийской ССР, 6 июня 1945 г. — РГАСПИ. Ф. 600. Оп. 1. Д. 4. Л. 101.

¹²³ Докладная записка инспекторской группы ЦК ВКП(б), 3 августа 1945 г. — Там же. Ф. 17. Оп. 117. Д. 537. Л. 22.

¹²⁴ Докладная записка Я. Я. Димана, 6 июня 1945 г. — Там же. Ф. 600. Оп. 1. Д. 4. Л. 101.

¹²⁵ Там же. Л. 102.

¹²⁶ Там же.

Фактической властью во многих уездах летом 1945 г. были не советские чиновники и партийные начальники, а партизаны. Перед лицом партизанской угрозы советская власть на местах выбросила «белый флаг». «Местные организации опустили совершенно руки, заняли позицию, которую нельзя даже назвать оборонительной, — констатировал Я. Я. Диман. — Это какой-то фатализм, пассивная регистрация фактов». Единственное, на что уповали местные начальники как на последнюю надежду и спасение, — регулярные войска. Просили прислать¹²⁷.

Истребительные батальоны в качестве спасительного средства хотя бы временной защиты уже не рассматривались. И не без причины. «Истребительные отряды являют самую безотрадную картину, — признавался уполномоченный из Риги. — По своему составу это в большинстве мальчишки ... ибо другого состава неоткуда взять. По состав истребительных батальонов засорен, есть факты прямой связи "истребков" с бандитами». Кроме того, отряды были плохо вооружены (старые винтовки, пулеметы, отказывающиеся работать в ответственный момент). В течение долгого времени не был решен вопрос о финансировании истребителей. «Положение было такое, что хоть распуская отряды — неоткуда было взять средства на питание», — к такому выводу пришел Я. Я. Диман¹²⁸.

«Кто виноват в том, что сельский актив истребляется невооруженный?» — вопрос, заданный Я. Я. Диманом латвийским властям, вполне можно было адресовать и эстонским, и литовским руководителям. Во всяком случае, летом 1945 г. «борьба с бандитизмом» становится задачей номер один для руководства всех трех балтийских республик: она начинает активно обсуждаться, занимает первую позицию в отчетах и докладных записках. Республиканские власти наконец осознают, что вопрос «кто — кого» имеет к ним непосредственное отношение и решить его только силами армии и НКВД вряд ли удастся.

Ситуация в Литве, Латвии и Эстонии по-прежнему складывалась по-разному, и хотя тенденции развития повстанческого движения в Прибалтике в целом были довольно сходными, масштаб этого явления, накал борьбы и острота противостояния отличались самым существенным образом. По всем этим показателям лидировала Литва (см. таблицу 4.3.). Согласно данным ГУББ НКВД СССР, только за 1945 г. на территории Литвы за принадлежность к антисоветскому подполью и прочие виды антисоветской деятельности, в том числе и пособничество, было убито, арестовано и легализовано 40 541 человек, по Латвии эта цифра была почти в 5,7 раза меньше (7016), по Эстонии — в 7 раз меньше (5671). Даже если принять во внимание размер территории и численность населения республик, все равно различия будут значительными.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Там же.

Таблица 4.3. Данные ГУББ МВД СССР «О ликвидации антисоветских националистических организаций, связанных с ним банд, участников организаций, бандитов, их пособников и укрывателей и другого антисоветского элемента» в 1944–1946 гг.

Ликвидировано (человек)	ЛИТВА			ЛАТВИЯ			ЭСТОНИЯ		
	1944**	1945	1946	1944**	1945	1946	1944**	1945	1946
Участников антисоветских организаций и групп	—	2605	753	—	105	180	—	42	608
Участников банд, связанных с антисоветским подпольем	6053	23 351	}4783	364	3485	}1894	486	1426	}224
Банд-одиночек, связанных с антисоветским подпольем		6728		—	1062		—	2058	
Шпионов	146	202	—	53	48	—	7	—	
Диверсантов	47	61	—	5	16	—	2	6	—
Немецких ставленников и пособников	1258	4064	1006	653	1295	1304	906	1683	1050
Пособников и укрывателей антисоветского и бандитского элемента	—	3530	1686	—	1005	840	—	449	203
Всего	7504	40 541	8228	1075	7016	4218	1394	5671	2085
В том числе:									
Убито	1826	9672	2118	37	1071	387	14	332	229
Арестовано	5429	19 183	5322	992	3275	1776	1378	3445	573
Легализовано	249	6264	652	46	2632	2055	2	1623	1262
Передано в другие органы	—	5421	136	—	38	—	—	271	21

* Под категорию «ликвидированных» попадали лица, убитые, арестованные, легализованные и переданные в другие органы.

** Фактически речь идет о второй половине 1944 г.

Источник: ГА РФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 764. Л. 15, 22, 28.

О степени активности повстанцев можно судить и на основании статистики о так называемых бандитских проявлениях, или банд-проявлениях¹²⁹. В Эстонии, например, за пять месяцев 1945 г. — с апреля по август — было зарегистрировано 201 бандпроявление, при этом пик пришелся на май и июнь (соответственно 65 и 48 бандпроявлений)¹³⁰. В тот же самый период в Литве фиксируется по 10 бандпроявлений в день. Всего же за первое полугодие 1945 г. в республике было зарегистрировано 1872 бандитских проявления, а во втором полугодии 1945 г. — 1482¹³¹. При этом речь шла только об учтенных случаях, тогда как на самом деле таковых было больше, что признавали и сами составители итоговых справок.

24 мая 1945 г. было создано Бюро ЦК ВКП(б) по Литве. На заседании обсуждался один вопрос — «Об активизации буржуазно-националистических банд и мерах усиления борьбы с ними». Оценив обстановку в республике, Бюро постановило: «Считать важнейшей и первоочередной задачей партийных, комсомольских и советских организаций, органов НКВД и НКГБ дальнейшее усиление борьбы с литовскими и польскими буржуазными националистами, быстрейшее разоблачение и ликвидацию буржуазно-националистического подполья и полный разгром кулацко-националистических банд»¹³².

Отнесем тезис о «кулацком» составе «националистических банд» к обычному пропагандистскому клише и отчасти влиянию идеологических предрассудков¹³³. Заслуживает внимания другое: в решении Бюро не упоминается о «немецком следе», т. е. повстанцы уже не рассматриваются исключительно как агенты германской разведки; и масштабы, и продолжительность сопротивления заставляют задуматься больше о внутренних причинах этого явления, нежели искать их вовне. В то же время отказываться вовсе от «германской версии» партийные руководители Литвы пока не собирались, по крайней мере в отношении организованных форм повстанческого движения. Так, в отчете Бюро ЦК ВКП(б) по Литве, отправленном в Москву в июле 1945 г., значилось: «По всем данным, ЛЛА, как и другие литов-

¹²⁹ К «бандпроявлениям» относились: террористические акты; диверсионные акты, нападения на совпарторганы и предприятия, объекты связи, железнодорожного, водного транспорта, совхозы, колхозы; нападения на бойцов войск МВД, Советской армии и потребительных батальонов; нападения на совпартизмов; вооруженные ограбления отдельных лиц; убийства (кроме терактов), хищения взрывчатых веществ. — ГА РФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 709. Л. 68–69.

¹³⁰ Справка «О мероприятиях по ликвидации бандитизма на территории Эстонской ССР». Август 1945 г. — Там же. Д. 450. Л. 47.

¹³¹ Информационный материал Военного отдела ЦК КП(б) Литвы «Политическое положение в Литве». 1946 г. — РГАСПИ. Ф. 597. Оп. 1. Д. 24. Л. 134.

¹³² Протокол № 5 заседания Бюро ЦК ВКП(б) по Литве от 24 мая 1945 г. — Там же. Д. 1. Л. 109.

¹³³ Подробнее о социальном составе «лесных братьев» см. в разделе 4.1.

ские буржуазно-националистические организации, созданы немцами и деятельность их до разгрома гитлеровской Германии, как правило, прямо или косвенно направлялась гитлеровцами»¹³⁴.

Автор обоих документов — и постановления от 24 мая, и июльского отчета — председатель Бюро ЦК ВКП(б) по Литве М. А. Сулов. Он же предложил свою версию причин активизации повстанческого движения в Литве. По сути Сулов признал, что главной причиной национального сопротивления является та политика, которую советский режим начал проводить в Литве, — перераспределение земли, наступление на зажиточную часть крестьянства, хлебозаготовки и т. д. В то же время, по мнению Сулова, «корень зла» кроется не в самой этой политике, а в том, что при ее проведении «врагу не была показана наша реальная сила»¹³⁵. А «реальная сила» — это войска НКВД, «Органы НКВД и НКГБ должным образом не перестроили своей работы в соответствии с новой тактикой врага», — заключает литовское Бюро ЦК ВКП(б) в своем решении от 24 мая¹³⁶. Кроме того, недовольство партийных начальников вызвало сокращение численности внутренних войск в республике: в ноябре 1944 г. в Литве находилось 17 полков войск НКВД и пограничных отрядов, весной же 1945 г. осталось только 7 полков, а армейские части вообще покинули территорию республики¹³⁷.

Бюро вынуждено было признать, что в создавшейся ситуации есть и доля вины партийных структур, которые не уделяли должного внимания политической работе среди населения: «Широкие массы трудящихся крестьян недостаточно вовлечены в активную борьбу по ликвидации буржуазно-националистических банд»¹³⁸.

Несмотря на такое признание, выход из положения по-прежнему виделся в наращивании силовой, репрессивной компоненты. Бюро ЦК ВКП(б) по Литве обратилось к Л. П. Берия со следующей просьбой: 1) усилить кадровый состав НКВД республики за счет направления в Литву работников из других регионов страны; 2) усилить войска НКВД, находящиеся на территории республики; 3) разрешить вывести за пределы Литвы из каждого уезда по 50–60 семей «главарей банд и наиболее злостных бандитов»¹³⁹. В дополнение предлагалось еще одно новшество — организация открытых показательных

¹³⁴ Отчет о работе Бюро ЦК ВКП(б) по Литве. Июль 1945 г. — РГАСПИ. Ф. 597. Оп. 1. Д. 2. Л. 15.

¹³⁵ Там же. Л. 19.

¹³⁶ Протокол № 5 заседания Бюро ЦК ВКП(б) по Литве от 24 мая 1945 г. — Там же. Д. 1. Л. 108.

¹³⁷ Отчет о работе Бюро ЦК ВКП(б) по Литве. Июль 1945 г. — Там же. Д. 2. Л. 19.

¹³⁸ Протокол № 5 заседания Бюро ЦК ВКП(б) по Литве от 24 мая 1945 г. — Там же. Д. 1. Л. 109.

¹³⁹ Там же. Л. 110.

процессов над партизанами, «изобличенных в зверствах над населением». Процессы должны были проводиться на литовском языке¹⁴⁰. Специальное решение об организации открытых судебных процессов Бюро примет позднее — 24 июля 1945 г.¹⁴¹

Попытки партийного руководства переложить главную ответственность за наличие вооруженного сопротивления в Литве на силовые структуры встретило с их стороны ответную реакцию. В одном из отчетных документов Главного управления по борьбе с бандитизмом НКВД СССР выдвигались встречные обвинения: «На успешность оперативных мероприятий органов НКВД—НКГБ по ликвидации банд в Литовской ССР отрицательно влияет отсутствие необходимой политической работы со стороны партийно-советских органов среди населения. Особенно неблагоприятно обстоит с этим делом в сельских местностях»¹⁴². В документе упоминалось, что в глубинке крестьяне не имеют никакой информации о мероприятиях властей; в некоторых селах и на хуторах их обитатели до конца мая не знали, что закончилась война и кто в ней победил. На произвол судьбы фактически были брошены крестьяне-новоселы: их расселяли на хутора, а не поселками, как предполагалось ранее, где оставляли без всякой защиты. Не случайно новоселы были самыми частыми жертвами как партизан, так и уголовников¹⁴³.

Конфликт интересов и ведомственные разборки — в советской практике дело довольно обычное. Однако Москва не стала разбираться тогда в сути конфликта. Информация о ситуации в Литве, поступавшая в Центр по разным каналам — партийным или чекистским — была сама по себе настолько тревожной, что требовала принятия экстренных мер. Летом 1945 г. в Литве побывали сразу две инспекторские группы: одна от НКВД и НКГБ, другая — от ЦК ВКП(б).

Первая проверка была организована по инициативе Л. П. Берия. В июне 1945 г. в республику прибыли заместитель наркома внутренних дел Б. З. Кобулов и заместитель наркома госбезопасности А. Н. Аполлонов. В результате этого визита появился общий план чекистско-войсковых и оперативных мероприятий, направленных на ликвидацию антисоветского подполья и партизанских сил¹⁴⁴.

В соответствии с планом вся территория Литвы была поделена на 7 оперативных секторов — Клайпедский, Марьямпольский, Шауляйский, Паневежский, Каунасский, Утенский, Вильнюсский. Все

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Протокол № 6 заседания Бюро ЦК ВКП(б) по Литве от 24 июля 1945 г. — Там же. Л. 135.

¹⁴² Справка «О мероприятиях по усилению борьбы с бандитизмом в Литовской ССР». Июль 1945 г. — ГА РФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 440. Л. 6.

¹⁴³ Там же. Л. 6–7.

¹⁴⁴ Там же. Л. 9–12.

местные органы НКВД и НКГБ подчинялись вновь образованным оперативным секторам. В пяти наиболее проблемных секторах располагалось по одному полку — пограничному или внутренних войск. Три оставшихся пограничных полка были объединены в одну мобильную оперативную группу, которая по мере выполнения задачи должна была перебрасываться из одного оперсектора в другой. На один месяц в Литву передислоцировались 9 полков НКВД из Восточной Пруссии. Этим силам предстояло в июне–июле 1945 г. провести широкомасштабную чекистско-войсковую операцию по «зачистке» территории Литвы от нелегалов — партизан, уклонистов, дезертиров и т. д.

Одновременно создавалось три так называемых оперативных, или специальных, отряда по 70–80 человек в каждом. Эти отряды легендировались под партизан, т. е. имели соответствующее обмундирование, оружие, а также завербованных агентов из числа бывших партизан. Задача «фальшивых партизан» заключалась в обнаружении мест дислокации партизанских отрядов, ликвидации их руководителей, а также уничтожении баз продовольствия и боеприпасов.

Для успеха чекистско-войсковой операции ее предполагалось поддержать рядом репрессивных акций в отношении лиц, проживающих легально. В «черный список» из 2500 человек попали люди, проходившие по агентурным разработкам как «активные антисоветские элементы». Репрессии должны были коснуться и членов семей партизан, участников подполья и тех, кто, по данным НКГБ, проходили по категориям «немецкие шпионы», «изменники родине», «предатели» и проч. Всего было намечено к выселению 20 тысяч человек¹⁴⁵.

Литва должна была стать полностью подконтрольной территорией. Чтобы обеспечить такой контроль, Москва разрешила провести в Литве — «в виде исключения» — полную паспортизацию населения, т. е. обеспечить паспортами («временными удостоверениями единой формы») сельских жителей республики¹⁴⁶.

Мероприятия против партизан, разработанные в НКВД–НКГБ, получили поддержку по партийной линии. В июле 1945 г. в Литву приехала инспекторская группа из ЦК ВКП(б). Проверяющие сочли обвинения партийных руководителей Литвы в адрес силовых структур неубедительными. В своем отчете они записали: «Руководство Бюро ЦК ВКП(б) по Литве и ЦК КП(б) Литвы считают, что главная причина активизации буржуазно-националистических банд заключается в уменьшении численности войск НКВД... и в том, что местные органы НКВД–НКГБ... не сумели своевременно при-

¹⁴⁵ Справка «О мероприятиях по усилению борьбы с бандитизмом в Литовской ССР». Июль 1945 г. — ГА РФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 440. Л. 11.

¹⁴⁶ Там же. Л. 12. Временные паспорта литовские крестьяне получили на основании распоряжения СНК СССР от 4 октября 1945 г.

«способиться к новой тактике врага ... В действительности главная причина активизации буржуазно-националистических банд весной и летом текущего года состоит в том, что ЦК КП(б) Литвы и Совпарком Литовской ССР не развернули наступления на кулацко-бандитские элементы, не приняли суровых мер к подавлению кулацко-националистического террора, не провели конфискации земли и имущества в хозяйствах кулаков-бандитов и тем самым не подорвали экономическую базу бандитизма, не подняли трудящихся на борьбу за ликвидацию националистических банд»¹⁴⁷.

Результаты инспекторской поездки были доложены секретарю ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову. 15 августа 1945 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о ситуации в Литве — постановление «О недостатках и ошибках ЦК КП(б) Литвы в руководстве партийно-политической работой». В основу постановления легли материалы и выводы инспекторской группы. Партийное руководство Литвы критиковалось за ряд «крупных недостатков», главный из которых заключался в «нерешительности и отсутствии должной оперативности в борьбе против литовско-немецкого националистического подполья и его вооруженных банд»¹⁴⁸. Соответственно главная задача, которую ЦК ВКП(б) ставил перед литовскими руководителями, состояла в том, чтобы это подполье «в кратчайший срок ликвидировать», а «кулацко-националистические элементы» — изолировать¹⁴⁹.

Обращают на себя внимание различия в терминологии, используемой инспекторами ЦК и авторами итогового постановления. Инспекторы говорят о «буржуазно-националистических бандах», которые поддерживаются «кулацко-националистическим элементом». В постановлении последнее определение осталось, но для характеристики повстанческого движения в целом используется другое понятие — «литовско-немецкое националистическое подполье и его вооруженные банды». Видимо, партийным идеологам в Москве, как и сначала их коллегам в Литве, нелегко было расстаться с версией о немецком происхождении повстанческого движения в Прибалтике. Однако знакомство с реальной обстановкой в республике очевидно демонстрировало, что «немецкая компонента», которая, безусловно, присутствовала на начальном этапе формирования некоторых партизанских сил, давно уже не играла сколько-нибудь заметной роли в повстанческом движении. Не случайно инспекторы ЦК о ней даже не упоминают. В их понимании антисоветское сопротивление имеет

¹⁴⁷ Докладная записка инспекторской группы ЦК ВКП(б) о положении в Литве. 3 августа 1945 г. — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 537. Л. 22–23.

¹⁴⁸ Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О недостатках и ошибках ЦК КП(б) Литвы в руководстве партийно-политической работой». 15 августа 1945 г. — Там же. Л. 3.

¹⁴⁹ Там же. Л. 5.

прежде всего классовую основу — кулацкие корни, поэтому инспекторы настаивают на принятии мер экономического давления — что-то в духе политики «вытеснения кулака» по аналогии с советской практикой конца 1920-х годов. Внешний враг заменяется на врага внутреннего по принципу: если не немцы, то кулаки.

Версия классовой борьбы при объяснении причин существования антисоветского сопротивления в республиках Прибалтики постепенно станет основной. Сначала из партийных документов исчезнет упоминание о немецком «селеде» и появится определение — «буржуазно-националистическое подполье и его вооруженные банды». Окончательно же все точки над «i» поставит постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) от 5 октября 1946 г.

В постановлении от 5 октября 1946 г. есть пассаж о ликвидации «литовско-немецких националистов», но о них говорится в прошлом, в контексте «проделанной работы». Будущая задача формулируется как «быстрейшая ликвидация буржуазно-националистического подполья и его вооруженных банд»¹⁵⁰. Но смысл постановления не в этом. Главное — в представлении концепта классовой борьбы как определяющего суть происходящего в Прибалтике и соответственно методы решения проблемы. «Политическая обстановка в Литовской ССР характеризуется наличием острой классовой борьбы»¹⁵¹, — такова ключевая установка. С этой позиции оцениваются действия республиканского руководства, которое допустило «серьезные ошибки». О сути этих ошибок сказано следующее: ЦК КП(б) Литвы рассматривал «дело ликвидации националистического подполья и его вооруженных банд изолированно от классовой борьбы, в отрыве от решения задач наступления на кулака и капиталистические элементы города»¹⁵².

Текст постановления содержит очевидные сигналы, отсылающие к советскому опыту решения проблемы преодоления сопротивления «классового врага». Кажется, можно было не сомневаться, что партийными чиновниками на местах эти сигналы будут «прочитаны» правильно. Единственная проблема заключалась в том, что часть балтийских коммунистов, прежде всего из числа представителей титульных этносов, не была знакома с советской моделью ведения классовой борьбы на практике. Им предстояло освоить этот опыт заново.

Что касается людей бывалых, то для них развитие буквы партийного постановления особого труда не составляло. Например, хорошее знание партийной классики продемонстрировал председатель Бюро ЦК ВКП(б) по Литве В. В. Щербаков. В его интерпретации сталинский хрестоматийный тезис об усилении классовой борьбы по мере продви-

¹⁵⁰ Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О работе ЦК КП(б) Литвы». 5 октября 1946 г. — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 277. Л. 9, 12.

¹⁵¹ Там же. Л. 9.

¹⁵² Там же. Л. 10.

жения к социализму выглядел так: «Мы стоим сейчас перед фактом оживления контрреволюционной деятельности подполья и его вооруженных банд... Классовая борьба не только не затухает, как некоторые полагают, а все более усиливается»¹⁵³. Осталось только указать на главного врага. «Надо бить не по оглоблям, а по коню. Бить по подполью и кулаку», — наставлял Щербаков¹⁵⁴. Сказано это было в ноябре 1946 г. — как раз по «горячим следам» постановления от 5 октября.

Так обстояло дело в теории. Реальная же картина происходящего в Литве больше напоминала даже не практику времен «великого перелома», а скорее обстановку гражданской войны. 1945 и 1946 годы стали периодом наиболее жесткого противостояния, когда жестокость обеих противоборствующих сторон достигла своего предела. Широко применялись карательные методы и тактика запугивания населения. Со стороны властей это были высылки, аресты, показательные процессы над «лесными братьями» и крестьянами, обвиненными в пособничестве. Приговоры показательных процессов потом печатались в газетах. Практиковались и такие акции, как демонстрация групп партизан в публичных местах — под предлогом их идентификации, на опознание приводились родственники, включая детей¹⁵⁵.

В 1945 г. Военный трибунал войск НКВД Литвы осудил по 58-й статье, главным образом за бандитизм и измену родине, 8675 человек, из них 468 человек (5,4 %) были приговорены к высшей мере наказания. М. А. Суслов посчитал такую практику излишне либеральной. Он писал в Москву Г. М. Маленкову: «Учитывая обостренную политическую обстановку в республике, эту карательную политику Военного трибунала войск НКВД отнюдь нельзя считать жесткой. Скорее наоборот»¹⁵⁶. Особое недовольство председателя литовского Бюро ЦК вызвал тот факт, что Военная коллегия Верховного суда СССР утвердила только половину (47 %) смертных приговоров, заменив остальным наказанием различными сроками лишения свободы. «Наша карательная политика вызывает недоумение... и требует исправления», — считал Суслов¹⁵⁷.

Ужесточение карательной практики режима вызывало ответную реакцию со стороны партизан. «Лесные братья» использовали свои методы устрашения населения, предупреждая о возможных карах для каждого, кто будет сотрудничать с властью. Местное население хоро-

¹⁵³ Выступление председателя Бюро ЦК ВКП(б) по Литве В. В. Щербакова на XI пленуме ЦК КП(б) Литвы, 23 ноября 1946 г. — Там же. Ф. 597. Оп. 1. Д. 19. Л. 31.

¹⁵⁴ Там же. Л. 37.

¹⁵⁵ Gaškaite-Zemaitiene N. The Partisan War in Lithuania from 1944 to 1953. P. 30–31.

¹⁵⁶ Письмо М. А. Сулова Г. М. Маленкову, 5 марта 1946 г. — РГАСПИ. Ф. 597. Оп. 1. Д. 24. Л. 8.

¹⁵⁷ Там же. Л. 8–9.

шо знали, что эти предупреждения не были простой угрозой. Под «сотрудничеством с властью» подразумевалось участие в хлебозаготовках, подписке на государственный заем, голосование на выборах.

В директиве одного из партизанских соединений, выпущенной в январе 1946 г. в период подготовки к выборам в Верховный Совет СССР, давались следующие инструкции: «Первых участников голосования задерживать, допрашивать и выяснять, как они голосовали. Всех, кто голосовал по собственному желанию, расстреливать на месте»¹⁵⁸.

О том, как следует себя вести по отношению к органам советской власти и ее мероприятиям, «лесные братья» сообщали в листовках:

«1. Крестьяне отказываются от всех видов платежей и государственных поставок.

2. Все служащие и рабочие заводов и фабрик начинают саботаж.

3. Школы и просветительские учреждения прекращают деятельность.

Все литовцы выполняют эти указания как святую свою обязанность, те, кто не будет подчиняться этим указаниям, будут считаться предателями народа и как таковые наказываться по всей строгости»¹⁵⁹.

Часто подобные листовки появлялись после очередной репрессивной акции властей, как ответ на нее. Эта, например, призывала к организации кампании гражданского неповиновения после высылки семей партизан. В той же листовке в адрес представителей местной власти делались такие предупреждения: «За преследование партизанских семей и их родственников будут преследоваться ваши семьи и родственники. Не обижайтесь, когда будем относиться чересчур жестоко, — это только ответ на ваше отношение. Этому мы научились только у вас»¹⁶⁰.

Что касается советского актива, а также крестьян-новоселов, то они находились под угрозой партизанского террора постоянно. За «коллорабонализм» партизаны карали строго. В самую сложную ситуацию попадали обычные крестьяне — они находились в положении «между молотом и наковальней»: если саботировать государственные кампании, можно было ожидать репрессивных санкций со стороны властей, а за участие в них наказывали уже «лесные братья». Рассуждения о том, чьи репрессивные санкции — чекиетские или партизанские — были «более оправданными» (а такие попытки встречаются даже в научной литературе, не говоря уже о публицистике), помимо моральной ущербности, просто лишены смысла — все равно что дискуссии о «белом» и «красном» терроре. Для крестьяни-

¹⁵⁸ Информационный материал ГУББ МВД СССР о развитии повстанческого движения в 1946 г. 24 января 1947 г. — ГА РФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 709. Л. 21.

¹⁵⁹ Листовка «Литва — литовцам» (перевод с литовского). Октябрь 1945 г. — Там же. Д. 440. Л. 232.

¹⁶⁰ Там же.

на не было выбора между «лучше» и «хуже», поскольку хуже было некуда. Со всей очевидностью это демонстрирует статистика жертв партизанской войны.

В 1945 г. в Литве было убито 9672 партизана. За тот же период войска НКВД, милиция, бойцы истребительных отрядов потеряли 214 человек убитыми. Потери среди советско-партийного актива составили 575 человек. Среди жертв партизан больше всего — 1630 человек — пришлось на долю тех, кто в статистических справках проходил по категории «другие граждане»¹⁶¹. Жертв среди них было почти в 3 раза больше, чем среди «активистов». Эта тенденция сохранилась и в следующем 1946 г. Аналогичные тенденции, хотя и не сопоставимые по масштабам, были характерны для статистики жертв партизанского сопротивления в Эстонии (см. таблицу 4.4.)

Таблица 4.4. Данные Главного управления по борьбе с бандитизмом МВД СССР «О жертвах в результате бандпроявлений» в 1944–1946 гг.

	ЛИТВА			ЛАТВИЯ			ЭСТОНИЯ		
	1944*	1945	1946	1944*	1945	1946	1944*	1945	1946
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Потери убитыми среди:									
Работников МВД и МГБ	35	85	29	1	17	4	—	14	1
Работников милиции	—	—	38	—	—	5	—	—	2
Офицеров войск МВД	—	24	2	—	9	2	—	5	2
Сержантского и рядового состава войск МВД	45	105	24	—	61	28	—	23	6
Офицеров Советской армии	—	—	5		—	—	—	—	2
Сержантского и рядового состава Советской армии	—	—	7	} 11	—	3	—	—	3

¹⁶¹ Данные ГУББ МВД СССР «О жертвах в результате бандпроявлений» в 1944–1946 гг. — Там же. Д. 764. Л. 18.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Бойцов истребительных батальонов и местных формирований	—	—	165	11	66	30	2	—	28
Совпартактива	253	575	432	1	3	5	3	75	46
Других граждан	249	1630	2029	нет данных	нет данных	нет данных	57	141	124
Всего	582	2419	2731	24	156	77	62	258	214

* Фактически речь идет о второй половине 1944 г.

Источник: ГА РФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 764. Л. 18, 25, 31.

Самые большие потери в противостоянии повстанцев и режиму несли партизаны. При этом речь шла не только о боевиках, но и о «пассивных» партизанах — тех же крестьянах, не обладавших ни военной выучкой, ни сноровкой, просто скрывавшихся в лесах и попадавших под облавы и «зачистки». Что касается боевиков, то, по признанию самих чекистов, они сражались «с отчаянием обреченных», часто прибегая для себя последнюю пулю или гранату¹⁶².

Однако силы противостояния были настолько неравными, что рассчитывать на какой-либо успех в борьбе один на один с советским режимом «лесным братьям» не приходилось. В этих условиях партизаны сделали ставку не на противодействие армейским силам, борьба с которыми приводила к невосполнимым потерям и практически была безрезультатной, а на террор — с целью дестабилизировать режим изнутри. На деле же получилось так, что жертвами этой тактики стал не режим, а люди, в большинстве, как свидетельствует статистика, даже не партийные и советские активисты.

В направленности партизанских акций заключается принципиальное отличие движения национального сопротивления в Прибалтике и на Западной Украине. Как показал в своем исследовании Арвидас Анушаускас, партизаны на Украине (Украинская повстанческая армия) направляли свои главные усилия на борьбу с войсковыми подразделениями НКВД, тогда как в Литве основным объектом партизанских атак становились гражданские лица. Потери украинских

¹⁶² Gaškaite-Zemaitienė N. The Partisan War in Lithuania from 1944 to 1953. P. 35; Strods H. The Latvian Partisan War between 1944 and 1956. P. 155.

повстанцев в 1946 г. были в четыре раза больше, чем в Литве, а потери среди личного состава внутренних войск на Украине в два раза превышали литовские¹⁶³. По данным МГБ СССР, в 1946 г. на Западной Украине было убито 6566 партизан и 1175 человек гражданского населения. В Литве партизанские потери за тот же период составили 1584 человека, тогда как обычных граждан было убито 2262 человека¹⁶⁴. Несмотря на всю жесткость борьбы, потери среди гражданского населения на Украине были в 5,5 раза меньше, чем потери среди партизан. В Литве, напротив, жертвы среди «мирных» жителей в 1,5 раза превышали партизанские потери. Кроме того, общее количество жертв среди гражданского населения в Литве было больше, чем на Западной Украине. По характеру потерь можно судить о характере и методах ведения партизанской войны. Очевидно, что в то время, как на Украине партизаны продолжали вести боевые операции, их братья по оружию в Литве сделали ставку на террор как главный метод борьбы.

Особенность противостояния повстанцев и режима заключалась в том, что эта война практически исключала компромиссы. Конечная цель повстанцев — восстановление государственного суверенитета — не могла быть принята режимом ни при каких условиях. Если компромиссы и заключались, то они делались чаще из тактических соображений и носили временный характер. Например, в Латвии в сентябре 1945 г. один из уездных отделов НКВД договорился с партизанами о перемирии на 10 дней, которое соблюдалось обеими сторонами¹⁶⁵. Однако это так называемое Алевикское перемирие — случай скорее исключительный. Власть готова была пойти на компромисс, но лишь с теми, кто был готов отказаться от борьбы и сложить оружие.

Этой цели служили кампании по легализации партизан, которые объявлялись несколько раз. Разрешение на проведение очередной амнистии давала Москва. Кампания по легализации начиналась с обращения республиканских властей «к народу». В обращении указывалась определенная дата и объявлялось, что «участники банд, доб-

¹⁶³ Anušauskas A. A Comparison of the Armed Struggles for Independence in the Baltic States and Western Ukraine. P. 66.

¹⁶⁴ Ibid. P. 65. Необходимо отметить, что данные о жертвах партизанской войны в различных источниках расходятся. Это происходит из-за несовершенства ведомственной статистики, в частности нечеткости критериев учета. Так, в статистических материалах ГУББ численность убитых и арестованных часто приводится в целом по разным группам преступлений (например, «бандиты» и «пособники» объединяются в одну группу). Данные МГБ более четко фиксируют эти различия, поэтому цифры потерь среди партизан здесь несколько меньше, чем в статистике ГУББ. Вместе с тем общие тенденции, отраженные в статистических материалах разных ведомств, в целом сопоставимы.

¹⁶⁵ История Латвии. XX век. С. 342.

ровольно явившиеся с повинной в органы власти, сдавшие оружие и порвавшие всякую связь с бандитами, будут прощены»¹⁶⁶. В Литве первое такое обращение было издано 9 февраля 1945 г. Кроме больших, общереспубликанских кампаний проводились местные акции по легализации партизан и уклонистов. Кампании эти в целом имели успех, после чего ряды «лесного братства» заметно редели. Уклонисты среди явившихся с повинной составляли подавляющее большинство — до 85 %¹⁶⁷. В 1945 г. в Литве таким образом легализовалось 6264 человека, в Латвии — 2632, в Эстонии — 1623¹⁶⁸. В следующем году поток желающих покинуть леса в Латвии и Эстонии был еще довольно интенсивным (2055 и 1262 человека соответственно). В Литве же таких добровольцев в 1946 г. оказалось почти в 10 раз меньше, чем в 1945 г., — всего 656 человек¹⁶⁹. Налицо был кризис доверия к власти — и не без причины.

По правилам партизаны или уклоняющиеся от призыва в армию, принявшие решение перейти на легальное положение, должны были выйти из леса с оружием (если оно имелось), явиться в местный отдел НКВД, сообщить о явке с повинной и ответить на вопросы сотрудников НКВД (как правило, речь шла о сведениях относительно партизанских отрядов, мест их дислокации, численности и т. д.). Поскольку сколько-нибудь детальной проверки на местах не проводилось — для этого просто не хватало людей, легализовавшиеся партизаны, чтобы избежать возможных репрессий за участие в «банде», часто выдавали себя за уклонистов, выходили без оружия, отрицали свою связь с отрядом. В период кампании массовой легализации во многих уездах Литвы на явившихся с повинной не составлялось никаких подробных бумаг, часть из них вообще без допроса направлялась сразу в уездные военкоматы, где они регистрировались и получали документы о легализации¹⁷⁰. Потом, если возникали проблемы, ни человек, ни органы власти не имели на руках никаких документов, подтверждающих обстоятельства легализации.

¹⁶⁶ Письмо А. А. Жданова, Н. С. Патолочева и А. А. Кузнецова И. В. Сталину с просьбой разрешить ЦК ВКП(б) и Совету Министров Литвы издать обращение об амнистии партизан. 5 августа 1946 г. — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 499. Л. 58.

¹⁶⁷ Gaškaite-Zemaitiene N. The Partisan War in Lithuania from 1944 to 1953. P. 35.

¹⁶⁸ Данные ГУУБ МВД СССР «О ликвидации антисоветских националистических организаций, связанных с ним банд, участников организаций, бандитов, их пособников и укрывателей и другого антисоветского элемента» в 1944–1946 гг. — ГА РФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 764. Л. 15, 22, 28.

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ Докладная записка военного прокурора войск МВД Литовской ССР С. Гримовича о ходе легализации партизан. 5 июля 1946 г. — РГАСПИ. Ф. 597. Оп. 1. Д. 24. Л. 67.

Среди работников МВД и МГБ было распространено предубеждение относительно легализовавшихся партизан: их подозревали в неискренности и сохранении связи с «лесом». Для них даже название особое придумали — «неразоружившиеся бандиты». Часть партизан действительно использовала возможность перейти на легальное положение, чтобы уже в новом качестве работать на «лес». Но большинство явились с повинной, вовсе не помышляя в дальнейшем о какой бы то ни было конфронтации с властью. Тем не менее прокурорские проверки, проведенные в разных уездах Литвы, зафиксировали «ряд искажений в практической работе органов МВД и МГБ Литовской ССР» по отношению к легализовавшимся «лесным братьям»¹⁷¹.

Суть этих искажений военный прокурор войск МВД Литвы С. Гримович описал так: «Некоторые работники уездных отделов МВД и МГБ огульно, без достаточных оснований рассматривают большинство явившихся с повинной бандитов как скрытые кадры ныне действующих банд и поэтому стараются под всяким предлогом ... изолировать эти “кадры” путем ареста и возбуждения уголовных дел»¹⁷². В подтверждение своих выводов прокурор привел ряд фактов.

Распространенной причиной ареста стало обвинение легализовавшихся людей в том, что они во время явки с повинной объявили себя уклонистами, тогда как в действительности находились в партизанском отряде. Прокурор полагал, что это могло происходить под влиянием партизанской пропаганды, что обращение правительства есть всего лишь ловушка и всех партизан ждет расстрел. Поэтому люди скрывали свое партизанское прошлое, выдавая себя за уклонистов. Если после легализации у «органов» нет данных о том, что они поддерживают связь с «лесом», нет и оснований для ареста, считал С. Гримович.

Случалось, что легализовавшиеся партизаны потом снова переходили в нелегалы, скрываясь на сей раз уже от мести «братьев». Так, уездным отделом МВД был арестован один из таких нелегалов некто К.: «28 ноября 1945 г. в его дом пришли бандиты, но ему удалось спрятаться на чердаке. Не обнаружив К., бандиты увели в лес его сестру и расстреляли. После этого случая К. стал скрываться, опасаясь расправы...»¹⁷³.

Военный прокурор подчеркивал, что аналогичных примеров много. Создававшаяся ситуация порождала много проблем для власти, и главная из них, считал Гримович, — кризис доверия: «Каждый случай ареста явившегося в прошлом с повинной бандита может со-

¹⁷¹ Там же. Л. 63.

¹⁷² Там же. Л. 64.

¹⁷³ Там же. Л. 66.

здать неустойчивость и опасения быть арестованным среди другой части легализовавшихся бандитов и привести к массовому переходу на нелегальное положение или уходу в действующие банды»¹⁷⁴.

Выход из создавшегося кризиса военный прокурор видел в принятии срочных мер по восстановлению законности. Он предлагал запретить уездным и городским отделам МВД и МГБ арестовывать легализовавшихся партизан без предварительного согласования этого вопроса с министром внутренних дел и министром государственной безопасности Литвы. Все дела на арестованных партизан, явившихся с повинной, должны были быть пересмотрены, бесосновательно арестованные — освобождены. Репрессии сохранялись только в отношении лиц, продолжавших держать связь с «лесом», если это было доказано. Их Гримович предлагал судить на открытых показательных процессах¹⁷⁵.

Как показала практика, опасения военного прокурора вовсе не были лишены оснований: в Литве процесс «выхода из леса» в 1946 г. серьезно затормозился.

Перемены на поле «борьбы с бандитизмом» в 1945–1946 гг. коснулись и деятельности истребительных батальонов. До этого истребители существовали в виде «придатка» к войсковым частям НКВД, совмещая участие в операциях с работой в своем хозяйстве и находясь, по сути, на самообеспечении. Отдача от таких «добровольных помощников» была невысока, зато случаи ухода истребителей к партизанам, сотрудничество с «лесом», а также пьянство и поборы с граждан стали нормой. В дело решили вмешаться партийные структуры.

24 июля 1945 г. Бюро ЦК компартии Литвы совместно с Совнаркомом республики приняли постановление о положении истребительных батальонов. Этим постановлением был предусмотрен ряд мер, направленных на изменение организации, статуса и материального обеспечения батальонов. Отныне комплектование и деятельность истребителей рассматривались не только как дело НКВД, но и как важная часть партийной работы. В истребительных отрядах и взводах предлагалось ввести должность политруков; в этой связи ЦК ЛКСМ Литвы получил задание до 10 августа мобилизовать из городов республики 80 комсомольских активистов и направить их в уезды и волости.

На работу в истребительные батальоны был мобилизован весь советский и партийный актив. «Признать обязательным и необходимым, — говорилось в постановлении, — чтобы партийно-советский и комсомольский актив волостей (партторги, комсорги, председатели

¹⁷⁴ Докладная записка военного прокурора войск МВД Литовской ССР С. Гримовича о ходе легализации партизан. 5 июля 1946 г. — РГАСПИ. Ф. 597. Оп. 1. Д. 24. Л. 67.

¹⁷⁵ Там же. Л. 67–68.

и секретари волисполкомов) непосредственно состояли в истребительных батальонах и принимали активное участие в них»¹⁷⁶.

Коренным образом должно было измениться материальное положение бойцов истребительных батальонов. Хозяйства бойцов, находившихся на казарменном положении, были приравнены к хозяйствам военнослужащих в отношении обязательных государственных поставок сельхозпродукции: это значит, что на них были распространены все соответствующие льготы. Семьям погибших истребителей теперь полагались пенсии, а их хозяйствам оказывалась помощь при проведении сельхозработ «путем общественной взаимопомощи». Для снабжения истребителей организовывались специальные фонды¹⁷⁷.

Оставалось решить вопрос о переводе бойцов истребительных батальонов на постоянное продовольственное и денежное обеспечение. Для этого требовалось разрешение из Москвы. 22 августа 1945 г. Совнарком СССР принял постановление, согласно которому предложения литовских властей не только получили одобрение, но и само содержание истребителей было отнесено на счет союзного бюджета. Бойцы истребительных батальонов в части денежного и продовольственного обеспечения были приравнены к рядовому составу милиции сельских местностей Литовской ССР. Наркомторг СССР должен был выделить продовольственные фонды для снабжения 11 тысяч истребителей по норме рабочих промышленности, транспорта и связи. Наркомфин СССР получил распоряжение выделить соответствующие финансовые средства. Истребителей кроме того решили одеть и обуть. На эти цели Наркомат обороны СССР должен был выделить необходимое количество комплектов обмундирования — правда, не нового, а «отремонтированного и годного к носке»¹⁷⁸.

Обеспечение литовских истребителей по предложенной схеме первоначально должно было быть предусмотрено всего на пять месяцев, т. е. до конца 1945 г. Однако в дальнейшем этот порядок был сохранен — вплоть до 1949 г.¹⁷⁹ Более того, в январе 1946 г. он был

¹⁷⁶ Докладная записка заместителя начальника ОББ НКВД Литовской ССР полковника Эйсмонта. 15 августа 1945 г. — ГА РФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 319. Л. 198.

¹⁷⁷ В августе 1945 г. Наркомторг СССР для обеспечения истребителей должен был выделить 15 тыс. м хлопчатобумажных тканей, 1000 пар обуви, 1500 м шерстяных изделий. Специальный фонд организовывался для обеспечения семей погибших бойцов истребительных батальонов. — Там же. Л. 199.

¹⁷⁸ Справка о постановлении СНК СССР № 2107 — 544/сс от 22 августа 1945 г. — Там же. Д. 319. Л. 326.

¹⁷⁹ 14 декабря 1945 г. постановлением СНК СССР обеспечение бойцов истребительных батальонов Литвы согласно порядку, установленному решением от 22 августа 1945 г., было продлено на 1946 г. Аналогичные документы принимались также и в последующие годы. Последнее из обнаруженных в архиве постановлений Совета Министров СССР по данному вопросу датировано 25 октября 1948 г., оно предусматривает продление действия постановления от 22 августа 1945 г. еще на 1949 г. — ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 141. Л. 374; Ф. 5446. Оп. 50а. Д. 4080. Д. 10–11.

распространен и на бойцов истребительных батальонов Латвии и Эстонии, хотя и не в полном объеме¹⁸⁰.

Помимо улучшения материального положения бойцов истребительных батальонов партийное руководство Литвы было озадачено решением другой проблемы: как поднять престиж истребителей в глазах местного населения? В партийных постановлениях ставилась задача «создания популярности павшим бойцам»: их похороны осуществлялись за государственный счет, семьи получали пособия, о них писали в газетах. Власти Литвы, кроме того, первыми обратили внимание на двусмысленность самого названия «истребители». Совместным решением СНК и ЦК КП(б) Литвы от 18 декабря 1945 г. было решено, что отныне истребительные батальоны будут называться иначе — «отряды защитников народа»¹⁸¹. Правда, от изменения названия проблемы не ушли: «защитники народа» своим поведением часто вызывали у народа претензий ничуть не меньше, чем «истребки».

По-своему подошли к решению проблем, связанных с деятельностью истребительных батальонов, в Эстонии. Постановление по этому вопросу было принято ЦК КП(б) и правительством республики 26 декабря 1945 г. Эстонские руководители посчитали, что порядки в истребительных батальонах должны быть приближены к армейским. Бойцам предлагалось принимать присягу, для них вводились «опознавательные знаки» в виде специального головного убора и значки «Боец истребительного батальона». Для координации деятельности истребительных батальонов под партийным контролем в Таллине создавался Центральный штаб истребительных батальонов во главе с секретарем ЦК КП(б) Эстонии Н. Г. Каротаммом, а в уездах и волостях — местные штабы. Секретари укомов партии теперь должны были «лично, систематически бывать в истребительных отрядах, интересоваться их боевыми операциями»¹⁸². Другой круг вопросов касался материального обеспечения бойцов батальонов: в данном случае эстонские руководители пошли по пути своих коллег из Литвы.

Принимая подобные решения, власти Эстонии явно заступали на «чужую» территорию, вмешиваясь в прерогативы НКВД. Нарком Круглов отреагировал оперативно. Он выступил и против введения

¹⁸⁰ В Латвии на финансировании из госбюджета находились не все бойцы истребительных батальонов, а только командно-политический состав — 2000 человек. В Эстонии этот порядок был распространен на 500 бойцов, находящихся на казарменном положении. — ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 50а. Д. 4146. Л. 6; Д. 4164. Л. 4.

¹⁸¹ Докладная записка начальника ОББ НКВД ЛССР подполковника Бурылина «О состоянии и деятельности истребительных батальонов Литовской ССР». 15 января 1946 г. — Там же. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 319. Л. 339–340.

¹⁸² Постановление ЦК КП(б) и СНК Эстонской ССР «О мерах усиления борьбы с буржуазно-националистическим подпольем и его вооруженными бандами». 26 декабря 1945 г. — Там же. Д. 563. Л. 4–11.

присяги, и против всякого рода знаков отличия для истребителей, подчеркнув, что батальоны являются невоинскими формированиями. Резко возражал Круглов и против организации «партийных» штабов: «Нег никакой необходимости в коллегиальном руководстве истребительными батальонами... Борьба с антисоветским подпольем и бандитизмом возложена на органы НКВД и НКГБ, которые должны осуществлять эту борьбу в соответствии с указаниями НКВД и НКГБ СССР». Что касается партийных структур, то их дело — помогать органам, но не более того. Возражал нарком также против перевода бойцов истребительных батальонов на централизованное обеспечение, полагая, что эти расходы вполне может взять на себя республиканский бюджет¹⁸³.

Однако эстонским властям все-таки удалось найти поддержку в Москве. Н. Каротамм обратился к заместителю председателя СНК СССР Л. П. Берия. «Территория Эстонской ССР засорена бандитскими и антисоветскими элементами», — писал Каротамм, подчеркивая, что в республике еще существует «серьезная база для бандитизма». Не забыл секретарь упомянуть и про «классовую борьбу», «обострение» которой ожидалось в связи с выборами в Верховный Совет¹⁸⁴. После этого письма появилось подписанное Берия распоряжение союзного правительства от 27 января 1946 г. Согласно этому распоряжению для бойцов истребительных батальонов Эстонии, находящихся на казарменном положении (500 человек), были введены те же нормы денежного и продовольственного обеспечения, что и для истребителей Литвы. Только обмундирования эстонцам не хватило — Наркомат обороны отказал¹⁸⁵.

В том же 1946 г. в Эстонии все-таки начал работать централизованный штаб по руководству истребительными батальонами, в него вошли представители республиканских ЦК, правительства и силовых структур. Также положительно решился вопрос с введением присяги для бойцов истребительных батальонов. Вместе с тем ни штабы, ни присяга, ни денежное довольствие не помогли излечить главную «болезнь» истребителей — сводки по-прежнему доносили: «факты предательства, перехода на сторону врага, элементы беспечности и разложения имеют место в рядах истребительных батальонов»¹⁸⁶.

¹⁸³ Письмо наркома внутренних дел СССР С. Н. Круглова уполномоченному НКВД-НКГБ СССР по Эстонской ССР Н. Д. Горлинскому и наркому внутренних дел ЭССР А. Резеву. Январь 1946 г. — Там же. Д. 319. Л. 314–317.

¹⁸⁴ Письмо Н. Г. Каротамма Л. П. Берия. 5 января 1946 г. — Там же. Ф. 5446. Оп. 48а. Д. 2480. Л. 21.

¹⁸⁵ Распоряжение СНК СССР № 1014 от 27 января 1946 г.

¹⁸⁶ Докладная записка министра внутренних дел Эстонской ССР А. Резева заместителю министра внутренних дел СССР В. Рясному. 4 мая 1946 г. — ГА РФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 543. Л. 58.

Аналогичные проблемы были свойственны и истребительным батальонам Латвии. Латвийская специфика заключалась в том, что здесь в ряды истребителей было вовлечено рекордное количество людей — в конце 1945 г. батальоны насчитывали почти 15 тысяч бойцов. Только с апреля по июнь 1945 г. пополнение истребительных батальонов составило 4 тысячи человек: их численность увеличилась с 10 972 до 14 907 человек¹⁸⁷. В Эстонии в тот же период истребителей было 5500, а в Литве — 11 000 человек. Чтобы добиться таких рекордных показателей, в Латвии даже пытались привлечь в истребительные батальоны женщин, правда, опыт этот оказался не очень удачным¹⁸⁸. Предугадать последствия такого «ударного» комплектования несложно, и проблема «балласта» среди истребителей Латвии оказалась ничуть не менее актуальной, чем в Литве и Эстонии.

В течение 1945–1946 гг. организованные силы вооруженного сопротивления в Латвии и Эстонии оказались разгромленными. «В настоящее время в Латвии крупных бандитских формирований нет. Действуют лишь мелкие разрозненные группы», — говорилось об итогах 1946 г. в докладной записке ГУББ МВД СССР, адресованной С. Н. Круглову¹⁸⁹. «Все крупные бандитские формирования в основном ликвидированы», — сообщалось о положении дел в Эстонии¹⁹⁰.

В Литве ситуация была иной. Из итоговых рапортов за 1946 г. следовало, что деятельность антисоветского подполья в республике «в значительной мере парализована» — главным образом за счет разгрома ряда повстанческих организаций¹⁹¹. Однако ни о какой ликвидации подполья пока не было и речи. И это, несмотря на то, что на борьбу с партизанами были брошены большие силы: только численность войск МВД, участвовавших в «борьбе с бандитизмом» в Литве, составила на 1 января 1947 г. 12 571 человек (для сравнения: в Эстонии в тот же период находилось 1725 человек личного состава войск МВД)¹⁹². Тем не менее приходилось признавать: «В течение 1946 года по всем бандитским формированиям органами и войсками

¹⁸⁷ Докладная записка «О состоянии и деятельности истребительных батальонов и групп содействия НКВД Латвийской ССР за 2-й квартал 1945 г.». Июнь 1945 г. — ГА РФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 319. Л. 174.

¹⁸⁸ Докладная записка «О состоянии и деятельности истребительных батальонов и групп содействия НКВД Латвийской ССР за 1-й квартал 1945 г.». Апрель 1945 г. — Там же. Л. 46.

¹⁸⁹ Докладная записка н.о. начальника ГУББ МВД СССР полковника Полякова о борьбе с повстанческим движением в 1946 г. 24 января 1947 г. — Там же. Д. 709. Л. 39.

¹⁹⁰ Там же. Л. 46.

¹⁹¹ Там же. Л. 31.

¹⁹² Там же. Л. 24.

МВД наносились значительные удары. Однако состав банд пополнялся за счет «резервов», т. е. участников, находящихся на легальном положении»¹⁹³.

Проблема «резерва» партизанских сил беспокоила не только чиновников из ГУББ — она превратилась в главную головную боль и для литовских руководителей. Те могли получать информацию не по отчетам, а из первых рук, и информация эта не внушала никакого оптимизма. О динамике развития ситуации на фронте «борьбы с бандитизмом» в республике лучше всего говорят цифры, представленные Военным отделом ЦК компартии Литвы. Приведем эти данные полностью:

«За 2-ое полугодие 1944 г. было ликвидировано банд — 151. Убито бандитов — 2436. Захвачено — 2349.

На 1 января 1945 г. осталось на учете банд — 170 и в них 7526 бандитов.

За 1-ое полугодие 1945 г. было ликвидировано банд — 423. Убито бандитов — 6171. Захвачено — 4989.

На 1 июля 1945 г. оставалось на учете 175 бандгрупп и в них 7862 бандита.

За 2-ое полугодие 1945 г. было ликвидировано банд — 298. Убито бандитов — 3460. Захвачено — 4620.

На 1 января 1946 г. оставалось на учете банд — 134 и в них 2997 бандитов.

За 4 месяца 1946 г. ликвидировано банд — 159. Убито бандитов — 742. Захвачено — 3633.

На 25 апреля оставалось на учете 159 бандгрупп и в них 3121 бандитов»¹⁹⁴.

Получалось, что в конце каждого периода количество ликвидированных партизанских групп, а также численность убитых и арестованных партизан была больше, чем их находилось на учете в начале этого периода. В то же время следующий «учетный период» начинался с фиксации новых партизанских сил, результат борьбы с которыми был таким же, как и на предыдущем этапе. Всего же только за четыре месяца 1945 г. «лесных братьев» было уничтожено в три раза больше, чем их состояло на учете 1 января 1945 г.¹⁹⁵ Конечно, реальная и учетная численность партизан — это не одно и то же. Но тенденция очевидна: каждый раз они, объявленные ликвидированными, появлялись вновь — возрожденные подобно птице феникс.

¹⁹³ Там же. Л. 20.

¹⁹⁴ Информационный материал начальника Военного отдела ЦК КП(б) Литвы Нодалиса «Политическое положение в Литве». [Сентябрь] 1946 г. — РГАСПИ. Ф. 597. Оп. 1. Д. 24. Л. 133.

¹⁹⁵ Там же. Л. 134.

Вряд ли подобный поэгический образ приходил на ум составившему справку начальнику Военного отдела. Его вывод был прозаичен и прост: «Бандитизм был бы давно ликвидирован, если бы банды не пополнялись»¹⁹⁶. И еще: «Одними военными и оперативными мерами мы не добьемся нужного перелома в политическом положении в Литве»¹⁹⁷.

Существование «резерва» повстанческих сил заставляло всерьез задуматься о социальной базе антисоветского сопротивления. «Кулацкое подполье» и «остатки враждебных классов» — на этих понятиях, пригодных для пропагандистских агиток, трудно было строить реальную политику. Вести войну с собственным народом, причем руками «чужой» армии, означало только одно: «подполье» и «остатки» не только не исчезнут, но и будут дальше пополнять свои ряды за счет «сочувствующих». Поэтому, начиная с 1947 г., тактика борьбы с движением сопротивления меняется. Крупные войсковые операции и «зачистки» постепенно уходят в прошлое. Политика в отношении «лесных братьев» строится по двум основным направлениям: во-первых, разложение повстанческого движения изнутри и, во-вторых, уничтожение его социальной опоры, разрушение связей между «лесом» и «хутором».

1947–1948 годы были в этом смысле переходными. Министр внутренних дел С. Н. Кружков поставил перед своими подчиненными очередные сроки — «покончить с бандами и их штабами к февралю 1947 г.»¹⁹⁸. В это время происходит централизованная реорганизация структур, ответственных за «борьбу с бандитизмом». В январе 1947 г. по распоряжению Совета Министров СССР вся деятельность по подавлению национального движения сопротивления передается в ведение органов государственной безопасности¹⁹⁹. В этой связи отделы по борьбе с бандитизмом МВД республик Прибалтики передают свое имущество и личный состав республиканским МГБ.

Одним из следствий этой реорганизации стал переход от войсковых к чекистским методам борьбы с антисоветским подпольем: ликвидация партизанских групп с помощью оперативных отрядов, легендированных под партизан, охота за руководителями «лесных братьев», вербовка и внедрение в отряды агентов, организация сети «информаторов» и т. д. Только в Литве в 1951 г. численность агентов

¹⁹⁶ Информационный материал начальника Военного отдела ЦК КП(б) Литвы Иодальнея «Политическое положение в Литве». [Сентябрь] 1946 г. — РГАСПИ. Ф. 597. Оп. 1. Д. 24. Л. 134.

¹⁹⁷ Там же. Л. 136.

¹⁹⁸ Выступление председателя Бюро ЦК ВКП(б) по Литве В. В. Щербакова на XI пленуме ЦК КП(б) Литвы. 23 ноября 1946 г. — Там же. Д. 19. Л. 37.

¹⁹⁹ Ткаченко С. Н. Повстанческая армия: тактика борьбы // http://militera.lib.ru/science/tkachenko_sn/index.html

и осведомителей МГБ достигла 27 700 человек²⁰⁰. Как это обычно бывало, многие пошли на сотрудничество с «органами» в результате шантажа и угроз, поэтому отдача от большинства таким образом завербованных осведомителей была невысока. В то же время значительная часть партизанских и подпольных групп, обнаруженных и ликвидированных в эти годы, стала жертвами деятельности агентов из числа местного населения. Своя агентурная сеть была создана и в Литвии, в нее были вовлечены примерно 2000 человек. Среди них были как «полевые агенты», работающие под видом партизан, заготовителей, почтальонов и т. д., так и «агенты влияния» — журналисты, учителя, лекторы²⁰¹.

Однако основной удар по национальному движению сопротивления в Прибалтике был нанесен не в результате чекистско-военных операций и не благодаря деятельности агентов. Перелом наступил в марте 1949 г., когда состоялись массовые депортации населения из Литвы, Латвии и Эстонии²⁰². В результате этих акций повстанческое движение лишилось своей социальной базы. Тысячи крестьян под угрозой высылки тогда бежали в леса. Однако, деморализованные и напуганные, они не могли рассматриваться как партизанский резерв. Люди уже не хотели бороться, осознав бесперспективность борьбы с заведомо более сильным противником.

Не последнюю роль в снижении активности партизан и настроений сопротивления в целом сыграло угасание надежды на помощь Запада: время шло, и «период ожидания» закончился. Берлинский кризис 1948 г. продемонстрировал, что даже в условиях жесткой конфронтации западные державы и Сталин предпочли не доводить конфликт до критической черты. Последняя надежда блеснула в 1950 г., когда разгорелась война в Корее, но арена действий была слишком далека, чтобы как-то затронуть Прибалтику.

В 1949 г. начинается новый и последний этап в развитии вооруженного движения сопротивления в Прибалтике: оно идет на спад, теряя своих наиболее активных сторонников, и постепенно прекращается. Сведения о небольших партизанских группах и партизанах-одиночках встречаются в документах МГБ до середины 1950-х годов. Однако повстанческого движения в этот период уже не существует: национальное сопротивление развивается дальше в ненасильственных формах противостояния советскому режиму.

²⁰⁰ Gaškaite-Žemaitienė N. The Partisan War in Lithuania from 1944 to 1953. P. 36.

²⁰¹ Strods H. The Latvian Partisan War between 1944 and 1956. P. 155.

²⁰² Подробнее о депортациях 1948–1949 гг. см. с. 180–182.

Таблица 4.5. Борьба с антисоветским сопротивлением в республиках Прибалтики в 1944–1952 гг.

	Литва	Латвия	Эстония
Численность репрессированных в ходе мероприятий по ликвидации национального сопротивления (чел.): Всего	276 379	119 000	67 470
В том числе:			
— арестованы органами госбезопасности	63 011	26 617	18 772
— арестованы органами прокуратуры и милиции	67 326	46 360	26 284
— убиты как участники «банд» и партизаны	20 005	2 321	1 495
— депортированы как «кулаки», «укрыватели» и «пособники бандитов»	126 037	43 702	20 919
Жертвы среди работников МВД, милиции, партийно-хозяйственного актива	12 910	1660*	887

* Указаны только как потери среди партийно-хозяйственного актива.

Источники: Записка Л. П. Берия о ситуации в Литовской ССР. 8 мая 1953 г. — РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 897. Л. 135–142 (опубликовано: Независимая газета. 2005. 5 августа); Записка Н. С. Хрущева о положении дел в Латвийской ССР. 8 июня 1953 г. — РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 6. Л. 20–27; Информационный материал Е. И. Громова для подготовки записки Н. С. Хрущева о положении дел в Эстонской ССР. 20 июня 1953 г. — РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 445. Л. 267–273.

Борьба режима с вооруженной оппозицией, длившаяся почти десять лет, стоила огромных жертв (таблица 4.5.). По официальным, далеко не полным данным, за период с 1944 по 1952 г. по трем республикам Прибалтики жертвы среди партизан составили почти 23 751 чел., органами госбезопасности были арестованы 51 693 чел., в результате депортаций из Литвы, Латвии и Эстонии были высланы как «кулаки» и «пособники бандитов» почти 200 тыс. человек. Всего в ходе борьбы с антисоветским подпольем репрессиям подверглись около полумиллиона человек. Жертвы среди тех, кто боролся на стороне режима, составили — тоже по неполным данным — более 15 тыс. человек. Таков был итог вооруженного противостояния — разрушительный для национального подполья, но совсем не победный для советского режима. Это стало очевидным, когда после смерти Сталина его преемники в процессе «инвентаризации» политического наследия вождя обнаружили, что Прибалтика оказалась почти усмирением, но не лояльным регионом²⁰³.

²⁰³ Подробнее об этом см. в главе 6.

Глава 5

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА ПРИБАЛТИКИ: МЕЖДУ КОЛЛАБОРАЦИОНИЗМОМ И НАЦИОНАЛ-КОММУНИЗМОМ

5.1. Национальная элита Прибалтики «сталинской генерации»: эскизы к социально-политическому портрету

Конструкция «Прибалтика и Кремль» останется условной до тех пор, пока не возникнет простой вопрос: кто стоит за этими понятиями? Кто принимал и проводил в жизнь решения, направляющие процесс советизации Прибалтики? Как строились отношения между «заказчиком» и «исполнителями»? Наконец, почему те или иные люди — латыши, литовцы, эстонцы — не просто смирились с фактом советской аннексии, но и стали активно сотрудничать с новым режимом, более того — вошли в состав правящей элиты?

Потом их назовут «коллорационистами», и этой отметины окажется достаточным, чтобы почти забыть о них или по крайней мере вычеркнуть из списка исторических лиц, чья жизнь стоит внимания национальной исторической науки. Доходит до курьезов: в изданной в 2005 г. «Истории Латвии. XX век» в разделе о литературе 1930-х годов вообще не упоминается имя Вилиса Лациса, зато, когда речь заходит о латвийском кино, в качестве «вызвавшего интерес» называется кинофильм «Сын рыбака», снятый по самому известному роману писателя¹. Не менее примечательными выглядят попытки представить его в двух лицах — как «хорошего» писателя и «плохого» политика, особенно характерные для публикации 2004 г., когда отмечалось 100-летие со дня рождения Лациса.

Пропуском в категорию «героев» для представителей национальной элиты обычно служит тест на соответствие «национальным интересам», которые, в свою очередь, представляют довольно широкий и меняющийся со временем спектр требований, начиная от политических заявлений и заканчивая вполне прозаическими вещами, например, распределением капиталовложений и рабочих мест между «своими» и «чужими». Впрочем, для тех, кто пришел к власти в 1940 г., т. е. фактически получил ее из рук Москвы, шанс пройти тест на «национального героя» или хотя бы попасть в число исторических персон, достойных внимания, невелик. Таков взгляд на советское прои-

¹ История Латвии. XX век. Рига, 2005. С. 225.

лое современной политики. Политические пристрастия, как известно, проблемы не решают, но продиктованная ими безапелляционность и простота ответа рождают сомнения и вопросы. В данном случае уже хотя бы из любопытства стоит задаться вопросом: насколько «национальной» была национальная советская элита балтийских республик?

Когда речь заходит о политических элитах, в том числе о национальных политических элитах, всегда требуется уточнение предмета. Понятие «политическая элита» не имеет четких границ, ее советский вариант — тем более². Эгиль Левите, один из первых посвятивший специальное исследование советской элите Прибалтики, на примере Латвии рассматривает «национальную элиту» в социологическом смысле — как тот уровень представителей нерусских национальностей, чье привилегированное положение было связано прежде всего с существующей системой и которые пользовались большей частью материальных и нематериальных благ — властью, влиянием, привилегиями, престижем³.

В данной книге понятие «национальная политическая элита» объединяет представителей титульной национальности, занимающих ключевые посты в структурах власти и управления. В центре исследования находятся главные фигуры советской политической иерархии республиканского уровня — первые секретари ЦК компартий и председатели правительства республик, а также партийные и государственные деятели «второго эшелона» — председатели Президиумов Верховных Советов, министры, секретари ЦК, которые в силу своего статуса и авторитета могли влиять на принятие политических решений. При этом авторитет часто играл большую роль, чем статусная позиция, что особенно характерно для советской элиты Прибалтики «первого призыва», или «первой волны». Ее еще называют «сталинской генерацией» советской элиты⁴.

Формирование элиты «первой волны» пришлось на 1940 г. и 1944 г., т. е. на начало советизации Прибалтики⁵. Этот «призыв» отличался

² Эту особенность отмечают почти все авторы, пишущие о предмете. См., например: Mawdsley E., White S. *The Soviet Elite from Lenin to Gorbachev. The Central Committee and its Members, 1917–1991*. N.Y., Oxford: University Press, 2000. P. VI.

³ Levits E. *National Elites and Their Political Function within the Soviet System: the Latvian Elite* // *Journal of Baltic Studies*. Vol. XVIII. № 2 (Summer 1987). P. 176.

⁴ *Ibid.* S. 183.

⁵ Иногда в литературе к советской элите Прибалтики «первой волны» относят только руководителей, получивших свои посты в 1940 г., а «призыв» 1944 г., т. е. после немецкой оккупации, рассматривается как «вторая волна» (см., например, Silde A. *The Role of Russian-Latvians in the Sovietization of Latvia* // *Journal of Baltic Studies*. Vol. XVIII. № 2 (Summer 1987). P. 192). В действительности в 1944 г. к власти вернулись кадры 1940 г., за исключением Эстонии, где поменялись руково-

известным своеобразием. По формальным признакам распределение ролей среди правящей элиты в Прибалтике ничем не отличалось от советской модели в целом, ориентированной на безусловное лидерство первого секретаря партии. Однако реальная конфигурация власти соответствовала этой модели только в Литве, где партийный шеф Антанас Снечкус являлся полновластным хозяином республики в течение трех десятилетий. В Латвии и Эстонии положение первого секретаря выглядело не столь безусловным — по крайней мере до 1950 г. в Эстонии и до 1959 г. — в Латвии: Николай Каротамм и Янис Калиберзиньш выступали в тандеме с другими руководителями или вообще принимали роль «второй скрипки» (ситуация, особенно характерная для Эстонии). По крайней мере, главы правительства этих республик — Арнольд Веймер и Вилис Лацис — играли ключевую роль в процессе принятия решений. Взаимоотношения внутри правящей элиты Прибалтики «первого призыва» в значительной степени определялись не столько формальным статусом, сколько авторитетом и личными лидерскими качествами. Тот же Снечкус сумел поставить себя в положение единоличного лидера республики и — что еще более важно — получить признание своего статуса в Москве во многом благодаря имиджу сильного человека, умеющего «держаться в руках» столь беспокойный регион, как Литва.

Отношения с Москвой являлись ключевым пунктом в осуществлении политической элитой балтийских республик своих функций. Эгил Левите полагает, что основные функции национальной элиты нерусских народов заключались, во-первых, в проведении политики центральной власти на нерусской периферии и, во-вторых, в презентации и отстаивании собственных, национальных интересов⁶. Возможности национальных элит проводить специфические национальные интересы в рамках советской системы, по мнению Левитса, были относительно малы, однако они очевидно заявляли о себе и в экономике, и в кадровой политике, и особенно в вопросах культуры⁷.

Формирование национальных элит, ориентированных на национальный интерес в балтийских республиках, по мнению большинства историков, начинается только после смерти Сталина, т. е. не ранее 1953 г. Именно представители этого поколения нерусских элит, считает, например, Герхард Зимон, первыми внесли свой вклад в дестабилизацию советской системы в целом, в том числе за счет про-

дители: на место К. Сяре пришел Н. Каротамм, а погибшего при эвакуации в 1941 г. И. Лаурнстина сменил А. Веймер. Вместе с тем принципы подбора политической элиты в 1944 г. были теми же, что и в 1940 г., и это дает основание отнести лидеров балтийских республик, получивших свои посты в 1940 г. и в 1944 г., к советской политической элите «первой волны».

⁶ Levits E. National Elites and Their Political Function within the Soviet System: the Latvian Elite // *Journal of Baltic Studies*. Vol. XVIII. № 2 (Summer 1987). P. 177.

⁷ Ibid. S. 180.

тектионистской политики в своих республиках⁸. В отличие от поколения элиты времен «оттепели» ее предшественники послушно следовали в фарватере Москвы и были проводниками политики Центра на периферии в гораздо большей степени, чем национально ориентированными лидерами. По мнению Э. Левитса, «сталинской генерации» элиты балтийских республик вообще были «едва ли свойственны артикуляция и презентация национального интереса»⁹. Балтийские лидеры «сталинского призыва» сыграли решающую роль в советизации Прибалтики¹⁰, т. е. в перестройке жизни балтийских стран по советскому образцу в ущерб национальным особенностям и традициям.

Таков приговор экспертов, и он во многом кажется справедливым. Если бы не одно обстоятельство: «сталинское поколение» балтийской элиты и поколение «оттепели» — это одни и те же люди. Это те же люди, но оказавшиеся в других обстоятельствах. Поэтому тот же Йоханнес Кэбин, который сразу после своего избрания на пост в результате чистки 1950 г., просил Москву прислать в Эстонию «побольше русских кадров» и всячески уповал на «русский опыт», спустя десять лет будет заявлять — впрочем, довольно осторожно — о национальной специфике Эстонии и неприменимости некоторых «русских» экспериментов на эстонской почве. Что касается национального протекционизма, то он в разных формах, чаще всего скрытых, проявлялся в политике балтийских лидеров и до 1953 г., однако после смерти Сталина они получили большее пространство для маневра — результат «нового курса» Кремля по отношению к национальным республикам. Умение лавировать и подстраиваться под обстоятельства — качество для политика необходимое. Балтийские лидеры «сталинского призыва» владели этим умением вполне.

Среди представителей этой генерации балтийской элиты были свои политические «долгожители», как Антанас Снечкус и Йоханнес Кэбин, и «однодневки», как Карл Сяре, судьба которого до сих пор до конца неясна¹¹. По своему происхождению и политическому

⁸ Simon G. Entkolonisierung in der Sowjetunion. Die neuen nationalen Eliten in den sowjetischen Unionsrepubliken seit den 1950-er Jahren // Deutschland, Russland und das Baltikum. Beiträge zur Geschichte wechselvoller Beziehungen. Florian Anton u. Leonid Luks (Hrsg.). Köln, 2005. S. 277.

⁹ Levits E. National Elites and Their Political Function within the Soviet System: the Latvian Elite. P. 189.

¹⁰ Silde A. The Role of Russian-Latvians in the Sovietization of Latvia. P. 198.

¹¹ В 1941 г. Карл Сяре, оставшийся в Эстонии на подпольной работе, был арестован немцами. Последний раз его имя всплывает на Копенгагенском судебном процессе 1943 г., на котором советские спецслужбы обвинялись в подготовке терактов против эстонских коммунистов. Сяре выступал там в качестве свидетеля. Последние годы своей жизни Сяре провел в заключении — сначала в Шарлоттенбурге под Берлином, потом в концентрационном лагере в Заксенхаузене. По видимому, он был казнен в конце войны (Estonia 1940–1945. Reports of the Estonian International Commission for the Investigation of Crimes Against Humanity. Tallinn, 2006. P. 1173). В Советском Союзе Сяре считался «предателем» и «изменником родины». — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 131. Д. 256. Л. 117.

опыту это, возможно, самое интересное и «пестрое» по составу поколение лидеров балтийских стран. И все-таки, несмотря на внутренние различия, это поколение было достаточно единым. Оно было единым, во-первых, в демографическом смысле: большинство руководителей балтийских республик пришли к власти в относительно молодом для политиков возрасте — в 1940 г. им было в основном по 37–38 лет или чуть больше сорока, т. е. это были люди 1899–1903 годов рождения. «Патриархи» типа Августа Кирхенштейна были исключением и занимали главным образом представительские должности. По месту рождения все они были подданными Российской империи, владели русским языком. По сравнению с советской элитой старых республик балтийские лидеры были более образованными: большинство имели незаконченное высшее образование или по крайней мере среднее. У «сталинской гeнерации» политической элиты Прибалтики была еще одна особенность: в известном смысле это было самое «неправильное» поколение элиты, поскольку ресурс «правильных» — с точки зрения Москвы — кадров в Прибалтике был невелик и приходилось выбирать из того, что было в наличии. Каковы же были принципы этого отбора?

Вопрос о принципах отбора советской элиты первого «призыва» непосредственно связан с другим: когда у Кремля возник замысел проекта по формированию новой политической элиты балтийских стран? Новая элита должна была занять правящие позиции и обеспечить процесс советизации Прибалтики. Состав правящих групп во всех трех балтийских странах, сформированный в результате так называемых парламентских выборов 1940 г., носил переходный характер, т. е. он был просоветским, но еще не советским в полном смысле слова. Советская элита по определению должна была быть элитой коммунистической — состоять из представителей компартии, а новые правительства, образованные в июне 1940 г., были намеренно подобраны Москвой таким образом, чтобы не выглядеть слишком «красными». После переворота их предстояло заменить коммунистами.

Настоящей кузницей национальных кадров коммунистов был Коминтерн, в котором действовали национальные секции (отделения) компартий Латвии, Литвы и Эстонии. Молодые коммунисты из разных стран проходили обучение в университетах и международных школах Коминтерна. Для латышей, эстонцев и литовцев главной школой коминтерновского просвещения был Коммунистический университет национальных меньшинств Запада имени Ю. Мархлевского. Один из его выпускников, Янис Кашинберзипш, вспоминал о порядках и условиях жизни в Комвузе: «Я, родившийся и выросший в условиях, в которых деньги обладали огромной силой, был поражен тем, что в Комвузе все было бесплатно, наступил как бы “полный коммунизм”. Нас бесплатно учили. Три раза в день кормили в

столовой (по утрам все по очереди чистили картошку). Раз в год каждый слушатель получал одежду, сшитую по мерке, и одну пару обуви. Каждому давали карманные деньги, ежемесячно по 30 рублей. Был бесплатный детский сад для семейных»¹².

Жизнь политэмигрантов в Москве была организована по принципу землячества. «В одном из зданий близ площади Пушкина размещался клуб имени П. Стучки, где собирались латыши, жившие в Москве, — рассказывал Калиберзиньш. — Там находился и театр “Скагуве” (“Сцена”), читались лекции об искусстве и литературе, ставились пьесы латышских классиков... Раз в год мы собирались на вечера поэзии. В клубе существовал прекрасный хор... При клубе была столовая, где готовили латышские национальные блюда. Так гостеприимно и по-братски приютила латышских коммунистов-эмигрантов русская Москва. Членом клуба был и я»¹³.

Коминтерн, давший «приют» политэмигрантам, тем не менее не стремился окончательно адаптировать их к жизни в Советском Союзе. Точно так же не были приспособлены коминтерновские практики, по крайней мере до 1939 г., к решению задачи формирования новых правящих коммунистических элит. Зарубежные кадры Коминтерна представляли собой скорее ресурс контрэлита, ориентированных на нелегальную деятельность в своих странах. Кроме того, коминтерновское настоящее и прошлое, с точки зрения Кремля, еще не обеспечивало человеку «мандат доверия». В 1936 г. Коминтерн, его учебные заведения и другие организации были подвергнуты основательной проверке на предмет выявления «шпионов и диверсантов», которые якобы используют Коминтерн как канал проникновения в Советский Союз¹⁴.

В записке секретаря Исполкома Коминтерна Д. З. Мануильского от 3 января 1936 г., специально посвященной этому вопросу, в «черный список» компартий, «неблагополучных по провокации», попали наряду с польской и финской латышская, литовская и эстонская партии¹⁵. Мануильский предлагал существенно ограничить приток политэмигрантов в Советский Союз и выслать из страны всех, кому «не грозит суровая репрессия» на родине. Выпускники школ Коминтерна после окончания учебного заведения также должны были вернуться в свои страны¹⁶.

В 1937–1938 гг. политэмигранты и коминтерновские сотрудники стали жертвами Большого террора, уцелеть тогда удалось не-

¹² Калиберзин Ян. Воспоминания. Запись Н. Задорнова. Рига, 1981. С. 118.

¹³ Там же. С. 119.

¹⁴ Политбюро ЦК РКП(б)–ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. М., 2004. С. 728.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 728–729.

многим — людям либо вовсе неприметным, либо пересидевшим трудные времена за пределами СССР. В данном случае спасительными оказались не только родные стены, но и застенки: Калнберншпиль и Снечкус, например, не попали под каток репрессий в первую очередь потому, что находились в это время на нелегальной работе, а потом отсиживали свой срок в тюрьмах — один в Латвии, другой — в Литве.

Репрессии в Коминтерне против представителей латышской, литовской, эстонской компартий могут считаться косвенным свидетельством того, что до 1939 г. формирование политической элиты советского образца не входило в актуальные планы Кремля. Задача эта возникла не раньше, чем появился сам проект советизации Прибалтики, т. е. не ранее лета 1939 г. Реальная же работа в этом направлении началась только летом 1940 г. — уже после того, как аннексия балтийских стран стала свершившимся фактом.

Каким требованиям, с точки зрения Кремля, должны были отвечать люди, которым предстояло стать новой правящей элитой балтийских республик? Попытаемся выстроить некую «идеальную модель» советской элиты Прибалтики. Очевидно, что «идеальный кандидат» должен был соответствовать по крайней мере следующим требованиям: 1) пользоваться доверием Кремля, т. е. быть надежным агентом влияния, 2) не вызывать отторжения у местного населения, 3) быть фигурой, достаточно сильной, чтобы держать под контролем ситуацию в регионе и при этом четко представлять границы собственной компетенции по отношению к прерогативам Центра. Принадлежность к коммунистической партии являлась обязательным условием для формирования элиты, по крайней мере ее высшего звена. Что касается доверия, то на него могли в первую очередь рассчитывать люди, имеющие в прошлом связи с Москвой, с Россией¹⁷. В данном случае речь шла либо об уцелевших кадрах Коминтерна, либо о так называемых русских представителях титульных этносов — живущих в России литовцах, латышах, эстонцах.

Найти таких людей большей проблемы не представляло, особенно если бы ставка изначально делалась на «русских» литовцев, латышей и эстонцев. Проблема заключалась в том, чтобы новая элита «прижилась» в этом своем качестве, т. е. получила признание или хотя бы лояльное отношение со стороны местного истеблишмента. Рассчитывать на подобное признание имели шанс люди, во-первых, безусловно «свои», т. е. принадлежавшие к титульной нации и проживавшие в Прибалтике до советского вторжения; во-

¹⁷ Давид Феест, анализируя расстановку сил в руководстве Эстонии, также отмечает, что на доверие Москвы могли рассчитывать лишь те функционеры, которые находились в сфере ее влияния (Feest D. Zwangskollektivierung im Baltikum. Köln, Weimar, Wien, 2007. S. 59).

вторых, имеющие заслуги перед собственной страной, в-третьих, не слишком очевидно связанные с Москвой, чтобы не восприниматься как ее «агенты». Таким образом, требования к правящей элите Кремля и национального истеблишмента по ряду принципиальных позиций не только не совпадали, но и противоречили друг другу. Однако полностью проигнорировать отношение общества к новым лидерам Центр не мог: в конце концов именно эти люди должны были стать «лицом» советской власти, поэтому надо было постараться сделать это «лицо» хотя бы внешне привлекательным. Имидж власти должен был обеспечить ее престиж в глазах истеблишмента. Учитывая запросы балтийского населения и его менталитет, этот имидж можно было бы определить как «культурная советская власть».

Результатом поиска баланса между политическими интересами Москвы в балтийском регионе и необходимостью создания позитивного имиджа новой власти стал состав правящей элиты балтийских республик первого «призыва». Условно ее представителей можно разделить на три группы: 1) «коммунисты-нелегалы»; 2) «интеллектуалы»; 3) «русские прибалты».

«Коммунисты-нелегалы». К этой группе относятся «коминтерновцы», т. е. люди, работавшие в прошлом в Коминтерне и его организациях, и «политзаключенные», проводившие значительное время в тюрьмах и в силу этого не имевшие устойчивых связей с Москвой. У тех и других был опыт подпольной работы в своих странах, тюремное прошлое — комплекс «революционных заслуг», необходимых для формирования имиджа власти как власти советской, коммунистической. Принадлежность к титульной нации и национальное гражданство до 1940 г. работали на лояльное отношение к «нелегалам» местного населения. Кроме того, на стороне бывших политзаключенных были симпатии той части общества, которая критически воспринимала прежние порядки и сочувствие к «сидельцам», свойственное человеческой природе вообще.

Москва отдавала предпочтение «коминтерновцам»: коммунисты, связанные с Коминтерном и вообще с Россией, пользовались большим доверием, чем «политзаключенные», тем более что репрессивная кампания против коминтерновских кадров завершилась, а выжившие могли считаться уже прошедшими тест на благонадежность. Не случайно первые позиции (пост первого секретаря республиканской компартии) в 1940 г. заняли люди с коминтерновским прошлым — Янис Калнберзиньш в Латвии, Антанас Снечкус в Литве, Карл Сяре в Эстонии.

Все три коммунистических лидера имели связи с Россией еще до того, как начали работать в коминтерновских организациях. Карл Сяре в возрасте 18 лет уехал из Эстонии в Советскую Россию, начал учиться в Ленинградском университете, но свое образование так и

не закончил — случай довольно типичный для национальных кадров коммунистов.

Янис Калинберзиньш покинул Латвию в 1918 г., когда он, молодой коммунист, в ходе немецкого наступления на Ригу ушел вместе с красными отрядами в Россию, всю Гражданскую войну провоявал в Латышской дивизии, а после ее расформирования бывший латышский стрелок стал слушателем партийной школы в Ленинграде. Так начиналась его коминтерновская биография.

Антанаса Снечкуса привела в Россию Первая мировая война: в 1915 г. вильнюсская гимназия, в которой он учился, была эвакуирована в Воронеж. В Воронеже жили тогда многие беженцы из Литвы, Снечкус сблизился с левыми кругами и в порыве революционного энтузиазма даже пытался в 1918 г. записаться в отряд Красной гвардии. Однако по малолетству — Антанасу исполнилось только 15 лет — оружия ему не дали, а порекомендовали вернуться на родину, в Литву: мол, там тоже надо бороться за Советскую власть¹⁸. В Воронеже Снечкус познакомился с одним из лидеров компартии Литвы Зигмасом Ангаретисом. «Ангаретис принял Антанаса дружелюбно, долго беседовал с ним, дал ему листовки, научил, как их спрятать, чтобы не нашли при переезде за границу. Снечкус обрадовался и последние три рубля, которые остались у него после продажи личных вещей, отдал на партийные дела», — спустя годы напишет об этой встрече жена Снечкуса М. Бордонайте¹⁹. Знакомство с Ангаретисом потом сыграет свою роль в коминтерновской карьере Снечкуса: Ангаретис занимал пост представителя компартии Литвы при Исполкоме Коминтерна, в 1934 г. Снечкус станет его заместителем, а значит, и вторым человеком в литовской компартии.

Однако «кабинетного» коминтерновского функционера из Снечкуса так и получилось. По роду своей деятельности он скорее был типичным коминтерновским «челноком», курсирующим между Москвой и Литвой, куда он отправлялся для организации нелегальной работы коммунистических организаций. Навыки работы в подполье Снечкус приобрел давно: он вступил в компартию в 1920 г., а в 1921 г. был впервые арестован. В том же 1921 г. Снечкус, отпущенный из тюрьмы под надзор полиции, не дожидаясь суда, нелегально был переправлен ЦК подпольной компартии Литвы в Советскую Россию «для поступления в паргшколу», как значилось в соответствующем мандате²⁰. Однако учиться тогда ему так и не пришлось. «Какая теперь может быть учеба, когда нам нужны люди», — заявил Снечкусу один из руководителей компартии Литвы в Коминтерне Винцас Кап-

¹⁸ Бордонайте М. Товариш Матас. Воспоминания об Антанасе Снечкусе. Вильнюс, 1986. С. 21.

¹⁹ Там же. С. 21.

²⁰ Там же. С. 28.

сукас, и тот отправился в Смоленск, работать в издательстве Заграничного бюро литовской компартии (в Смоленске издавалась тогда почти вся коммунистическая литература на литовской языке)²¹.

После того как в 1926 г. в Литве произошел государственный переворот, Снечкус уехал на нелегальную работу в Каунас. Там он вскоре получил первую солидную партийную должность — в 1927 г. был избран секретарем ЦК компартии Литвы. Снечкусу тогда едва исполнилось 24 года. «По-моему мнению, меня нельзя выдвигать на это место, куда я назначен, — писал он в Представительство Компартии Литвы при ИККИ. — Правда, это назначение не означает “единоначалия” в главных вопросах. Мы уже твердо договорились, что работать надо коллективно, но и при таких условиях меня слишком рано выдвинули»²².

Молодой секретарь отвечал в литовском ЦК за агитацию и пропаганду, однако в отсутствие сколько-нибудь приличного «аппарата» (а где его было взять в Литве, этот «аппарат»?) всю работу в основном делал сам: писал, редактировал, ездил по стране. В 1930 г. Снечкуса арестовали, в 1933 г. выслали в Москву в порядке обмена политзаключенными. В Москве при Исполкоме Коминтерна он не просидел и трех лет: снова уехал в Каунас, уже будучи членом Политбюро литовской компартии. Арестовали Снечкуса в 1939 г., суд приговорил его к 8 годам тюремного заключения. Приговор был вынесен 1 июня 1940 г., а через две недели в Каунас вошли советские войска.

Если для Антанаса Снечкуса периодические поездки на родину по линии Коминтерна были обычной практикой, то для его «коллеги» из латышской компартии Яниса Калиберзиньша такого рода челночные вояжи из Москвы в Латвию являлись скорее вынужденной данью партийной дисциплине. Калиберзиньш, вполне адаптировавшийся к условиям жизни политэмигранта в Москве и начавший делать успешную партийную карьеру, воспринимал рейды на родину без особого энтузиазма. Он был на подпольной работе в Латвии и в 1925–1928 и 1936–1939 годах, последний вояж закончился арестом, и приход советской власти Калиберзиньш встретил в рижской Центральной тюрьме.

До «партийного поручения» Коминтерна в 1925 г. Калиберзиньш не имел никакого опыта коммунистического подполья, хотя в партию он вступил еще в 1917 г. Если бы не необходимость «отлучаться» в Латвию, он мог бы сделать карьеру в Советском Союзе и даже начал пробовать себя в разных областях: в 1928 г. работал инструктором Московского комитета партии, в отделе по работе с национальными меньшинствами, а в 1930-е годы — референтом в латышской секции Коминтерна. Немного занимался хозяйственной рабо-

²¹ Бордонайте М. Указ. соч. С. 29.

²² Там же. С. 39.

той: был директором Выставки Моссовета в Парке культуры и отдыха, в Нескучном саду. Мог Калиберзиньш в конце концов пробиться в «партийную науку»: как-никак закончил Институт красной профессуры и даже начал писать диссертацию. Тема была вполне подходящая — про установление советской власти в Латвии в 1919 г. «Я написал 600 страниц, — рассказывал Калиберзиньш в своих мемуарах. — Работал долго, но потом так случилось, что мне не пришлось защищать эту диссертацию»²³. На бумаге не случилось, однако у Яниса Калиберзиньша еще будет возможность применить свои знания на практике.

Типичными коминтерновскими функционерами среднего звена могут считаться эстонские коммунисты Карл Сяре и Николай Каротамм. И тот, и другой на поприще нелегальной деятельности в Эстонии себя особо никак не проявили, хотя одно время работали «по заданию Коминтерна» на родине, в 1928–1929 гг. Во всяком случае, среди эстонских коммунистов-подпольщиков Сяре и Каротамм были фигурами малоизвестными. Сяре, например, вообще больше работал на Коминтерн, чем в эстонском подполье: был в Китае и Норвегии, руководил Эстонской секцией ЦК ВЛКСМ.

Среди коммунистической элиты балтийских стран с коминтерновским прошлым Николай Каротамм представляет собой особый феномен. В коммунистическом движении и политике вообще он был человеком скорее случайным, попавшим на это поприще по воле обстоятельств и отчасти по вине собственного авантюризма. До 1926 г. никакой особенной общественной активности Каротамм не проявлял: служил в армии, потом жил с женой в уединении на хуторе, искал работу, как и многие другие эстонцы в ту пору. «В революционном движении, в рабочих организациях я не участвовал, в восстании 1 декабря (восстание рабочих в Ревеле 1924 г. — *Е. З.*) не участвовал и в день восстания был в Арукюле [на хуторе], где мы жили в нашем домишке почти изолированно от других людей», — напишет Каротамм в автобиографии в 1937 г.²⁴

Единственным увлечением молодого Каротамма был эсперанто, это помогло ему в конце концов выбраться из Эстонии: по рекомендации Ревельского общества эсперантистов он отправился в Голландию. Недалеко от Амстердама Каротамм нашел себе приличную и вполне «голландскую» работу — стал разводить голубапы. Однако в цветоводах ходил недолго: в 1926 г. он приехал в Ленинград на международный съезд рабочих-эсперантистов. Там и остался.

Будучи в Амстердаме, Каротамм успел вступить в компартию Голландии. Правда, в голландской компартии он состоял всего два

²³ Калиберзин Я. Указ. соч. С. 160.

²⁴ Справка на Н. Каротамма, составленная по архивным материалам ЦК ВКП(б) и КПК при ЦК ВКП(б) [1951 г.]. — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 131. Д. 81. Л. 375.

месяца. Тем не менее в 1926 г. Каротамма, теперь уже как представителя компартии Эстонии, обстоятельства вступления в которую остаются неясными, при поддержке эстонской секции Коминтерна принимают на Ленинградское отделение Коммунистического университета нацменьшинств Запада. В 1927 г. Каротамм становится кандидатом в члены ВКП(б) — в порядке перевода из зарубежной компартии, а спустя два года получает партийный билет члена ВКП(б), хотя его партийный стаж берет свой отсчет с 1928 г., «после возвращения с подпольной работы в Эстонии», как значится в документах²⁵.

История вступления Каротамма в компартию Советского Союза сама по себе весьма любопытна. Никаких особых революционных убеждений у Каротамма не было, как не было поначалу никаких отношений с коммунистическими организациями Эстонии. Даже став слушателем Комвуза, он не очень стремился наладить контакты с эстонскими коммунистами, жившими в Ленинграде. Когда впервые встал вопрос о переводе его в ВКП(б), Эстонская секция Коминтерна вынесла решение о нецелесообразности своего обращения с этим вопросом в соответствующую комиссию при ЦК ВКП(б) «по причине отсутствия связи тов. Каротамма с компартией Эстонии»²⁶. Однако Каротамм нашел в Ленинграде своих бывших односельчан, коммунистов — В. Кузика и А. Витса²⁷, которые дали ему необходимые рекомендации. Оба характеризовали Каротамма как человека, «близко стоящего к местным организациям компартии Эстонии с 1923 г.», а также сообщали, что он после 1 декабря 1924 г. «во время зверского белого террора в Эстонии переселился в Голландию»²⁸.

Неизвестно, насколько Каротамм внимательно читал данные ему рекомендации и читал ли их вообще. Однако сам он в своей автобиографии, написанной тогда же, в 1927 г., делал совершенно другие заявления: «Как чужой, я в Ревеле не успел завязать отношения с тамошними коммунистами и поэтому 1 декабря застало меня врасплох»²⁹. Что касается Голландии, то согласно той же автобиографии, уехал туда безработный Каротамм «в поисках работы», а вовсе не спасаясь от «зверского террора». Случай довольно странный, но при приеме Каротамма в ВКП(б) никто не обратил на эти разночтения внимания. Впрочем, если бы и обратили, то упрекнуть Каротамма в

²⁵ Справка на Н. Каротамма, составленная по архивным материалам ЦК ВКП(б) и КПК при ЦК ВКП(б) [1951 г.]. — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 131. Д. 81. Л. 374.

²⁶ Там же.

²⁷ В. Кузик в 1945–1951 гг. занимал пост секретаря ЦК компартии Эстонии, был удален с должности после отставки Каротамма. А. Витс был арестован в 1936 г. и впоследствии репрессирован.

²⁸ Справка на Н. Каротамма, составленная по архивным материалам ЦК ВКП(б) и КПК при ЦК ВКП(б) [1951 г.]. — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 131. Д. 81. Л. 374.

²⁹ Там же.

неискренности тоже было бы нельзя: он написал все честно. Точно так же в автобиографиях он не скрывал «чуждого» социального происхождения своей жены Альмы Саусельг, брат которой служил офицером в эстонской армии и, естественно, воевал против Советской России³⁰.

Только однажды «неправильная» жена едва не стоила Каротамму политической карьеры. В январе 1937 г. парторганизация Ленинской школы в Москве, где он тогда преподавал, и Краснопресненский райком ВКП(б) вынесли решение об объявлении Каротамму строгого выговора — «за потерю партийной бдительности к своей жене»³¹. Спустя несколько месяцев, в декабре 1937 г., когда в Москве уже полным ходом шла большая чистка партийных рядов, Каротамм был исключен из партии. Решение об исключении вынесла первичная парторганизация (он работал тогда в Издательстве иностранных рабочих), обвиняя Каротамма в «протаскивании в партию своей жены, скрытии от парторганизации, что брат жены являлся офицером эстонской армии, в связи с классово-чуждыми лицами и с врагами народа»³².

Подобные обвинения в 1937 г. могли стоить не только партийной карьеры. Но Каротамм уцелел: в феврале 1938 г. райком ВКП(б) отменил решение первичной парторганизации об исключении его из партии. Может быть, сыграл свою роль факт, что Каротамм действительно ничего не скрывал и все «порочащие связи» аккуратно фиксировал в автобиографиях. А может быть, просто помог счастливый случай.

Что означал опыт работы в коминтерновских организациях для будущих лидеров Латвии, Литвы и Эстонии? Во-первых, это был опыт коммуникации в кругу советской партийной элиты, прежде всего ее среднего звена: завязывались знакомства и контакты, которые могли пригодиться в будущем. Во-вторых, это был источник информации о правилах поведения и нравах советского партийного истеблишмента — знание, оказавшееся вовсе не лишним, чтобы успешно подстроиться под принятые правила игры, используя их в политике лавирования между интересами Центра и республики.

Отдельную группу среди «коммунистов-нелегалов» составляли подпольщики и политзаключенные, не выезжавшие до 1940 г. за пределы своих стран. Свои «университеты» они проходили не в школах

³⁰ В автобиографиях 1933 и 1937 г. Каротамм писал о брате своей жены: «В эстонскую армию Саусельг перешел с чином капитана <...>. Участвовал в Гражданской войне против СССР. За это он получил усадьбу в 1923 г. у г. Везенберга». — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 131. Д. 81. Л. 377.

³¹ Справка на Н. Каротамма, составленная по архивным материалам ЦК ВКП(б) и КПК при ЦК ВКП(б) [1951 г.]. — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 131. Д. 81. Л. 377.

³² Там же.

Коминтерна, а главным образом в тюрьмах, поэтому не имели ни коминтерновского опыта, ни соответствующих связей. Для Москвы эти люди были «вещью в себе», однако в глазах населения балтийских стран на их стороне был политический авторитет бывших узников и независимость, по крайней мере в прошлом, от московских патронов. В Латвии их называли «бывшими подпольщиками», в Эстонии — «старыми политзаключенными».

В советской Латвии «подпольщики» пришли во власть, но не заняли первых позиций: бывший секретарь нелегальной компартии Латвии Фридис Деглавс возглавил Госплан республики, Иванс Тринклер получил пост заместителя председателя Совета Министров, Янис Юргенс стал одним из секретарей ЦК компартии Латвии. Другое дело в Эстонии: там группа «старых политзаключенных» в 1940 г. и особенно в 1944 г. заняла ключевые посты в партийных и государственных структурах. К этой группе принадлежали глава правительства Арнольд Веймер, его заместитель Хендрик Аллик, министры Георг Аббельс, Борис Кумм, Александер Резев, другие руководители республики рангом ниже.

Сплочению «старых политзаключенных» в особую группу способствовали обстоятельства ареста и пребывания в тюрьме. Осенью 1923 г. многие коммунисты Эстонии, по крайней мере практически весь актив, были арестованы, а в ноябре 1924 г. приговорены на так называемом «процессе 149-ти» кто к длительным срокам тюремного заключения, а 46 человек — к пожизненной каторге. Ревельский суд, который при осуждении «политических» на каторгу руководствовался, наверное, юридической практикой Российской империи, не подумал о том, где в маленькой Эстонии можно было бы организовать каторжные работы. Поэтому участники «процесса 149-ти» отбывали свою каторгу тоже в тюрьме, большая часть из них — в Центральной ревельской тюрьме. Там они провели 14 лет и вышли на свободу только в мае 1938 г. в связи с всеобщей политической амнистией, объявленной Константином Пятсом. 14 лет, проведенные вместе в одних стенах, сформировали из группы политзаключенных своего рода социум, объединенный общностью взглядов, опытом общения в специфическом социальном пространстве, навыками совместного выживания в экстремальных условиях. Это был социум-содружество, сплоченный изнутри и закрытый для «чужаков» — одна из причин будущих конфликтов в эстонском руководстве.

Тюрьма для «политических» стала не только новым опытом коммуникации: многие, занятые на «воле» практической работой, использовали время тюремного заключения для самообразования. «В то время цензура еще не очень свирепствовала, — будет вспоминать Арнольд Веймер. — У моего брата была хорошая библиотека, даже труды классиков марксизма, произведения Рикардо, Смита и отдельные работы Ленина, которые миновали цензуру благодаря

тому, что были переплетены в обложки с невинными названиями. Из работ Маркса у нас в камере оказались “Капитал”, все три тома, “Ницета философии”; Ф. Энгельса — “Анти-Дюринг”, “Святое семейство”, “Положение рабочего класса в Англии”; двухтомник произведений Ленина³³.

Со временем среди заключенных Центральной ревельской тюрьмы была сформирована партийная организация с тюремным бюро во главе, начала выходить рукописная газета «Вангимая Кийр» («Тюремный луч»). В 1927 г. тюремное партбюро решило «подключить» заключенных к внутрипартийной дискуссии, проходившей тогда между сторонниками «большинства» и Троцким. Потом, спустя два десятка лет, материалы той дискуссии послужат одним из обвинительных мотивов в раскручивании «дела» против руководителей Эстонии³⁴.

Среди коммунистов-заключенных оказались люди с разным политическим опытом. Арнольд Веймер, например, только в 1922 г. окончил гимназию, поступил в Тартуский университет. В том же году его приняли в подпольную компартию Эстонии. Хендрик Аллик был всего на два года старше Веймера, однако к моменту ареста за его плечами был уже солидный стаж работы в коммунистическом подполье.

Членом партии большевиков Аллик стал в 1917 г., когда ему минуло 16 лет. Его первым «коммунистическим университетом» стала «Балтийская мануфактура», знаменитая своими революционными традициями. Аллик, несмотря на молодость, уже тогда пользовался авторитетом, его избрали в совет рабочих старост, а потом он вошел в правление Всеэстонского союза молодых пролетариев. Как депутат от Единого фронта трудящихся Аллик принимал участие в работе Второй Государственной Думы Эстонии. Уже в тюрьме он стал признанным лидером эстонских коммунистов. После амнистии Аллик возглавил Нелегальное бюро компартии Эстонии, и по всем признакам именно он должен был занять пост первого секретаря компартии Эстонской республики в 1940 г.: коммунист номер один должен был стать и первым лицом в иерархии новой власти.

Случилось иначе: во главе Эстонии был поставлен не Хендрик Аллик — человек популярный, но Москве неизвестный, а «свой», коминтерновский, а значит, «проверенный» (по крайней мере, как тогда казалось) Карл Сяре. Аллик получил довольно скромную должность народного комиссара торговли в новом эстонском правительстве. «Старые политзаключенные» остались недовольны таким распределением ролей, критиковали Сяре, считали, что он как политическая фигура ничего собой не представляет, а только «прикрыва-

³³ Веймер А. Мечты и свершения. М., 1974. С. 112–113.

³⁴ Подробнее об «эстонском деле» см. в разделе 3 данной главы.

ется авторитетом Коминтерна»³⁵. У Сяре, в свою очередь, «возникло предубеждение по поводу всех бывших политзаключенных», что не располагало к успешной совместной работе³⁶.

Сменивший Сяре после войны на посту первого секретаря компартии Эстонии Николай Каротамм вполне смирился с доминирующей ролью группы «старых политзаключенных» в эстонском руководстве и находился под их влиянием. Он очень надеялся, что «политзаключенные» допустят его в свой круг; однако напрасно. «Эта группа, можно сказать, никого не подпускает к себе, — будет жаловаться Каротамм в одном из писем секретарю ЦК ВКП(б) Маленкову. — За все девять с лишним лет моей работы в качестве секретаря ЦК КПЭ эти старые политзаключенные ни одного раза не пригласили меня к себе, на свои встречи или собрания... Они никогда не считали меня «своим человеком», а пришлым, т. е. направленным на работу в ЭССР Центральным Комитетом ВКП(б)»³⁷.

Аналогичным образом по отношению к «пришлым» вели себя и латышские руководители из числа бывших подпольщиков. «Все они стоят в некоторой оппозиции к партийному руководству республики, сплетничают, вспоминают старые подпольные дела, когда секретарем ЦК был Деглаве», — делился своими наблюдениями председатель Бюро ЦК ВКП(б) по Латвии Рязанов. Его вывод был категоричен: «Эта группа представляет некоторую опасность и, если ее не нейтрализовать, она может серьезно угрожать боеспособности партийной организации и ее влиянию среди населения»³⁸. Что же так насторожило московского «контролера»?

Группа «подпольщиков» в Латвии и «старых политзаключенных» в Эстонии стремились не только дистанцироваться от посланцев Москвы, но и проводить политику прежде всего в интересах своих республик, а не Ценгра, насколько это было, конечно, возможно в тех условиях. Их, не имеющих достаточного опыта работы с кремлевскими патронами, в гораздо меньшей степени заботили вопросы политкорректности, поэтому они позволяли себе критиковать политику центральной власти и даже пытались общаться с ней на равных — поведение, почти не свойственное «коминтерновцам».

Когда в 1944 г. было принято решение о присоединении части территории Эстонии к Псковской области РСФСР, Аллик написал письмо Каротамму, в котором назвал присоединение «аннексией, противоречащей Атлантической хартии». Потом, правда, когда ему

³⁵ Веймер А. Указ. соч. С. 177.

³⁶ Там же.

³⁷ Письмо Н. Г. Каротамма Г. М. Маленкову. 31 октября 1950 г. — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 131. Д. 81. Л. 244.

³⁸ Отчет о работе Бюро ЦК ВКП(б) по Латвии за 1946 г. — Там же. Ф. 600. Оп. 1. Д. 23. Л. 18.

пришлось держать ответ за столь неосторожное высказывание на пленуме ЦК компартии Эстонии, Аллик сказал, что это заявление с его стороны было всего лишь «неуместной и глупой шуткой»³⁹.

Будучи по натуре человеком проницательным и острым на язык, Аллик и в дальнейшем не очень воздерживался от колких замечаний по поводу тех или иных директив Кремля. Когда в Эстонии начались первые опыты по коллективизации, Аллик заметил: «Когда едешь по дороге, то сразу видишь, кто единоличник, а кто колхозник: если сидит и курит — это колхозник, а который работает — это единоличник»⁴⁰.

Не боялись эстонцы из числа бывших политзаключенных задавать Москве «неудобные» вопросы. Например, интересовались, почему были репрессированы в 1937–1938 гг. руководители эстонской компартии, жившие тогда в Советском Союзе⁴¹. Или: на каком основании были арестованы органами госбезопасности и обвинены в антисоветской деятельности бывшие узники Ревельской тюрьмы. Письмо соответствующего содержания на имя Каротамма подписали Веймер, Аллик, Аббельс, другие «старые политзаключенные» и просили его обратиться в ЦК ВКП(б) с ходатайством о пересмотре этих дел. Ходатайство было отклонено Наркоматом госбезопасности СССР⁴².

Среди балтийской политической элиты «старые политзаключенные» и «бывшие подпольщики» были носителями идей и практик национал-коммунизма. Москва терпела их присутствие в республиканском руководстве до поры до времени, как терпела она национал-коммунистов у власти в восточноевропейских странах. Смена элит будет проходить постепенно: сначала речь пойдет о единицах (например, «дело Юргенса» в Латвии). В конце 1940-х годов вместе с изменением общего курса Кремля и его политики на подконтрольных территориях дело дойдет до массовой замены правящего слоя. В Эстонии первыми жертвами новой чистки станут руководители республики из числа «старых политзаключенных».

«Интеллектуалы». Эта группа в составе национальной политической элиты Прибалтики объединяет людей, пришедших во власть из сферы науки, литературы и журналистики, а также людей, принадлежавших к образованным слоям общества. Август Кирхенштейн и Вилис Лашис в Латвии, Юстас Палецкис и Мечисловас Гедвилас

³⁹ Докладная записка ответственного контролера КПК при ЦК ВКП(б) В. Уженцева Г. М. Маленкову. Март 1951 г. — Там же. Ф. 17. Оп. 131. Д. 256. Л. 203.

⁴⁰ Там же. Л. 204.

⁴¹ Письмо Н. Г. Каротамма Г. М. Маленкову. 31 октября 1950 г. — Там же. Ф. 17. Оп. 131. Д. 81. Л. 232.

⁴² Докладная записка ответственного контролера КПК при ЦК ВКП(б) В. Уженцева Г. М. Маленкову. Март 1951 г. — Там же. Ф. 17. Оп. 131. Д. 256. Л. 204.

в Литве, Йоханнес Варес-Барбарус и Ханс Круус в Эстонии — их присутствие во властных структурах призвано было придать власти необходимый культурный лоск и поддержать политику советизации стран Балтии авторитетом влиятельных персон. Это были представители национальной интеллигенции, родившиеся и сделавшие карьеру на родине и либо вовсе не имевшие контактов с Советской Россией до 1940 г., либо достаточно умело их скрывавшие. «Интеллектуалы» призыва 1940 г. были, как правило, интеллигентны в первом поколении, из крестьян и рабочих — происхождение, полностью соответствующее советской модели «народной интеллигенции» и потому удобное для создания официальной легенды.

После провозглашения советской власти в республиках Прибалтики и расформирования июньских правительств «интеллектуалы» остались во властных и представительских структурах: этот шаг должен был сгладить в глазах балтийского населения негативное впечатление от фактического разгона только что назначенных кабинетов и продемонстрировать эффект преемственности. Правда, при новом распределении ролей никто из состава «июньской власти» не сохранил прежних позиций. Повысили свой статус Виллис Лацис и Мечисловас Гедвилас, сменившие пост министра внутренних дел на должность главы правительства. В то же время Йоханнес Варес-Барбарус, Юстас Палескис, Август Кирхенштейн пошли на понижение: вместо должности премьера каждому из них был предложен представительский пост председателя Президиума Верховного Совета в своих республиках.

«Интеллектуалы», пришедшие во власть, были людьми левых убеждений, хотя и не обязательно коммунистами: в компартию многие вступили только после советского вторжения, уже будучи назначенными на новые должности. Отсюда их название — «июньские коммунисты». Так оказались в партии Йоханнес Варес, Ханс Круус, Август Кирхенштейн (последний медлил до последнего и в партию вступил только в 1941 г.). Тогда же получил партиялист Юстас Палескис, хотя давно принадлежал к числу «сочувствующих» и фактически работал на подпольную компартию с начала 1930-х годов. Виллис Лацис формально вступил в компартию в 1928 г., однако активно проявил себя на политическом поприще только в советское время.

Мотивы, которыми руководствовались представители национальной интеллигенции при вступлении в компартию, были разными. Во всяком случае, до 1940 г. в этом не было никакого карьерного смысла, и люди действовали скорее из личных убеждений. Сыграл свою роль и «германский фактор». «После 1933 г. некоторые “прогрессивные интеллектуалы”, видя усиливающуюся нацистскую угрозу, начали думать о возможном включении своих стран в “интернационалистский” Советский Союз, предпочитая это их поглощению Третьим рейхом, — полагает А. Штротмас. — Многие тогда даже вступили

в компартии. Одним из таких деятелей был Мечисловас Гедвилас, литовский политик с незапятнанной репутацией демократа»⁴³.

Новой власти нужны были люди с «незапятнанной репутацией», по крайней мере на этапе становления советских порядков. Этим объясняется передача ответственных постов в новых кабинетах «интеллектуалам», которых по традиции, идущей еще от Ленина, большевики недолюбливали и которым в силу этого не очень доверяли. В данном случае пришлось поступиться принципами и закрыть глаза на некоторые погрешности в биографии возможных кандидатов. Предпочтение отдавалось людям, принадлежащим к кругу «друзей СССР», и коммунистам. Таких, однако, оказалось немного.

Самым известным человеком среди интеллигентов, мобилизованных во власть, был писатель Вилис Лацис. Потом его назовут «латвийским воплощением американской мечты»⁴⁴: портовый грузчик, который стал знаменитым и — что не менее важно — богатым человеком, успешным писателем. И видным политиком к тому же. Мало кому в Латвии выпал на долю подобный успех.

Он родился в семье портового рабочего недалеко от Риги. Дважды семья Лацисов выезжала из Латвии в Россию: сначала в Омск, где отец Вилиса безуспешно пытался найти работу; потом в 1917 г. — в Барнаул, куда семья эвакуировалась во время немецкого наступления на Ригу. В Барнауле Вилис Лацис поступил в учительскую семинарию и, сльвя «грамотеем», в свои 14 лет работал секретарем сельсовета, писал разные бумаги. В 1921 г. он вернулся в Латвию, служил в армии, работал в порту грузчиком, потом рыбаком. В это время молодой Лацис начал интересоваться политикой: он вступает в профсоюз портово-транспортных рабочих, а в 1928 г. в компартию.

И тут случилось неожиданное: Лацис начинает писать. Его первый рассказ был опубликован в 1929 г. в журнале «Domas» («Мысли»), который редактировал Андрей Упит. Через год выходит первый роман — «Освобожденный зверь», потом еще два и, наконец, в 1932–1934 гг. появляется «Сын рыбака» — книга, сделавшая Лациса писателем, известным за пределами Латвии. Он становится популярным: его пьесы ставят в театрах, он пишет для кино. Латвийская официальная пресса отзывается о нем в восторженных тонах. Первый большой успех принес и первые большие деньги. У Лациса появляется квартира в центре Риги, а потом и усадьба, где он может спокойно работать вдали от всех. О политике в эти годы Лацис не вспоминает, как и о своей принадлежности к компартии, — все это осталось в прошлом. Его взлет на политический Олимп в 1940 г. ка-

⁴³ Штрюмас А. Прибалтийские государства // Проблемы национальных отношений в СССР (по материалам западной печати) М., 1989. С. 97.

⁴⁴ Гурин А. Расчленение Вилиса Лациса // <http://subscribe.ru/archive/rest.interesting.fame/200505/12060700.html>

жется невероятным. Хотя, может быть, это и было то самое предложение, от которого невозможно отказаться? В конце концов власть — вещь не менее привлекательная, чем слава, деньги и успех.

Эстонец Ханс Круус пришел во власть с университетской кафедры, однако человеком, в политике случайным, его не назовешь. Круус родился в Тарту в семье рабочего деревообрабатывающей фабрики. Первое образование он получил в Тартуском учительском семинаре. Преподавание в семинаре велось на русском языке, отчего его выпускники считались «красными»⁴⁵. Свое образование Ханс Круус продолжил в Тартуском (тогда Юрьевском) университете, тоже слывшем «русским»; в качестве будущей специальности он выбрал историю — не в последнюю очередь под влиянием профессора Е. В. Тарле, который в то время преподавал в университете.

Однако началась Первая мировая война, и со студенческой скамьи Круус был мобилизован в армию. Февраль 1917 года он встретил в Петрограде, оттуда вернулся в Эстонию — но не учиться, а «делать революцию». В Эстонии Круус возглавил региональное отделение партии социалистов-революционеров, которая в январе 1918 г. выступила с требованием создания независимой Эстонской рабочей республики. Соответствующий меморандум Круус от имени своей партии вручил Сталину. Однако с республикой тогда ничего не получилось — Эстония была оккупирована немецкой армией. Когда же после войны началось строительство независимого эстонского государства, Круус в этом участия уже не принимал. Он ушел в науку: в 1923 г. наконец окончил университет, написал магистерскую работу по истории Ливонской войны, потом диссертацию о крестьянском движении в Эстонии в XIX веке и в 1930 г. в возрасте 39 лет получил профессорскую кафедру.

Главные усилия профессора Крууса в эти годы направлены на создание систематизированной эстонской истории — первой национальной истории Эстонии. До 1940 г. удалось выпустить три тома этого издания из запланированных пяти. «История Эстонии» написана исключительно с проэстонских позиций, в центре всех событий находится борьба эстонского народа против немецкого влияния⁴⁶. Германия как главный враг эстонского государства, главная угроза независимости и самобытности Эстонии — эта мысль прочитывается во многих публикациях Крууса. Неудивительно, что в 1940 г. он сделал свой выбор в пользу Советского Союза и принял предложение войти в состав правительства Вареса-Барбаруса. Так состоялось возвращение Ханса Крууса в большую политику.

⁴⁵ Kivimäe S., Kivimäe J. Hans Kruus und die deutsch-estnische Kontroverse // Zwischen Konfrontation und Kompromiss. München, 1995. S. 156.

⁴⁶ Ibid. S. 166.

Представители национальной элиты из числа «интеллектуалов» находились под особо пристальным наблюдением московских «контролеров»: как бы не сказали или не сделали чего лишнего. Опасения эти не всегда были напрасными. Много нареканий со стороны руководителя Бюро ЦК ВКП(б) по Латвии Рязанова вызывало, например, поведение Августа Кирхенштейна, занимавшего пост председателя Президиума Верховного Совета республики. По ряду вопросов, докладывал Рязанов, профессор занимает «непартийную позицию»: «Тов. Кирхенштейн выражает резкое недовольство т. Калиберзиным, т. Лацис и т. Новик (МГБ). Много болтает о том, что тт. Калиберзин, Лацис и Новик пересажают в тюрьмы латышский народ, проводят политику разорения Латвии...»⁴⁷. Подобные высказывания Рязанов называл «буржуазно-националистическими глупостями» и успокаивал своих московских начальников, что Кирхенштейн все-таки не выступает с такими речами публично. Кроме того, подчеркивал председатель Бюро, Кирхенштейн «практического влияния на политические и хозяйственные дела в республике не имеет» — просто «его настроения мешают работе парторганизации»⁴⁸. По мнению Рязанова, профессор поддается партийному влиянию, хотя и медленно. Фраза несколько странная, если вспомнить, что Кирхенштейну шел тогда 75 год — самое время для партийного перевоспитания.

Балтийские «интеллектуалы» в отличие от их коллег из старых республик еще не адаптировались полностью к советской среде и, несмотря на наличие партбилета, медленно усваивали правила поведения, которое могло бы считаться вполне «партийным». Может быть, поэтому «долгожителей» среди них во властных структурах оказалось немного. Круус и другие эстонцы были удалены из политической жизни в 1950 г., еще раньше ушел из жизни Йоханнес Варес-Барбарус — он застрелился в ноябре 1946 г. В Латвии Август Кирхенштейн покинул свой пост «по возрасту» — в 1952 г. ему исполнилось 80 лет. В 1956 г. отправили в отставку с поста премьер-министра Мечисловаса Гедвиласа, который после этого получил куда более скромную должность министра просвещения Литвы. Почти 20 лет занимал пост премьер-министра Латвии Вилис Лацис, однако в 1959 г. и он оказался не у дел. Из тех, кому удалось перешагнуть 20-летний рубеж, остается вспомнить только Юстаса Палескиса, закончившего свою активную деятельность на посту Председателя Совета национальностей Верховного Совета СССР. Однако Палецкис в своей республике уже давно ничего не решал.

⁴⁷ Отчет о работе Бюро ЦК ВКП(б) по Латвии за 1946 г. — РГАСПИ. Ф. 600. Оп. 1. Д. 23. Л. 17–18.

⁴⁸ Там же. Л. 18.

«Русские прибалты». «Русскими латышами» или «русскими эстонцами» (понятие «русские литовцы» практически не встречается) называли представителей соответствующих этнических групп, постоянно проживающих в России. По месту своего рождения «русские» латыши и эстонцы делились на две категории: 1) родившиеся и выросшие в России; 2) родившиеся в Латвии или Эстонии, но переехавшие в Россию в довольно раннем возрасте⁴⁹. Их социализация проходила уже в иной культурной среде и в иных политических условиях. Эти люди более, чем их соотечественники, проживающие на родине, были адаптированы к России, они плохо или вовсе не владели родным языком и в этом смысле были русскими в большей степени, чем эстонцами или латышами. В то же время далеко не всегда им удавалось полностью стать «своими» и среди русских: речь, по сути, идет об этнических маргиналах⁵⁰, социальной категории, которая не раз становилась объектом политических манипуляций. Маргиналы, не имеющие устойчивых связей в новой среде, в том числе и связей с прошлым, быстрее приспосабливаются к политическим переменам и даже заинтересованы в них, поскольку перемены эти часто открывают для них новые перспективы социальной мобильности.

Для проведения советизации Прибалтики «русские» эстонцы и латыши были самым удобным «человеческим материалом». Во-первых, по факту своего происхождения они принадлежали к титульной нации, т. е. формально могли позиционироваться как «свои», а не «пришлые». Во-вторых, прошедшие социализацию уже при советских порядках, они были вполне «советскими людьми», полностью адаптированными к советским реалиям. В третьих, среди вновь прибывших было немало партийных и хозяйственных функционеров, владеющих навыками коммуникации в структурах власти и управления, а значит, инструментально подготовленных к выполнению своих функций. Наконец, большинство «русских прибалтов» вернулось на историческую родину с повышением своего статуса; своим возвышением они были обязаны Москве и в этом смысле были полностью зависимы от нее.

Однако функционеры из числа «русских» эстонцев или латышей никогда не воспринимались как «свои», «коренные», среди местного населения. Часто их просто считали «предателями» национальных

⁴⁹ Такую классификацию предлагает, например, Адольф Сильде применительно к «русским латышам»: Silde A. The Role of Russian-Latvians in the Sovietization of Latvia // *Journal of Baltic Studies*. Vol. XVIII. № 2 (Summer 1987). P. 192.

⁵⁰ Эгиль Левите пишет в этой связи о «русифицированных маргинальных группах», представители которых, например, заняли преобладающие позиции среди национальной политической элиты Латвии: Levits E. National Elites and Their Political Function within the Soviet System: the Latvian Elite // *Journal of Baltic Studies*. Vol. XVIII. № 2 (Summer 1987). P. 178.

интересов и относились к ним хуже, чем к «чистым» русским⁵¹. Поэтому, чтобы не раздражать общественное мнение, «русские прибалты» занимали в основном позиции на втором и третьем уровне в структурах власти и управления. Первые лица национальной политической элиты (секретари компартии и руководители правительства) были главным образом «своими» — представителями титульной нации, проживающими на родине до 1940 г. Впервые замена «местных» на «русских» в верхнем эшелоне управления произошла в Эстонии в 1950 г. Тогда место Николая Каротамма занял Йоханнес Кэбин, а год спустя Арнольда Веймера сменил Алексей Мюрисепп.

Йоханнес Кэбин до своего возвышения в 1950 г. прошел обычный путь партийного функционера средней руки. В его биографии нет ничего героического или хотя бы приметного — ни революционных заслуг, ни тюрьмы, ни подполья. Он родился в 1905 г. в Эстонии, в семье крестьянина. Когда Йоханнесу исполнилось пять лет, семья переехала в Петербург, после этого вся жизнь Кэбина была связана с Россией. Даже свое эстонское имя Кэбин сменил на русское — Иван. Он начал работать в качестве сезонника, но быстро сориентировался: вступил в комсомол, а вскоре пошел учиться в Ленинградскую партшколу. В 22 года Кэбин получил партбилет и начал делать партийную карьеру, однако больших высот так и не достиг: он работал инструктором райкома партии в Гатчине, секретарем парткома на заводе, потом переехал в Сибирь, но и там выше отдела пропаганды одного из райкомов Омской области так и не поднялся. Даже окончание Института красной профессуры в 1938 г. не слишком способствовало карьерному росту Кэбина, разве что удалось перебраться в Москву и получить место преподавателя в Нефтяном институте. Учил Кэбин студентов основам марксизма-ленинизма.

Его час пробил в 1941 г., когда скромного преподавателя наконец заметили, однако не благодаря каким-то особым талантам, а исключительно из-за принадлежности к эстонской национальности. Или, как выразился А. Каелас, вдруг было «открыто» эстонское происхождение Кэбина⁵². Йоханнес Кэбин был одним из первых «русских эстонцев», отправленных из России осуществлять политику советизации Прибалтики: «был послан на руководящую работу в Эстонскую ССР», как писали об этом официальные биографии⁵³. Настоящий карьерный рост Кэбина начался после войны,

⁵¹ Когда Йоханнес Кэбин приехал в 1956 г. в Швецию в составе делегации Верховного Совета СССР, демократическая пресса под влиянием эстонских эмигрантов называла его «красным предателем». — Kaelas A. Das sowjetisch besetzte Estland. Stockholm, 1958. S. 124.

⁵² Kaelas A. Das sowjetisch besetzte Estland. Stockholm, 1958. S. 123.

⁵³ Биографическая справка на депутата Верховного Совета СССР Йоханнеса Кэбина, 1958 г. — ГА РФ. Ф. 7325. Оп. 73. Д. 784. Л. 120.

когда в 1948 г. он стал сначала секретарем ЦК компартии Эстонии по пропаганде, а в 1950 г. — первым секретарем, а значит, и первым лицом в республике.

В Эстонии Кэбин был человеком совершенно неизвестным. Даже старые эстонские коммунисты, жившие в Советском Союзе, его не знали, да он и не стремился к подобным контактам. Говорил Кэбин по-эстонски сначала с заметным акцентом. Запомнились его слова, сказанные им в бытность своего вступления в должность: мол, не так важно владеет ли человек национальным языком — главное, чтобы он вполне освоил «партийный» язык⁵⁴. Однако для того, чтобы упрямить Эстонией, «партийного» языка было явно недостаточно. Кэбин работал над своим эстонским, и в конце концов даже наиболее придирчивые критики вынуждены были признать: его усердие увенчалось успехом — Кэбин освоил родной язык вполне⁵⁵.

Тест на владение языком титульной нации служил в республиках Прибалтики способом неформальной «легализации» новой власти в глазах местного населения. Одновременно отношение к родному языку стало одним из признаков идентификации новой советской элиты как элиты национальной. Николай Каротамм, например, приложил немало усилий, чтобы издать Русско-эстонский словарь и выступил в качестве его редактора. Когда его в процессе чистки обвинили в «личной нескромности», в том числе за издание собственных сочинений, он в пылу покаяния отказался от всех произведений, однако просил сохранить за собой авторство словаря.

Весьма критически отзывался о своем знании литовского языка Антанас Спечкус, хотя речь шла не о разговорном, а о литературном языке. Его интерес к языку возник еще во времена работы в подполье, когда Спечкус редактировал коммунистические издания и сам писал для них. М. Бордонайте вспоминает: «Говорил он на сочном сувалкском диалекте, без варваризмов, постоянно и всерьез изучал правописание, обложившись словарями, грамматиками, сочинениями языковедов, которыми его снабжали товарищи... Иногда товарищи, в том числе и я, упрекали его в пристрастном отношении к языку наших печатных изданий. “Ну что ты так цепляешься к каждой ошибке! — говорили ему. — Какая разница — длинное “и” или короткое, лишь бы понял нас”. “Вот именно, чтобы понял нас народ, — отвечал он, — мы и радеем за язык. Вообще наши издания должны быть и грамотнее, и богаче в смысле словарного запаса, чем у официальных писак”»⁵⁶.

Подобное отношение к родному языку было вообще свойственно представителям национальной элиты Прибалтики, независимо от

⁵⁴ Kaelas A. Das sowjetisch besetzte Estland. Stockholm, 1958. S. 124.

⁵⁵ Ibid.

⁵⁶ Бордонайте М. Указ. соч. С. 55–56.

того, из каких каналов они рекрутировались. Не случайно и «русские» из числа этнических эстонцев, латышей и литовцев вынуждены были принять эти общие правила и учить родной язык. Особая роль в сохранении национального языка как определяющего элемента культуры принадлежит «интеллектуалам»: именно такие люди, как Вилис Лацис, Йоханнес Варес-Барбарус или Ханс Круус, приложили немало усилий к тому, чтобы родной язык остался не только в национальной литературе, но и был языком официального общения и управления.

Правящая элита Прибалтики «первого призыва», как видно, не представляла собой сколько-нибудь гомогенной группы. Более того, многие люди, привлеченные тогда во власть, не подходили иод желательный для Москвы «стандарт». Из них еще только предстояло сделать элиту советского образца, создать общий имидж, соответствующий советской модели. Для этого нужно было придумать для каждого официальную легенду, т. е. биографию, подходящую для советского политического деятеля. Создание персональной легенды — основа основ имиджологии — не обязательно означает фальсификацию реального жизненного пути человека, хотя и такое тоже бывает. Чаще же речь идет об обычных манипуляциях с фактами: о «неподходящих» эпизодах в биографии умалчивается, а какой-нибудь казус обрастает подробностями «исторического выбора».

Персональная легенда — это официальная биография человека, предназначенная для тиражирования. Это «портрет» героя, выставленный на всеобщее обозрение. Такого рода портреты иишутся с помощью официальных биографических справок, избирательных плакатов, заказных описаний жизненного пути и не в последнюю очередь собственных свидетельств, проходящих по разряду «мемуары». Среди всех этих каналов трансляции персональной легенды избирательные плакаты, содержащие биографические справки о кандидатах, — самый лаконичный и наглядный источник. Представленные в нем персональные легенды максимально формализованы и приближены к общему образцу, что позволяет получить наиболее адекватное представление о стандартном наборе требований, которым должен был отвечать человек, вошедший в разряд советской политической элиты.

Лидеры республик Балтии по советской традиции являлись депутатами республиканских Верховных Советов и Верховного Совета СССР. Поэтому материалом для воссоздания их персональной легенды будут служить избирательные плакаты и биографические справки на кандидатов в депутаты Верховных Советов республиканского и союзного уровня 1946 и 1958 гг.: за несколько лет содержание легенды не изменилось, однако не все герои сохранили свои роли на политической сцене.

Персональная легенда для представителей национальной элиты балтийских республик содержала несколько обязательных позиций:

1. Рабоче-крестьянское происхождение.
2. Принадлежность к титульной нации.
3. «Трудное детство» и раннее начало трудовой биографии.
4. Комплекс революционных заслуг.
5. Вступление в партию как один из ключевых моментов биографии.
6. Причастность к событиям 1940 г.
7. Комплекс заслуг периода войны.
8. Руководящая деятельность в послевоенные годы.

Подобная легенда означала пропуск в ряды советской правящей элиты, ее отличие от общепринятого стандарта было обозначено только двумя моментами — фиксированием национальной идентичности и причастности к событиям 1940 г. Из всего состава политической элиты «первого призыва» этому «классическому» образу соответствовал только один человек — Янис Калнберзиньш: и с происхождением, и с заслугами у того все было в порядке. Биографии других пришлось «править», подгонять под нужный стандарт.

Так, в официальных биографических справках литовского лидера Антапаса Снечкуса предпочитали не акцентировать внимания на социальном происхождении. О нем либо вовсе умалчивалось, либо употреблялась невнятная формулировка — «из служащих». На самом деле Снечкус родился в крестьянской семье, только родители его были людьми не бедными, а, скорее, наоборот. Отец, Юозас Снечкус, почти тридцать лет подряд избирался старшиной сельской общины — войтом, оттого и детей звали не по имени, а «войтукасами»⁵⁷. Большое хозяйство вела мать — женщина решительная и революционным увлечениям сына отнюдь не сочувствовавшая. На этой почве между ней и Антанасом не раз возникали конфликты.

Об одном из них Снечкус вспоминал: «Когда я в 1918 г. вернулся из Советской России, полгода жил дома. Всячески демонстрировал свои революционные взгляды, презрение к частной собственности, хотя доходило и до смешного. За все время ни разу не ночевал в избе, спал в конюшне, ездил с батраками в ночное, работал в поле, всюду подчеркивал свое «пролетарство». Все мы в молодости переболели максимализмом. Мамукеле (так Снечкус называл свою мать. — Е. З.) очень переживала, но виду не подавала. Однако, когда мы с братом Викторасом всерьез начали обсуждать, как родительское хозяйство превратить в коммуну, терпение матери иссякло. Она замахнулась на нас черпаком: «Я вам покажу коммуну! Пока еще не ваша земля и не хозяйничайте раньше времени»»⁵⁸.

Советскую власть мать Снечкуса не поняла и не приняла, как и высокое положение сына. Она уехала в США, где и умерла в 1948 г. Для советского деятеля любого ранга такой факт мог сломать био-

⁵⁷ Бордонайте М. Указ. соч. С. 13.

⁵⁸ Там же. С. 14–15.

графию, не то что персональную легенду. Однако Снечкусу это «простили», и среди коммунистических лидеров балтийских республик он остался «рекордсменом»: 37 лет, с 1936 г., стоял во главе литовской компартии. В его поздних прижизненных биографиях (умер Снечкус в 1974 г.) уже перестали скрывать и факт социального происхождения. Писали честно: «из зажиточных крестьян».

Глава эстонского правительства Арнольд Веймер тоже имел проблемы с биографией. В его персональной легенде указывалось: «родился в семье мызного батрака»⁵⁹. На самом деле отец его не батрачил, а арендовал мельницу. В мемуарах, изданных еще в советское время, Веймер объяснял по поводу своего происхождения так: «Во многом мне помог разобраться приехавший к учителю брат, студент из Петрограда... Мартин долго разговаривал с нами... Я только заинтересовался: как же быть с нами, вот у нас мельница, так кто же мы — хозяева или трудящиеся? Мартин ответил: ведь мельница принадлежит не отцу, она собственность помещика, следовательно, мы не хозяева, а просто арендаторы»⁶⁰.

Однако работать, и много, в детстве пришлось почти всем, независимо от особенностей происхождения. Обязательный атрибут персональной легенды — «трудное детство» — в авторском изложении Яниса Калиберзиньша выглядит, например, следующим образом: «Семья у нас была большая: шесть дочерей и четверо сыновей. Как старший из мальчиков, я, подрастая, должен был во всем помогать отцу. В девять лет я нанялся пасти свиней к соседям на хутор "Силькес"... В десять лет я перешел в пастухи к нашему хозяину Курулису, который когда-то гонялся за мной с палкой. Теперь я пас его коров»⁶¹.

Бывшие пастухи и свинопасы — не такая уж редкость среди советской политической элиты. Вспомним хотя бы Никиту Сергеевича Хрущева.

Необходимый набор «революционных заслуг» — тоже неотъемлемая часть биографии высоких функционеров «первого призыва». Исключенные составляют только «русские» эстонцы — Кэбин и Мюрисепп, которые были слишком молоды, чтобы участвовать в революции 1917 г., а потом делали свою карьеру в Советском Союзе, вдали от политической жизни независимой Эстонии. Их биографии более характерны для представителей правящей элиты «второй волны», пришедшей во власть в 1950–1960-е годы.

Труднее обстояло дело с заслугами периода войны. Участие в военных действиях, боевой опыт — важная составная часть биографии

⁵⁹ Биографическая справка на депутата Верховного Совета СССР Арнольда Веймера. 1958 г. — ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 73. Д. 784. Л. 39.

⁶⁰ Веймер А. Т. Указ. соч. С. 34–35.

⁶¹ Калиберзин Ян. Указ. соч. С. 15.

представителей советской политической элиты послевоенного времени. Однако в случае с руководителями балтийских республик о реальных боевых заслугах речь не шла: еще в июне 1941 г. они были эвакуированы в советский тыл и занимались организацией партизанских отрядов, национальных воинских частей, но в основном вели пропагандистскую работу. Снечкус, назначенный в 1942 г. начальником штаба Литовского партизанского движения, просился в Литву. Однако секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Андреев объяснил ему, что «это нецелесообразно»⁶².

Война тем не менее является важной вехой в создании коллективного портрета политической элиты республик Прибалтики. Это та точка, пройдя через которую, руководящий слой балтийских функционеров становится «вполне советской» элитой — в том смысле, что их официальные биографии и реальные жизненные пути начинают развиваться по советским канонам.

Некоторые представители балтийской политической элиты перешагнули региональный уровень и вошли в состав правящей элиты СССР. Формальным критерием принадлежности к элите общесоюзного уровня может служить членство в ЦК КПСС и его руководящих структурах. Первые секретари республиканских компартий входили в союзный ЦК по должности, а Калнберзиньш — единственный из элиты «первого призыва» — избирался кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС.

Какая же черта была определяющей в коллективном портрете политической элиты балтийских республик? Какой была эта элита прежде всего — «советской» или «национальной»?

Все лидеры республик Балтии «первого призыва» пришли или были мобилизованы во власть в связи с фактом советской аннексии Прибалтики. Не только у коммунистов, но и у левых интеллектуалов при прежних режимах не было возможности совершить такое стремительное восхождение на политический Олимп. Вместе с тем Кэбина и подобных ему «русских прибалтов» можно назвать «людьми 1940 года» более, чем других представителей этой генерации: не будь самого факта советской аннексии Прибалтики, большинство из них так и остались бы на уровне преподавателей марксизма-ленинизма, как сам Кэбин, или инженеров, как Мюрисепп. В их коллективной биографии есть еще один общий момент: многие «русские прибалты» поднялись по карьерной лестнице благодаря устранению от власти национал-коммунистов, как это случилось в Эстонии в 1950 г. и в Латвии в 1959 г.

У национал-коммунистов в Прибалтике было больше свободы маневра, чем у руководителей других республик Советского Союза. Они позволяли себе в большей степени, чем их «коллеги» на Украин-

⁶² Бордонайте М. Указ. соч. С. 141–142.

не шли на Кавказе, артикулировать национальный интерес, выступая то против излишнего наплыва «чужих» в республики, то беря под защиту «своих» — «кулаков» или «националистов». Однако под документами о депортациях «кулаков» и «националистов» стоят те же самые подписи, и сопротивление политике советизации представляло для республиканской власти не меньшую, а даже большую опасность, чем для Центра. Власть, полученную из рук Москвы, можно было сохранить только с оглядкой на Москву — выбирать не приходилось. В этом смысле политическая элита Прибалтики была вполне советской, коммунистической. Пространство для выражения «национального интереса» в этот период было весьма ограничено, однако и национальной эта элита была не только по факту своего этнического происхождения.

5.2. «Хозяева» или «управляющие»: конфликты в структурах власти

Кем же были представители национальной политической элиты в своих республиках — «хозяевами» или всего лишь «управляющими»? Ответ на этот вопрос, возможно, кому-то покажется очевидным. Но это только на первый взгляд. Национальные элиты в прибалтийских республиках, как и в других национальных регионах СССР, находились в двойственном положении. Эта двойственность определялась конфликтом между требованиями Центра и ожиданиями местного населения: руководителям национальных республик приходилось постоянно балансировать между необходимостью четко следовать в фарватере Москвы, т. е. транслировать политику центральной власти в регионе, и стремлением сохранить при этом «свое лицо» и национальный интерес.

Баланс, впрочем, был довольно относительным, поскольку изменение его в пользу интересов Центра не только ничем не грозило «нарушителю», но вполне могло способствовать карьерному росту. Однако, если «перевес» касался интересов республики, легко было оказаться в рядах «буржуазных националистов» и расстаться со своим привилегированным положением. Правила игры на этом поле в любом случае задавались и менялись Москвой, как и границы для выражения «национального интереса». Лидеры старых советских республик хорошо знали эти правила. Руководителям Прибалтики, попавшим в состав советской политической элиты относительно поздно, пришлось нарабатывать свой собственный опыт общения с Москвой, учиться отличать государственную риторику от реальных намерений и лавировать в системе разрешений-запретов.

Москва не раз артикулировала свое особое отношение к прибалтийским республикам, намекая на некогда существовавший «особый статус» Прибалтики и выстраивая свою политику в регионе в соот-

ветствии с особой ситуацией, сложившейся там после войны (имелось в виду прежде всего наличие вооруженного сопротивления советизации). Подобная позиция Кремля ставила и лидеров балтийских республик в особое положение, которым те стремились по возможности воспользоваться.

Первые конфликты между республиканским руководством и структурами, так или иначе олицетворявшими центральную власть, возникли уже на последнем этапе войны, когда на территорию Прибалтики вступили части Красной армии. Вместе с ними вернулась и советских тылов коммунистическая власть. Поводы для конфликтов часто давали сами военные, смотревшие на Прибалтику скорее как на чужую, оккупированную территорию, а вовсе не часть Советского Союза.

В Литве поведение красноармейцев, промышлявших — помимо выполнения своих непосредственных обязанностей — грабежом местного населения, вызвало законное возмущение руководителей республики А. Снечкуса и М. Гедвиласа. Со своими претензиями они обратились к командованию 3-го Белорусского фронта. Встреча представителя Военного совета фронта с литовскими властями произошла в июле 1944 г. В ней принимал участие прибывший тогда в Литву «по своим делам»⁶³ заместитель наркома внутренних дел СССР И. А. Серов. О содержании беседы Серов проинформировал своего шефа — Л. П. Берия, а тот счел материал настолько важным, что решил доложить об этом И. В. Сталину⁶⁴.

По словам Серова, Снечкус говорил в «повышенном тоне» и, в частности, заявил: «До тех пор, пока красноармейцы и Военный совет фронта будут *на нас* смотреть как на фашистскую Германию и грабить, *мы будем иметь претензии и отношения не наладятся*». А потом добавил, что «если такой грабеж и бесчинства будут продолжаться и в Каунасе, то у нас и последние симпатии к Красной Армии пропадут» (выделено мной. — Е. З.). На возражения представителей командования, что по поведению отдельных красноармейцев нельзя судить обо всей армии, Снечкус сказал, что готов подтвердить все факты в ЦК ВКП(б), куда он как кандидат в члены ЦК ВКП(б) и как секретарь ЦК компартии Литвы намерен обратиться⁶⁵.

Позиция Снечкуса в этих высказываниях выражена четко: он выступает от имени Литвы, как литовский национальный лидер — «мы», «у нас», «на нас». Он не отделяет себя как представителя влас-

⁶³ Серов руководил операцией по разоружению польской Армии Крайовой, действовавшей на территории Литвы (Петров И. Первый председатель КГБ Иван Серов. М., 2005. С. 35–37).

⁶⁴ Докладная записка Л. П. Берия И. В. Сталину, 24 июля 1944 г. — ГА РФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 66. Л. 27.

⁶⁵ Там же.

ти от литовского народа, поэтому «претензии» имеет не «население», а «мы»: «мы будем иметь претензии», «у нас последние симпатии к Красной Армии пропадут». В оппозиции «мы — они» Красная армия выступает как фактор внешний, чужой — «не литовский», с которым предстоит «наладить отношения», причем равенство сторон при выстраивании отношений является обязательным условием сохранения «симпатий». Снечкус позиционирует себя (и литовскую власть) как «главную власть» в регионе и требует, чтобы этот статус признали и чтобы с ним считались.

Конфликты между военными и гражданскими властями — вещь довольно обычная, однако данный инцидент выходит за рамки тривиальных взаимных претензий: не случайно он обратил на себя внимание и Серова, и Берия. Чувствовал, что немного «перегнул палку», и сам Снечкус. Поэтому он попытался несколько сгладить негативную реакцию на свою резкость и в конце встречи добавил уже в шутиливо-спокойном тоне: «без вина, а разрешили вопросы полюбовно»⁶⁶.

Однако до «полюбовного» разрешения споров дело доходило не всегда. В Эстонии, например, в конфликт между военными и республиканскими властями, возникший осенью 1944 г., пришлось вмешаться Совнаркому СССР. Причиной конфликта стал жилищный кризис в Таллине, когда в результате военных действий оказалась разрушенной значительная часть жилых помещений. Жилищный кризис — проблема сама по себе для городских властей сложная — усугублялся тем, что часть помещений была заята военными, причем случилось это по распоряжению командования Балтийского флота без согласования с эстонской администрацией. Председатель Совнаркома Эстонии А. Веймер решил пожаловаться на «самоуправство» военных В. М. Молотову.

В тот день, 6 октября 1944 г., на имя Молотова из правительства Эстонии ушли два документа, подписанные Веймером: один из них — справка о хозяйственном состоянии Эстонии после освобождения от немецких войск, второй — та самая жалоба на военных. В первом случае, описывая состояние жилищного фонда Таллина, Веймер приводит следующие цифры: 20 % поврежденных домов, из них полностью разрушено — 18 %⁶⁷. Во втором документе эстонский премьер говорит уже о том, что «в негодность приведено» 40–45 % жилого фонда столицы, в связи с чем «в городе ощущается острый недостаток жилья»⁶⁸. Остается только догадываться о причинах этих

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ «Предварительная краткая докладная записка по вопросу о состоянии хозяйства в освобожденной ЭССР и проводимых первоочередных мероприятиях». 6 октября 1944 г. — ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 46а. Д. 4847. Л. 106.

⁶⁸ Докладная записка А. Веймера В. М. Молотову «По вопросу жилого фонда г. Таллин». 6 октября 1944 г. — Там же. Л. 115.

разночтений, хотя скорее всего Веймер просто постарался несколько сгустить краски, чтобы его доводы против военных выглядели более убедительными⁶⁹.

Конкретные предложения главы эстонского правительства сводились к следующему: «1) Запретить воинским частям занимать жилплощадь в городе Таллине для размещения офицерского и рядового состава, а уже занятую жилплощадь немедленно освободить. 2) Запретить офицерскому составу — до окончания военных действий — привоз семей в Эстонскую ССР. 3) Обязать воинские части и ведомства удовлетворять свои потребности в площадях за счет восстановления разрушенных или поврежденных домов, предоставленных им для этой цели СНК ЭССР»⁷⁰.

Логика Веймера понятна: освободить часть жилых площадей для нужд города, организовать ремонт жилищного фонда руками военных (раз вам нужны помещения — сами их и ремонтируйте) и по возможности ограничить приток «чужих» и их «укоренение» в столице Эстонии (запрет на переселение семей военных).

Из секретариата Молотова предложения Веймера были направлены представителям «заинтересованных сторон», т. е. ровно тем, на кого тот жаловался — начальнику Тыла Красной армии генералу А. В. Хрулеву, паркомому Военно-Морского флота адмиралу Н. Г. Кузнецову, а также в НКВД. Как и следовало ожидать, реакция этих ведомств была резко отрицательной — если не считать предложения Веймера повременить с завозом жен и детей. Хрулев, например, выразил готовность эту идею поддержать. В остальном и он был непреклонен. По поводу требования эстонской стороны освободить жилые помещения для нужд города Хрулев выразил недоумение. «По точному смыслу этого предложения, — рассуждал начальник Тыла, — Наркомат обороны должен вывести из Таллина все войска. Против этого решительно возражаю»⁷¹.

Смысл и резкий тон возражений не оставляет сомнений: эстонцам дали понять, кто на самом деле является хозяином положения, по крайней мере до тех пор, пока идет война. В архивном деле, посвященном этой истории, отсутствует решение Совнаркома по данно-

⁶⁹ Преувеличение размера ущерба — обычная уловка местных властей. По мнению историка Олафа Мертельсмана, более реалистичными выглядят данные, приведенные в записке первого секретаря ЦК компартии Эстонии Н. Карогамми, направленной в ЦК ВКП(б) в мае 1947 г.: потери жилищного фонда в городе Таллине составили около 27 %: из 1,8 млн кв. м жилых помещений разрушенными были 500 тыс. кв. м (Meretsman Olaf. *Der stalinistische Umbau in Estland. Von der Markt — zur Kommandowirtschaft.* Hamburg, 2006. S. 91).

⁷⁰ Докладная записка А. Веймера В. М. Молотову «По вопросу жилого фонда г. Таллин», 6 октября 1944 г. — ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 46а. Д. 4847. Л. 115.

⁷¹ Ответ генерала А. Хрулева на запрос в связи с предложениями А. Веймера. Октябрь, 1944 г. — Там же. Л. 111.

му конфликту. По-видимому, окончательного решения так и не было принято, и все ограничилось сохранением статус-кво.

Почвой для конфликтов между региональными властями и Центром часто становились разногласия по экономическим, хозяйственным вопросам. Вслед за армией в Прибалтику прибыли очередные «наблюдатели» — уполномоченные различных центральных ведомств: Совнаркома, Госплана, наркоматов. Отношения между уполномоченными и представителями республиканских структур нередко складывались весьма непросто. Поводом для конфликтов, как правило, становились позиция и поведение самих «наблюдателей». Формально их задача заключалась в «оказании помощи» и необходимых консультациях республиканским властям по вопросам восстановления хозяйства после войны. Случалось, однако, что «консультанты» и «помощники» вели себя как «контролеры», бесцеремонно вмешиваясь в местные дела, а в практике общения сбиваясь на приказной, запелляционный тон.

Такое поведение вполне могло сойти с рук в старых республиках, где «человек из Москвы» уже по определению пользовался протекцией. Но в Прибалтике московским посланцам пришлось столкнуться с иной ситуацией, с иной культурой отношений между Центром и периферией, между «начальниками» и «подчиненными». На официальном языке это называлось «национальной спецификой».

Много жалоб со стороны литовских властей вызывала, например, деятельность уполномоченного Госплана СССР по Литовской ССР П. Носова. Информация о конфликте дошла до Москвы, и работа уполномоченного разбиралась на совещании в Госплане СССР в январе 1945 г. Руководивший совещанием заместитель председателя Госплана А. Д. Панов выговаривал П. Носову: «Вы не занимаетесь переоценкой отношений... Там обстановка несколько иная. Наши советские районы привыкли к самокритике, а в Литве постановка иная. Наши методы работы кажутся необычными. В этом случае Вы должны проявить тактичность. Вопросы нужно ставить принципиально и остро, но форма может быть разная. Можно вопрос поставить с обвинениями и можно тот же самый вопрос поставить по-другому, так, чтобы это не оскорбляло людей» (здесь и далее выделено мной. — Е. З.)⁷².

Вряд ли требуют расшифровки «обычные» методы работы чиновников, как и та практика, которые Панов обозначил эвфемизмом «самокритика». Носов пытался отвести от себя упреки в излишней резкости: «Грубости не допускаю, но требовательность есть»⁷³. «В отношении культуры у Вас, видимо, не так дело обстоит, как

⁷² Стенограмма совещания по отчетам уполномоченных в Госплане СССР. 17 января 1945 г. — РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 45. Д. 60. Л. 97.

⁷³ Там же. Л. 97–98.

в отношении твердости», — настаивал Панов и уговаривал своего подопечного, что «нет ничего плохого в том», если уполномоченный будет работать в контакте с литовским правительством, совместно ставить и решать вопросы⁷⁴.

Диалог между уполномоченным и его шефом относительно стиля общения с местным руководством и границ «допустимого сотрудничества» длился довольно долго, пока Носов наконец не сделал довольно странное признание: «Они стараются, чтобы я работал в контакте с местным Госпланом. Я этого боюсь». И далее: «Я должен свою роль выпячивать, я не могу работать по заданию Республики»⁷⁵.

Совещание окончилось для Носова без каких-либо оргвыводов, однако спустя несколько месяцев по инициативе Панова Госплан организовал проверку деятельности своего уполномоченного в Литве. В республику отправились инспекторы, они беседовали с республиканскими руководителями и председателем Бюро ЦК ВКП(б) по Литве М. А. Суловым. Проверяющие признали, что «несмотря на ряд положительных моментов в работе т. Носова... он не сумел создать нормальные взаимоотношения с местным руководящими партийными и советскими организациями»⁷⁶. Главная ошибка Носова заключалась в том, что он «не учел особенностей работы в национальной прибалтийской республике, допуская во взаимоотношениях с местными руководящими работниками резкость и неадекватность»⁷⁷.

Недостатки Носова, — считали инспекторы, — «в условиях национальной прибалтийской республики имеют особое значение», и поэтому рекомендовали отозвать его из Литвы и «использовать на работе в областях РСФСР»⁷⁸. По-видимому, народ в «областях РСФСР» был не столь чувствителен к скверному характеру начальства — видали и не такое, так что привыкли. На место Носова в Литву поехал новый уполномоченный — И. А. Никонов⁷⁹.

Весьма болезненно реагировали власти прибалтийских республик на «завоз» рабочей силы и специалистов из других регионов СССР. На этой почве между Центром и регионом тоже не раз возникали конфликты. Об одном из них рассказал историк Давид Феест, много работавший в архивах Эстонии. В 1944 г., после освобождения

⁷⁴ Стенограмма совещания по отчетам уполномоченных в Госплане СССР 17 января 1945 г. — РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 45. Д. 60. Л. 97–98.

⁷⁵ Там же. Л. 99.

⁷⁶ Докладная записка по итогам проверки деятельности уполномоченного Госплана СССР в Литве П. Носова. [Не ранее 11 мая] 1945 г. — Там же. Д. 154. Л. 68.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же. Л. 69.

ния Эстонии от немецких войск, заместитель председателя Совета Министров республики Арнольд Кресс получил приказ наркома путей сообщения СССР Лазаря Кагановича об «укреплении» эстонских железных дорог новыми руководящими кадрами. К приказу прилагался список лиц, фамилии которых не оставляли сомнения в их эстонском происхождении. Против каждой из них Кресс поставил знак вопроса, а в заключение сделал приписку: «Бесстыдство!» От себя же добавил: «Железная дорога Эстонии и без русских работала хорошо»⁸⁰.

Понимая, чем подобная строптивость и подобные красноречивые высказывания могут грозить Крессу и не только ему, партийные руководители Эстонии поспешили отреагировать на инцидент: ЦК КП(б)Э объявил Крессу строгое предупреждение. Однако дальше выговора дело не пошло, и еще несколько лет Кресс продолжал занимать ответственные посты, руководя, например, одним из ключевых промышленных наркоматов Эстонии — топлива и химической промышленности. Как и многие другие функционеры «первого призыва» Кресс пострадал во время чистки 1950 г., когда ему припомнили и эпизод 1944 г., и его взгляды на проблему «пришлых» вообще. Вместе с тем для первых послевоенных лет «казус Кресса» — не такая уж редкость⁸¹.

Тот факт, что чиновники разного уровня в балтийских республиках позволяли себе известные вольности в общении с Центром и его представителями, не был случайностью. Среди правящих кругов и управленцев Эстонии, Латвии и Литвы — особенно в первые послевоенные годы — еще жили иллюзии независимости или, по крайней мере, претензии на самостоятельность. Если судить, например, по переписке эстонского партийного руководства с ЦК ВКП(б), руководители республики всерьез рассчитывали на то, что «Москва ждет от них инициативы, предложений и даже рекомендаций»⁸². Аналогичное впечатление складывается и при чтении документов, которые направлялись в Москву из Вильнюса и Риги. Надо признать, что и политика Кремля работала на закрепление и развитие этих иллюзий: из Центра шли указания о необходимости учитывать национальную специфику региона и смелее выступать с местной инициативой. В данной ситуации успешнее оказывался тот, кто мог отделить слова от намерений и почувствовать границы дозволенной свободы.

Для истории отношений между властями республик Прибалтики и центральными ведомствами показателен конфликт, который воз-

⁸⁰ Feest David. Neo-korenizacija in den baltischen Sowjetrepubliken? // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. 2006. Nr. 3. S. 272.

⁸¹ Давид Феест считает, что в практике взаимоотношений Центра и республик Балтии в послевоенные годы случай Кресса скорее типичный (Ibid).

⁸² Ibid.

ник в 1949 г. между Советом Министров Литвы и Министерством финансов СССР. В августе 1949 г. литовское правительство приняло решение о выделении дополнительно из республиканского бюджета 315 тыс. руб. — на «улучшение бытового обслуживания» руководящих работников. Речь шла об оплате курортного лечения и выдаче единовременных денежных пособий. Согласно принятой в Советском Союзе практике, внесение любых изменений в бюджет республики должно было быть в обязательном порядке согласовано с Министерством финансов СССР и союзным правительством. Председатель Совмина Литвы М. Гедвилас этого, однако, не сделал, сославшись на документ — «Положение о бюджетных правах СССР и союзных республик» от 25 мая 1927 г., пункты 34 и 36 которого предоставляли республикам такое право.

Тем не менее в Министерстве финансов СССР действия литовских властей были расценены как «самоуправство». 4 октября 1949 г. министр финансов СССР А. Г. Зверев направил записку-протест в Президиум Совета Министров СССР, где обвинял правительство Литвы в «незаконном расходовании средств» и просил союзное правительство обязать литовский Совмин отменить свое распоряжение⁸³.

Записка Зверева была направлена на рассмотрение в Группу по Министерству финансов и банкам Совета Министров СССР, а также в Совет Министров Литвы Гедвиласу — для «представления объяснений»⁸⁴.

В ответном письме Гедвилас таким образом аргументировал решение литовского правительства. Во-первых, дополнительные средства из бюджета выделялись только тем лицам, которые действительно нуждались в санаторно-курортном лечении «по заключению врачебных комиссий» (по принципу: можем и справку предъявить). Во-вторых, в числе этих лиц оказались министры и заместители, руководители центральных учреждений республики, председатели исполкомов и прочие чиновники, т. е. тот самый «опорный каркас» нового режима, который его и представлял, и обслуживал. Наконец, упомянул Гедвилас и о Положении 1927 г., а также о том, что правительство Литвы использовало на эти нужды свой резервный фонд, не затрагивая при этом интересы союзного бюджета. В итоге Совет министров Литвы просил союзный Совмин разрешить конфликт в свою пользу — «отклонить предложение Министерства финансов СССР»⁸⁵.

⁸³ Записка А. Г. Зверева «О незаконном увеличении Советом Министров Литовской ССР расходов на улучшение бытового обслуживания работников». 4 октября 1949 г. — ГА РФ. Ф. 5446. Оп. 51а. Д. 4652. Л. 113.

⁸⁴ Сопроводительное письмо управляющего делами Совета Министров СССР М. Помазинева. 10 октября 1949 г. — Там же. Л. 114.

⁸⁵ Письмо М. Гедвиласа в Совет Министров СССР. 17 октября 1949 г. — Там же. Л. 111.

Ответ противоположного характера пришел из Группы по Министерству финансов и банкам. Начальник группы Л. Карпов встал на сторону своего «подопечного» и сделал такое заключение: «Считаю, что без разрешения Совета Министров СССР расходы на улучшение бытового обслуживания работников не могут быть увеличены, поскольку сумма этих расходов установлена Советом Министров СССР по каждому министерству и ведомству СССР и союзной республики»⁸⁶.

В архивном деле отсутствует какое-либо решение по этому вопросу, однако есть основания предполагать, что оно так и не было принято: это значит, что конфликт между Гедвиласом и Зверевым был все-таки разрешен в пользу Литвы, т. е. постановление литовского правительства осталось в силе. 31 декабря 1949 г. в деле появилась запись о том, что «т. Зверев вопрос снял»⁸⁷.

Эта финансовая история показательна не только своим исходом. Не менее интересна и та линия защиты, которую взял на вооружение Гедвилас: он представляет решение литовского правительства как абсолютно «законное», соответствующее букве советского законодательства, он противопоставляет закон — может быть, уже «забытый», но тем не менее никем не отмененный — практике. Зверев называет действия литовских властей «незаконными», а Гедвилас доказывает, что они как раз законны, что правительство Литвы имело право поступать таким образом, поскольку право это закреплено соответствующим постановлением, в данном случае Положением 1927 г. Иными словами, Гедвилас переводит конфликт в *правовое поле*, что вообще было мало свойственно советской культуре управления. Но многие прибалтийские лидеры и были людьми иной культуры — и правовой, и управленческой. Они знали советские законы и, как показывает этот эпизод, умели ими в случае необходимости пользоваться, не полагаясь только на «чиновничье право» и привычные практики.

Однако и целиком игнорировать принятые в советской практике правила игры Гедвилас не мог. Поэтому в объяснительной записке появляются дополнительные аргументы — о важности кадрового ресурса, на охрану здоровья которого встало литовское правительство, принимая послужившее причиной конфликта решение.

Другая линия конфликтов в структурах власти проходила внутри республиканского руководства. В этом случае конфликтующие стороны часто использовали Москву, высоких кремлевских начальников в качестве «третьего судьи».

В Литве, например, не раз возникали разногласия между председателем Президиума Верховного Совета республики Юстасом Па-

⁸⁶ Справка Группы по Министерству финансов и банкам Совета Министров СССР. 26 октября 1949 г. — Там же. Л. 115.

⁸⁷ Там же. Л. 115 об.

лецкисом и первым секретарем ЦК литовской компартии Антанасом Снечкусом. События 1940 г. вынесли Палецкиса на самый верх политической жизни Литвы: недолго, всего один месяц, он успел побывать и в роли первого лица Литвы, исполняя обязанности президента вместо покинувшего страну Сметоны. В «июньском правительстве» 1940 г. ему досталась роль премьера. Однако вскоре все изменилось, и в новой конфигурации власти, определившейся после инкорпорации Литвы в Советский Союз, Палецкису досталось всего лишь «почетная» должность главы Верховного Совета Литвы. С 1940 г. он был неизменным членом Бюро ЦК ВКП(б) Литвы, однако на вторых ролях. Полновластным хозяином республики был и оставался Снечкус.

Роль «свадебного генерала» Палецкиса не устраивала: человек активный и амбициозный, а кроме того имевший очевидные заслуги перед Кремлем до 1940 г. как активный «друг Советского Союза», он мог рассчитывать на более «адекватное» признание и стать политической фигурой первого ранга. Однако Москву Палецкис больше устраивал в роли «окультуренного фасада» новой власти, нежели в роли политика. Его много издавали и, возможно, именно Палецкис был в СССР «самым известным литовцем». Литературная деятельность приносила ему и славу, и деньги — но не власть. Его охотно принимали в Кремле — и Жданов, и Маленков, однако полностью преодолеть не вполне доверительное отношение партийных боссов к «интеллигентам» Палецкису так и не удалось. Тем более, что он сам не раз давал повод усомниться в своем правильном понимании партийной линии, особенно по «национальному вопросу».

Тот же самый «национальный вопрос» стал яблоком раздора между Палецкисом и Снечкусом. 23 ноября 1946 г. Палецкис выступил на пленуме ЦК КП(б) Литвы с критикой политики республиканских властей. Тогда в республике набирала силу кампания по «очистке» госаппарата от так называемых враждебных элементов. По мнению Палецкиса, эта кампания проводилась без должного учета «специфических особенностей» Литвы. «Основная часть моего выступления, — объяснял позднее Палецкис, — была посвящена вопросу о национальных кадрах, тому, что наряду с очищением аппарата от националистических и кулацких элементов, перед нами стоит задача использования буржуазных специалистов, привлечения их на свою сторону и перевоспитания, что в этом вопросе недопустим огульный подход, что необходимо вести борьбу с имеющимся в ряде случаев огульным недоверием к кадрам коренной национальности»⁸⁸.

«Нынешний ход очищения сопровождался кое-где значительным «обезлитовением» аппарата, т. е. снижением количества работников-

⁸⁸ Записка Ю. Палецкиса А. А. Жданову. 17 января 1947 г. — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 588. Л. 3.

литовцев», — таков был главный тезис выступления Палецкиса⁸⁹. Реакция других руководителей республики, прежде всего Снечкуса, на это заявление была весьма резкой — настолько, что Палецкису пришлось публично извиняться, писать «покаянное» письмо в ЦК КП(б) Литвы с признанием, что он допустил «неудачные формулировки»⁹⁰.

Понять реакцию Снечкуса можно: в конце концов он был литовцем не меньше, чем Палецкис — в том смысле, что партийный лидер Литвы в своей политике, в том числе и кадровой, стремился всегда в первую очередь проводить «литовский интерес» и по возможности не допускать чрезмерного проникновения представителей других национальных групп в структуры власти и управления. Однако в вопросе о старых кадрах — так называемых буржуазных специалистах — коммунист Снечкус становился на партийную позицию: здесь между ним и Палецкисом проходил водораздел. Кроме того Снечкус, как любой авторитарный лидер, не терпел критики от подчиненных (а он воспринимал Палецкиса именно в таком качестве), как и покушения на свои prerogatives в республике, и это обстоятельство тоже послужило причиной конфликта.

Скандал получился довольно громкий — настолько, что информация о нем докатилась до Кремля. Инициатором выведения внутреннего конфликта на столь высокий уровень выступил сам Палецкис. 17 января 1947 г. он написал докладную записку на имя секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Жданова, а в качестве приложения к ней направил все материалы, так или иначе связанные с конфликтом на пленуме, в том числе и свое «покаянное письмо». Однако сам конфликт со Снечкусом Палецкис представил уже не как эпизод, а как тенденцию в политике литовского руководства.

Результат этой политики он определил следующим образом: «Ряд вопросов остаются нерешенными или их решение недопустимо затягивается благодаря тому, что до сих пор у нас недостаточно учитывается вся сложность обстановки, наша специфика, а кое-кто и не понимает наших условий»⁹¹. А далее о себе: «Мои неоднократные попытки поставить и разрешить ряд таких вопросов воспринимались и квалифицировались как политически сомнительный задор, а поставленные мною вопросы игнорировались»⁹². В подтверждение своих слов Палецкис приводил ряд своих инициатив: о необходимости внедрения законности в практику управления, о поддержке середняка, о противодействии влиянию католической церкви и др. Все эти инициативы, — считал он, — получали ход лишь после того, как в дело вмешивалась Москва, оказывая нажим на литовские власти.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Письмо Ю. Палецкиса в ЦК КП(б) Литвы. Декабрь 1946 г. — Там же. Л. 20–22.

⁹¹ Записка Ю. Палецкиса А. А. Жданову. 17 января 1947 г. — Там же. Л. 1.

⁹² Там же.

В той же самой роли Палецкис просил выступить Жданова еще раз. «До сих пор у нас отсутствует ясность по ряду коренных политических и хозяйственных вопросов, стоящих перед республикой, — писал Палецкис. — В связи с этим обращаюсь к вам с просьбой принять руководство республики и помочь разобраться»⁹³.

Неизвестно, насколько помогло вмешательство Жданова, однако конфликт между двумя литовским лидерами был все-таки на тот момент улажен. В январе 1949 г. Палецкис отмечал 50-летие. В связи с юбилеем Снечкус от имени литовского руководства обратился в ЦК ВКП(б) с предложением наградить своего оппонента орденом Ленина — за «заслуги в деле социалистического строительства». Политбюро утвердило соответствующее решение — с одной лишь поправкой: просто «заслуги» стали «большими заслугами»⁹⁴. Статус награды того требовал.

Как показало дальнейшее развитие событий, перемирие в литовских верхах оказалось недолговечным. Снечкус не простил Палецкису «эпизод 1946 года» и только ждал удобного повода, чтобы взять реванш. Повод такой представился уже в 1949 г., когда в Москве вышла книга Палецкиса «Советская Литва. Историко-географический очерк». Книга получила благожелательные отзывы в прессе, в том числе и в центральной газете «Известия»⁹⁵.

Эта рецензия и послужила поводом для начала атаки. В кремлевских кругах у Снечкуса был человек, на поддержку которого тот мог рассчитывать, — М. А. Сулов. Поэтому 9 января 1950 г. на имя Сулова с пометкой «лично» из Вильнюса была отправлена записка. Ее подписали А. Снечкус и секретарь литовского ЦК по пропаганде В. Нюнка.

В записке выражалось несогласие по поводу высокой оценки, данной в «Известиях» книге «Советская Литва», а также предъявлялись претензии к самому содержанию книги, точнее, к ее исторической части. В некоторых формулировках авторы записки усмотрели «крупные ошибки, являющиеся отрывкой буржуазно-националистических концепций на прошлое литовского народа»⁹⁶. Речь шла о характеристике, данной Палецкисом национально-освободительному движению в Литве. Он разделил это движение на два течения — «прогрессивное» и «реакционное». Одно «связывало борьбу за национальное освобождение литовского народа с задачей свержения царизма», другое — стремилось увести его «в рамки ле-

⁹³ Записка Ю. Палескиса А. А. Жданову. 17 января 1947 г. — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 588. Л. 3.

⁹⁴ Решение Политбюро ЦК ВКП(б). Протокол № 67. 21 января 1949 г. — Там же. Оп. 163. Д. 1519. Л. 75–77.

⁹⁵ Известия. 1949. 28 декабря.

⁹⁶ Записка А. Снечкуса и В. Нюнка секретарю ЦК ВКП(б) М. А. Сулову. 9 января 1950 г. — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 707. Л. 223.

гальности и католицизма»⁹⁷. Рабочее движение в Литве, считал Палецкис, возникает в результате раскола национально-освободительного движения.

Оба тезиса, — писали Снечкус и Нюнка, — являются неправильными; «Тов. Палецкис затушевывает реакционные черты буржуазного национального движения, допускает его идеализацию и приписывает роль рабочего движения»⁹⁸. После подобных оценок оставалось только теоретические разногласия перевести в плоскость реальной политики. Что и было сделано. Рецензии, подобные той, что появилась в «Известиях», — резюмировали авторы записки, — «затрудняют нам вести борьбу с остатками влияния буржуазной идеологии»⁹⁹.

По логике вещей Палецкиса можно было обвинить в «буржуазном национализме» и требовать соответствующих оргвыводов. Однако Снечкус и Нюнка этого делать не стали. Не ставил так вопрос и Суслов. Он решил урегулировать конфликт мирным способом, дав возможность противоположной стороне «отыграться». В сентябре 1950 г. в газете «Культура и жизнь» — тоже центральном органе — была опубликована статья В. Нюнка «О некоторых ошибках в книге "Советская Литва"», в которой он мог публично представить позицию литовского партийного руководства¹⁰⁰. Для Палецкиса сколь угодно серьезных последствий это выступление не имело.

Конфликты внутри правящей элиты были характерны для всех трех балтийских республик. Позиция Москвы в развитии конкретной конфликтной ситуации могла меняться: центральная власть либо дистанцировалась от «местных разборок», либо вмешивалась в конфликт, однако в любом случае стремилась держать ситуацию в регионе под своим контролем. Внутренние конфликты далеко не всегда заканчивались столь благополучно, как «дело Палецкиса»: борьба различных сил и просто личное соперничество внутри правящих групп чаще всего приводила к устранению или понижению статуса одной из противоборствующих сторон. Исход этой борьбы, правда, не имел столь трагических последствий, как другие конфликты в среде политических элит послевоенных лет, например, «ленинградское дело». Столь же несопоставимы по своим масштабам последствия кадровых чисток в Прибалтике с временами Большого террора: некоторые опальные функционеры смогли потом, уже после смерти Сталина, вернуться в политику, другие сделали не менее успешную карьеру в экономике или науке.

⁹⁷ Палецкис Ю. Советская Литва. Историко-географический очерк. М., 1949. С. 26.

⁹⁸ Записка А. Снечкуса и В. Нюнка секретарю ЦК ВКП(б) М. А. Сулову. 9 января 1950 г. — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 707. Л. 226.

⁹⁹ Там же. Л. 227.

¹⁰⁰ Культура и жизнь. 1950, 30 сентября.

В первые годы после окончания войны Москва и ее «наблюдатели» в Прибалтике (прежде всего Бюро ЦК по Латвии, Литве и Эстонии), понимая всю нестабильность кадровой ситуации снизу доверху, стремились не усугублять ее новыми кадровыми перетрясками. Чистки в то время в основном касались так называемых «бывших» и «националистов». Что касается замены работников в высших руководящих структурах, то она носила пока эпизодический характер. К числу этих немногочисленных эпизодов относится «дело Юргенса» 1946 г.

Янис Юргене занимал пост третьего секретаря ЦК компартии Латвии и курировал вопросы сельского хозяйства. Он принадлежал к группе «бывших подпольщиков», которые, в отличие от «июньских коммунистов» или московских посланцев 1940 г., участвовали в работе компартии Латвии еще до советского вторжения, когда партия была на нелегальном положении. Среди призванных во власть в 1940 г. «бывшие подпольщики» отличались известной независимостью суждений и своими откровенными симпатиями идеям национал-коммунизма. По этой причине они находились под особо пристальным вниманием московских «наблюдателей».

Отправной точкой (а скорее, «последней каплей») в развитии «дела Юргенса» стало его выступление на республиканском совещании председателей волисполкомов в июле 1946 г. Присутствовавший на совещании заместитель председателя Бюро ЦК ВКП(б) по Латвии С. Г. Зеленов докладывал своему шефу В. Ф. Рязанову: «Тов. Юргене произнес политически вредную речь, неправильно ориентировал низовые органы советской власти в деревне и дал повод буржуазным латышским националистам считать, что ЦК КП(б) Латвии солидаризируется с ними в трактовке ряда политических вопросов жизни республики»¹⁰¹.

«Политически вредные» моменты в выступлении секретаря, по мнению Зеленова, заключались, среди прочего, в его неправильной оценке послевоенных трудностей, их явном преувеличении, что создавало неприглядную картину советской жизни в целом. Надо признать, что в пылу красноречия Юргене действительно порой хватал через край. Чего только стоит его описание послевоенного быта жителей Белоруссии: «Я вам расскажу не анекдот, а правду. Белоруссия окончательно разрушена. В июне месяце только два района успели одеть, а до этого люди жили в лесах и одевались в шкуры, как некогда Робинзон Крузо»¹⁰².

Что касается оценок актуальной ситуации в Латвии, то в данном вопросе позиция третьего секретаря выглядела вполне убедитель-

¹⁰¹ Докладная записка С. Г. Зеленова В. Ф. Рязанову. [Июль] 1946 г. — РГАСПИ. Ф. 600. Оп. 1. Д. 11. Л. 118.

¹⁰² Там же. Л. 119.

ной. Юргенс говорил, например, о том, что латышские крестьяне плохо представляют себе советские порядки, советское устройство вообще, поэтому, когда возникает необходимость, они даже не знают, куда им жаловаться, в какие органы обращаться. Получается, — парировал на эту реплику Зеленов, — «если бы был старый, знакомый, улмановский буржуазный строй, который крестьяне знают, не было бы этой трудности»¹⁰³.

На самом деле в выступлении Юргенса не было никаких исторических параллелей: он просто хотел объяснить представителям советской власти на местах, как эту власть надо устраивать, чтобы не только не вызывать отторжения у населения, но и по возможности зарабатывать авторитет. Юргенс придумал даже своеобразный «кодекс поведения» для советского чиновника. Этот «кодекс» включал всего три тезиса:

1. Не стучи кулаком по столу.
2. Не пей водки.
3. Не присваивай чужого¹⁰⁴.

Оппонент Юргенса из Латбюро считал, что на подобном языке может говорить ксендз, а никак не партийный секретарь, не премируя напомнить, что «авторитет советского работника у трудовой массы населения завоевывается прежде всего преданностью своей советской родине, делу партии Ленина—Сталина»¹⁰⁵. Эта фраза сама по себе достаточно показательна, чтобы судить, кто лучше представлял себе настроения «трудовой массы населения», т. е. латышских крестьян, Зеленов или Юргенс.

Записка Зеленова с обвинениями в адрес Юргенса обстоятельна: помимо «неправильного» выступления на совещании председателей волисполкомов припомнили Юргенсу и прошлые «грехи». Например, его отношение к «лесным братьям»: «как ни печально, но они все же наши, латыши, может быть они осознают, выйдут из леса, а кто не выйдет, придется уничтожить»¹⁰⁶.

Это высказывание в совокупности с другими послужило поводом для обвинения Юргенса в «буржуазном национализме», точнее, приверженности «буржуазно-националистическим настроениям». Бюро ЦК ВКП(б) по Латвии предложило Бюро ЦК латвийской компартии освободить Яниса Юргенса от должности секретаря ЦК и вывести его из состава Бюро ЦК КП(б)Л¹⁰⁷. В приказном характере подобных «рекомендаций» сомневаться не приходилось: Юргенс был исключен из числа членов Бюро ЦК компартии Латвии, а 14 октября 1946 г.

¹⁰³ Там же. Л. 120.

¹⁰⁴ Там же. Л. 123.

¹⁰⁵ Там же. Л. 125.

¹⁰⁶ Там же. Л. 122.

¹⁰⁷ Отчет о работе Бюро ЦК ВКП(б) по Латвии за 1946 г. — Там же. Д. 23. Л. 2.

это решение утвердил Секретариат ЦК ВКП(б). На место Юргенса был назначен А. А. Никонов¹⁰⁸.

Пройдет 13 лет, и летом 1959 г. преемник Юргенса Александр Никонов, тогда уже в ранге министра сельского хозяйства Латвии, выступит в качестве одного из фигурантов «Латвийского дела» — самой крупной послевоенной чистки в рядах руководства республики. Обвинения, предъявленные тогда латвийским руководителям, будут сродни тем, что выслушал в свой адрес Юргенс в 1946 г. Так что, «дело Юргенса» — уже в несколько ином смысле — продолжало жить и паходить новых сторожников.

5.3. Феномен «местного национализма»: «эстонское дело» 1949–1952 годов

«Эстонское дело» — понятие условное, речь идет о серии акций 1949–1952 гг., в результате которых произошло почти полное обновление руководства республики. В отличие от «ленинградского дела» и репрессивных кампаний в странах Восточной Европы, в Эстонии не было ни крупных процессов, ни расстрельных приговоров. Тем не менее связь «эстонского дела» с этими событиями очевидна: это были звенья одной цепи, составляющие одной кампании, смыслом которой была страшная, на первый взгляд, но вполне укладывающаяся в логику имперского сознания попытка создать построенную на принципах жесткой иерархии беспрецедентную по масштабам управленческую вертикаль.

«Эстонское дело» — и в этом его специфика — было первым среди послевоенных чисток, в котором одним из главных мотивов обвинения выступал «местный национализм». В советском политическом лексиконе тех лет понятие «национализм» обладало рядом особенностей: во-первых, оно использовалось исключительно в негативном значении (как оппозиция «положительному» интернационализму), а во-вторых, само это понятие являлось аморфным, распыленным. Оно то становилось синонимом этнической ограниченности, прежде всего в вопросах культуры, то приравнивалось к антисоветизму. Используемые вместе с ним определения «буржуазный» или «местный» мало проясняли сущность самого понятия, а скорее квалифицировали степень «опасности» явления и соответственно степень вины уличенных в «национализме» лиц. «Местный национализм» имел свои разновидности: он мог быть азербайджанским, украинским, эстонским и т. д. Однако, несмотря на эти определения, в трактовке официальной идеологии «национализм» не был этнической категорией, во всяком случае, не этничность выдвигалась на первый план в качестве его сущностного признака. Ссылки

¹⁰⁸ Решения Секретариата ЦК ВКП(б). Протокол № 280/17. 14 октября 1946 г.

на этнический момент — этническую ограниченность — были не более чем эвфемизмом, за которым скрывались на самом деле специфически понимаемые государственные интересы. Построенная на принципах жесткой централизации, государственная система болезненно реагировала на любые попытки периферии ослабить свою зависимость от Центра, даже если эти попытки не выходили за границы культурной автономии.

Для того чтобы дисциплинировать региональных лидеров, достаточно было «наказать» одного-двух в качестве показательных примеров. В этом смысле выбор балтийского региона, самого «молодого» и всегда вызывавшего у Москвы подозрение в неблагонадежности, понятен. Остается вопрос: почему среди трех балтийских республик была выделена именно Эстония? Вопрос этот тем более правомерен, что обвинения, выдвинутые против эстонских руководителей, вполне могли бы разделить лидеры Латвии и Литвы. Во всяком случае, Н. Каротамм как первый секретарь ЦК эстонской компартии был не большим «националистом», чем А. Снечук в Литве или Я. Калнберзиньш в Латвии. Мы не располагаем пока документами, которые позволили бы однозначно ответить на вопрос о мотивах выбора объекта показательной чистки, но можно попытаться восстановить логику событий, следствием которых стало «эстонское дело».

Ситуация в Эстонии вызывала обеспокоенность московского руководства еще задолго до начала событий, которые сложились в «эстонское дело». После ликвидации в марте 1947 г. специальных органов представительства ЦК ВКП(б) в прибалтийских республиках — Бюро ЦК ВКП(б) по Литве, Латвии, Эстонии — контроль за положением дел в этих регионах и за поведением местных лидеров со стороны центральной власти несколько ослаб. Инспектора и инспекторские группы, периодически направляемые из Москвы в республики Балтии, почти всегда регистрировали наличие ошибок и даже «извращений» в политике лидеров Латвии, Литвы и Эстонии. Одна из таких инспекторских поездок была организована в Эстонию в январе 1948 г. По ее результатам был составлен документ «О недостатках в работе партийных организаций Эстонской ССР», адресованный секретарям ЦК ВКП(б) А. А. Жданову, А. А. Кузнецову, М. А. Суслову, Г. М. Попову.

Отмечая в нескольких строках достижения Эстонии за первые три послевоенные года, документ констатировал: «В деятельности ЦК КП(б) Эстонии имеются крупные недостатки и ошибки, которые замедляют перестройку всей жизни эстонского народа на советский лад». К числу главных ошибок эстонского руководства были отнесены «серьезные извращения в осуществлении политики партии в деревне», которые сводились к следующему: при проведении земельной реформы части зажиточных крестьян удалось сохранить за со-

бой лучшие земли, местное руководство оказывало покровительство кулакам (например, при распределении государственного сельскохозяйственного кредита), не защищало интересы бедняков и др.

Первый секретарь ЦК Компартии Эстонии Н. Г. Каротамм обвинялся в том, что он, «по существу, запретил газетам вести пропаганду преимуществ колхозного строя», а в республике продолжается «насаждение хуторов»¹⁰⁹.

Проверка ЦК ВКП(б) выявила также «наличие весьма существенных недостатков в руководстве промышленностью Эстонской ССР». Руководство Эстонии критиковалось не только за положение дел в промышленном производстве, но и за то, что оно «не изучает и не учитывает в своей работе политических настроений рабочих». «Вражеские элементы и действующие им на руку головоотяпы, — говорилось в докладной записке инспектора ЦК ВКП(б), — создают условия для недовольства рабочих, особенно в отношении русских рабочих, приехавших в Эстонию на работу по вербовке... Такое отношение к рабочим, завербованным для работы в Эстонии, ставит их в отчаянное положение. Лишенные поддержки, они распродают все, что привезли с собой, и в конце концов бегут из Эстонии»¹¹⁰. Наличие антирусских настроений в различных слоях эстонского общества было признано серьезным фактором, влияющим на всю общественную атмосферу в республике. ЦК КП(б) Эстонии упрекали также в том, что он «допустил политическую беспечность в деле очищения государственного аппарата от враждебных элементов». «Самым опасным является то обстоятельство, — следовал итоговый вывод, — что ЦК КП(б) Эстонии не возглавляет классовую борьбу в республике и не разоблачает конкретных носителей буржуазной националистической идеологии, недооценивает дело перевоспитания эстонского народа в духе советского патриотизма»¹¹¹.

Хотя обвинений было достаточно, чтобы не только отстранить руководителей Эстонии от занимаемых должностей, но и для более серьезных санкций, в 1948 г. против эстонских лидеров никаких репрессивных мер принято не было (эта записка пролежала в отделе ЦК ВКП(б) почти 2 года и была востребована лишь в 1950 г.). Возможно, в данном случае сыграла роль позиция А. А. Жданова и А. А. Кузнецова, которые «опекали» Эстонию. Второй секретарь ЦК компартии Эстонии Г. Т. Кедров хорошо знал Кузнецова еще по совместной работе в Ленинграде¹¹² и пользовался его поддержкой; на

¹⁰⁹ Докладная записка инспектора ЦК ВКП(б) В. Рязанова. 7 января 1948 г. — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 745. Л. 49–50.

¹¹⁰ Там же. Л. 54.

¹¹¹ Там же. Л. 68.

¹¹² Г. Т. Кедров работал секретарем Ленинградского городского комитета партии по кадрам.

пост второго секретаря ЦК КП(б)Э Кедров был назначен также по рекомендации Кузнецова.

После смерти Жданова и начала «ленинградского дела» судьба Кедрова была практически предрешена. 29 августа 1949 г. Бюро ЦК КП(б) Эстонии, а затем и республиканский пленум освободили Кедрова от должности второго секретаря ЦК. После этого его вызвали в Москву, где в результате короткого разбирательства на Комиссии партийного контроля он был исключен из партии «за политически недостойное поведение в бытность работы в качестве секретаря Ленинградского горкома партии по кадрам»¹¹³. 27 октября пленум ЦК КП(б) Эстонии без обсуждения вывел Кедрова из состава ЦК Компартии республики и из Бюро как исключенного из партии. И в октябре же Кедров был арестован, а через два года — 21 января 1952 г. по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР осужден к 25 годам лишения свободы с высылкой в Воркуту¹¹⁴.

Вполне вероятно, что именно «ленинградское дело» поставило Эстонию в особое положение, определив ее в качестве очередного показательного объекта чисток. Вместе с тем вряд ли правомерно рассматривать эстонские события только как «след» ленинградских: после устранения Кедрова ни он сам, ни «ленинградское дело» в документах, так или иначе связанных с чисткой эстонского руководства, не упоминались. В «эстонском деле» гораздо более очевиден момент совпадения интересов — Центра, стремящегося полностью подчинить своему влиянию регионы, и представителей региональных элит, ведущих борьбу за власть и готовых ради победы в ней принять правила игры, предложенные Москвой. В этом смысле события в Эстонии подчинялись той же логике развития, что и политические разборки во властных структурах восточноевропейских стран.

Высшие органы власти трех балтийских республик были сформированы еще в 1940 г., а после окончания немецкой оккупации в 1944 г. восстановлены. Вернулись к прежним обязанностям руководители республики, за исключением Эстонии, где «первые лица» — Н. Каротамм (первый секретарь ЦК республиканской компартии) и А. Веймер (председатель Совнаркома, а затем Совета Министров) — заняли свои посты только в 1944 г. Таким образом, эстонское руководство было самым молодым. Однако не этот фактор мог стать причиной более пристального внимания Москвы к Эстонии, а другое обстоятельство: во время оккупации немецкими властями был арестован возглавлявший тогда коммунистическое подполье К. Сяре, первый секретарь ЦК Компартии Эстонии, немедленно обвиненный советской стороной в «предательстве».

¹¹³ Таммисту К. И. У нас, в Эстонии. Двойник «ленинградского дела» // Ленинградское дело. Л., 1990. С. 209.

¹¹⁴ Там же. С. 210.

Внутри эстонского руководства довольно быстро оформилось несколько групп влияния, разногласия между которыми стали одной из причин будущего «эстонского дела». Истоки этих конфликтов имели разную природу — этническую, политическую, личную. В первом случае речь шла о доле представительства эстонцев и русских (или русскоязычных) в органах власти и управления. Во втором — группы конфликтующих агентов разделялись по принципу политического прошлого: одни имели большой опыт легальной и нелегальной работы в независимой Эстонии, по несколько лет отсидели в тюрьмах (отсюда их название — «старые политзаключенные»), другие эмигрировали в Советский Союз или вообще большую часть жизни провели вдали от Эстонии, являясь лишь по происхождению эстонцами. Наконец, немаловажную роль играл фактор личного соперничества, часто оказывавшийся решающим.

Конфликты на этнической почве в среде правящей элиты Эстонии не были столь значимыми, как в обществе, где к присутствию русских относились очень болезненно. В руководящих сферах гораздо большую роль играли противоречия между «старыми» и «новыми» эстонцами, «старыми политзаключенными» и «эмигрантами». Последних было большинство, особенно в высших органах власти и управления. Так, в аппарате ЦК КП(б)Э, укомплектованном в основном этническими эстонцами, из 78 сотрудников 61 работал до 1940 г. в старых республиках СССР (данные на май 1945 г.)¹¹⁵.

Относительно малочисленная группа «старых политзаключенных» имела тем не менее большое моральное влияние и серьезный политический авторитет. Ее ядро составили Арнольд Веймер, Хендрик Аллик, Борис Кумм. Все они занимали довольно высокие посты в руководстве: Веймер был председателем Совета Министров республики, Аллик — его заместителем, Кумм — министром государственной безопасности Эстонии. Веймер и Кумм входили в состав Бюро ЦК КП(б) Эстонии.

Среди «новых» эстонцев, прибывших в республику после июньских событий 21 июня 1940 г., наиболее влиятельными были две фигуры: первый секретарь ЦК КП(б) Эстонии Николай Каротамм и секретарь ЦК КП(б)Э по агитации и пропаганде Йоханнес Кэбин.

Еще одну группу влияния в эстонском руководстве составляли представители национальной интеллигенции. Ханс Круус возглавлял республиканскую Академию наук и одновременно являлся министром иностранных дел Эстонии, Йоханнес Семпер был избран председателем республиканского Союза писателей, Ниголь Андрезен сначала занимал пост заместителя председателя Совета Министров ЭССР по вопросам культуры, а затем заместителя председателя

¹¹⁵ Отчет о работе Бюро ЦК ВКП(б) по Эстонии. Май 1945 г. — РГАСПИ. Ф. 598. Оп. 1. Д. 2. Л. 7–8.

Верховного Совета республики. Правда, все они в прошлом были членами небольшевистских левых партий (партии социалистов-революционеров и социалистической рабочей партии), что делало их особенно уязвимыми для будущих чисток. Не случайно именно эти функционеры одними из первых попали в число фигурантов «эстонского дела».

На первом этапе (примерно до 1949 г.) наибольшим влиянием в руководстве республики пользовалась группа «старых заключенных», которую поддерживал Н. Каротамм. Политика этой группы в целом была направлена на то, чтобы «смягчить» для Эстонии последствия советизации: блокировать рост социальной напряженности, сохранить национальные кадры, обеспечить развитие национальной культуры и т. п. В Эстонии, где социальная база нового режима была очень слабой, невозможно было добиться политической стабильности без поиска компромисса с различными общественными силами. Поэтому тактика компромисса стала главной политической линией нового эстонского руководства.

Эстонские лидеры стремились заручиться поддержкой национальной интеллигенции или хотя бы добиться ее лояльности. В течение 1946–1947 гг. была проведена массовая переаттестация эстонских ученых, более 150 человек получили тогда подтверждение своим дипломам и званиям, Академия наук и университеты сохранили свои кадры. Для эстонского руководства того периода вообще было характерно проведение протекционистской политики по отношению к «своим» кадрам, в том числе и в вопросах организации чисток учреждений от «неблагонадежных» (в эту категорию могли попасть бывшие участники национальных вооруженных формирований периода войны, бывшие члены некоммунистических партий, лица, отнесенные к разряду кулаков по происхождению или положению, граждане, имеющие родственников за границей и т. д.). Поскольку в любой из трех балтийских республик трудно было найти хороших профессионалов с «чистой», с точки зрения органов госбезопасности, анкетой, подход к самому процессу «очищения» был избирательным. Республиканские власти стремились действовать в этом вопросе осторожно, понимая, что любая чистка открывает вакансии для «пришлых». Эстонские власти не были исключением.

В 1944 г. Каротамм и Веймер обратились в Москву с просьбой присвоить бывшим офицерам так называемой буржуазной Эстонии, перешедшим на службу в Советскую армию, советские воинские звания с зачетом в непрерывный стаж годы их службы в старой эстонской и русской армиях¹¹⁶. В 1948 г. во время проведения кампании по выселению кулаков Каротамм и Веймер вошли с предложе-

¹¹⁶ Докладная записка П. Попомаренко, М. Шкирятова и Е. Громова. 5 февраля 1952 г. — Там же. Ф. 17. Оп. 131. Д. 81. Л. 407.

нием в союзное правительство не выселять кулаков за пределы республики, а создать для них специальные поселки на границе с Ленинградской областью (свою просьбу они мотивировали нехваткой рабочих рук в Эстонии)¹¹⁷. Эти обращения тогда остались без ответа, хотя уже в ходе развития «эстонского дела» о них вспомнили и использовали в качестве одного из пунктов обвинений.

В 1948 г. вместе с изменением политического климата в стране изменилось и отношение центральной власти к тактике компромисса, проводимой лидерами балтийских республик. Для эстонских руководителей ситуация усугублялась стечением обстоятельств: одновременно с изменением общей политической линии они остались без «прикрытия», лишившись после смерти Жданова и ареста Кузнецова патронажа влиятельных фигур в ЦК ВКП(б).

После устранения «ленинградской группы» из руководства ЦК ВКП(б) для начала раскручивания «эстонского дела» достаточно было формального повода, сигнала. В советской политической практике в роли такого рода «сигнала» часто выступали обыкновенные доносы. В этом смысле «эстонское дело» не стало исключением. В 1949 г. в течение нескольких месяцев в ЦК ВКП(б) из Эстонии поступали письма от А. И. Бранд, которая «сигнализировала» о неправильных с ее точки зрения политике и поведении Каротамми. Бранд обвиняла эстонского лидера в излишне мягком подходе к «буржуазным националистам», «умышленных ошибках» и писала о нем не иначе, как об «эстонском Райке—Каротамме» (в 1949 г. последняя тема была весьма актуальной). Заявления Бранд с жалобами на Каротамми могли бы составить эпистолярное наследие, в числе ее адресатов — Маленков, Берия, Булганин, Вышинский, Ворошилов, Хрущев, маршал Василевский и другие высокопоставленные лица.

Одно из заявлений Бранд было рассмотрено на заседании Секретариата ЦК ВКП(б) 26 февраля 1949 г. В результате проверки выяснилось, что автор писем в своих обвинениях не вполне беспристрастна: она была уволена из Министерства госконтроля Эстонии и, кроме того, «при Каротамме» пострадал ее брат, партийный работник, снятый со своей должности. Однако, несмотря на все эти обстоятельства, именно в феврале 1949 г. «эстонскому делу» был дан ход.

Внутрипартийные разборки продолжались в течение трех лет, что уже само по себе является беспрецедентным в практике отношений между центральной и республиканской властями. Всего за период с февраля 1949 г. по сентябрь 1952 г. в ЦК ВКП(б) — на заседаниях Секретариата, Оргбюро и Политбюро — по крайней мере 15 раз рассматривались вопросы, так или иначе связанные с «эстонским делом».

¹¹⁷ Докладная записка П. Пономаренко, М. Шкирятова и Е. Громова. 5 февраля 1952 г. — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 131. Д. 81. Л. 408.

Компрометирующий материал па эстонских руководителей собирался в течение всего 1949 г. Стоило, например, Каротамму выступить в апреле 1949 г. с речью по радио по проблемам коллективизации, как отдел ЦК ВКП(б), наблюдавший за положением дел в регионах, немедленно сигнализировал Маленкову: «В своем выступлении т. Каротамм допустил путанные, неправильные формулировки и дал ряд неясных установок по вопросам колхозного строительства и весеннего сева. Объясняя причины бурного развития коллективизации за последнее время в Эстонии, он в первую очередь относит это к заслугам коммунистической партии Эстонии, совершенно не показывая руководящей роли ЦК ВКП(б) и союзного правительства»¹¹⁸.

Тезис о принижении роли ЦК ВКП(б) — весьма типичный для того времени идеологический прием: на сходном мотиве (противопоставлении ЦК) строилась система обвинений и в «ленинградском деле». В случае с Эстонией вывод об излишнем подчеркивании роли и заслуг республиканской компартии мог служить поводом и для нового обвинения — в «местном национализме». Однако для подтверждения подобного обвинения одних «сигналов» формально было мало. Поэтому в августе 1949 г. Секретариат ЦК ВКП(б) принял решение об организации проверки на месте, поручив ее организацию Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) и Отделу партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК.

Первая инспекторская группа ЦК ВКП(б) в составе И. Ягодкина и В. Косова прибыла в Эстонию в декабре 1949 г. Проверяющие из Москвы встречались с членами Бюро ЦК КП(б) Эстонии, изучали документы. Если судить по содержанию итоговой записки, составленной по материалам этого визита, наибольшее впечатление на столичных гостей произвела информация от секретаря ЦК компартии Эстонии Й. Кэбина: именно она и легла в основу итогового документа. С момента этой первой проверки и в течение всего последующего раскручивания «эстонского дела» Й. Кэбин становится одной из ключевых инициативных фигур в организации чистки руководства республики.

Ответственный в республиканском ЦК за идеологию Кэбин неоднократно обращал внимание Каротамма и Веймера на «засоренность» кадров эстонских учреждений, но, как только дело доходило до конкретных личностей, внесенных Кэбином в «черный список», возникали конфликты. Так случилось, например, с Н. Андресеном, которого Кэбин пытался обвинить в проведении «буржуазно-националистической», «вредительской» политики. Дело в том, что Андре-

¹¹⁸ Докладная записка отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкову. Апрель 1949 г. — Там же. Л. 43.

зен работал на одном «поле» с Кэбинином — курировал вопросы культуры в правительстве, но в отличие от последнего в кругах интеллигенции пользовался авторитетом.

После неоднократных попыток Кэбина поставить вопрос об Андресене на заседании Бюро ЦК КП(б)Э лишь в мае 1949 г. было принято решение создать «по Андресену» специальную комиссию, в которую вошли помимо Кэбина еще два члена Бюро — Веймер и Пялль. Последние выбрали момент, когда на заседании Бюро отсутствовал Кэбин, и внесли на утверждение бюро проект решения, в котором Андресена критиковали «за допущение ряда формалистических ошибок в литературоведческих статьях» — без каких-либо политических выводов. Вернувшись в Таллин, Кэбин опротестовал это решение и предложил свой проект резолюции. Однако Каротамм поддержал тогда проект резолюции Веймера–Пялля. Только после того как в августе 1949 г. Бюро ЦК КП(б) получило компрометирующие материалы на Андресена из Министерства госбезопасности, на Бюро прошел проект Кэбина. Дело Андресена было передано на рассмотрение Партколлегии, которая исключила его из партии. В последний момент Каротамм вычеркнул из текста решения Партколлегии абзац, где Андресен обвинялся в проведении «линии, способствующей укреплению позиций буржуазного национализма и... деятельности явно контрреволюционных элементов». Андресена после исключения из партии по распоряжению Кэбина никуда не брали на работу, даже учителем в школу. Только после вмешательства Каротамма он получил место преподавателя литературы в одной из таллинских школ.

Обо всем этом Кэбин сообщил в своей записке, направленной в ЦК ВКП(б) на имя Маленкова в январе 1950 г. Кроме случая с Андресеном в записке приводились другие факты, которые должны были свидетельствовать о «неправильной линии» эстонского руководства, главным образом Каротамма, в вопросах кадровой политики. Кэбин также упрекал Каротамма в стремлении к «дешевой популярности», личной нескромности, «портретомании», припомнив для убедительности, что портреты эстонского лидера, выставленные в витринах и учреждениях, порой превосходят по своим размерам портреты членов Политбюро.

20 января 1950 г. Секретариат ЦК ВКП(б) принял решение по итогам поездки инспекторов ЦК в Эстонию. И. Ягодкин и В. Косов пришли к заключению, что «т. Каротамм... ведет себя непартийно, в своей работе опирается на старые, не внушающие политического доверия, буржуазные кадры... ориентирует парторганизацию на мирное сожительство с враждебными элементами в республике, всячески подчеркивает необходимость перевоспитания их, притупляет революционную бдительность у коммунистов, что приводит к большому засорению республиканских организаций людьми, не внуша-

ющими политического доверия»¹¹⁹. Таким образом, кадровая политика выступала в качестве главного пункта обвинения. Кроме этого Каротамма упрекали в проведении линии, направленной на защиту кулака, невнимании к вопросам приема в партию, неправильных методах руководства, личной нескромности и склонности к вождизму. «При таком поведении едва ли в дальнейшем т. Каротамм может оставаться у руководства ЦК», — следовал вывод¹²⁰.

Однако Секретариат ЦК ВКП(б) не стал торопиться со столь кардинальным решением и назначил комиссию во главе с П. К. Пономаренко для изучения обстоятельств дела. В течение месяца комиссия рассматривала материалы и выслушивала конфликтующие стороны. В это же время готовилась новая докладная записка, которую предстояло доложить ЦК ВКП(б). О драматизме ситуации свидетельствует хотя бы тот факт, что существует несколько вариантов записки, подписанной И. Ягодкиным, В. Косовым и А. Дедовым, ее содержание не раз уточнялось и корректировалось.

С одним из вариантов записки комиссия познакомила Каротамма. Понимая, что положение серьезное, эстонский лидер обратился с письмами — сначала к Маленкову, а затем к Сталину. В них Каротамм признал критику комиссии ЦК «правильной, весьма полезной и нужной», однако согласился с ней только по следующим пунктам: подбор и расстановка кадров, отношение к старой буржуазной интеллигенции, руководство партийными организациями и хозяйственной жизнью республики, слабость критики и самокритики, борьба против буржуазных националистов, а также тиражирование собственных сочинений, т. е. по пункту личной нескромности¹²¹.

В то же время Каротамм не признал обвинений в проведении линии, направленной на защиту кулачества, допуская, что он мог в каком-либо конкретном деле о выселении кулаков просто «не разобраться». «Я полагаю, — писал Каротамм, — что оставшихся в ЭССР кулаков и членов их семей надо поодиночке арестовывать и высылать из пределов республики»¹²². Точно так же он отверг обвинения в «буржуазном национализме», напомнив, что аресты «националистов» в республике не проходили мимо первого секретаря. В качестве доказательства усилий ЦК КП(б) Эстонии по борьбе с «буржуазными националистами» был приведен и такой аргумент: за три года в Эстонии по политическим мотивам лишились работы 1022 учителя и несколько десятков преподавателей высших учебных

¹¹⁹ Записка И. Ягодкина и В. Косова. 19 января 1950 г. — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 705. Л. 194, 198.

¹²⁰ Там же. Л. 201.

¹²¹ Письмо Н. Г. Каротамма Г. М. Маленкову. 13 февраля 1950 г. — Там же. Оп. 131. Д. 165. Л. 131.

¹²² Там же. Л. 136.

заведений¹²³. ЦК ВКП(б) назначил впоследствии специальную комиссию для проверки обоснованности столь массовых репрессий против учительских кадров.

Достаточно точно оценив ситуацию, Каротамм стремился во что бы то ни стало отвести от себя обвинения в попытках проведения сколько-нибудь независимой от Москвы линии. Отсюда одна характерная фраза: «Существенным недостатком в моей работе являлось то, что я мало обращался за советом и указаниями к работникам аппарата ЦК ВКП(б)... В дальнейшем я этот недостаток, безусловно, ликвидирую»¹²⁴.

По-видимому, объяснения Каротамма были учтены при составлении последнего варианта докладной записки Дедова, Ягодкина и Косова от 18 февраля 1950 г., имевшей ряд принципиальных отличий по сравнению с запиской Косова и Ягодкина, датированной 19 января.

В записке от 18 февраля отмечены не только недостатки в работе руководства Эстонии, как в первом документе, но и определенные успехи в послевоенном восстановлении республики. В последнем варианте смягчены некоторые обвинения в адрес Каротамма и Бюро ЦК КП(б)Э в целом: эстонские руководители критикуются уже не за защиту кулачества, а за то, что «не обеспечили проведения твердой политической линии по выселению кулачества»; не за покровительство «буржуазным националистам», а за «недооценку значения борьбы с проявлениями буржуазного национализма»¹²⁵. В то же время в записке от 18 февраля круг обвинений, выдвинутых в адрес эстонских руководителей, расширился: помимо ошибок в кадровой политике были отмечены неверные решения в вопросах развития сельского хозяйства, образования, культуры и др. Однако никаких оргвыводов в отличие от январского документа авторы записки не предлагали. Они прозвучали только в постановлении ЦК ВКП(б), принятом по результатам рассмотрения положения дел в Эстонской республике.

20 февраля 1950 г. на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) был заслушан отчет первого секретаря ЦК КП(б) Эстонии Каротамма и содоклады Ягодкина и Косова, выступавших соответственно от КПК при ЦК ВКП(б) и Отдела партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК. По результатам этого обсуждения было принято постановление «О недостатках и ошибках в работе ЦК КП(б) Эстонии». Несколько дней спустя, 7 марта, постановление утвердило Политбюро ЦК ВКП(б).

¹²³ Письмо Н. Г. Каротамма И. В. Сталину. 17 февраля 1950 г. — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118. Д. 745. Л. 47.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Докладная записка А. Дедова, И. Ягодкина, В. Косова. 18 февраля 1950 г. — Там же. Л. 21–22.

«Недостатки и ошибки» руководства ЦК ВКП(б) и Совета Министров республики, отмеченные в постановлении, сводились к следующему: 1) отсутствие должной борьбы с буржуазным национализмом; 2) политическая неразборчивость при выдвижении кадров на работу в советские учреждения; 3) недостаточная критика и самокритика; 4) неудовлетворительное руководство делом приема в ВКП(б), проникновение в ряды партии «чуждых» элементов; 5) недостаточное внимание к работе высших учебных заведений, в результате чего среди части студентов отмечены буржуазно-националистические настроения; 6) пренебрежительное отношение к фактам преследования передовых рабочих и случаям дезорганизации производства со стороны «враждебных элементов»; 7) факты извращения политической линии и советских законов Советом Министров республики (в данном случае имелась в виду, например, практика выплаты пенсий бывшим торговцам, домовладельцам и другим «капиталистам»); 8) недостаточная работа по организационно-хозяйственному укреплению колхозов¹²⁶. Таким образом, в решении ЦК «национализм» выступал в качестве главного пункта обвинений.

В отношении Каротамма в постановлении ЦК ВКП(б) говорилось, что он «лично повинен в отсутствии борьбы с буржуазным национализмом», «берет под защиту разоблаченных... националистов», в этой связи упоминались Н. Андресен, Х. Круус, И. Семпер и др., «попирает коллегиальность в работе Бюро ЦК»¹²⁷. Никаких персональных выпадов в адрес других эстонских руководителей, кроме тех, кто уже был причислен к «буржуазным националистам», сделано не было. ЦК ВКП(б) обязал партийное руководство республики рассмотреть постановление на пленуме ЦК КП(б) Эстонии.

VIII пленум ЦК компартии республики начал свою работу 21 марта 1950 г. От имени ЦК ВКП(б) на пленуме выступал секретарь ЦК П. К. Пономаренко. Пленум вынес несколько решений по кадровым вопросам, в результате которых состав Бюро ЦК КП(б)Э почти полностью обновился.

Пленум постановил снять Н. Каротамма с должности первого секретаря ЦК КП(б) Эстонии «в связи с допущенными им политическими ошибками», его место занял Й. Кэбин. Из состава Бюро ЦК КП(б)Э были выведены также Э. Пялль, Б. Кумм, Ф. Зозуля¹²⁸. Новыми членами ЦК были избраны А. Якобсон (сменил Пялля на посту председателя Президиума Верховного Совета ЭССР), А. Кельберг, А. Янус, Д. Кузьмин. В результате этих кадровых перестановок «группа Кэбина» получила абсолютное большинство в эстонском

¹²⁶ Постановление ЦК ВКП(б) «О недостатках и ошибках в работе ЦК КП(б) Эстонии». 7 марта 1950 г. — Там же. Л. 3—6.

¹²⁷ Там же. Л. 6—7.

¹²⁸ Зозуля Ф. В. — командующий Северным Балтийским флотом.

руководстве. А. Веймер тогда сохранил свой пост, однако специальным пунктом решения ему было указано на «серьезные ошибки и недостаточно острое принципиальное поведение». Новый состав эстонского руководства был утвержден постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) 5 апреля 1950 г.¹²⁹ В июле 1950 г. В. Косов получил назначение на должность второго секретаря ЦК КП(б) Эстонии. Тогда же в Бюро республиканского ЦК вошел и новый министр госбезопасности Эстонии — В. Москаленко¹³⁰.

После VIII пленума началась чистка руководства Эстонии. Были исключены из партии, а впоследствии арестованы МГБ первыми попавшие в «черный список» Ниголь Андресен, Ханс Круус, Хендрик Аллик, освобождены от работы другие руководители рангом ниже. Некоторые из них, еще на что-то надеясь, пытались протестовать. Исключенный из партии «за политически недостойное поведение», но пока находившийся на свободе, Ханс Круус писал в июне 1950 г. Сталину:

«Глубокоуважаемый и дорогой Иосиф Виссарионович!

Обращаюсь к Вам в своем величайшем горе, постигшем меня: постановлением бюро ЦК Коммунистической Партии (большевиков) Эстонии я исключен из ВКП(б)... Меня осудили, обвиняя меня в буржуазном национализме... Этим была дана крайне резкая, уничтожающая оценка всей моей деятельности в течение последних десяти лет. На мое политическое лицо наложили ужаснейшее, позорящее клеймо буржуазного националиста...»¹³¹.

Круус признал, что раньше, до июня 1940 г., он «действительно стоял на буржуазно-националистических позициях», однако напомнил и о своих заслугах перед новой властью: «...я был из старой эстонской интеллигенции в числе первых, которые присоединились к великому делу рабочего класса по ликвидации буржуазного режима и установления советского строя в Эстонии»¹³². В его письме есть все необходимые выражения и обороты, которые обычно сопровождали такого рода ходатайства — и про то, что он вступил в партию «со светлейшей и честной целью», и про «служение родине и социалистическому строительству». И все-таки это не типичное обращение. Нетипично оно потому, что в своих бедах Круус никого персонально не обвиняет, не называет ни одной фамилии. Он пишет: «Основную причину своих ошибок и своей неудовлетворительной работы... я вижу в себе самом, а именно: будучи недостаточно подкованным

¹²⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1080.

¹³⁰ Политбюро ЦК ВКП(б). Решения. Протокол № 73. 5 апреля 1950 г. — Там же. Д. 1083.

¹³¹ Письмо Х. Х. Крууса Н. В. Сталину. 23 июня 1950 г. — Там же. Оп. 118. Д. 955. Л. 44–45.

¹³² Там же. Л. 45.

в марксистско-ленинской теории, без достаточного партийно-политического опыта и без большевистской закалки я не сумел изжить в своем сознании всех буржуазно-националистических пережитков. Вследствие всего этого я не оказался на высоте требований, предъявляемых большевистскому руководителю советского учреждения»¹³³.

Круус признает свои «ошибки», однако вместе с тем решительно протестует против главного обвинения: «Выставление меня в качестве активного буржуазного националиста в связи с моей деятельностью в течение всего советского периода Эстонии, т. е. в течение всего десятилетия, я считаю совершенно необоснованным и крайне несправедливым»¹³⁴. «Я должен за свои ошибки, за свою вину нести заслуженную кару, — пишет Круус. — Но при всем том, несмотря на то, что нахожусь уже в положении приговоренного к гражданской смерти, я осмеливаюсь обратиться к Вам, глубокоуважаемый Носиф Виссарионович, к Вашей справедливости и в Вашем лице к Центральному Комитету Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) с просьбой пересмотреть вопрос об обвинении меня в качестве буржуазного националиста... каковое обвинение я воспринимаю как роковую несправедливость по отношению ко мне»¹³⁵.

Сталин, как известно, подобных писем не читал: оно легло на стол Маленкову. Маленков распорядился разобраться в деле Крууса Комиссией партийного контроля и пригласить его в Москву для необходимых объяснений. Соответствующее решение Секретариата состоялось 7 июля 1950 г.¹³⁶ По «делу Крууса» была создана комиссия КПК с участием М. А. Сулова и П. К. Пономаренко. Однако давать объяснения в КПК Круусу так и не пришлось. «Во время проверки этого дела Круус был арестован МГБ СССР», — подвел итог этой истории М. Ф. Шкирятов¹³⁷.

Вопрос о дальнейшей судьбе Николая Каротамма и Арнольда Веймера после VIII пленума некоторое время оставался нерешенным. После того как Каротамм был снят с должности первого секретаря ЦК КП(б) Эстонии, в ЦК ВКП(б) сочли нецелесообразным его дальнейшее пребывание в Эстонии, и он получил новое назначение — в Москву, в аспирантуру Академии общественных наук, а затем был направлен в Институт экономики Академии наук СССР. Так неожиданно началась его научная карьера. Выбирая тему для будущей диссертации, Каротамм выразил желание заняться историей

¹³³ Там же. Л. 49.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ Там же. Л. 50.

¹³⁶ Решение Секретариата ЦК ВКП(б). Протокол № 516/11. 7 июля 1950 г. — Там же. Л. 42.

¹³⁷ Докладная записка М. Ф. Шкирятова Г. М. Маленкову. 21 марта 1951 г. — Там же. Л. 51.

коллективизации в Эстонии и даже просил в одном из писем, адресованных Маленкову, обеспечить его необходимыми материалами. Однако Эстония в какой бы то ни было связи для бывшего первого секретаря оставалась запретной темой: так ему и объяснили в ЦК ВКП(б), поставив под сомнение способность Каротамма «объективно осветить этот процесс». Поэтому для диссертации ему пришлось выбирать «нейтральную» тему: в конце концов все сошлось на проблемах развития колхозов в районах орошаемого земледелия Ростовской области.

И все-таки это была опала. А значит, никто не мог поручиться за его политическое будущее. Каротамм, по-видимому, это хорошо понимал, поэтому он пишет — в ЦК ВКП(б), Маленкову, «дорогому и любимому товарищу Сталину». Его письма эмоциональны и беспокройны. Главное для автора — отвести от себя подозрения в проведении какой бы то ни было «националистической» политики, «своей» линии, отличной от линии ЦК ВКП(б).

Но судьба фигурантов «эстонского дела» решалась не только в Москве. Имеющиеся в нашем распоряжении документы дают основание утверждать, что своим продолжением это дело обязано прежде всего активности эстонской стороны. Сразу после мартовского пленума ЦК КП(б) Эстонии новый первый секретарь ЦК КП(б)Э Кэбин дал негласное поручение доверенным людям собирать компрометирующий материал на Каротамма, Веймера, Аллика и других влиятельных лиц из прежнего руководства. Специально созданная группа с этой целью работала в архивах, изучая в том числе и так называемый секретный фонд Каротамма. Однако серьезных компрометирующих документов тогда так и не нашли¹³⁸.

Ключевой фигурой в условном «черном списке» значился Хендрик Аллик — самый влиятельный и уважаемый человек среди группы «старых политзаключенных», признанный лидер нелегальной компартии во времена независимости Эстонии. По задуманному в ЦК КП(б) Эстонии сценарию Аллику предстояло выполнить роль главного «троцкиста», а основанием для подобных обвинений послужил один эпизод из жизни «старых политзаключенных».

В 1927 г. во время дискуссии между сторонниками Сталина и Троцкого среди политзаключенных Центральной ревельской тюрьмы возникла идея по-своему принять участие в этой дискуссии. Инициатива эта принадлежала редакционной коллегии нелегальной тюремной газеты «Вангимая Кийр» («Тюремный луч»), в том числе Х. Аллику и А. Веймеру. Как и на «воле», редколлегия приняла решение выпускать в качестве приложения к газете дискуссионный листок с изложением взглядов той и другой сторон.

¹³⁸ Заявление А. Кельберга в ЦК ВКП(б), 10 февраля 1951 г. — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 131. Д. 256. Л. 115.

Арнольд Веймер вспоминал об этом так: «Обсудив в узком кругу, как быть, мы решили, что параллельно с чтением сборника выпустим в качестве приложения к нелегальной рукописной газете “Вангима Кийр” (“Торемный луч”) дискуссионный листок. В нем была пересказана статья немецкой троцкистки Рут Фишер, излагавшая взгляды троцкистской оппозиции. Конспект этой статьи составил по поручению редакции Х. Аллик. Сам он занимал твердую ленинскую позицию и излагал статью Фишер по материалам упомянутого выше сборника. И другие дискуссии организовывались подобным же образом: тому или другому товарищу предлагалось изложить взгляды оппозиционеров, после чего завязывался спор, и, как правило, мы приходили к правильной точке зрения. Такая форма организации дискуссии дигтовалась недостатком материалов, литературы. Другой возможности изложить взгляды троцкистов мы тогда не видели»¹³⁹. По свидетельству очевидцев, «в начале 1928 г. во всех камерах тюрьмы среди политзаключенных были подведены итоги дискуссии путем голосования, а результаты голосования переданы в ревельскую подпольную организацию»¹⁴⁰.

Таким образом, материал, подготовленный Алликом, являлся ничем иным, как рефератом статьи Рут Фишер. Однако в 1950 г. он был объявлен автором этой статьи, якобы «написанной под псевдонимом», что дало повод обвинить Аллика в троцкизме. При проверке никаких других материалов, подтверждающих троцкистские взгляды Аллика, обнаружено не было, как не удалось подтвердить документально наличие «троцкистской оппозиции» в компартии Эстонии. Однако компрометация Аллика и изъятие его из активной политической жизни стало серьезным ударом по группе «старых политзаключенных» и косвенно бросало тень на Веймера.

В процессе обвинения Аллику припомнили также его критические высказывания по поводу политики коллективизации, недовольство территориальными претензиями России на часть Эстонии, а также инициативу в расследовании дел бывших политзаключенных, арестованных органами госбезопасности за «антисоветскую деятельность»¹⁴¹.

«Делом Аллика» занялась Комиссия партийного контроля ЦК ВКП(б), которая 8 февраля 1951 г. исключила его из партии с формулировкой «за политически недостойное поведение»¹⁴². Еще

¹³⁹ Веймер А. Мечты и свершения. М., 1974. С. 150.

¹⁴⁰ Докладная записка В. Уженцева и Щелыкина о результатах изучения материалов по Х. Аллику. Март 1951 г. — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 131. Д. 256. Л. 202.

¹⁴¹ Там же. Л. 203–204.

¹⁴² Докладная записка М. Шкирятова по «делу Аллика». 31 марта 1951 г. — Там же. Л. 200.

в ходе проверки Аллик был арестован, а потом приговорен к 25 годам лишения свободы в лагере особого режима, т. е. для политических заключенных. Он был освобожден и реабилитирован в 1955 г.

После Аллика настала очередь Веймера. В апреле 1951 г. Веймер был отправлен в отставку с поста председателя Совета Министров Эстонии и выведен из состава Бюро ЦК КП(б)Э — за проведение политики, которая расценивалась как проявление «буржуазного национализма». Опальный премьер получил должность директора республиканского Института экономики.

VI съезд компартии Эстонии (11–14 апреля 1951 г.) принял резолюцию, в которой бывшее руководство республики снова обвинялось в «буржуазном национализме», но теперь уже за проведение ошибочной экономической политики. Каротамм и Веймер, говорилось в резолюции, «вели линию обособления промышленности республики от союзной промышленности, всячески препятствовали созданию союзно-республиканских министерств и передаче предприятий из республиканского подчинения в союзное, чем тормозили развитие промышленности в республике»¹⁴³.

Веймер в ответ на эти обвинения направил обстоятельное письмо на имя Маленкова, где выстроил свою линию защиты.

Речь шла о передаче некоторых предприятий республики — сланцевого комбината, фосфоритного рудника и др. — в союзное подчинение, а также об организации в Эстонии союзно-республиканских министерств. Первый вопрос был снят с повестки дня после обсуждения в Совете Министров СССР, когда было вынесено решение о нецелесообразности передачи и обращено внимание руководителей Эстонии на «необходимость всемерного развития местной промышленности в республике»¹⁴⁴. Что касается союзно-республиканских министерств, то Совет Министров Эстонии действительно не торопился с их созданием, поскольку в маленькой республике образование подобных структур противоречило бы реальному положению дел, например, из-за малых объемов производства в отдельных отраслях.

В качестве доказательства необоснованности обвинений в недооценке значения промышленности союзного значения Веймер приводил цифры: за пять лет продукция промышленности союзного подчинения в Эстонии увеличилась в 7,5 раза, в то время как продукция промышленности союзно-республиканского и республиканского подчинения — в 4,6 раза¹⁴⁵.

¹⁴³ Заявление А. Веймера в ЦК ВКП(б), 23 апреля 1951 г. — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 131. Д. 256. Л. 261.

¹⁴⁴ Там же.

¹⁴⁵ Там же. Л. 262.

«Предъявленные мне новые обвинения не соответствуют действительности», — писал Веймер и просил ЦК ВКП(б) разобраться в этом деле¹⁴⁶.

Неизвестно, знал ли об этом письме главный оппонент Веймера — Йоханнес Кэбин, однако в течение 1951 г. он дважды обращался в ЦК ВКП(б) с новыми «компрометирующими материалами» на Веймера и Каротамма, настаивая на проведении новой разборки «в верхах».

И такая разборка состоялась. В начале 1952 г. в ЦК ВКП(б) была создана очередная комиссия, которая должна была заняться разбором обстоятельств дела, связанного с деятельностью Веймера и Каротамма на руководящих постах Эстонской республики. В ее состав вошли П. Пономаренко, М. Шкирятов, Е. Громов, активное участие в ее работе принимал Й. Кэбин. Комиссия пришла к выводу, что Каротамм и Веймер в 1950 г. «до конца не раскрыли всех своих ошибок, проявили неискренность перед ЦК ВКП(б)»¹⁴⁷. Бывшие первый секретарь и премьер вновь, как и два года назад, были вызваны в ЦК ВКП(б) для дополнительных объяснений.

Каротамм вспоминал, что, когда они вдвоем с Веймером сидели у кабинета Громова, дожидаясь приема, Веймер бросил такую фразу: «Я настроен агрессивно»¹⁴⁸. Он был готов драться и защищаться, Каротамм — только оправдывался. В своей объяснительной записке Веймер фактически взял на себя основную вину за все кадровые и иные политические ошибки, в которых обвинялось бывшее руководство республики. При этом он подчеркивал, что «злого, антипартийного умысла в его действиях не было»¹⁴⁹. Ни «буржуазным национализмом», ни сочувствующим «правому уклону», за защиту кулачества, Веймер себя не признал. Обвинения в «буржуазном национализме» отверг и Каротамм. Свои ошибки он охарактеризовал как «имеющие правоопортунистический характер, выражающие национальную ограниченность и уклон к местному национализму»¹⁵⁰.

По результатам работы комиссии была составлена и направлена Маленкову докладная записка, в которой в адрес Каротамма и Веймера наряду с прежними претензиями прозвучал ряд новых обвинений. «Каротамм и Веймер за антипартийное поведение заслуживают

¹⁴⁶ Там же. Л. 262–263.

¹⁴⁷ Докладная записка П. Пономаренко, М. Шкирятова и Е. Громова. 5 февраля 1952 г. — Там же. Д. 81. Л. 403.

¹⁴⁸ Там же. Л. 327.

¹⁴⁹ Объяснительная записка А. Веймера П. Пономаренко. 20 декабря 1951 г. — Там же. Л. 341–343.

¹⁵⁰ Объяснительная записка Н. Каротамма П. Пономаренко. 21 декабря 1951 г. — Там же. Л. 327.

строгого партийного взыскания», — таков был главный вывод комиссии ЦК ВКП(б)¹⁵¹. Однако обоих оставили в партии.

Николай Каротамм продолжил занятие наукой, защитил диссертацию. Он умер в Москве в 1969 г.

Арнольд Веймер сделал успешную научную карьеру, а в 1957 г. вновь вернулся к активной государственной деятельности, возглавив Совет народного хозяйства Эстонии. После упразднения совнархозов он был назначен на должность заместителя председателя Совета Министров республики, а в 1968 г. стал президентом Эстонской Академии наук.

Йоханнес Кэбин в течение 28 лет оставался на посту первого секретаря ЦК Компартии Эстонии, в 1952 г. его избрали в состав ЦК КПСС, а в 1978 г. в возрасте 73 лет по сложившейся традиции он получил почетную, но спокойную должность председателя Президиума Верховного Совета ЭССР. В конце 1980-х, во времена перестройки Кэбин стал давать многочисленные интервью, в которых рассказывал, как «не смог защитить Каротамма», и о том, как Веймер «сам ушел с должности»¹⁵². Однако в Эстонии его до сих пор называют «человеком восьмого пленума». Умер Кэбин в 1999 году, ему было 94 года.

Ханс Круус был реабилитирован в 1955 г. После освобождения и политику он не вернулся, занимался наукой, стал академиком. Последние годы жизни Круус руководил работой Симпозиума по аграрной истории АН СССР.

Хендрик Аллик после реабилитации в 1955 г. был назначен на пост министра лесной промышленности Эстонии, в 1961 г. он возглавил Госплан республики, а с 1965 г. был одновременно заместителем председателя Совета Министров Эстонской ССР. Он дожил почти до конца советской истории Эстонии. В некрологе, опубликованном газетой «Советская Эстония», Аллика называют «одним из самых колоритнейших деятелей нашего времени»¹⁵³.

Чистка 1950–1952 гг. внесла существенные коррективы в состав политической элиты Эстонии. В наибольшей степени от чистки пострадали две группы — «старые политзаключенные» и «интеллектуаль», представители советской элиты первой волны. С политической сцены были удалены яркие личности — Хендрик Аллик, Арнольд Веймер, Ханс Круус, Ниголь Андресен. На их место пришли «русские эстонцы» во главе с Йоханнесом Кэбином. В отличие от предшественников новые руководители Эстонии могли уже без всяких оговорок считаться «доверенными лицами» Москвы.

¹⁵¹ Докладная записка Л. Пономаренко, М. Шкирятова и Е. Громова. 5 февраля 1952 г. — РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 131. Д. 81. Л. 410.

¹⁵² См., например: Советская Эстония. 1990. 10 августа; Estonija. 1995. 23 сентября.

¹⁵³ Советская Эстония. 1989. 11 мая.

«Эстонское дело» остановилось на уровне элиты и не затронуло компартию Эстонии в целом. Основательной чистке был подвергнут государственный, но не партийный аппарат. Партийные кадры, в своей значительной массе «привозные», т. е. направленные в Эстонию из других регионов СССР, представляли собой фактически единственную опору политике советизации республики, они рассматривались Москвой как наиболее надежные агенты влияния. На последнем этапе развития «эстонского дела» превалировали уже не прагматические интересы центральной власти, которая, похоже, вполне удовлетворилась произведенным демонстрационным эффектом, а клановые разборки и борьба за власть внутри республиканского руководства. Однако и после того, как страсти улеглись, «эстонское дело» не было списано в «архив»: в ходе его Москва приобрела определенный опыт по «воспитанию» региональных элит, который не раз использовался в дальнейшем — в Латвии, Азербайджане, на Украине, в других республиках, где время от времени вдруг «обнаруживались» проявления «местного национализма».

Глава 6

1953 ГОД: «НОВЫЙ КУРС» КРЕМЛЯ И ПРИБАЛТИКА

Принципы отношений между Кремлем и прибалтийскими республиками, как и многое другое в стране, начали меняться только после смерти Сталина. Более того, именно вопрос о ситуации в Прибалтике стоял в ряду самых первых решений, положивших начало «новому курсу» сталинских преемников. Эти перемены были связаны прежде всего с именем вновь назначенного на должность министра внутренних дел СССР Л. П. Берия. Он оказался проворнее других членов «коллективного руководства» — как новые кремлевские вожди вскоре стали сами себя называть — и выступил через несколько дней после похорон Сталина с целым «пакетом» инициатив. В их числе были и предложения по пересмотру национальной политики в наиболее проблемных регионах страны. Прибалтика, бесспорно, принадлежала к такого рода проблемным, политически нестабильным регионам.

Судя по оперативности, с которой предложения Берия прошли обычный в таких случаях порядок обсуждения и согласования, а также оформленные их в виде постановлений Президиума ЦК КПСС, инициативы министра не встретили серьезных возражений со стороны его кремлевских соратников. Некоторые из них, в первую очередь Н. С. Хрущев, не только энергично поддержали начинания шефа Лубянки, но даже попытались перехватить у него инициативу. Подобное рвение можно объяснить, помимо расчетов на политические дивиденды в борьбе за власть внутри Кремля, как свидетельство, что обеспокоенность ситуацией в Прибалтике среди советских руководителей была общей, точно так же как и готовность принять меры по ее изменению.

Остается прояснить главный вопрос — о мотивациях «нового курса» Кремля по отношению к Прибалтике. Сравнение инициативных документов и решений, окончательных и проектных, по вопросу о положении в прибалтийских республиках показывает существенные «ведомственные» разночтения между подходами к проблеме МВД (Берия), с одной стороны, и ЦК КПСС (Хрущев) — с другой.

С точки зрения Л. П. Берия и его ведомства, проблемой № 1 было наличие в прибалтийских республиках, прежде всего в Литве, национального вооруженного сопротивления политике советизации. Для

Берия тема антисоветского сопротивления представляла не просто ведомственный интерес — это был еще и вопрос его личного престижа. Вряд ли кто из его соратников по «коллективному руководству» помнил, но сам Берия вряд ли забыл, что еще осенью 1944 г. он, будучи тогда наркомом внутренних дел, дал указание ликвидировать бандитизм в Литве в 1945 г. Потом эти сроки неоднократно переносились уже преемниками Берия на посту наркома. Но факт остается фактом: весной 1953 г. антисоветское подполье, особенно в Западной Украине и Литве, продолжало оставаться актуальной проблемой — не такой острой, как в 1945 или 1946 г., но проблемой нерешенной.

Поэтому Берия начал с того, что его лично заботило в первую очередь. 8 мая 1953 г. он пишет записку о положении в Литве. Это первый инициативный документ, положивший начало разработке «пакета» решений по Прибалтике.

«Произведенной Министерством внутренних дел СССР проверкой установлено, — признавал министр, — что в Литовской ССР работа по борьбе с националистическим подпольем и его шпионско-террористическими бандами находится в неудовлетворительном состоянии»¹. Все эти годы МВД пыталось ликвидировать антисоветское подполье в Литве, опираясь исключительно на репрессии, на свои традиционные методы — проведение чекистско-войсковых операций, облав, массовых обысков среди населения. О масштабах этой репрессивной практики говорили цифры, приведенные Берия: в течение 1944–1952 гг. в республике были арестованы по обвинению в принадлежности к антисоветскому подполью 63 011 человек, убиты как участники шпионских и террористических банд этого подполья — 20 005 человек, высланы как кулаки, укрыватели и пособники банд — 126 037 человек, арестованы по линии органов прокуратуры и милиции — 67 326 человек. По признанию Берия, эти аресты нередко проводились без каких бы то ни было оснований. Одно это обстоятельство не только множило ряды незаконно репрессированных, но и создавало ресурс из числа недовольных для антисоветского подполья.

Всего за послевоенные годы в Литве было арестовано, убито и выслано 270 тысяч человек. Это означало, что репрессии коснулись каждого десятого жителя республики. Жертвы другой стороны — в рядах МВД и партийно-советского актива — составили почти 13 тысяч человек. Получалось, что такие колоссальные жертвы были принесены напрасно: национальное подполье продолжало жить. Это означало также, что МВД со своей задачей не справилось.

¹ Записка Л. П. Берия в Президиум ЦК КПСС о положении дел в Литовской ССР 8 мая 1953 г. // Независимая газета. 2005. 5 августа (публикация Л. Максименкова).

Как новый руководитель ведомства Берия не мог не поставить вопрос: в чем причина создавшегося положения? По логике вещей ответ на него, казалось бы, прочитывался уже в преамбуле к документу и выводил на признание неэффективности репрессивной практики в борьбе с национальной оппозицией или, во всяком случае, признание ошибочности исключительной ставки на репрессии в этом деле. Однако Берия ответил по-другому. Неудача борьбы с антисоветским подпольем в Литве, — полагал он, — «объясняется главным образом тем, что как в центральном аппарате МВД, а ранее МГБ Литовской ССР, так и в областных и районных органах почти отсутствуют работники-литовцы»². Значит, по мнению Берия, дело было не в размахе репрессий, а в том, чьими руками они проводились — «чужими» или «своими».

Проблема представительства национальных кадров в силовом секторе литовских властных структур действительно существовала. Во главе республиканского Министерства госбезопасности стоял русский П. П. Кондаков, который, согласно данной ему Берия характеристике, не знал местных условий, литовского языка и притом не справлялся с возложенными на него обязанностями. В центральном аппарате бывшего МГБ Литовской ССР из 496 оперативных работников только 86 были литовцами; среди 17 начальников отделов значился только один литовец. Положение с национальными кадрами в районных и областных органах госбезопасности и милиции было еще хуже: так, из числа 87 начальников райотделов бывшего МГБ литовцев насчитывалось только 9 человек, а в качестве начальников отделов милиции в тех же 87 районах только 12 человек были литовцами.

Путь к изменению ситуации в республике Берия видел в перестройке кадровой политики — со ставкой на коренизацию. Силовые структуры должны были стать по своему составу не «русскими», а «литовскими». По своей ведомственной линии министр предложил ряд конкретных мер по реализации курса на коренизацию, начиная с отставки Кондакова и заканчивая организацией специальных чекистской и милицейской школ для литовцев.

Таким образом, первая часть записки Берия была посвящена исключительно «ведомственным» проблемам, т. е. он действовал строго в пределах своей компетенции. Однако, как будто попутно, но совсем не случайно, он выводит обсуждение ситуации в Литве на другой — политический — уровень. Берия утверждает, что, по его данным, аналогичное положение с использованием национальных кадров существует и в других структурах власти и управления Литвы — партийных, советских, хозяйственных.

В подтверждение своих слов министр приводит цифры, демонстрируя действительно высокий уровень осведомленности о поло-

² Записка Л. П. Берия в Президиум ЦК КПСС о положении дел в Литовской ССР. 8 мая 1953 г. // Независимая газета. 2005. 5 августа (публикация Л. Максименкова).

жении дел в республике. Так, в аппарате ЦК КП Литвы из 15 заведующих отделами было всего 7 литовцев; в крупнейших городах: в Каунасе — в обкоме партии из 11 заведующих отделами и секторами было 2 литовца, в Вильнюсском обкоме партии — среди 16 заведующих отделами и секторами литовцев было только трое. Кроме того, по традиции вторыми секретарями в партийных органах республики работали, как правило, русские. Экономический сектор управления тоже был в основном «русским» по своему составу даже на низовом, оперативном уровне. Так, среди 92 директоров совхозов литовцев было только 27 чел., среди 132 директоров МТС — 53 чел.

Другая проблема, обостряющая национальный вопрос в республике, заключалась в принятой практике делопроизводства, которое велось на русском языке. «Все это, — считал Берия, — не может не сказаться на настроениях в деревне и в особенности среди литовской интеллигенции, которая связана с националистическим подпольем и с эмиграцией». Его главный вывод, обращенный к членам Президиума ЦК КПСС, заключается в следующем: «...возникает необходимость серьезного изучения обстановки в Литовской ССР» (выделено мной. — Е.З.). Берия предлагает «проверить, нет ли серьезных извращений в вопросах колхозного строительства, элементов администрирования, проверить налоговую систему и, если есть необходимость, — пересмотреть ее»¹.

Наконец, он настаивает, что похожая ситуация с агитсоветским подпольем существует и в других прибалтийских республиках — Латвии и Эстонии. Поэтому, с точки зрения Берия, необходимо рассматривать эту проблему в комплексе по всем трем республикам. И, главное, подключить к процессу партийные структуры.

Записка Л.П. Берия доводится до сведения других членов Президиума ЦК, и с этого момента решения «по Прибалтике» начинают отрабатываться по двум линиям — в МВД и в ЦК КПСС. В ЦК эту работу возглавляет Н. С. Хрущев, а информационные материалы готовит заведующий Отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК КПСС Е. И. Громов. Трудно сказать, велась эта работа «по указанию» Берия или Хрущев действовал на собственном энтузиазме. Во всяком случае, статусная позиция Хрущева в конфигурации «коллективного руководства» на тот момент была еще неясной, и ему необходимо было как-то проявиться, «обозначить» себя в большом деле.

Поэтому аппарат Хрущева не только собирает информацию о положении в Литве, Латвии и Эстонии, не только участвует в подготовке первого решения в этом ряду — постановления Президиума ЦК по Литве от 26 мая 1953 г. Хрущев выступает в качестве автора двух других записок и готовит два других аналогичных решения — по

¹ Там же.

Латвии и Эстонии. Эти уже полностью готовые решения не были оформлены просто в силу изменившихся обстоятельств, когда 26 июня 1953 г. был арестован Берия.

До сих пор единственным автором «нового курса» в отношении Прибалтики считается Берия, о «примкнувшем» к нему Хрущеве почти не упоминается⁴. О том, чтобы этот эпизод его биографии был забыт, позаботился сам Хрущев, представив на июльском пленуме ЦК КПСС 1953 г. Берия в качестве главного инициатора политики коренизации, признанной после ареста Берия, естественно, «ошибочной»⁵. На пленуме с осуждением предложений Берия по этой позиции выступили первые секретари ЦК Украины, Белоруссии и Литвы. От партийных руководителей Латвии и Эстонии таких разоблачений не последовало, инициативу Хрущева, очевидно, попытались просто «замять». Между тем именно Хрущев, точнее, сотрудники его партийного аппарата уже на стадии составления итогового решения по Литве существенно скорректировали содержание записки Берия, поставив ее в более широкий политический контекст.

Первый проект постановления ЦК КПСС «Вопросы Литовской ССР», в основу которого была положена записка Л. П. Берия от 8 мая, готовили опытные составители такого рода текстов — М. А. Суслов, П. Н. Поспелов и Н. Н. Шаталин, 25 мая 1953 г. они направили свой проект для ознакомления Н. С. Хрущеву. Судя по резолюции, Хрущев прочитал документ в тот же день и остался неудовлетворен его содержанием, о чем свидетельствует помета его помощника Г. Т. Шуйского: «Будет представлен новый проект»⁶. На следующий день, 26 мая, Президиум ЦК КПСС принял постановление по Литве, которое по содержанию существенно отличалось от проекта, подготовленного накануне «группой трех». Являлся ли окончательный вариант документа тем самым текстом, который обещал представить Хрущев, на основании доступных источников утверждать определенно нельзя. Однако, если учесть, что два следующих решения — по Латвии и Эстонии — готовились аппаратом Хрущева, можно предположить, что и постановление по Литве имеет то же авторство.

⁴ Редким исключением являются публикации эстонского историка Тыну Таннберга, посвященные истории подготовки решения ЦК КПСС по Эстонии в июне 1953 г. См., например: Tannberg T. Die Pläne Moskaus für Estland im Sommer 1953 // Vom Hitler-Stalin-Pakt bis zu Stalins Tod. Estland 1939–1953. Hrsg. von O. Mertelsmann. Hamburg, 2005. S. 282–295.

⁵ Пленум ЦК КПСС. Июль 1953 г. Стенограф. отчет // Известия ЦК КПСС. 1991. № 1. С. 152.

⁶ Проект постановления ЦК КПСС «Вопросы Литовской ССР». 25 мая 1953 г. — РГАН. Ф. 5. Оп. 30. Д. 6. Л. 11.

Все три документа — записка Берия, первый вариант постановления и его окончательная редакция — содержат ряд отличий, часть из которых носит принципиальный характер. Записка Берия по содержанию и стилю больше всего напоминает служебный документ: в ней приводится изложение фактов и перечисление мер, необходимых для исправления ситуации. В проекте «трех» ведомственная проблематика (борьба с национальным подпольем) вписывается в более широкий политический контекст и получает необходимую в таких случаях идеологическую оболочку. Вместе с тем восприятие и общая оценка ситуации в Литве в партийном документе дается на ином уровне: там, где Берия увидел «кадровую» проблему, авторы проекта постановления зафиксировали «ошибки и извращения, допущенные партийными и советскими органами в политической и организационной работе и в руководстве колхозным строительством»⁷.

Последняя фраза в окончательном варианте постановления приобретет другую редакцию: «Одной из главных причин неудовлетворительного политического состояния Литовской ССР является грубое извращение партийным и советским руководством Литвы ленинско-сталинской национальной политики»⁸. Кроме этой поправки, в принятом постановлении по-иному зазвучит тема вооруженного сопротивления. Авторы проекта вслед за Берия сделали этот сюжет центральным, определяющим все последующие решения. Они даже попытались усилить эмоциональное восприятие остроты проблемы, убрав из текста «подробности» в виде приведенных Берия цифр о национальном составе органов власти и управления, но при этом добавив, например, следующий пассаж: «Национальное подполье... используется американской и английской разведками в целях отторжения Литвы от Советского Союза и империалистического закабаления литовского народа»⁹. В окончательном варианте про «отторжение» и «империалистическое закабаление» не упоминается, тогда как статистика, приведенная Берия, вновь была включена в текст.

Однако суть новой редакции документа заключалась не в правке неудачных выражений. Главное — поменялся фокус восприятия политической ситуации в республике. Существование вооруженного сопротивления стало рассматриваться не как первопричина политической нестабильности, а как следствие целого ряда просчетов и ошибок — как результат пренебрежения национальной спецификой в проведении кадровой и языковой политики, огульного применения

⁷ Там же. Л. 12.

⁸ Постановление Президиума ЦК КПСС о положении в Литовской ССР. 26 мая 1953 г. // Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999. С. 50.

⁹ Проект постановления ЦК КПСС «Вопросы Литовской ССР». 25 мая 1953 г. — РГАНИ. Ф. 5. Оп. 3. Д. 6. Л. 12.

репрессивной практики, неправильной политики по отношению к католическому духовенству, палогового нажима на крестьянство и прочих злоупотреблений¹⁰. И хотя обо всех этих вещах говорится еще под прикрытием прежних идеологических формул — как о нарушениях «ленинско-сталинской национальной политики», по сути, речь идет о серьезных просчетах этой самой политики, по крайней мере в послевоенный, «сталинский» период.

Наличие антисоветского подполья в партийном постановлении было названо «позорным фактом», а ответственность за сохранение этого положения возложена на ЦК КП и Совет Министров Литвы. Их работа «по укреплению советской власти в республике» была признана «неудовлетворительной», а для исправления ситуации предлагался целый комплекс мер, главным содержанием которых стал переход к политике коренизации. Подготовка и продвижение национальных кадров были определены в качестве главной задачи для литовских партийных и государственных структур. Постановление отменяло практику назначения вторыми секретарями районных и городских комитетов партии, заместителями председателя Совета Министров ЛССР и заместителями местных советских органов власти работников «не из литовских национальных кадров» (должность второго секретаря республиканского ЦК, которую тоже по традиции занимали работники русского происхождения, в этой связи не упоминалась). В практике делопроизводства постановление предписывало переходить на литовский язык, а в районах с преобладанием польского населения — на польский. Ликвидация подполья в числе задач значилась на предпоследнем, шестом, месте.

Таким образом, если Берия в фокус внимания поставил проблему вооруженного сопротивления, то в решении Президиума ЦК фактически признается не буквально, но по смыслу, что речь идет о серьезных провалах политики советизации этого региона в целом. Это была более адекватная оценка сложившейся там ситуации. Речь в конце концов шла не о том, что какое-то число «лесных братьев» не хочет сложить оружие. Сам факт вооруженного сопротивления был лишь симптомом, одним из проявлений достаточно очевидного фiasco «проекта» советизации. Формально Прибалтика была частью Советского Союза, там существовал советский режим — со всем набором подобающих структур и механизмов. Но большинство населения продолжало смотреть на советскую власть как на «чужую» и временную. Антирусские настроения не всегда приписывали форму вооруженного протеста, но были устойчивым фактором политической жизни.

¹⁰ Постановление Президиума ЦК КПСС о положении в Литовской ССР. 26 мая 1953 г. С. 50–51.

«Новый курс» образца мая–июня 1953 г. должен был эту ситуацию изменить. Его главное содержание определили две идеи: 1) отказ от репрессий как одного из главных инструментов советизации; 2) ставка на национальный фактор в вопросах кадровой политики, языка, культуры. Эти идеи, сформулированные в постановлении по Литве, нашли свое продолжение в решениях, которые готовились вслед литовскому по Латвии и Эстонии.

8 июня 1953 г. Н. С. Хрущев направил для ознакомления членам Президиума ЦК КПСС записку «О положении дел в Латвийской ССР». Проект записки для Хрущева готовил Е. И. Громов. Содержание записки свидетельствует, что ее автор руководствовался, с одной стороны, подходами Л. П. Берия к анализу ситуации в Литве, а с другой — учитывал опыт работы над постановлением от 26 мая 1953 г. Как и Берия, Хрущев начинает свою записку с проблемы вооруженного сопротивления политике советизации: «В Латвийской ССР все еще не ликвидированы подпольные буржуазно-националистические организации, которые запугивают граждан, совершают убийства советских активистов, проводят широкую антисоветскую пропаганду»¹¹. Правда, масштабы вооруженного сопротивления были, как и следовало ожидать, скромнее, чем в Литве. Весной 1953 г. в Латвии, по данным МВД, действовали 13 вооруженных формирований, численный состав которых, судя по всему, был невелик: в записке упоминается о 133 «бандитах» и 77 «нелегалах». Однако — и это главное — борьба с «лесными братьями» стоила Латвии, так же как и Литве, больших человеческих потерь: всего в течение 1944–1952 гг. в республике было арестовано, убито и выслано 119 тысяч человек. Среди репрессированных были арестованы органами госбезопасности 26 617 чел., убиты — 2321 партизан, депортированы как «кулаки» и «пособники банд» — 43 702 чел. Жертвы другой стороны — в рядах советских активистов — составили 1660 человек.

Как и Берия, Хрущев признает, что, «несмотря на применение репрессий в столь широких масштабах», национальное подполье в Латвии все еще не ликвидировано и пользуется поддержкой «со стороны некоторой части населения». Однако объяснение причин существования национальной оппозиции советскому режиму Хрущев дает уже в духе постановления от 26 мая, указывая, что «при проведении мероприятий по борьбе с националистическим подпольем [были] допущены крупные ошибки и извращения». Эта деятельность велась исключительно руками МВД, что привело к «оглушному применению карательных мер и репрессий, зачастую затрагивающих ни в чем не повинных граждан»¹².

¹¹ Записка Н. С. Хрущева в Президиум ЦК КПСС «О положении дел в Латвийской ССР». 8 июня 1953 г. — РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 6. Л. 20.

¹² Там же. Л. 21.

Дополнительным фактором раздражения для местного населения служило то обстоятельство, что органы МВД и МГБ в Латвии имели преимущественно русский состав. Так, среди начальников городских и районных отделов МГБ латышей было лишь 9 %, в 15 районах республики среди оперативного состава райотделов МГБ не было ни одного латыша.

Недовольство граждан не всегда выплескивалось в форме открытого протеста, но информация о неблагополучии в республике быстро распространялась, причем и за пределами Латвии. Хрущев специально обращает внимание на такой факт: за последние три года органами цензуры Латвии было конфисковано более 155 тыс. писем — внутрисоюзных и адресованных за границу, в которых содержались отрицательные высказывания в адрес советских порядков. Жаловались местные жители на произвол и злоупотребления представителей власти. В документе приводятся несколько примеров таких злоупотреблений; любопытно, что среди проштрафившихся местных начальников не упоминается ни один человек с латышской фамилией.

Обстоятельно представлено в записке положение с обеспечением органов власти и управления национальными кадрами. По данным Хрущева, в составе руководящих работников организаций районного и республиканского уровня (партийных, советских, хозяйственных) доля латышей чуть больше 46 %, в партийном аппарате латышей всего 39 %, среди секретарей первичных парторганизаций и того меньше — 31 %¹³.

«Особенно неблагополучной» признал автор записки ситуацию с выдвижением национальных кадров в оперативных секторах хозяйственного управления — в промышленности, сельском хозяйстве, финансовых органах и т. д. Так, из 66 директоров крупных промышленных предприятий только 8 являлись латышами по национальности, среди 47 директоров МТС было лишь 6 латышей. В составе управляющих отделениями Госбанка латыши составляли 20 %, среди районных и городских прокуроров — 37 %. Подобное положение Хрущев назвал «извращением национальной политики в области подбора кадров».

В числе ошибок, явившихся причиной недовольства населения, в записке называется религиозная политика, в частности применение репрессий в отношении католического духовенства. Критически оценивается и практика русификации (хотя слово это не употребляется), которая выразилась в переводе делопроизводства в республике на русский язык. В ЦК компартии Латвии, Совете Министров, райкомах партии заседания велись, как правило, на русском языке. В высшей школе даже в студенческих группах, состоявших из латы-

¹³ Записка Н. С. Хрущева в Президиум ЦК КПСС «О положении дел в Латвийской ССР». 8 июня 1953 г. — РГАН. Ф. 5. Оп. 30. Д. 6. Л. 22–23.

шей, преподавание осуществлялось по-русски. В этом деле, — считал Хрущев, — руководство Латвии допустило «серьезную ошибку».

Все эти сюжеты — о национальных кадрах, религиозной и языковой политике — так или иначе присутствовали в записке Берия по Литве. Берия практически не касался экономических проблем. Хрущев, не очень разбирающийся в специфике чекистской работы, решил отыгаться на более знакомом для него поле. Он пишет о положении в сельском хозяйстве республики. Оказывается, что латвийские колхозы, на насаждение которых было потрачено столько сил и средств, ради которых тысячи латышей отправились в ссылку, так и не смогли укорениться на латвийской почве. Все «природные» недостатки колхозной экономики в Латвии стали еще более очевидными, чем в старых республиках. В 1952 г. из 1437 имеющихся в республике колхозов 398 не выдавали колхозникам на трудодни денег, в 238 колхозах колхозники получили только 500 граммов зерновых на трудодень. Как всегда, уязвимым звеном хозяйствования по-советски была налоговая политика, которая проводилась без учета местных особенностей, наличия посевных площадей, производственной ориентации хозяйств и т. д. В результате новоиспеченные латвийские колхозники бежали из колхозов. В Латвии только за 1952 г. колхозы покинули 18 тыс. человек¹⁴.

Для исправления создавшегося положения Хрущев предлагает разработать и принять ряд мер, которые должны были быть инициированы специальным постановлением ЦК КПСС. Проект этого документа прилагается к записке. В целом содержание проекта постановления по Латвии является фактически идентичным аналогичному решению по Литве.

Постановление от 26 мая, записка Хрущева о положении в Латвии и проект постановления, который предполагалось принять, представляют интерес с точки зрения использования нового партийного языка при определении национальной политики. В постановлении по Литве говорится об «извращениях советской национальной политики»¹⁵. Так было найдено новое слово: «советская» национальная политика пришла на смену «ленинско-сталинской». Как известно, в этот период в высших партийных кругах начинают разрабатываться первые мероприятия в русле будущего курса борьбы с «культом личности», поэтому возможность упоминания имени Сталина в положительном ключе уже могла быть поставлена под вопрос. Хрущев, рассуждая об ошибках в расстановке национальных кадров в Латвии, говорит об «извращении национальной политики». Однако в другом месте той же записки Хрущев снова воспроизводит прежнюю формулировку: «ленинско-сталинская национальная полити-

¹⁴ Там же. Л. 25.

¹⁵ Постановление Президиума ЦК КПСС о положении в Литовской ССР. 26 мая 1953 г. С. 50.

ка»¹⁶. Сами по себе эти разночтения могли носить случайный характер и отражать отношение Хрущева к вопросам «теории» вообще. Политкорректность выражений никогда не была его сильным местом. Но вполне возможно, что небрежность в использовании формулировок отражает неустойчивость новой политической линии, переходность ситуации, когда окончательное решение еще не принято. Вместе с тем в проекте постановления по Латвии вновь воспроизводится редакция, приведенная в постановлении по Литве: ЦК КПСС обязывает ЦК КП Латвии и Совет Министров республики «покончить с извращениями советской национальной политики»¹⁷.

Через несколько дней, 20 июня 1953 г., Е. И. Громов представил Н. С. Хрущеву материал, который должен был лечь в основу новой записки — на этот раз о положении в Эстонии. Фактически речь шла об уже готовом тексте записки, который Хрущеву оставалось подписать и отправить другим членам Президиума ЦК на ознакомление. Основанием для такого вывода служит структура и стилистика материала Громова по Эстонии: они идентичны структуре и стилистике записки Хрущева по Латвии. Кроме этого, к тексту Громова прилагается проект постановления ЦК КПСС по Эстонии, т. е. речь идет о полном «пакете» готовых для принятия решения документов. Поэтому материал Громова можно рассматривать как проект записки Хрущева по Эстонии.

В центре проекта записки о положении дел в Эстонии, как и в предыдущей, посвященной Латвии, стояла кадровая проблема. Среди работников партийного аппарата республики эстонцы составляли 68 %, в советском аппарате — 74 %¹⁸. Доля национального представительства в структурах власти и управления в Эстонии, таким образом, была выше, чем в Литве или Латвии. По данным того же Громова, среди работников советского аппарата районного и республиканского уровня в соответствующей республике литовцев было не более 38 %, латышей — 47 %. Однако в Эстонии — самой маленькой по численности населения прибалтийской республике (немногим более 1 млн жителей в 1953 г.) и самой гомогенной по национальному составу (эстонцы составляли более 80 % населения) — этнические проблемы воспринимались особенно остро. Этнических эстонцев там продолжали делить на «правильных» (родившихся и выросших в Эстонии) и «неполноценных» — так называемых русских эстонцев. Даже владение родным языком далеко не всегда гарантировало

¹⁶ Записка Н. С. Хрущева в Президиум ЦК КПСС «О положении дел в Латвийской ССР», 8 июня 1953 г. — РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 6. Л. 25.

¹⁷ Проект постановления ЦК КПСС «О положении дел в Латвийской ССР», 8 июня 1953 г. — Там же. Л. 28.

¹⁸ Информационный материал Е. И. Громова о положении в Эстонии, 20 июня 1953 г. — Там же. Оп. 15. Д. 445. Л. 267.

пропуск в ряды «своих». Тем более болезненно воспринималось присутствие «чужих» на разных уровнях власти.

Так, среди 26 секретарей горкомов и райкомов партии эстонцами были 14, а в городах Пярну и Кохтла-Ярве, где преобладало эстонское население, первые секретари горкома вообще не говорили по-эстонски. Подобное положение с выдвижением национальных кадров было признано «неудовлетворительным»¹⁹. Наиболее неприглядная картина, как и в других прибалтийских республиках, складывалась с обеспечением местными кадрами органов безопасности, милиции, прокуратуры. Среди начальников отделения милиции эстонцы составляли около 10 %, хотя среди районных и городских прокуроров их доля поднималась до 50 %. В оперативном составе милиции эстонцев было больше половины — 65 %.

Значительное место в информации Громова занимал сюжет о последних боях с проявлениями «буржуазного национализма» в Эстонии. Результатом этой кампании стали массовые увольнения и поиски «неблагонадежных». Только в течение 1950–1951 гг., на которые пришлось пик чисток, из Тартуского университета было уволено более 100 преподавателей. Попавшие под увольнение в связи с подозрением в «неблагонадежности» фактически получали «волчий билет» и потом нигде не могли устроиться даже на самую рядовую работу²⁰.

Нередко причиной недовольства людей становились произвол и просто недалечность чиновников. Например, один из райкомов партии в 1952 г. потребовал от сельсоветов списки на каждого колхозника — с указанием не только года и места рождения, но и даты вступления в разные партии до 1940 г., сведений о родственниках и т. д. Эти списки, в которые попали более 4 тысяч человек, составлялись на основе опросов, что немедленно вызвало, в общем, прогнозируемую реакцию: среди наученного горьким опытом народа ползли панические слухи о готовящейся депортации.

Законное недовольство населения вызывала практика проведения госпоставок и сбора налогов. В 1952 г. заготовительные органы привлекли к суду за несвоевременную сдачу сельхозпродукции в счет госпоставок 2497 человек. Финансовые органы за тот же период отдали под суд 6328 недоимщиков, в 1011 крестьянских хозяйствах было конфисковано имущество. Встречаясь с произволом местных начальников, граждане не молчали: в 1952 г. в органы прокуратуры Эстонии было подано 14,5 тысячи жалоб. Содержание этих жалоб было довольно однотипным: налоги, госпоставки, злоупотребления местных представителей власти²¹.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Л. 270–272.

Положению дел в сельском хозяйстве Эстонии в материале Громова уделяется значительное место. Приведенные им данные впечатляют: животноводство в Эстонии — эта основная отрасль сельского хозяйства — в начале 1953 г. так и не достигла предвоенного уровня (на деле же речь идет о «досоветском» уровне 1940 г.). Успехи колхозного строительства в республике оказались столь же невыразительными, как в Литве или Латвии. Громов констатирует снижение жизненного уровня сельского населения — таков был результат аграрной политики. Для Эстонии это уже не только экономическая, но и политическая проблема — это источник недовольства населения и ресурс для национальной оппозиции.

О борьбе с национальной оппозицией Громов говорит в заключительной части своей записки — вполне логично по отношению к Эстонии, где национальное сопротивление, особенно в вооруженных формах, никогда не достигало литовских масштабов. Вместе с тем этот фактор не сделал последствия борьбы с оппозицией советскому режиму в Эстонии менее разрушительными, чем в соседних Латвии и Литве. По данным Громова, с 1944 г. по 1952 г. в Эстонии было арестовано органами госбезопасности 18 772 чел., органами милиции и прокуратуры — 26 284 чел. В противостоянии с режимом жертвы среди «лесных братьев» составили 1425 чел. За тот же период были высланы из Эстонии как «кулаки» и «пособники бандитов» почти 21 тыс. чел. Всего же в ходе борьбы с антисоветским подпольем в Эстонии было репрессировано 67 470 чел.²²

Проект решения ЦК КПСС по Эстонии, представленный Громовым на рассмотрение Хрущева, в своей постановляющей части очевидно ориентировался на уже принятое постановление по Литве. Вместе с тем в этом документе появился нюанс, учитывающий эстонскую специфику. Громов понимает, что в Эстонии необходимо налаживать диалог с интеллигенцией, духовными лидерами нации. Выражаясь современным языком, он говорит о лидерах мнений, без учета влияния которых политика советизации в Эстонии вряд ли будет успешной. Поэтому он вносит в проект постановления: «Улучшить идеологическую работу среди интеллигенции... Ликвидировать неправильную политику огульного недоверия к работникам, оставшимся на оккупированной немецкой территории»²³. Это уже серьезный шаг вперед в разработке комплекса мер, направленных на обеспечение лояльности истеблишмента Эстонии по отношению к факту ее инкорпорации в СССР.

²² Информационный материал Е. И. Громова... — РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 445. Л. 272.

²³ Проект постановления ЦК КПСС «О серьезных недостатках в работе ЦК КП и Совета Министров Эстонской ССР», 20 июня 1953 г. — Там же. Л. 275.

Сравнение инициативного документа Л. П. Берия о положении в Литве, давшего старт пересмотру политики в балтийском регионе, и последующих документов свидетельствует, что высшее руководство страны — по крайней мере, в лице отдельных его представителей — по мере погружения в проблему начинало видеть ситуацию в Прибалтике более комплексно и объемно. Соответственно с этим новым пониманием менялись подходы к решению существующих там проблем.

Предложения по урегулированию политической ситуации в Латвии и в Эстонии не были оформлены в виде решений ЦК КПСС: вмешались интересы актуальной борьбы за власть внутри кремлевского руководства. Однако курс на коренизацию начал реализовываться в этих республиках и без официальных адресных указаний Москвы²⁴. В июне 1953 г. не только в Литве, но и в Латвии и Эстонии прошли республиканские пленумы, на которых обсуждались планы по реализации решений, обозначенных в постановлении ЦК КПСС о положении в Литве.

Коренизация оказалась между тем довольно болезненным процессом и привела к известному обострению этноконфликтной ситуации в Прибалтике. Уже в июне в ЦК КПСС стали поступать тревожные сигналы, в том числе и из балтийских республик, от русских работников, лишившихся работы или ожидавших увольнения.

«Ознакомившись с существом постановления Президиума ЦК КПСС по вопросам Литвы и наблюдая практические дела, проводимые в осуществление этого постановления, считаю своим партийным долгом заявить, что в этом деле совершена серьезная политическая ошибка, — писал в ЦК КПСС начальник городского управления милиции Вильнюса В. Климов. — Почему в Советской Литве вдруг встала необходимость всех русских товарищей освободить от руководящей работы и заменять их литовцами?.. Не ясно ли, что практическое осуществление этого постановления... ведет к принципу «Литва для литовцев»? Как это назвать, как не возрождение местного национализма?.. Если не исправить сейчас эти ошибки, то действительно может быть поставлено под сомнение существование здесь советской власти, а начало можно ожидать с развала колхозов»²⁵.

Письма аналогичного содержания приходили и из Латвии. Вот одно из них (анонимное):

²⁴ Существуют, однако, данные, что такого рода указания поступали оперативным путем. Так, в середине июня Й. Кэбин получил из ЦК КПСС по телефону рекомендации начать замену русских работников эстонцами на руководящих постах (Tannberg T. Die Pläne Moskaus für Estland im Sommer 1953. S. 286).

²⁵ Письмо В. Климова в Президиум ЦК КПСС. 1 июля 1953 г. — РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 445. Л. 120.

«Товарищам Г. М. Маленкову, Л. П. Берия, Н. С. Хрущеву!
Дойдет ли это письмо до Вас?

Нам, коммунистам периферии, совершенно непонятна проводимая сейчас национальная политика Вами. Так, по указанию тов. Берия, в органах МВД Латвийской ССР сейчас идет сплошная замена не только руководящих, но и рядовых работников латышской национальности, и даже тех русских, которые владеют русским языком и всю жизнь прожили в Латвии, тоже заменяют. Причем это приняло форму кампании, желают решить этот вопрос в декаду, и поэтому, как здесь говорят, «идет поход за латышами и выгонка русских людей»²⁶.

Автор этого письма напоминает, что многие партийные работники и специалисты приехали в Прибалтику не по доброй воле, а в порядке партийного призыва и теперь недоумевают, почему их бросают на произвол судьбы, даже не позаботившись о дальнейшем трудоустройстве.

Увольнение русских работников в Литве и Латвии в условиях общего кризиса центральной власти, обусловленного сменой руководства в марте 1953 г., стало причиной оживления антирусских настроений. В Литве, например, ходили слухи, что вскоре по требованию США все русские будут выселены из республики, что домой вернуться депортированные и репрессированные, что после выезда русских настанет час расправы над местными коммунистами. Наконец, высказывались надежды на скорый роспуск колхозов и восстановление независимости Литвы «под защитой США»²⁷.

В ряде мест торговые работники отказывались обслуживать покупателей, если те обращались к ним на русском языке. В учреждениях собирали «компромат» на русских сотрудников. В Литве тогда ходил один анекдот на злободневную тему:

«Русского спрашивают:

— Где ты работаешь?

— Нигде.

— Нет, ты работаешь в ГПУ!

— ???

— Гуляешь по улицам».

Слухи о принудительной высылке русских, о роспуске колхозов отмечались и в Латвии. Во многих министерствах и ведомствах республики поспешно переводили делопроизводство на латышский язык. Так, министерства торговли, легкой и пищевой промышленности, сельского хозяйства и заготовок издали приказы, которые

²⁶ Письмо без подписи членам Президиума ЦК КПСС. Июль 1953 г. — РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 445. Л. 53.

²⁷ Докладная записка А. Спечкуса о положении в Литве. 6 августа 1953 г. — Там же. Л. 136–137.

предписывали проводить заседания коллегий только на латышском языке. В Гулбекском районе работникам райисполкома было запрещено говорить по телефону на русском языке. Говорить по-русски отказывались даже те, кто знал русский язык. Так, один из лекторов ЦК КП Латвии, приехав для чтения лекции в город Резекне, на собрании артели инвалидов начал выступать по-латышски (хотя аудитория была в основном русскоязычная) и только после трех раз голосования выступил на русском языке. Директор Вентспилского рыбокомбината запретил транслировать через радиоузел грампластинки на русском языке. Появлялись лозунги и листовки антирусского содержания. И такого рода примеров и в Латвии, и в Литве было множество²⁸.

Надо отметить, что в обстановке общей нервозности русскоязычное население не оставалось пассивным, возмущаясь проведением дискриминационной политики. Этот протест выражался чаще всего в словесной форме, хотя в словах часто присутствовал оскорбительный контекст. Например, бывший начальник одного из отделов МВД в Литве на совещании работников милиции заявил: «Эти пастухи, которые теперь взяли отдел в свои руки, не смогут руководить и обеспечить нормальное политическое руководство в районе»²⁹. Вообще, мнение о том, что «местные» скорее всего не справятся со своими новыми обязанностями, было довольно распространенным среди уволенных русскоязычных работников. Это не стоит рассматривать как свидетельство шовинистических настроений. Скорее можно говорить об уязвленном самолюбии, умноженном на реалии новой кадровой политики, когда качества работника определялись прежде всего его национальной принадлежностью, а не квалификацией.

До насильственных конфликтов между русскими и представителями коренных этносов дело, как правило, не доходило. До ЦК КПСС дошла информация только об одном инциденте, произошедшем 19 июля 1953 г. в Литве (Вильнюсе), когда группа военнослужащих литовцев избивала трех русских рабочих, сопровождая избивание выкриками «Бей их — это русские!»³⁰.

Освобожденные русские работники стали создавать проблемы и для руководства прибалтийских республик: их надо было трудоустроить. В надежде на то, что раз инициатива новой кадровой политики исходила от Москвы, то и решать вопрос с «лишними» русскими тоже придется центральным органам, первый секретарь Литвы А. Снечкус 27 июня 1953 г. обратился в ЦК КПСС с просьбой выде-

²⁸ Информация об итогах обсуждения в Латвии постановления июльского пленума ЦК КПСС. 15 августа 1953 г. — Там же. Л. 73.

²⁹ Информация о пленумах ЦК, горкомов и райкомов КП Литвы. 1 августа 1953 г. — Там же. Л. 179.

³⁰ Там же.

лить 500 тыс. рублей на оплату расходов по проезду к прежнему месту жительства работников обкомов, горкомов и райкомов партии, выезжающих за пределы Литвы «в связи с выдвижением на руководящую работу местных кадров», и 500 тыс. руб. — на оказание отъезжающим материальной помощи³¹.

У Москвы, однако, была другая точка зрения на этот счет. Управление делами ЦК КПСС сообщило Снечкусу, а заодно и всем другим республиканским руководителям, занятым решением кадрового вопроса в духе курса на коренизацию, что республиканские органы обязаны взять на себя все расходы по выезду высвобожденных работников к месту прежнего жительства, а также членов их семей³².

Массовое увольнение русских работников было приостановлено после ареста Берия и осуждения его взглядов по всем направлениям, в том числе и по национальному вопросу. Столь быстрая смена курса вызвала замешательство в регионах, особенно среди ответственных работников и интеллигенции. Так, в Литве радикально настроенная часть интеллигенции критиковала республиканское руководство за отступление от принципов майского постановления ЦК КПСС по Литве в деле защиты национальных интересов, поскольку постановления официально никто не отменял. Высказывались опасения, что все вернется на круги своя и представители коренных этносов будут вновь ущемлены в правах. Встречались также мнения, положительно оценивающие деятельность Берия, которому приписывалась роль «защитника национальных интересов»³³.

Среди коммунистов русской национальности, напротив, преобладали негативные оценки Берия, который воспринимался как виновник всех бед. Высказывались даже мнения, что решения пятого пленума ЦК компартии Литвы (май 1953 г.), взявшего курс на коренизацию, были приняты по указанию Берия, а не в соответствии с постановлением ЦК КПСС³⁴.

«Линия Берия» была действительно осуждена по все правилам партийного «протокола». Вместе с тем это не означало, что новый курс в национальной политике критике Берия собирались полностью предать забвению. Напротив, линия на коренизацию была продолжена, однако, в более сбалансированном варианте. Готовность к компромиссам одним из первых продемонстрировал А. Снечкус.

В докладной записке, адресованной Н. С. Хрущеву, он предложил более гибкий вариант языковой политики, основанной на принципе

³¹ Справка Е. Громова и Д. Крушина о просьбе А. Снечкуса. 27 июня 1953 г. — РГАНИ. Ф. 5. Оп. 15. Д. 445. Л. 118.

³² Там же.

³³ Докладная записка А. Снечкуса о положении в Литве. 6 августа 1953 г. — Там же. Л. 139.

³⁴ Там же.

двуязычия: делопроизводство в ЦК КП Литвы, Совете Министров республики и Вильнюсском горкоме партии должно было вестись на двух языках, на уровне райкомов и горкомов — на литовском (с переводом на русский для работников, не знающих языка), в районах с преобладанием нелитовского населения — на русском и польском (с переводом на литовский для жителей этих районов — литовцев)³⁵.

Помимо коренизации в республиках Прибалтики после 1953 г. и особенно после XX съезда партии происходили другие примечательные перемены. Эстония, а вслед за ней Латвия и Литва были первыми, кто открыл свои двери для иностранных туристов. Гражданам Прибалтики разрешили переписываться с родственниками за границей. Католические священники получили возможность общаться со своими коллегами за границей. Несмотря на ужесточение религиозной политики в России, для католической и протестантской церкви в Литве, Латвии и Эстонии были созданы более либеральные условия существования. На XX съезде партии — помимо общей линии на расширение прав союзных республик — были сделаны адресные «реверансы» в сторону Прибалтики. В докладе Хрущева прозвучали имена двух реабилитированных латышей — Эйхе и Рудзутака.

Подобные перемены не были случайными: они отражали определенную тенденцию в политике Кремля по отношению к Прибалтике. В течение 1953–1956 гг. происходит смена «модели» инкорпорации, советизации Литвы, Латвии и Эстонии. Сделать из прибалтийских республик «полноценную» часть СССР не получилось. Это было совершенно очевидно. Видимо, из осознания этого факта и родилась идея сделать из Прибалтики «другой СССР» — «витрину советской жизни», «советский Запад». Эта идея, вполне созвучная духу «оттепели», между тем имела известный ограничитель, не позволяющий «переходить границы». Первыми его испытали на себе латвийские руководители, когда посчитали, что им можно больше «положенного». Так возникло «латвийское дело» 1959 г. В остальном проект «советского Запада» оказался как будто бы более удачным, чем «классическая» модель советизации. Однако либеральный вариант советизации был обречен точно так же, как и «жесткий», сталинский. У советского проекта в Прибалтике не было будущего.

³⁵ Там же. Л. 141.

Заключение

Советизацию Прибалтики с полным правом можно назвать одним из самых амбициозных проектов Сталина. Этот проект основывался на идее восстановления империи, воплощение которой страным образом напоминало «великую стройку коммунизма». В результате территориальных приобретений 1939–1945 гг. Советский Союз действительно приблизился к границам Российской империи конца XIX в. Однако страны Балтии оказались неподходящей строительной площадкой для коммунистического эксперимента, даже несмотря на их во многом «особый статус» в составе СССР.

Судьба Прибалтики определялась не только имперскими амбициями Сталина, но и конкретной политической ситуацией предвоенных и первых послевоенных лет. В результате тайного сговора между СССР и Германией 1939 г. состоялся раздел Европы на сферы интересов, в результате которого Прибалтика попала в советскую «зону». Документы свидетельствуют, что концепция советизации стран Балтии, т. е. включения их в советскую зону влияния, в течение довольно короткого времени — от советско-германского пакта 23 августа 1939 г. до аннексии 15–17 июня 1940 г. — неоднократно менялась. Точнее, никакой «концепции» сначала вообще не существовало: была цель — превращение ряда восточноевропейских стран в подконтрольную Советскому Союзу территорию; в то же время представления о конкретных формах подключения этих стран к «советской зоне», механизмах взаимоотношений между субъектами «зоны» и способах достижения поставленной цели были до конца неясны.

Главным препятствием на пути реализации планов советского руководства стала позиция балтийских стран, которые вовсе не спешили стать «подведомственной» территорией, независимо от формы инкорпорации в советскую сферу интересов. Они заявили о своем нейтралитете. Однако события на европейском театре военных действий развивались так стремительно, что очень скоро оказались под вопросом и нейтралитет балтийских стран, и гарантии со стороны западных государств, основательно увязших в войне. Эту ситуацию использовал Сталин, начав осенью 1939 г. планомерное продвижение к поставленной цели. Для ее реализации с самого начала использовались различные механизмы — от дипломатического давления до военной угрозы, причем «военный фактор» использовался как постоянно действующий, заставлявший власти Латвии, Литвы и Эстонии быть более уступчивыми. Угроза войны и легко прогнозируемо-

го поражения балтийских стран превратилась в едва ли не самый весомый аргумент советской стороны.

Первым шагом в направлении инкорпорации балтийских стран в советскую «зону влияния» стало заключение в сентябре–октябре 1939 г. пактов о взаимопомощи между Советским Союзом и Эстонией, Латвией, Литвой. По выражению Сталина, в пактах была найдена форма, которая позволит СССР «включить в свою орбиту ряд стран». Эта форма подразумевала, что «подведомственные» страны сохраняют свой суверенитет и государственный порядок. Речь об установлении в Прибалтике советского режима первоначально не шла; Сталин считал: «придет время, и они сами это сделают». Подобная схема отношений была апробирована позднее, после войны, на странах «народной демократии».

Пакты о взаимопомощи обеспечили советское военное присутствие в Прибалтике и тем самым создали механизм военного давления, с помощью которого Советский Союз мог держать ситуацию в Литве, Латвии и Эстонии под своим контролем. Сталин разделил такие задачи, как вовлечение балтийских стран в зону советских интересов и советизацию, т. е. установление там политического режима советского образца. По крайней мере, в октябре 1939 г. у Кремля еще не было планов включения Прибалтики в состав СССР.

Реализация проекта инкорпорации стран Балтии в СССР началась в конце мая 1940 г. Документы свидетельствуют о том, что уже к 11 июня у Москвы был готов новый план действий в Прибалтике. Этот план в числе прочих мероприятий предусматривал смену правительств (по согласованию с Москвой) и установление советского контроля за разными сферами жизни балтийских стран через советских «наблюдателей», что фактически означало вмешательство в дела суверенного государства. Настал тот момент, когда Сталин поменял свою позицию относительно формы советизации балтийских стран. Не дожидаясь, пока «они сами это сделают», он решил «потопить» их с решением вопроса.

Сталин и сам торопился: с весны 1940 г. баланс сил на европейском театре войны начал определенно смещаться в сторону Германии, в этой ситуации договоры о взаимопомощи с балтийскими странами казались слишком ненадежной гарантией обеспечения военно-стратегических интересов СССР в Прибалтике, на границе с Восточной Пруссией. 15 июня 1940 г., в тот самый день, когда войска вермахта вошли в Париж, литовское правительство приняло советский ультиматум. Красная армия заняла Литву. Через два дня, 17 июня, аналогичные события произошли в Латвии и Эстонии.

В случае отказа удовлетворить советские условия армия была готова начать боевые действия в Прибалтике. Как это произошло в Финляндии. Однако совершенно очевидно, что «финляндского варианта», стоившего Советскому Союзу немалых потерь — не только

военных, но и политических, Сталин стремился избежать. Для этого и понадобилась дипломатическая игра, придавшая советскому вторжению в Прибалтику видимость «законности». Теперь предстояло сделать следующий шаг — облечь в «законные» формы смену власти в этих странах. Например, закамуфлировав государственный переворот под «народную революцию».

Инсценировка «народных революций» в странах Балтии проходила под присмотром и под руководством специально назначенных для этой цели уполномоченных — А. А. Жданова, А. Я. Вышинского и В. Г. Деканозова. Задача московских эмиссаров заключалась в том, чтобы придать государственному перевороту видимость легитимности через сценарий: выборы — просоветский парламент — провозглашение советской власти — присоединение к СССР. Однако конкретные механизмы воплощения этого сценария в жизнь приходилось изобретать буквально «на ходу», приспособлявая план «мирной социалистической революции» к реалиям балтийских стран, где даже коммунистическое движение было едва обозначено.

Советская власть в Прибалтике просуществовала всего год. Этот год был отмечен первыми мероприятиями по организации жизни балтийских народов на советский лад: национализацией, переходом на советскую валюту, реформой школы, перестройкой армии и т. д. В тот же год балтийские республики пережили и первые результаты подключения к советской хозяйственной системе: хлебный кризис и очереди в магазинах. Однако самый большой след в памяти латышей, литовцев и эстонцев первый «советский год» оставил день 14 июня 1941 г., когда была проведена акция по массовой депортации балтийского населения в «отдаленные районы» СССР. Первый опыт по советизации Прибалтики прервала война.

После войны в Литве, Латвии и Эстонии была восстановлена советская власть, однако сначала лишь формально, поскольку процесс советизации этого региона пришлось начинать фактически заново. События в Прибалтике послевоенного периода снова оказались вписанными в общеевропейский контекст.

В результате международных договоренностей 1945 г. Советский Союз приобрел собственную «зону влияния» в Европе. Однако, как и в 1939–1940 гг., советское руководство не имело первоначально четкого представления о механизмах влияния в «подведомственной» зоне. Республики Балтии сыграли роль буфера, т. е. территории, где отработывалась модель советизации, отличная от «классического» (довоенного) образца. Процессы советизации республик Балтии в составе СССР и стран Восточной Европы как суверенных государств развивались во многом по сходному сценарию, имели общую динамику и точки перелома. Это позволяет рассматривать отношения между Москвой и республиками Балтии не только как внутреннее дело СССР, но и как составляющую более общего процесса распро-

странения советского влияния в послевоенной Европе. На политике центральной власти в Прибалтике сказался и опыт 1940 г., неудачи которого заставляли Москву искать более гибкие подходы к управлению этим «неспокойным» регионом.

В первые годы после окончания войны, примерно до середины 1947 г., советская сторона исходила из концепции мирного перехода к социализму в странах Восточной Европы. Поэтому на том этапе, несмотря на наличие известных конфликтов, Кремль пытался строить отношения с лидерами этих государств на принципах диалога и компромисса. Поиски «дипломатичных», без откровенного диктата, форм проведения советского влияния в Восточной Европе отразились и на политике советизации Прибалтики после войны. В ее развитии можно выделить два этапа: 1) осень 1944 г. — середина 1947 г. и 2) осень 1947 г. — март 1953 г. На первом этапе центральная власть стремилась избегать наиболее жестких методов обеспечения своего влияния в регионе, используя репрессии главным образом в отношении вооруженной оппозиции. Советизация региона на втором этапе проводилась уже с откровенным акцентом на унификацию и силовые методы.

Ситуация в Латвии, Литве и Эстонии находилась под постоянным контролем Москвы: об этом свидетельствуют характер и содержание решений ЦК ВКП(б), касающихся региона. Центральные партийные органы контролировали различные стороны жизни балтийских республик: в данном случае они не были исключением из сложившейся в СССР практики отношений между Центром и регионами. Вместе с тем необходимо отметить, что значительная часть решений, утвержденных впоследствии ЦК ВКП(б), разрабатывалась в регионах и была результатом местной инициативы.

В 1940 г. к власти в Литве, Латвии и Эстонии пришла новая политическая элита. Представители национальной элиты «сталинской генерации» в прибалтийских республиках, как и в других национальных регионах СССР, находились в двойственном положении. Эта двойственность определялась конфликтом между требованиями Центра и ожиданиями местного населения: руководителям национальных республик приходилось постоянно балансировать между необходимостью четко следовать в фарватере Москвы, т. е. транслировать политику центральной власти в регионе, и стремлением сохранить при этом «свое лицо» и национальный интерес. Правила игры на этом поле задавались и менялись Москвой, как и границы для выражения «национального интереса». Лидеры старых советских республик хорошо знали эти правила. Руководителям Прибалтики, попавшим в состав советской политической элиты относительно поздно, пришлось нарабатывать свой собственный опыт общения с Кремлем, учиться отличать государственственную риторику от реальных намерений и лавировать в системе разрешений—запретов.

Коммунистические руководители балтийских республик находились в довольно сложной ситуации: презентуя себя как лидеров нации, они тем не менее не могли позволить себе быть вовсе независимыми от «русской» власти. И дело здесь было не только в политике московского руководства, которое рассматривало Прибалтику как часть СССР: без поддержки Москвы коммунистическая власть в регионе вообще не могла бы существовать. Создание социальной опоры коммунистического режима превращалось таким образом в одну из главных проблем республиканских властей. И в этом вопросе их интересы совпадали с интересами власти центральной. Традиционно его решение виделось как расширение влияния компартии в регионе прежде всего за счет ее численного роста.

Одной из самых серьезных проблем для проведения политики советизации в первые послевоенные годы стала вооруженная оппозиция советскому режиму. Обстановка в Прибалтике в 1944–1945 гг., особенно в Литве, часто напоминала ситуацию гражданской войны: пестрая картина вооруженных формирований — от антисоветски настроенных повстанцев до уголовников, их поддержка местным населением — добровольная и вынужденная, общая дестабилизация ситуации на местах из-за отсутствия какой бы то ни было власти вообще. О войне напоминала и жестокость противостояния, одинаково свойственная обеим сторонам. Против отрядов вооруженной оппозиции были развернуты настоящие боевые операции, этим занимались специально созданные структуры — отделы по борьбе с бандитизмом при республиканских управлениях НКВД. Вместе с тем и Москва, и республиканское руководство отдавали себе отчет в том, что решить данную проблему по принципу «террором — на террор» без решительного перелома в настроениях населения все равно не удастся. Устойчивое неприятие советской власти — не только активное, но и пассивное — становилось главным препятствием для распространения советского влияния в Прибалтике.

Самым уязвимым звеном в проведении политики советизации оказались местные органы власти. Управленческая вертикаль фактически не функционировала или работала очень плохо. Республиканское руководство часто имело довольно приблизительное представление о том, что творится в волостях, а тем более в уездах. Советская власть на уровне волости уже заканчивалась, да и там держалась во многом условно. Ситуация на местах изменилась только в начале 1947 г., когда в основном было завершено создание низовых органов власти — не номинально, а фактически. К этому же времени можно отнести окончательное формирование во всех балтийских республиках управленческой вертикали. Относительная стабилизация обстановки в регионе стала одной из причин ликвидации посреднических структур — Бюро ЦК ВКП(б) по Латвии, Литве и Эстонии.

Переходный период в развитии процесса советизации Балтии закончился. Он был отмечен не только напряженностью конфликтов и жесткостью противостояния, но и достаточным разнообразием форм и методов разрешения этих конфликтов. Для Москвы это был период поиска своей «балтийской политики», выработки стратегии управления регионом. Фактически главным результатом данного этапа стало формирование структуры и органов власти, т. е. построение опорного каркаса нового режима.

В течение 1947 г. постепенно стала меняться тактика советизации региона, которая в отличие от первого периода уже проводилась с откровенным акцентом на унификацию и силовые методы. Специфика этого этапа заключалась, например, в переходе к массовой коллективизации, а также усилении репрессий по отношению к различным категориям балтийского населения. Чистки коснулись и представителей региональных элит, результатом которых стал ряд отставок и новых назначений; в наибольшей степени этот процесс затронул Эстонию, которая должна была служить дисциплинирующим примером для остальных. Начались массовые депортации крестьян, попавших в категорию «кулаков», «пособников» и членов их семей. Так депортации становились одним из главных механизмов советизации региона.

Репрессии коснулись также части управленческого аппарата. Кампании чисток аппарата в Литве, Латвии и Эстонии прошли в целом два этапа: на первом этапе (1944–1945 гг.) объектами чисток были главным образом так называемые «чуждые» элементы — выходцы из правых партий, участники национальных вооруженных формирований, кулаки, лица буржуазного происхождения и т. д. Вторая волна репрессий (1948–1952 гг.) была уже более широкой и массовой, и коснулась она не только «чужих», но и «своих», т. е. коммунистов (в том числе на уровне республиканского руководства). Эта волна репрессий развивалась синхронно с аналогичными процессами в целом по стране, а также в странах Восточной Европы.

Процесс чисток в Прибалтике находился под контролем центральных органов — ЦК ВКП(б), МВД, МГБ; вместе с тем масштабы и выбор объектов чисток зависели не только от директив Центра, но и от местной инициативы, от позиции региональных лидеров. Часто чистки были результатом соперничества, борьбы за власть различных группировок в руководстве республиками. Особенно очевидно это продемонстрировало «эстонское дело» (1949–1952 гг.).

Таким образом, в конце 1940-х — начале 1950-х годов в политике советизации Прибалтики начинают преобладать силовые методы. Однако даже посредством усиления репрессий центральной власти не удалось полностью решить задачу, которую эти акции преследовали — сделать из Балтии лояльный регион по образу и подобию

других советских республик. Прибалтика была усмирённым, но не лояльным регионом СССР.

В марте 1953 г. в отношениях между Москвой и Прибалтикой обозначился новый рубеж, связанный с общей сменой приоритетов в национальной политике и системе управления. В годы «оттепели» произошло известное расширение республиканских полномочий и границ «культурной автономии». Вместе с тем эти же годы связаны с массовым притоком в республики Прибалтики рабочей силы из других регионов Советского Союза, ставшим одной из причин обострения социальных проблем в регионе и конфликтов между «своими» и «пришлыми». Период второй половины 1950-х годов, особенно после XX съезда партии, был отмечен целым рядом волнений и конфликтов на политической и этнической почве. Антисоветские настроения в открытой, а чаще скрытой форме стали неотъемлемой частью общественного сознания балтийских этносов. Процесс «встраивания» Прибалтики в советскую систему затянулся и в общем так и не был завершён до конца. Прибалтика продолжала оставаться для Москвы «проблемной зоной» — вплоть до распада СССР.

Указатель имен

- Аббельс Г. — 270, 273
Александр I — 16
Александр III — 16
Аллик Х. — 270–273, 304, 312, 314–316, 318
Ангаретис З. — 265
Андреев А. А. — 112, 123, 146, 167, 284
Андреева Н. С. — 17, 18
Андрезен Н. — 80, 81–84, 91, 304, 307, 308, 311, 312, 318
Анушкаускас А. (см. Anuškauskas A.)
Аполлонов А. Н. — 229, 237
- Бабкин А. Н. — 142, 205
Байрау Д. — 13
Балодис Я. — 33
Баранаускайте — 209
Бардишаускас — 201
Бенедиктов И. А. — 183, 185–187
Березов — 209
Берня Л. П. — 8, 79, 97, 131, 157, 159, 164, 167, 168, 180, 190, 225, 227, 228, 236, 237, 251, 256, 286, 287, 306, 320–327, 329, 333, 334, 336
Бирсонс А. — 205
Боникс — 121
Бордонайте М. — 148, 265, 280, 282
Борков Г. — 177
Бочкарев В. Б. — 103, 117, 140
Бранд А. И. — 306
Бурдс Дж. — 197, 207, 208
Бугай Н. Ф. — 8, 127, 180
Будрайтис Ю. — 191, 192
Булганин Н. А. — 167, 306
Бурылин 250
Бутаев — 69
Бутов Ф. М. — 142
Быстрова — 209
Вардис С. (см. Vardys V. S.)
Варес П. — 127
Варес-Барбарус Й. — 80–82, 103, 106, 274, 276, 277, 281
- Василевский А. М. — 306
Васильев — 60
Веймер А. Т. — 105, 106, 141, 142, 174, 183, 184, 189, 259, 270–273, 279, 283, 287, 288, 303–305, 307, 312–318
Венедиктов А. А. — 192
Ветров М. С. — 70
Ветров П. — 226
Вёрстер П. — 13
Вильямс Г. — 136
Витовт — 122
Витс А. — 268
Вихалем П. — 82
Волдемарас А. — 24–26, 33, 36
Волков С. В. — 8, 45
Волокитина Т. В. — 129
Ворошилов К. Е. — 20, 63, 65, 306
Вышинский А. Я. — 79, 80, 83, 90, 92, 97, 101, 102, 104, 108, 109, 306, 340
- Гарилайтис А. — 209
Галифакс Э. — 94, 95
Гарриман А. — 135
Геббельс Й. — 34
Гедвилас М. Н. — 83, 103, 106, 112, 113, 142, 151, 160, 161, 167, 184, 273, 274, 277, 286, 292
Гедиминас — 122
Гиббианский Л. Я. — 129
Гитлер А. — 30, 97, 98, 213
Голдманис Я. — 18
Головко В. Н. — 226
Голубев А. В. — 13
Горбачев М. С. — 90, 92, 104
Горлинский Н. Д. — 251
Горшенин К. П. — 176
Григораускас — 120
Гримович С. — 246–248
Громов Е. И. — 256, 305, 317, 318, 323, 327, 330–332, 336
Гуляницкий С. — 184
Гурин А. — 275

Гусак Г. — 131
Гусев — 227-229

Дайн С. — 112-114
Даниэль Ю. — 191
Дайн — 137
Деглавс Ф. — 270, 272
Дедов А. — 309, 310
Деканозов В. Г. — 71, 79, 80, 89, 90,
92, 102, 104, 108, 109, 340
Деревянский В. К. — 84, 92, 103, 111,
116, 117, 123-125, 140
Димитров Г. — 59
Диман Я. Я. — 150, 179, 174-176,
232, 233
Долинский В. — 24
Донгаров А. Г. — 8, 45

Егорова Н. И. — 129
Ежов Н. Н. — 97
Емельянов Ю. В. — 8, 45
Есаков В. Д. — 13

Жалакявичюс В. — 191, 192
Жданов А. А. — 79-82, 84-86,
88-92, 102, 104, 106-109, 122,
131, 139, 145, 157, 169, 176,
177, 246, 294-296, 301-303,
306, 340
Жемайтис Н. — 218, 219
Журьяри О. — 127

Задорнов Н. — 262
Зверев А. Г. — 183, 184, 292, 293
Зеленов С. Г. — 298, 299
Землячка Р. С. — 111
Зибайла Ю. — 218, 219
Зимон Г. (см. Simon G.)
Зозуля Ф. В. — 311
Зотов Н. С. — 48-51, 65, 71
Зубкова Е. Ю. — 197

Иван Грозный — 94
Игнатъев С. Д. — 182
Иден Э. — 132-134, 136
Илизаров Б. С. — 13
Илмьярв М. (см. Ilmjarv M.)
Иодалис — 253

Йозр А. — 82
Ирбе — 201

Каганович Л. М. — 291
Калинберзиньш (Калинберзин) Я. П. —
106, 112, 139, 142, 164, 174, 190,
204, 259, 261-267, 277, 282-284,
301
Каселюнас П. — 209
Каспаравичюс А. — 46
Каппелер А. — (см. Kappeleg A.)
Капра Ф. — 134
Кассукас В. — 265
Каротамм Н. Г. — 137-139, 141, 142,
169, 177, 183, 189, 250, 251, 259,
266-268, 272, 273, 279, 280, 301-
311, 313, 314, 316-318
Карнов Л. — 293
Карский М. А. — 28
Карьяхярм Т. — 17, 18
Кедров Г. Т. — 302, 303
Кельберг А. — 311, 314
Кен О. Н. — 19, 21-24, 28
Кенец К. Я. — 13
Кирхенштейн А. — 80, 103, 106, 261,
273, 274, 277
Клецкин Г. — 152
Климов В. — 333
Кобулов Б. З. — 229, 237
Ковалев Ф. Г. — 142
Козлов А. П. — 183-187
Кондаков П. П. — 322
Коннэли 137
Коротких И. М. — 48, 96
Косов В. — 307-310, 312
Костов Т. — 131
Костырченко Г. В. — 13
Косыгин А. Н. — 112-114, 123
Коциньш Ф. — 79
Красовицкая Т. Ю. — 13
Креве-Мицкевичус В. — 24, 78, 94
Кресс А. — 291
Круглов С. Н. — 164, 181, 189, 250-
253
Крупин Д. — 336
Круус Х. — 81, 82, 138, 274, 276,
277, 281, 304, 311-313, 318
Кудрявичюс А. — 208

- Кузик В. — 268
 Кузнецов А. А. — 131, 246, 301–303, 306
 Кузнецов П. Г. — 288
 Кузьмин Д. — 311
 Кусас — 201
 Кумм Б. — 270, 304, 311
 Куприянов А. И. — 14
 Кэбин Й. — 260, 279, 280, 283, 284, 304, 307, 308, 311, 317, 318

 Лаар М. (см. Laar M.)
 Лайдонер Й. — 33
 Лауретин И. — 82, 103, 106, 112, 259
 Лацис В. Т. — 83, 103, 106, 112, 142, 164, 257, 259, 273–275, 277, 281
 Лебедев И. К. — 172, 173
 Лебедева Н. С. — 51, 77, 78
 Левитс Э. (см. Levits E.)
 Ленни В. И. — 270, 271, 275, 299
 Леонас П. — 95
 Леонтьев. А. М. — 226, 229
 Лукин С. Г. — 105
 Лукша (см. Daumantas–Lukša)

 Майский И. М. — 94–96
 Макаркин А. — 24
 Макарова Л. С. — 14
 Максименков Л. — 321
 Милейка И. — 209
 Маленков Г. М. — 131, 138–141, 145–147, 160, 161, 179, 183, 186, 239, 241, 272, 273, 294, 306–309, 313, 314, 316, 317, 334
 Мануильский Д. З. — 262
 Марк К. — 34, 271
 Маркулис Ю. — 217
 Маргузас В. — 209
 Мархлевский Ю. — 261
 Марченко — 67
 Масленников 60
 Мейснер Б. (см. Meissner B.)
 Мельтюхов М. И. — 8, 45, 46, 51, 56, 68, 71
 Меркис А. — 73, 100
 Меркулов В. И. — 126
 Мертельсманн О. (см. Mertelsmann O.)

 Мехлис М. З. — 76
 Микоян А. И. — 118, 123
 Мисунас Р. (см. Misiunas R.)
 Михельсон М. И. — 80
 Мицкис М. — 120
 Мишутин А. — 204
 Молотов В. М. — 44, 46, 48, 49, 51–54, 56–58, 61–63, 67–70, 72, 73, 75, 78–80, 83, 89, 92–94, 107–110, 112, 137, 139, 164, 189, 287, 288
 Москаленко В. — 312
 Мунгерс В. — 48, 49, 54, 55, 94
 Мустейкис К. — 100
 Мюле Э. (см. Mühle E.)
 Мюрисепп А. — 279, 283, 284
 Мягков М. Ю. — 135

 Наринский М. М. — 59, 134
 Наткевичюс Л. — 56, 57, 67, 69, 70
 Невежин В. А. — 13
 Нежинский Л. И. — 13
 Никитин К. М. — 48–50, 61, 62, 66, 67, 81, 84
 Никонов А. А. — 300
 Никонов И. А. — 290
 Новик А. А. — 277
 Новомесский Л. — 131
 Носов П. — 289, 290
 Носов (красноармеец) — 67
 Нууг — 81
 Нюнка В. — 161, 296, 297

 Оберлэндер Э. (см. Oberländer E.)
 Окк — 117
 Орлов А. С. — 8, 45

 Павлов А. — 112, 113
 Палецкис Ю. — 80, 103, 106, 151, 161, 273, 274, 277, 293–297
 Панов А. Д. — 289, 290
 Парфенов А. — 185
 Патолчнев Н. С. — 246
 Перов Г. В. — 141–143, 157, 174
 Песикова Е. — 160
 Пескова Г. Н. — 8, 45
 Петр I 15, 54, 94
 Петров Н. В. — 286
 Пнетров–Эннкер Б. — 13

- Пийш А. — 62, 87
 Писарев — 69
 Плаггенборг Ш. — 13
 Плехавичюс П. — 215
 Плюдон Т. — 190
 Повилайтис А. — 73 - 75
 Поздсева Л. В. — 134
 Поздняков Н. Г. — 48, 61, 62, 64, 66—
 71, 89, 103, 116, 119-122, 140
 Поляков — 216, 220, 252
 Помазнев М. — 292
 Пономаренко П. К. — 169, 305, 309,
 311, 313, 317, 318
 Попов Г. М. — 301
 Попов И. — 160
 Пормальс Я. — 219
 Поспелов П. Н. — 324
 Прокофьев В. — 179
 Пруке — 168
 Пяль Э. — 308, 311
 Пятс К. — 22, 24, 26, 27-29, 31-33,
 37, 39, 42, 43, 50, 85, 270
- Радеки М. — 35
 Райк Л. — 131, 306
 Раманаускас А. — 218, 219
 Раштикус С. — 74
 Редлих Э. — 222
 Резев А. — 251
 Ремейкис Т. (см. Remeikis T.)
 Рентельн А. — 214
 Ржешевский О. А. — 132
 Риббентроп И. — 44, 46, 48, 58, 59
 Рикардо Д. — 270
 Робинзон Крузо 298
 Рудженис С. — 201
 Рудзутак Я. Э. — 337
 Рузвельт Ф. — 131, 133 - 136
 Рупасов А. И. — 19, 21-24, 28
 Руус Н. — 84
 Рязанов В. Ф. — 142, 143, 162, 173,
 174, 202, 204, 272, 277, 298, 302
 Рясной В. С. — 251
- Саватекас — 209
 Сазыкин Н. С. — 141, 142
 Саусельг А. — 269
 Сацкунис — 209
- Сельтер К. — 52, 53
 Семенов В. С. — 64, 72, 79, 80, 90,
 92, 104
 Семиряга М. И. — 8, 45, 46, 98, 99, 107
 Семпер Й. — 81, 82, 304, 311
 Серов И. А. — 286, 287
 Скучас К. — 73-75
 Славский Р. — 131
 Сметона А. — 24-29, 31-33, 37-39,
 42, 43, 73, 100, 123, 294
 Смит А. — 34, 270
 Снечкус А. Ю. — 106, 112, 122, 139,
 142, 144, 149, 159, 163, 182, 186-188,
 259, 260, 264-266, 280, 282-284,
 286, 287, 294-297, 301, 334-336
 Спрингович — 201
 Сталин И. В. — 8, 24, 30, 43, 46, 49,
 52-61, 76, 77, 80, 83, 89, 92, 94,
 97, 98, 101, 109, 112, 129, 131-
 136, 141, 145, 159, 167, 180, 181,
 183, 186, 246, 255, 259, 260, 276,
 286, 297, 299, 309, 310, 312-314,
 320, 329, 338, 339
 Стишова Е. — 191
 Стокай И. — 121
 Стродс Х. (см. Strods H.)
 Судоплатов П. — 26, 27
 Суппе П. — 219, 220
 Суелов М. А. — 142, 143, 145, 149,
 177, 188, 236, 241, 290, 296, 297,
 301, 313, 324
 Сярэ К. — 106, 259, 260, 264, 266,
 271, 272, 303
- Таагапсра Р. (см. Taagarpera R.)
 Таммисту К. И. — 303
 Таннберг Т. (см. Tannberg T.)
 Тарле Е. В. — 276
 Тийф О. — 221
 Тимошенко С. К. — 73
 Ткаченко И. М. — 142, 229
 Ткаченко С. Н. — 254
 Тольц В. С. — 14
 Тринклер И. — 270
 Трофимов А. — 161, 186
 Троцкий Л. Д. — 271
 Тыниссон Э. — 127
 Уженцев В. — 273, 315

- Улманис К. — 24, 27–29, 31–33, 35, 37, 39, 41–43, 61
 Улуотс Ю. — 221
 Унт М. — 82–84
 Упит А. — 275
 Урбшис Ю. — 57, 61, 69, 73–76
- Феест Д. (см. Feest D.)
 Фелдманис И. (см. Feldmanis I.)
 Фельдберге А. — 219, 220
 Фишпер Р. — 315
- Хавинсон Я. С. — 72
 Халявин — 200, 201
 Хильдермайер М. — 13
 Хрулев А. В. — 288
 Хрушев Н. С. — 80, 92, 97, 104, 256, 283, 306, 320, 323, 324, 327–330, 334, 336
- Цехлин Э. — 78
- Чадасв Я. Е. — 111
 Чернов В. Е. — 212–215
 Черчилль У. — 96, 131, 136
 Чичаев И. А. — 60, 96
 Чичерин Г. В. — 23
 Чубарьян А. О. — 8, 45, 129
 Чюрлёнис М. К. — 4
- Шалда В. — 18
 Шаталин Н. Н. — 141–143, 324
 Швермова М. — 131
 Шварцман — 206
 Шекнова — 209
 Шилин — 157
 Шкирятов М. Ф. — 305, 313, 317, 318
 Шляхтунов А. Г. — 212–215
 Шмавгонец — 67, 69
 Штротмас А. — 8, 95, 106, 126, 196, 214, 215, 219, 274, 275
 Шуйский Г. Т. — 324
 Шуников Д. — 107, 186, 187
 Шутов — 74
- Щеблыкин 315
 Щербаков В. В. — 142, 147, 151, 152, 240, 241
- Эглайс О. — 97
 Эдельман О. — 13
 Эйсмонт — 249
 Эйхе Р. И. — 337
 Энгельс Ф. — 271
 Энпалу К. — 34
- Юргенс Я. Я. — 162, 270, 273, 298–300
 Юркевич И. — 209
 Юхневич А. — 202, 219
- Яблонский А. — 107
 Ягода Г. — 97
 Ягодкин И. — 307–310
 Якобсон А. — 311
 Янаскене М. — 209
 Янкаве Б. — 220
 Янус А. — 311
 Яременко В. — 201, 219, 226
- Anderson E. — 21
 Anušauskas A. — 8, 193, 194, 198, 226, 244, 245
- Bollow U. — 136
 Brüggemann K. — 24
- Clemens W. — 7
 Gaškaite-Zemaitiene N. — 193, 195, 199, 202, 206, 216, 217, 223, 241, 244, 246, 255
 Graw A. — 7
 Crowe D. — 8, 45
- Dallin A. — 8, 45
 Daumantas J. (Lukša) — 193, 218, 219
- Feest D. — 9, 152, 263, 290, 291
 Feis H. — 134
 Feldmanis I. — 21, 29, 35, 38–40
 Fitzmaurice J. — 7
- Hellmann M. — 8
 Hiden J. — 7, 21, 45
- Ilmjärvi M. — 24, 26, 27, 30
- Kačlas A. — 279, 280

- Kappeler A. — 7, 16, 17
 Kivimäe S. — 276
 Kivimäe J. — 276
 Kivirähk A. — 24
 Kirby D. — 7
 Kott M. — 180, 181
 Kūng A. A. — 8

 Laar M. — 193, 194, 198, 202–223
 Lane T. — 8, 45
 Lemberg E. — 6, 30
 Levits E. — 9, 258–260, 278
 Lieven A. — 7
 Loit A. — 21
 Lopata R. — 25, 29, 31–33, 36, 38, 39

 Mawdsley E. — 258
 Meissner B. — 7, 86, 87, 94
 Mertelsmann O. — 9, 45, 118, 119, 156, 157, 288, 324
 Misiunas R. J. — 8, 45, 148, 178, 180, 193, 196–198, 201, 206, 214, 217
 Mühle E. — 9

 Nollendorfs V. — 9

 Oberländer E. — 9, 26, 28–32, 35, 40

 Paleskis J. — 9
 Pajur A. — 32, 34, 39, 42
 Parming T. — 9
 Pelkaus E. — 10, 45
 Plath U. — 24

 Rauch G. v. — 7, 28
 Remeikis T. — 194
 Rosenbusch M. — 10, 45

 Schmidt A. — 7
 Silde A. — 8, 258, 260, 278
 Simon G. — 6, 259, 260
 Strods H. — 180, 181, 194, 198, 219, 220, 223, 244, 255
 Stromas A. (см. Штромаc A.)
 Swain G. — 140
 Sundhausen H. — 30

 Taagapera R. — 8, 9, 45, 148, 178, 180, 193, 196–198, 201, 206, 214, 217
 Tannberg T. — 14, 324, 333

 Vardys V. — 8, 9, 45, 194, 206, 223
 Vizulis I. — 8, 45
 Voobus A. — 9

 White S. — 258

Содержание

Введение	3
Глава 1. Подданные и партнеры: краткий исторический экскурс	15
1.1. Прибалтика и Империя	15
1.2. Москва и страны Балтии: опыт общения в годы независимости....	18
1.3. «Президентские диктатуры» с точки зрения советизации: «за» и «против»	28
Глава 2. «Долгий» 1940 год: технология поглощения	44
2.1. «Мы нашли форму...»: конфликты и договоренности 1939 года....	44
2.2. Вторжение: от пактов до ультиматумов.....	64
2.3. Имитация «народных революций» под присмотром советских эмиссаров	78
2.4. «Восстановление границ» или «оккупация»: о характере действий Советского Союза в Прибалтике в 1940 году.....	93
2.5. Советская власть в Прибалтике: опыт первого года	101
Глава 3. Повторная советизация: люди, структуры, механизмы (1944–1953 гг.)	128
3.1. Советская «зона влияния» и Прибалтика	128
3.2. «Наблюдатели» от Москвы: создание Бюро ЦК ВКП(б) по Латвии, Литве и Эстонии	139
3.3. Кадровая политика как механизм советизации.....	145
3.4. «Свои» и «чужие»: национальный вопрос в политических решениях и повседневных практиках.....	153
3.5. Коллективизация: «балтийский вариант»	165
Глава 4. Война после войны: вооруженное сопротивление на территории Прибалтики	191
4.1. «Лесные братья»: кто они? Мотивы, состав, организация	191
4.2. Противостояние: этапы, тактика, жертвы	222
Глава 5. Политическая элита Прибалтики: между коллорабонационизмом и национал-коммунизмом	257
5.1. Национальная элита Прибалтики «сталинской генерации»: эскизы к социально-политическому портрету	257
5.2. «Хозяева» или «управляющие»: конфликты в структурах власти....	285
5.3. Феномен «местного национализма»: «эстонское дело» 1949–1952 годов	300
Глава 6. 1953 год: «новый курс» Кремля и Прибалтика	320
Заключение	338
Указатель имен	345

ПРИБАЛТИКА И КРЕМЛЬ

Елена Зубкова —

доктор исторических наук, сотрудник Института российской истории РАН, преподает в Российском государственном гуманитарном университете, работала в качестве приглашенного профессора в университетах Констанца и Тюбингена (Германия).

Сфера научных интересов — история России периода «позднего сталинизма» и хрущевской «оттепели». Автор книг «Общество и реформы. 1945—1964» (1993), «Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945—1953» (2000), документальных публикаций «Лазарь Каганович. Памятные записки» (1998), «Советская жизнь. 1945—1953» (2003), мультимедийного информационно-образовательного комплекса «XX съезд» (2003), серии передач Радио Свобода «Документы прошлого» (1998—2005).

ИСТОРИЯ
СТАЛИНИЗМА

РОССЕДН

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО
ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК
И КУЛЬТУРЫ